

**Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная
аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и
Мефодия»**

На правах рукописи

Неклюдов Константин Викторович

**ГАЛИЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОПОВЕДИ ИИСУСА ХРИСТА:
ПРОБЛЕМЫ, СФОРМУЛИРОВАННЫЕ БИБЛЕИСТИКОЙ XIX–XX ВВ., И
ИХ РЕШЕНИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ**

26.00.01 — «Теология»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата теологии

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,

М. Г. Селезнёв

Москва, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ЭТАПЫ ИСТОРИИ ГАЛИЛЕИ, СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РАННЕРИМСКИЙ ПЕРИОД ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ.....	12
1.1. Основные этапы истории Галилеи согласно письменным источникам	12
1.2. Свидетельства о религии, социально-политической и социально-экономической ситуации в Галилее I в.	25
1.3. Заключение к 1-й главе.....	42
2. ПРОБЛЕМА ГАЛИЛЕИ КАК РЕЛИГИОЗНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ПРОПОВЕДИ ИИСУСА В БИБЛЕИСТИКЕ XIX–XX ВВ.	44
2. 1 Вопрос о галилейском контексте проповеди Иисуса в библеистике XIX–XX вв. (до «третьего поиска исторического Иисуса»).....	44
2. 2. Вопрос о галилейском контексте в «третьем поиске исторического Иисуса»	59
2. 3. Археологические исследования 80–90-х гг. XX–начала XXI вв. и дискуссия о галилейском контексте проповеди Иисуса.....	78
2.4. Заключение ко 2-й главе.....	106
3. АРХЕОЛОГИЯ ГАЛИЛЕИ И СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОПОВЕДИ ИИСУСА	109
3. 1. Проблема галилейского иудаизма и этно-религиозной идентичности галилеян раннеримского времени в свете археологии	109
3. 2. Социально-экономическая ситуация в Галилее I в. в свете археологических данных	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	205
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	207
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о ближайшем историческом контексте, знание которого необходимо для интерпретации евангельской истории, воспринимался в качестве одного из важнейших уже с самого начала формирования европейской новозаветной библеистики как историко-филологической науки. Реконструкции земного служения Иисуса Христа и попытки понять Его проповедь в историко-культурном контексте Палестины I в. в целом характерны уже для европейской новозаветной науки XIX в. (как либерально-протестантской, так и консервативной), и не рассматривались в ней как противоречащие богословскому учению о Воплощении.

Галилея как место проповеди Иисуса привлекала внимание исследователей во многом потому, что значительное, если не основное время Его проповеди, независимо от принятия той или иной исторической реконструкции Его земного служения, приходилось именно на Галилею. Как Галилеянин Иисус воспринимался многими Его иудейскими слушателями, в том числе и противниками (Мф 26:69; ср. Лк 23:6). Еще более важным знание галилейского мира раннеримского времени представлялось для историков по той причине, что именно здесь в этот период проходили ключевые для дальнейшей истории первоначального христианства и раввинистического иудаизма процессы.

Знание некоторых деталей этого контекста, а именно распространенных в регионе религиозных идей и практик, о которых можно судить по сообщениям источников, позволяло, в частности, сравнивать идеи, отраженные в самых ранних, вошедших в евангельские повествования преданиях, с религиозными традициями античного иудаизма и эллинистических религий, иногда усматривая между ними аналогии и взаимные влияния.

Новые возможности для работы в этом направлении появились благодаря развитию в XX в. библейской археологии и, особенно, широкомасштабных работ в Галилее начиная с 80-х гг. XX в. В новозаветной науке постепенно приходит понимание важности того, что галилейский мир I в. по Р.Х. (со всеми его культурными и религиозными особенностями, определенными историей региона, и сложившимися социальными отношениями), в котором происходила проповедь Иисуса и возникли первые предания о ней, не только доступен исследователю в текстах, но и реконструируется на основании остатков материальной культуры. Не в последнюю очередь авторитет аргумента от галилейской археологии усиливается еще и потому, что с развитием современной методологии анализа библейского текста все большее

распространение получает убеждение, что библейские тексты, как произведения конкретных авторов, возникшие в известное время и в определенном месте, всегда избирательны, никогда не дают полную информацию о галилейском мире эллинистическо-римского времени, а археология позволяет преодолеть эту ограниченность.

Современное состояние вопроса. Научное исследование истории и материальной культуры Галилеи происходит уже довольно длительное время. Работы по этой тематике во многом были определены интересом библеистов и историков к интерпретации проповеди Иисуса Христа в иудейском контексте раннеримского времени. За время исследований был накоплен огромный сравнительный материал, в ходе дискуссий возникли целые научные направления («школа истории религий», «третий поиск исторического Иисуса» и др.) с собственными акцентами на тех или иных аспектах иудейского и, в частности, галилейского контекста евангельских событий.

Изучение истории региона долгое время опиралось в основном на анализ библейских и других античных текстов. В последние десятилетия в связи с развитием социологического подхода в библеистике историки уделяли большое внимание социально-экономической ситуации в Палестине времени Иисуса Христа. Кроме того, как было отмечено выше, дискуссия о галилейском контексте получила новые импульсы благодаря введению в научный оборот археологических данных, что в ряде случаев побудило исследователей отказаться от мнений, которые прежде рассматривались как консенсусные.

В рамках этой дискуссии можно выделить несколько основных направлений: (1) реконструкция культурно-религиозного контекста (степень эллинизации Галилеи I в.; этническая принадлежность галилеян и особенности их религии в I в.); (2) реконструкция социально-политической ситуации (степень и последствия урбанизации Галилеи в I в.; отношение городов и деревень; состояние экономики; вопрос о «средиземноморском типе крестьянина»); (3) методологические дискуссии о легитимности, роли и пределах использования для ответа на эти вопросы социологических моделей, принятых в изучении других античных обществ.

Актуальность и новизна. С 80-х гг. XX в. дискуссия о контексте претерпела радикальные изменения из-за стремительного развития галилейской археологии. За относительно небольшой период времени многие вопросы, которые, как считалось, не могут получить окончательного ответа из-за невозможности однозначно интерпретировать свидетельства письменных источников, получили удовлетворительное разрешение. В тоже время процесс накопления археологических данных, имеющих значение для понимания галилейского контекста проповеди Иисуса, продолжается. Каждый год появляется большое

количество публикаций, при этом многие факты обнародованы лишь в предварительных отчетах и еще ожидают детального описания и исследования. Столь стремительное развитие научной дискуссии до сих пор не получило историографического осмысления. Любое современное исследование галилейского контекста евангельских событий (прежде всего следует упомянуть монографии — Р. Хорсли (1996), Дж. Рида (2000), М. Ченси (2002), Ш. Фрейна (2004), М. Йенсена (2006), Б. В. Рута (2014)), как правило, строится на сравнении археологических данных со сведениями письменных источников, однако ход дискуссии не выступает для библеистов отдельной научной проблемой, требующей беспристрастного рассмотрения с привлечением всего доступного материала. Настоящее диссертационное исследование — первая и пока единственная работа такого рода. Она охватывает все современные направления научных дискуссий по вопросу о галилейском контексте евангельских событий. Эти направления, с одной стороны, проанализированы с учетом всего опубликованного на 2014 г. археологического материала, то есть диссертант имеет возможность оценить полноту отбора материала в каждом конкретном исследовании, и принципы этого отбора; с другой стороны, они рассмотрены в перспективе всех этапов дискуссии прежнего, доархеологического периода. Сами по себе эти этапы хорошо описаны, но в рамках историографического подхода они еще не становились предметом комплексного рассмотрения с учетом археологических данных.

В отечественной науке данная диссертация — первое исследование, посвященное вопросу о галилейском историческом контексте проповеди Иисуса Христа, и пока единственная работа, учитывающая самые последние данные археологии этого региона.

Цель исследования: проанализировать развитие дискуссий о галилейском контексте провозвестия Иисуса Христа с сер. XIX в. по настоящее время и критически оценить роль современной археологии Галилеи в решении вопросов, поставленных в ходе данных дискуссий.

Задачи работы определяются сформулированной целью. В нашем случае необходимо:

1) описать источниковую базу исследований галилейского контекста, относящихся к «доархеологическому» этапу библеистики. Данная задача подразумевает систематизацию свидетельств письменных источников о религиозной идентичности жителей Галилеи и о социально-экономической ситуации в этой области в I в.;

2) выделить и охарактеризовать основные направления развития дискуссий о галилейском контексте с нач. XIX в. по настоящее время, выявить культурно-исторические предпосылки их возникновения, показать их связь с другими направлениями в новозаветной науке, проанализировать их методологию; выделить основные проблемы, разработанные в ходе научных дискуссий о галилейском контексте служения Иисуса;

3) выявить и проанализировать изменения в дискуссиях 80-х гг. XX в. – нач. XXI в. о галилейском контексте служения Иисуса, вызванные введением в научный оборот нового типа источников — материалов археологических раскопок.

Объектом исследования являются предложенные в библеистике XIX – XX вв. интерпретации свидетельств античных письменных источников и опубликованные результаты археологических исследований Галилеи раннеримского времени.

Предметом исследования является формирование и развитие, с нач. XIX в. по настоящее время, научных представлений о социальной и этно-культурной ситуации в Галилее раннеримского времени.

Весь объем свидетельств источников и сложившиеся в XIX–XX вв. варианты их интерпретации составляет **источниковую базу** диссертации. Она включает: (1) библейские тексты Ветхого и Нового Завета в современных критических изданиях; (2) источники, содержащие сведения по истории Галилеи: фрагменты ассирийских анналов Тиглатпаласара III, папирусы Зенона, но прежде всего работы Иосифа Флавия, дающего ценные сведения об иродианском периоде истории Галилеи; (3) работы других античных авторов, Страбона, Тацита, писавших об истории региона греко-римского периода; (4) раввинистические источники, сообщающие об особенностях религиозности галилеян; (5) работы исследователей XIX–XX вв.: Э. Ренана, Г. Смита, Г. Бертрама, В. Бауэра, В. Грундмана, А. Альта и других авторов, обращение к которым необходимо для анализа вопроса на «доархеологическом» этапе дискуссий о Галилее; (6) работы современных библеистов, в которых археологический материал используется для реконструкции галилейского контекста проповеди Иисуса Христа (Р. Хорсли, Ш. Фрейн, Дж. Рид, М. Ченси, М. Йенсен); (7) современные археологические отчеты. В работе проанализированы прежде всего археологические отчеты, статьи и монографии о раскопках отдельных мест и памятников (до настоящего момента в большинстве случаев предварительные), таких как Сепфорис, Тивериада, Магдала, и небольших поселений — Капернаума, Йодфата, Хирбет-Каны, Гамлы и некоторых других. Кроме собственно галилейских объектов рассмотрены данные раскопок античных городов и поселений соседних территорий — в Десятиградии (Скифополь, Гадара, Гиппос), на побережье Средиземного моря (Кесария Приморская).

Теоретико-методологическая основа. При работе с письменными источниками использован ряд историко-филологических методов, применяемых в исследовании античной литературы: историко-критический анализ; метод текстологического исследования; культурологический, направленный на выявление социокультурных основ материальных процессов, в частности их этнических и религиозных предпосылок.

При работе с опубликованными археологическими материалами, использованы следующие методы историографического анализа: историко-генетический метод (исследование концепций современных археологов Галилеи в их развитии и взаимовлиянии, а также анализ концепций современных библеистов в перспективе влияния на них результатов археологических исследований); сравнительно-исторический (сравнение концепций, сформулированных на различных этапах формирования археологии Галилеи); типологический метод (выявление и анализ консенсусных представлений в современной археологии и изучение динамики их развития); метод логической реконструкции научной концепции. Эти же методы применяются и при анализе историографии изучения галилейского контекста XIX–1-й половины XX вв. Кроме того применительно к опубликованным археологическим материалам используется культурологический метод.

Структура. Работа состоит из трех основных глав, введения, заключения, библиографического и иллюстративного приложений. Каждая из глав соответствует одной из задач исследования. В 1-й главе рассматриваются свидетельства письменных памятников как источниковая база исследований галилейского контекста в рамках традиционной библеистики. Основное внимание уделено тем сведениям, на которых основана проанализированная во 2-й главе аргументация исследователей. Это данные об этнической истории населения Галилеи, этно-религиозных особенностях галилеян раннеримского времени и о социально-экономических отношениях в Галилее этого периода.

Во 2-й главе предлагается критический анализ дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса, начиная с «доархеологического» ее периода и до работ последнего десятилетия, выделяются основные этапы и направления, систематизируется аргументация представителей альтернативных позиций.

В 3-й главе дается критическая оценка аргументов, фигурировавших в этой дискуссии на основании публикаций археологических материалов самого последнего времени, и ответы на поставленные в библеистике вопросы в свете данных археологии.

К тексту прилагается собрание иллюстраций к основным разделам работы, библиография составляет около 1000 наименований.

Выводы диссертационного исследования, выносимые на публичную защиту, можно резюмировать в ряде тезисов.

Археологические данные позволили дать однозначную оценку большинству гипотез относительно этно-религиозной, экономической и социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса, выдвинутых в европейской библеистике с середины XIX до 80-х гг. XX вв. Эти гипотезы были основаны на данных письменных памятников, позволявших сделать

альтернативные интерпретации, и общих соображениях, и до введения в научный оборот археологического материала были практически нефальсифицируемыми.

(1) Именно археологические данные позволяют утверждать, что (а) вопреки гипотезе Бауэра, Бертрама и Грундмана население Галилеи раннеримского времени не было смешанным ни в этническом, ни в религиозном отношении (хотя в больших городах очевидно присутствие нееврейских социальных групп); (б) вопреки гипотезе Альта-Хорсли галилеяне раннеримского времени не были потомками жителей северного Израильского царства, уничтоженного ассирийцами во время походов 732 и 722 гг. до Р.Х.; (в) вопреки итурейской гипотезе галилеяне раннеримского времени в большинстве своем не были потомками итуреев, обращенных в иудаизм Хасмонеями; (г) вопреки кинической гипотезе идейным контекстом проповеди Иисуса не могли быть эллинистические традиции простонародного кинизма, так как формы, которые приняла эллинизация в Галилее, не допускала идеологического, в том числе религиозного, влияния; (д) вопреки гипотезам Фрейна, Хорсли, Кроссана, Оукмана и др. Галилея не представляла собой области социального конфликта между городским и эксплуатируемым деревенским населением, обусловленного экономическим кризисом.

(2) Именно археологические данные позволили выдвинуть и обосновать гипотезы, что (а) население Галилеи времени Иисуса в подавляющем большинстве восходило к иудейским колонистам хасмонейского и иродианского периодов, что (б) религиозные практики этого населения в целом соответствовали религиозным практикам, сложившимся в Иудее; (в) о том, что эллинизация широко затронула материальную культуру Галилеи как в городах, так и в деревнях, не вытесняя при этом традиционные религиозные практики (хотя во многих поселениях прослеживается тенденция к отказу от ряда предметов, ассоциировавшихся греко-римским влиянием); (г) о том, что строительные проекты тетрарха Антипы способствовали экономическому подъему в Галилее времени Иисуса; (д) о наличии социальной дифференциации в больших галилейских деревнях.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в результате проведенного исследования дается структурированный анализ историографии дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса с ее критической оценкой в свете данных современной археологии Галилеи. Это позволило обосновать (или вывести из круга обсуждаемых) ряд гипотез о религиозно-этнической и социально-экономической ситуации в Галилее I в.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты можно использовать в дальнейших исследованиях истории религии и культур Восточного Средиземноморья, культурного контекста возникновения и самых ранних этапов истории христианства и раввинистического иудаизма, а также для экзегезы некоторых новозаветных

текстов. Представленный материал может быть также применен в рамках преподавания курсов по новозаветной истории, библейской археологии, истории происхождения христианства, при подготовке учебных пособий по курсам «Экзегеза Нового Завета», «Археология Нового Завета», «Историко-культурный контекст возникновения христианства» для светских и духовных учебных заведений.

Апробация. По содержанию исследования сделаны доклады и научные сообщения, представлены тезисы выступлений на научных конференциях различного уровня, в том числе международных. Результаты исследования прошли обсуждение на заседаниях кафедры библеистики ОЦАД, где была дана оценка их теоретической и практической ценности. Список выступлений:

1) Современные археологические исследования в Галилее и экзегеза Евангелий // Конференция МПДА «Экзегетика и герменевтика». 15–16 апреля 2010-го года: Секция библейской археологии;

2) Галилейский контекст служения Иисуса Христа: История изучения и современные проблемы. Тезисы // Международная конференция, посвященная 325-летию МДА, 11 октября, Сергиев Посад;

3) Период правления тетрарха Галилеи Ирода Антипы по данным археологии // Международная научная конференция «Библия и археология: Междисциплинарные подходы и в библейской и раннехристианской истории», 17–18 мая 2011 г. в Смоленской Духовной семинарии.

4) Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса» // Международная конференция «Современная библеистика и Предание Церкви, 26–28 ноября 2013 г., Москва»;

5) Дискуссия о галилейском контексте проповеди Иисуса Христа: проблемы, сформулированные библеистикой XIX–XX вв. и их решения в свете современной археологии // «Актуальные проблемы современной библеистики», 22-23 декабря 2015 г., Москва.

На основании исследования опубликованы статьи в научных журналах из перечня рецензируемых научных изданий, в которых могут быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1) Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса Христа (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 2 // Христианское чтение. СПб., 2016. Т. 2. С. 123–166;

2) Неклюдов К. В. Рец.: Root B. W. First Century Galilee: A Fresh Examination of the Sources. Tübingen, 2014 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:5 (67). М., 2016. С. 131–134;

3) Неклюдов К. В. Ситуация в Галилее начала I в. как исторический контекст проповеди Иисуса по данным современной археологии // Вестник Российской Христианской Гуманитарной Академии. СПб., 2018. Т. 3 С. 1–12.

Некоторые вопросы диссертационного исследования отражены в рецензиях, журнальных и в энциклопедических статьях:

1) Неклюдов К. В. Рец.: *Texte-Fakten-Artefakte: Beiträge zur Bedeutung der Archäologie für die neutestamentliche Forschung* / Hrsg. M. Küchler, K. M. Schmidt, Freiburg, 2006 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (25). М., 2009, С. 82–86;

2) Неклюдов К. В. Рец.: *Jesus und die Archäologie Galiläas* / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (29) М., 2010. С. 131–137;

3) Неклюдов К. В. Ирод Антипа // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 634–639;

4) Неклюдов К. В. Иродиане // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 654–655;

5) Неклюдов К. В. Период правления тетрарха Галилеи Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. М., 2011. Т. 5. С. 31–59;

6) Тарханова С. В., Коротков П. А., Неклюдов К. В. Капернаум // Православная Энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 533–543;

7) Неклюдов К. В. Галилейский контекст служения Иисуса Христа: История и современные проблемы // Сборник трудов Кафедры библеистики МПДА. Сергиев Посад, 2013. № 1. С. 283–292;

8) Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 1 // Христианское чтение. СПб., 2013. Т. 2. С. 133–169;

9) Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность галилеян раннеримского периода в свете археологии: состояние вопроса на начало XXI в. // Христианское чтение. СПб., 2014. № 6. С. 21–79;

10) Неклюдов К. В. Книжники // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 36. С. 134–138;

11) Неклюдов К. В. Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса» // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви Москва, 26–28 ноября 2013 г. / Под ред. митр. Илариона (Алфеева). М., 2016. С. 199–214.

12) Неклюдов К. В., Тарханова С. В. Магдала // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42. С. 268–271.

1. ЭТАПЫ ИСТОРИИ ГАЛИЛЕИ, СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РАННЕРИМСКИЙ ПЕРИОД ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

До 80-х гг. XX в. письменные памятники оставались единственными доступными библеистам источниками для реконструкции этнической, социальной и религиозной истории Галилеи. Соответственно для понимания развития дискуссий о галилейском контексте проповеди Иисуса необходимо подробное систематизированное описание свидетельств письменных памятников и оценка их информативности. В данной главе информация, доступная из источников, систематизирована с точки зрения как диахронического (описаны данные письменных памятников, позволяющих воссоздать основные этапы истории Галилеи (раздел 1.1)), так и синхронического (описаны данные письменных памятников, на основании которых реконструируется экономическая, политическая и религиозная ситуация в раннеримской Галилее (раздел 1.2)) подходов. Значение диахронического аспекта для понимания дискуссий о галилейском контексте определяется тем обстоятельством, что этническая и религиозная ситуация в Галилее времени Иисуса Христа часто реконструировалась исследователями на основе их представлений о предшествующей истории региона.

1.1. Основные этапы истории Галилеи согласно письменным источникам

Свои позиции по вопросам об этно-религиозных особенностях галилеян и социально-экономической ситуации в Галилее раннеримского времени исследователи обосновывали свидетельствами следующих письменных источников: ветхозаветных Книг Царств, Исаии, Паралипоменон, фрагментов ассирийских анналов Тиглатпаласара III, папирусов Зенона, Иосифа Флавия, канонических Евангелий (и их реконструируемых источников), иудейских преданий Мишны и Талмуда. Эти данные позволяли в целом восстановить самые общие этапы истории Галилеи библейского периода от железного века до иродианского времени, при этом особый акцент ставился на событиях, наиболее важных для воссоздания историко-культурного контекста провозвестия Иисуса Христа.

1.1.1. Период, предшествующий римскому правлению

Региональная история Галилеи времени Израильского царства и ассирийского владычества и события, определившие ее историю в раннеримский период восстанавливается в общих чертах. Библия сообщает, что, несмотря на включение Галилеи в состав Единого царства Давида, уже при Соломоне часть ее городов отошла под власть финикийцев (1 Цар 9:11–12). О событиях первого этапа ассирийского завоевания Израильского царства, когда была захвачена Галилея, сообщается очень кратко. В 4 Цар 15:29 говорится о завоевании в 732 г. до Р.Х. ассирийским царем Тиглатпаласаром III «Ийона, Авела, что в Бет-Маахе, Яноаха, Кедеша, Хацора, и Галаада, и Галилеи, и всей земли Неффалимовой» и о депортации жителей этих земель в Ассирию. Все пострадавшие города, упомянутые в библейском тексте, находились в Галилее или прилегающей к ней долине верхнего Иордана. В этой же области располагаются и те города, о покорении которых говорят фрагменты надписей Тиглатпаласара, посвященные кампании против Израиля (Бит-Хумри): *Hi-na-tú-na* (Ханнатон), *[Ia]-aṭ-bi-te* (Йодфат?), *Ma-ru-ut* (Маром)¹.

В ассирийских надписях указывается также число захваченных пленников (всего в 4 (или 3) местах — 625, 650, 656, 13520 (последняя цифра, по мнению некоторых издателей, отражает количество плененных не только в Галилее, но во всем завоеванном регионе))², при этом ничего не говорится о переселении на место депортантов жителей из других провинций Ассирии.

Ситуация после ассирийского завоевания региона нашла отражение в пророчестве Исаии, об избавлении захваченных ассирийцами израильских земель (Ис 8:23): «Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличит приморский

¹ Фрагменты 18 и 24; см.: Tadmor H. *The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria: Critical Edition, with Introductions, Translations, and Commentary*. Jerusalem, 1994. P. 83. В надписях Тиглатпаласара упоминаются также город [...]ba-ga-a, который исследователи обычно отождествляют с галилейскими поселениями Габара либо Акбара, и город Sa-[], который отождествляют с галилейскими топонимами Хирбет Саруна либо Тель Шимрон/Хирбет Самуния. Однако состояние надписей не позволяет считать эти реконструкции полностью надежными. Еще один упоминаемый Тиглатпаласаром город - A-gi-ma-a- не поддается однозначной идентификации.

² Фрагменты 18 и 24; см.: Ibid.; ср., однако, ANET. 205–240. P. 283.

путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую» (8:23 [синод. 9:1])¹. Для нашего вопроса об этно-религиозном контексте проповеди Иисуса, то есть ситуации в Галилее раннеримского времени, принципиальное значение имеет понимание использованного здесь выражения גליל הגויים «Галилея языческая» (что касается самого топонима «Галилея», то вопрос о его происхождении и значении отходит в этом случае на второй план)².

Так или иначе, в Ис 8:23 перед нами самое раннее в ветхозаветной литературной традиции использование выражения גליל הגויים «Галилея языческая»³, которое рассматривалось исследователями в качестве одного из аргументов в пользу того, что население Галилеи в VIII в. до Р.Х. вследствие финикийского контроля над частью территории и, затем, ассирийского завоевания было смешанным⁴. Консенсуса по вопросу о содержании этого выражения в науке не наблюдается.

Исследователи, признающие подлинность стиха Ис 8:23 (т. е. его принадлежность Прото-Исаие), допускают, что он мог отражать факт этнического разнообразия населения Галилеи; другие настаивают на буквальном значении выражения גליל הגויים как «круг народов»,

¹ Автор выражает благодарность М. Г. Селезневу, указавшему на то, что существует несколько вариантов интерпретации этого стиха. Неясна даже его синтаксическая структура. Еврейский текст допускает следующие прочтения: (а) «Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличило приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую»; (б) «В прежнее время [Бог] умалил землю Завулонову и землю Неффалимову; но в последующее [Бог] возвеличил приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую» и (в) «Первый [из властителей] умалил землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующий [из властителей] возвеличил приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую». В еврейском тексте в обеих частях пророчества употреблено прошедшее время (перфект); принятая в большинстве современных переводов передача первого из двух перфектов прошедшим временем, а второго — будущим (как в синодальном переводе) не имеет оснований в грамматической структуре еврейского текста и основана на понимании данного текста как пророчества о будущем избавлении израильских земель, «униженных» ассирийцами.

² Греческое название Γαλιλαία, к которому восходит русское название, впервые встречается в LXX (20 раз). О том, что форма Γαλιλαία в это время еще не утвердилась повсеместно свидетельствует употребление в одном из папирусов Зенона (259 г. до Р.Х.) варианта Γαλιλ. Еврейский аналог в Ветхом Завете встречается в формах: גליל (Нав 20:7; 21:32; 1 Пар 6:61 и 3 Цар 9:11), גלילה (4 Цар 15:29) и — в status constructus — גליל (Ис 8:23). Значение слова גליל помогают понять 6 случаев его употребления в Ветхом Завете (остальные 14 раз термин Galilāia употреблен в текстах, сохранившихся только на греческом языке). Зафиксированное в словарях первичное значение גליל как «круг», «округ» (Baumgartner W., Köhler L. Hebräisches und aramäisches Lexikon zum Alten Testament. 1967³. S. 185), по мнению многих исследователей, допустимо только в Ис 8. 23 (А. Альт и другие, см. Прим. 9), в остальных случаях употребления גליל "это слово указывает (является собственным названием) на известный район, например, в Нав 20:7 («Кедеш в Галилее на горе Неффалимовой»), Нав 21:32 («город убежища для убийцы — Кедеш в Галилее и предместья его»); 1 Пар 6:61[76] («от колена Неффалимова — Кедеш в Галилее и предместья его»), 3Цар 9:11 («...царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской») и 4 Цар 15:29 («царь Ассирийский ... взял ... Галилею, всю землю Неффалимову»). В Нав 20:7 к формуле «Кедеш в Галилее» добавляется «гора Неффалимова», что расширяет перспективу, указывая помимо небольшой области вокруг Кедеша на территорию, на которой жило племя Неффалима.

³ О возможном использовании этого выражения в еврейском оригинале 1-й Маккавейской книги см. прим. 19.

⁴ Например: Oswalt J. N. The Book of Isaiah: Chapters 1–39. Grand Rapids (Mich.), 1986. P. 239; ср.: Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. Cambridge, 2002. P. 31. Как указание на населявшие Галилею неиудейские народы это выражение понимается и некоторыми современными исследователями (ср. в современном русском переводе Ис 8:23: «Галилея, в которой живут неиудеи»).

которое должно указывать на окруженность израильтян союзом ханаанейских городов региона¹ и отражать наличие вокруг нее вполне определенных географических границ².

В LXX (III в. до Р.Х.) выражение גליל הגויים переведено как Γαλιλαία τῶν ἔθνῶν, то есть понимается как территория с возможно языческим населением.

Решение вопроса, отражает ли это выражение этническое разнообразие населения Галилеи, не влияет напрямую на исследуемый нами вопрос о контексте галилейского служения Иисуса. Забегая вперед (см. главу 3), можно лишь отметить, что археологические данные не подтверждают присутствия язычников в этой области — после ассирийского завоевания она оставалась в запустении вплоть до конца персидского периода.

При персах, отдавших финикийцам в благодарность за их помощь контроль над прибрежной полосой, Галилея оказалась отделенной от прибрежных районов и стала «внутренней», сельской провинцией³. Не ясно, была ли она уже в это время присоединена к Самарии (как при Селевкидах, что подтверждается источниками⁴).

К уже после пленному времени относится сообщение хрониста (2 Пар 30:10–11) о том, что при иудейском царе Езекии (VIII в.) сыны Ашера, Манассии и Завулونا пришли в

¹ Аргументация в пользу этого вывода подробно представлена в статьях А. Альта (Alt A. Galiläische Probleme // Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1953. Bd. 2. S. 363–435). Альт считает, что наименование «Галилея» эта область получила еще до прихода израильтян; они заимствовали название от прежнего населения, язык которого мало отличался от еврейского. В пользу этого должно свидетельствовать то, что в Ветхом Завете ничего не говорится о том, когда и в какой группе возник обычай называть северную часть Палестины к западу от Иордана גליל הגויים или просто גליל (Ibid.S. 365). Новое название, которое обнимало бы всю область к северо-западу от Иордана, не могло возникнуть у израильтян, по мнению Альта, уже потому, что в ранний монархический период она в политическом отношении не была целостной. К израильскому царству полностью область относилась только при Давиде, но уже при Соломоне, отказавшемся от экспансии, на нее частично распространилась власть тирского царя. В дальнейшем она оставалась разделенной на несколько округов, названных по именам израильских колен (3 Цар 4:15–17: Неффалим, Ашер, Иссахар — см. Ibid. S. 368). Альт считает, что аргументы о невозможности появления этого названия у израильтян в монархический период должны иметь силу и для догосударственного периода (так, в описании ханаанских племен, не изгнанных израильтянами в Суд 1:30–33 обозначение גלילה используется, соответствующая территория описывается как разделенная между израильскими племенами — Ibid.S. 369).

Итак, в политическом отношении область, названная גליל, должна была, согласно Альту, представлять собой «круг» — окруженный поясом укрепленных городов район с неплотным заселением, поэтому название גליל было первоформой, а גלילה его вторичным сокращением (Ibid.S. 370). О единстве этого «круга княжеств» (союза ханаанейских городов), по Альту, могут свидетельствовать описание похода фараона Сети I кон. XIV в. до Р.Х., сообщающее о сломе единого ханаанейского сопротивления египтянам в регионе, соответствующем нашему גליל (от Бет-Шеана до финикийского побережья), а также израильские предания о сопротивлении союза ханаанейских царей (Нав 11; Суд 4 (ср.: царь Асора назван царем Ханаана); Суд 5 (говорится о союзе ханаанейских царей, владевшем ситуацией в этом районе) (Ibid.S. 372).

Эти соображения должны, по Альту, доказывать ханаанейское происхождение названия גליל, а израильтяне могли его уже перенять. Но абсолютным доказательством данные свидетельства не являются — он сам не исключает и возможность того, что название возникло уже у израильтян, когда их вторжение побудило «круг народов» заключить против них военный союз, который израильтяне назвали именно этим именем (Ibid.S. 373).

² Холмистая область ограничена равниной Изреель на юге, руслом Иордана на востоке, прибрежной равниной (или горной цепью) на западе и горами на севере (Ibid.S. 363–374).

³ Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian, 323 B. C.E to 135 CE: A Study of Second Temple Judaism. Wilmington, 1980; Edinburgh, 1998². P. 25.

⁴ 1 Макк 10:30; Ios. Flav. Antiq. XII 154.

Иерусалим. Таким образом, хронист указывает на то, что часть населения этого региона была связана с иерусалимским культом, очевидно, проецируя на правление Езекии свое представление об идеальном прошлом. Важно при этом отметить, что никаких свидетельств о существовании в Галилее IV в. до Р.Х. иудейского культа, альтернативного иерусалимскому, нет.

Интересную информацию о социально-экономическом положении в Палестине и, в частности, в Галилее сер. III в. до Р.Х. содержат папирусы Зенона¹, высокопоставленного египетского чиновника, совершившего сюда поездку в 259 г. до Р.Х. В целом папирусы отражают систему централизованного управления, основанную на принципе, что территория, добытая мечом, является «землей царя». Египетский царь — единственный владыка страны. По всей видимости, отдельного наместника в Палестине (и Галилее) не было, и территория управлялась из Александрии с помощью целой армии чиновников, таких как сам Зенон. Местные администраторы также могли привлекаться, о чем свидетельствует пример иудейских управленцев Тувии² и Йеддуи³. В Нижней Галилее возможно находился и упомянутый в одном из папирусов виноградник в Бет-Анаф (в долине Эль-Баттоф)⁴.

Характерной чертой эллинистического периода истории Палестины была урбанизация. Время Птолемеев не дает, однако, примеров основания новых городов, как это позже делали Селевкиды. Перестроены были лишь несколько уже существовавших ранее городских центров. В Галилее это Филотерия (Бет Йерах) и находившийся уже на ее границе Скифополь (Бет Шеан). На средиземноморском побережье был вновь построен Акко, получивший новое династическое наименование Птолемаида и ставший в это время конкурентом финикийских центров Тира и Сидона. Основными путями Птолемаида была связана не только с непосредственно прилегающей территорией, но и с внутренними районами Галилеи. (См. ниже).

При Селевкидах строительство новых городов начинает поощряться. Однако о каком-то их влиянии на жизнь Галилеи в источниках не сообщается. Новые города, Селевкия и Антиохия, были построены уже достаточно далеко, в долине Верхнего Иордана (первая на Голанах⁵, вторая в Панеаде (на Семехонитском озере?)⁶). Основанный еще Птолемееми

¹ ZenonPapyri. Volume 1 / Ed. E. Campbell Cowan. Hildesheim; New York, 1971.

² Zen. 59003.

³ Zen. 59018.

⁴ Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian. P. 156–158.

⁵ Возможно о ней говорит Иосиф: Ios. Flav. Antiq. XIII 15. 3 (394).

⁶ Возможно Иосиф упоминает ее в Ios. Flav. Antiq. XVII 2. 1 (24), когда говорит об Антиохии на Дафне (Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian. P. 114), составители Түбингенского библейского атласа (Tübinger Bibelatlas: Auf der Grundlage des Tübinger Atlas des Vorderen Orients / Hrsg. S. Mittmann, G. Schmitt. Stuttgart,

Скифополь получил дополнительное название Ниса, по имени нимфы, спутницы греческого бога Диониса, и в честь селевкидской принцессы времени Антиоха IV.

Одно из наиболее важных для нашего вопроса об этно-религиозном контексте служения Иисуса свидетельств относится к истории маккавейских войн и содержится в 1 Макк 5:14–23. Оно часто рассматривалось как аргумент в пользу вывода о том, что Галилея раннеримского времени была уже практически языческой землей (см. в главе 2). В рассказе сообщается, что маккавейские правители в Иерусалиме, узнав, что жители Птолемаиды, Тира, Сидона и всей «Галилеи иноплеменников» (Γαλιλαία ἀλλοφύλων) собрались уничтожить евреев (1 Макк 5:14–15), поручили Симону Маккавею прийти к ним на помощь с армией в 5 тысяч человек. События военных действий в Галилее описываются очень кратко. «И отправился Симон в Галилею и произвел много сражений с язычниками, и разбиты им язычники. Он преследовал их до ворот Птолемаиды... Также взял он с собою находившихся в Галилее и Арваттах [Иудеев] с женами и детьми и со всем именем их и привел в Иудею с великою радостью» (1 Макк 5:21–23).

Смысл употребленного здесь выражения «Галилея иноплеменников», как и в случае пророчества Исаии, остается предметом непрекращающихся научных споров, а само выражение часто служит аргументом в дискуссии об этнической принадлежности населения Галилеи этого времени. Широкое распространение получила интерпретация, согласно которой данное выражение не свидетельствует о существовании в Галилее II в. до Р.Х. языческого населения¹, но говорить о том, что это мнение стало консенсусным, судя по всему, нельзя, так

2001.BV 16) локализуют г. Дафну в районе Семехонитского озера (оз. Хула), то есть ее не нужно путать с Антиохией на Оронте (на Дафне?).

¹ Аргументы в пользу этой позиции сформулированы А. Альтом. Он отметил, что (1) все названные в рассказе о походе Симона географические места относятся к прибрежному району (Птолемаида, Тир, Сидон и, возможно, Арбатта — на склонах Кармея между долиной Мегиддо и побережьем (в более поздних писаниях известна как Нарбатта)), ср.: 1 Макк 5:15, 22, 55). О походе в собственно «внутреннюю» Галилею ничего не говорится. (2) Угроза существованию здесь иудейского меньшинства, по Альту, определена особенностями социально-экономической истории этого региона в эллинистический период. Развитие экономики территорий, подчиненных построенным греками городам (Alt A. Galiläische Probleme. S. 385–390, 395), послужило основной предпосылкой для возникновения здесь смешанного населения и, как следствие, напряженности в отношениях язычников с иудеями. На ситуацию во внутренней Галилее этот вывод по аналогии не распространяется ввиду особенностей ее социально-экономической истории (территория царских доменов, экономика которых не предполагала притока иноземцев). (3) Что касается использованного автором 1 Макк выражения «Галилея иноплеменников», то, по мнению Альта, πᾶσαν Γαλιλαία ἀλλοφύλων восходит в еврейском оригинале к כל גליל הגויים использовалось в качестве освященного ветхозаветной традицией (аллюзия на Ис 8:23) общего выражения для обозначения языческих противников вообще, там, где описывается локализация языческих врагов иудейского меньшинства. Перечислив основные города, автор обозначает противников общим выражением כל גליל הגויים, которое понимается здесь в его религиозном смысле как «круг (языческих) народов» и указывает, таким образом, не на языческое население самой Галилеи (вспомним, что согласно Альту в Ис 8:23 в этом выражении сохраняется древнее значение — военно-политический союз ханаанейских городов («народов»), а не этническое обозначение населения Галилеи, см. Прим. 9), но подчеркивает язычкое происхождение врагов иудейского меньшинства, живущих в области упомянутых городов (Ibid. S. 412–415).

В современной литературе эта позиция представлена в работах М. Ченси, исследовавшего историю развития традиции о «языческой Галилее» (Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee). Выражение Γαλιλαία ἀλλοφύλων

как это место по-прежнему остается классическим аргументом тех, кто принимает гипотезу о заметном присутствии иудеев и даже о смешанности населения Галилеи.

Последующие хасмонейские правители покончили с языческой угрозой. Галилея (Иосиф говорит о «значительной части Итуреи») была завоевана хасмонейским правителем Аристобулом I (104–103 до Р. Х.) и вошла в состав еврейского государства. Имела место и политика (насильственной, согласно Страбону, на которого ссылается Иосиф) иудеизации галилейского населения — проникшие сюда ранее итуреи могли остаться только при условии, что совершат обрезание¹. Вместе с рассказом 1 Макк 5 это свидетельство Иосифа использовалось в качестве основного аргумента сторонниками гипотезы, согласно которой население Галилеи I в. было смешанным и преимущественно состояло из потомков этих обращенных итуреев (см. глава 2).

Другие важные для истории Галилеи хасмонейского времени свидетельства Иосифа — об отсылке юного Александра Янная в Галилею для «воспитания» (получения образования), приблизительно в кон. II в. до Р.Х.² и о вторжении сюда ок. 103/2 г. до Р.Х. армии Птолемея (Латира), совершившей нападение на евреев Азохиса и встретившей сопротивление еврейского ополчения Шихина и Сепфориса³.

помимо 1 Макк 5:15 встречается и в LXX Иоиль 4:4 («И что вы Мне, Тир и Сидон и все округа Филистимские? (πᾶσα Γαλιλαία ἀλλοφύλων)»). Несмотря на то, что Септуагинта в Ис 8:23 передает πῆλη ἰλλῆ как Γαλιλαία τῶν ἔθνῶν, а не как Γαλιλαία ἀλλοφύλων, у переводчика Иоиль 4:4, по мнению Ченси, выражение πᾶσα Γαλιλαία ἀλλοφύλων должно было быть архаизирующей аллюзией на Ис 8:23. В этом выражении Ченси видит попытку сочетания автором 1 Макк аллюзии на слова Исаии с девтеронимическим употреблением терминов «иноземцы» (ἀλλόφυλοι) и «окрестные народы» (τὰ ἔθνη ἐν κύκλῳ αὐτῶν) (τὰ ἔθνη используются чаще, чем ἀλλόφυλοι, ср.: 1 Макк 5:9–23 в стихах 9, 10, 19, 21, 22; ср.: 5:1, где в качестве врагов Израиля названы «окрестные народы» τὰ ἔθνη κυκλόθεν (ср. также 1:11)). Смысл Γαλιλαία ἀλλοφύλων становится, по убеждению Ченси, более ясным, если учесть значение еврейского корня ללל. Читатель, знакомый с еврейским языком, должен был воспринимать его как отголосок выражения «круг иноземцев» из пророчества Исаии, что вполне сочетается с авторским акцентом на «окрестных народах» [буквально, «[их] круге»] (Ibid. P. 39). Как и в случае употребления Γαλιλαία в Иоиль 4:4 (где в еврейском тексте этот термин однозначно указывает на прибрежный регион), из 1 Макк 5:15 не должно следовать, что выражение Γαλιλαία ἀλλοφύλων здесь обозначает всю область Галилеи.

Против гипотезы Ченси о смысле Γαλιλαία ἀλλοφύλων в Иоиль 4:4 говорит то, что ἀλλόφυλοι — самое частое в Септуагинте слово для обозначения филистимлян (евр. פְּלִשְׁתִּים передается как ἀλλόφυλοι 244 раза, как Φυλιστιμ — 17 раз). Поэтому именно такого перевода (פְּלִשְׁתִּים как ἀλλόφυλοι) и следовало бы ожидать. И хотя влияние Иоиль 4:4 на 1 Макк правдоподобно (и там и там используется πᾶσα), в Иоиль 4:4 отражена общебиблейская локализация филистимлян (и по Библии и по всем остальным источникам филистимляне жили в прибрежном регионе южнее Галилеи), то есть πῆλη ἰλλῆу Иоиля это, скорее, район Газы, Ашдода, Экрона, Ашкелона. Ср. Нав 13:2. Возможно, автор 1 Макк использовал выражение из Септуагинты Иоиля не отдавая себе отчет, что у Иоиля оно относится к другому региону. Гипотеза о влиянии Ис 8:23 на Иоиль 4:4 или 1 Макк 5:15 в таком случае излишняя.

¹ Ios. Flav. Antiq. XIII 11. 3 (318–319).

² Ibid. 12.1 (322–323).

³ Ibid. (337–338).

1.1.2. Галилея при римлянах и иродианах

После разгрома Селевкидского царства римлянами его территория, в том числе Палестина, вошла в состав римской провинции Сирия. Проводимая римлянами политика (урбанизация, административная реформа) во многом определила предпосылки той социально-политической ситуации, которая сложилась в Галилее I в. по Р.Х. Здесь были восстановлены многие ранее разрушенные хасмонеями эллинистические города, куда вернулись прежние жители¹. О еврейских землях сообщается, что Помпей «народ ... весь [иудейский], дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, ... втиснул обратно в пределы его страны»². В целом, было восстановлено прежнее государство, однако, теперь в качестве еврейских земель в него были включены кроме Иудеи только Галилея, Идумея и Перея, при этом Галилея, в силу географического положения, оказалась изолированной от Иерусалима. Но и на этой территории власть хасмонеянского правителя (первосвященника и этнарха) распространялась только на внутриеврейские вопросы, а сирийский легат мог вмешаться, когда считал нужным³.

Этно-культурная ситуация в Галилее этого времени, возможно, нашла отражение в политике Габиния, полководца Помпея, ставшего наместником Сирии (57–54 гг. до Р.Х.), который провел административную реформу: поделил еврейскую территорию на 5 советов⁴, один из них был в галилейском Сепфорисе, что свидетельствует о присутствии здесь собственной галилейской аристократии, которая могла взять власть в свои руки⁵. В целом реформа не удалась, и со временем Иерусалим вновь обрел свой главенствующий статус.

Некоторые важнейшие для рассматриваемого вопроса о контексте события происходят в Галилее уже в иродианский период. Время начала правления новой династии для Галилеи было беспокойным. Ирод, назначенный своим отцом Антипатром (с 48/47 г. до Р.Х. наместник Иудеи) правителем Галилеи⁶, снискал благосклонность римских властителей и быстро усиливал

¹ Иосиф приводит их неполный список: Гадара, Гиппос, Скифополь, Пелла, Дий, Самария, Марис, Азот, Ямния и Арефуса, и прибрежные города: Газа, Яффа, Дора и Стратонова башня (Ios. Flav. De bell. I 7.7 (156–157); Ios. Flav. Antiq. XIV 4. 4 (75–76); ср.: XIII 15. 4 (395)).

² Ios. Flav. Antiq. XIV 4. 4 (74).

³ Ibid. 9. 4 (170).

⁴ В разных работах Иосифа названы по-разному: *sune,dria* — Ios. Flav. Antiq. XIV 5. 4. (91), и *suno,douj* в Ios. Flav. De bell. I 8. 5 (170).

⁵ Ios. Flav. De bell. I 8.5 (170).

⁶ Ios. Flav. Antiq. XIV 9. 2.

свои политические позиции (в дополнение к этой должности он был назначен правителем Келесирии (Кассием)¹, а затем и одним из тетрархов «всей Иудеи» (Антонием)²). К периоду правления Ирода в Галилее относится также событие разгрома главаря разбойников Езекии и его банды³, разорвавшей приграничные районы (см. ниже).

Вторжение парфян в Палестину в 40 г. до Р.Х. осложнило положение Ирода, который был вынужден бежать. В итоге он оказался в Риме, где сенат провозгласил его царем Иудеи⁴. Путь к престолу, однако, был долгим — реальную власть он сумел обрести только летом или осенью 37 г., после 3-летней войны со сторонниками последних представителей хасмонеи династии. И хотя из описаний событий этого противостояния, которые имели место в Галилее, нельзя с уверенностью заключить, каковы были его причины (сопротивление хасмонеи аристократии?⁵), за это время Ирод должен был совершить сюда не менее 6 походов⁶.

Поздний период правления Ирода описан у Иосифа очень схематично. Информация о его строительных проектах может, однако, несколько прояснить культурный климат Галилеи того времени. На всех территориях, окружавшей Галилею, Иродом были построены типичные для языческих городов храмы и другие здания⁷: храмы римской богине Роме и императору Августу в Самарии/Севастии, Кесарии Приморской (здесь же огромная гавань, театр, амфитеатр, ипподром, агора), в Панеаде, около древнего святилища Пана. Однако, кроме упомянутых Иосифом дворца и арсенала в Сепфорисе⁸, в Галилее (как иудейской земле, а возможно и помня о сопротивлении галилеян его власти) Ирод ничего не строил.

Характерной чертой позднего этапа иродианского периода политической истории Палестины, и в частности, Галилеи, была передача власти правителям-клиентам, реализующим римские интересы. После смерти Ирода Великого страна была разделена между тремя его сыновьями. Архелай (4 г. до Р.Х. — 6 г. по Р.Х.) получил географически компактную

¹ Ibid. 11. 2 (274).

² Ios. Flav. De bell. I 12.5 (244).

³ Ibid. 10.6–7.

⁴ Ios. Flav. Antiq. 14. 4.

⁵ Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian. P. 63–68, 211–216.

⁶ Походы в Галилею: после прибытия в Птолемаиду с наемным войском в 39 г. до Р.Х. (idem. Antiq. XIV 15. 1 (394)); после ухода парфян, когда в итоге «вся Галилея, за немногими исключениями, пристала» к Ироду (idem. De bell. I 15. 3 (291); idem. Antiq. 15. 1 (395)); год спустя против «оставшихся еще вне его власти городов» (idem. De bell. I 16. 1 (303); idem. Antiq. XIV 15. 4 (413)); когда были уничтожены многие укрывшиеся в пещерах Арбелы неприятели (idem. De bell. I 16. 2–3 (304–307); idem. Antiq. XIV 15. 4 (415–417)); окончательное подавление сопротивления потребовало еще 3 рейдов (к одному из них относится сцена, гибели укрывшегося в пещерах повстанца со всей семьей, подробно описанная Иосифом (idem. De bell. I 16. 4. (310–315); idem. Antiq. XIV 15. 5 (421–430), ср.: idem. Antiq. XIV 15. 6 (433); idem. De bell. I 16.5 (316); idem. Antiq. XIV 15. 11 (452–453); idem. De bell. I 17.3 (330)).

⁷ Ios. Flav. Antiq. XV 8. 1 (266–276), 9.5–6 (328–341); XVI 5.1–3 (136–149); idem. De bell. I 21. 1–12 (401–428).

⁸ Ios. Flav. Antiq. XVII 10. 5 (271); De bell. II 4.1 (56).

территорию, однако, гетерогенную в религиозном отношении — Иудею и Самарию. Филипп (4 г. до Р.Х.– 34 г. по Р.Х.) принял в управление в основном нееврейскую территорию северо-восточной Палестины (Гавланитиду, Трахониду, Батанею). Только Ирод Антипа (4 г. до Р.Х. – 39 г. по Р.Х.) унаследовал две этнически однородные, но географически разделенные области: Галилею и Перею.

Сразу после смерти Ирода Великого страну охватили беспорядки, затронувшие и Галилею. Начались они с сильных столкновений в Иерусалиме, вылившихся в резню, устроенную Архелаем в храме¹. Распространение хаоса попытался остановить сирийский легат Вар, отправивший армию в Иерусалим², но в итоге, насилие еще более усилилось, была даже разрушена часть храма³, а бунты охватили всю Иудею⁴, так что, по словам Иосифа, Иудея (под ней Иосиф понимает всю территорию царства Ирода) «была полна разбойничьих шаек»⁵. Прокатившаяся по Галилее еще на начальном этапе смуты волна бунтов во главе с «разбойником» Иудой, сыном казненного ранее Езекии⁶, была подавлена армией Вара. Римляне разрушили Сепфорис, а его жители продали в рабство⁷.

Такова была ситуация в бывшем царстве Ирода, когда власть в Галилее перешла к его сыну тетрарху Антипе. Политические события, социально-экономическая и религиозная ситуация в Галилее времени его правления и составляют отчасти содержание того контекста, в котором происходила проповедь Иисуса Христа. Время Его земного служения приходится как раз на долгое, 43-летнее правление Антипы (4 г. до Р.Х. — 39 г. по Р.Х.). Достаточно подробно Иосиф описывает, однако, только последние его годы, когда Антипа ради нового брака с Иродиадой, дочерью своего сводного брата Аристокбула I и женой Ирода, о котором более ничего не известно, бросил прежнюю жену, дочь набатейского царя Ареты IV. Началась война, в которой армия Антипы в 36 г. по Р. Х. потерпела сокрушительное поражение от войск его бывшего свёкра⁸. Это событие, по словам Иосифа, народ объяснял как наказание Божие за казнь Антипой Иоанна Крестителя⁹.

С учетом того, что сообщается об Антипе, можно выделить несколько характерных особенностей его правления. Во-первых, очевидно его стремление к дружбе с Римом. Тетрарх

¹ Ios. Flav. De bell. II 1.2–3 (4–13); Antiq. XVII 9. 3 (213–218).

² Ibid. 3.1 (39–40).

³ Ibid. 3. 2–4 (45–54).

⁴ Ibid. 4. 1–3 (55–65).

⁵ Ios. Flav. Antiq. XVII 10. 8 (285).

⁶ Ios. Flav. De bell. II 4.1 (56).

⁷ Ibid. 5.1 (68)).

⁸ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 1 (109–114).

⁹ Согласно Иосифу (Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 2, Креститель был казнен, чтобы избежать возможных бунтов, по Мк 6. 17–29 причиной казни стала прежде всего критика развода Антипы.

правил при 3 императорах и у всех, правда не всегда успешно, пытался заручиться благосклонностью. Это нашло отражение в широких строительных проектах Антипы, которые он распространил теперь на территорию своей тетрархии. К периоду правления Августа, возможно, относится восстановление разрушенных римлянами стен Сепфориса, получившего теперь новое наименование в честь императора — Автократида¹ и превратившегося, по словам Иосифа, в «красивейший город Галилеи»². Новые стены были также построены в г. Бетарамфте в Перее, получившем название Юлиады в честь дочери императора³.

Примером такого стремления к покровительству можно рассматривать и основание тетрархом приблизительно в 20 г. по Р.Х. на берегу Генисаретского озера нового города, названного в честь императора Тиверия (14–37) Тивериадой⁴. Антипа пошел в этом даже на нарушение иудейского закона (строительство происходило на месте бывшего кладбища, что делало его жителей нечистыми и, соответственно, не вызывало энтузиазма у новых поселенцев⁵). В свою очередь император поддержал Антипу в войне с Аретой⁶.

Помимо стремления к покровительству римских владык видна также забота Антипы о внешнеполитической стабильности его пограничной территории. Так, он пытался играть роль посредника в подготовке подписания мирного соглашения между Римом и парфянами⁷. Границы тетрархии были спокойны практически все время его правления — с момента брака с дочерью Ареты IV и до войны с набатеями в 36 г. по Р.Х.⁸ Первые 35 лет правления Антипы, то есть во время проповеди Иисуса, военных столкновений между тетрархией и ее соседями не было.

Характерной чертой правления Антипы является и политика, направленная на поддержание внутренней стабильности. О приверженности тетрарха религиозным традициям своих подданных свидетельствуют упоминания о его паломничестве в иерусалимский храм⁹, об участии в урегулировании конфликта во время движения через Иудею римских войск со штандартами (в итоге знамена с изображениями живых существ не были внесены в Иерусалим)¹⁰. В этом ряду можно упомянуть еще эпизод из юности тетрарха, описанный

¹ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 1.

² Ibid. 1 (27).

³ Ibid.

⁴ Ios. Flav. De bell. II 9.1 (168); idem. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38); idem. Vita. 64–69.

⁵ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38); idem. De bell. II 9.1 (168).

⁶ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 1. Хорошие отношения с римскими властями показывает и эпизод, когда император отверг обвинения Агриппы против Антипы (idem. De bell. II 9. 5).

⁷ Ios. Flav. Antiq. XVIII 4. 5 (104–105).

⁸ Ibid. 5. 1 (109–114).

⁹ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5.3 (122–123; ср. Лк 23. 7; см. Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 52.

¹⁰ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 3.

Филоном Александрийским¹, — возможное участие Антипы (как одного из 4 «царских сыновей») в переговорах с Пилатом, установившим позолоченные щиты с изображениями в иерусалимском дворце, что вызвало возмущение иудеев. Заботой тетрарха о религиозных чувствах подданных объясняется отсутствие на выпущенных им монетах² изображений живых существ³, в отличие от монет его брата Филиппа⁴, и использование только уже известных по другим иудейским монетам изображений тростника, пальмы, пальмовой ветви, и т.п.⁵ Не строились в его городах и типичные для других областей бывшего царства Ирода храмы языческим богам и императорскому культу. Трудно понять, что побуждало Антипу к такой политике — личное иудейское благочестие или мудрость политика, знакомого с антиязыческим настроением своих подданных, хотя о его личном отношении к изображениям можно судить уже по тому, что в его собственном дворце в Тивериаде такие изображения были⁶.

Положение Антипы изменилось при Гае Калигуле (37 г.), который поставил царем Иудеи своего друга Агриппу I. Ему император также передал земли тетрархий Филиппа и Лисания⁷. Антипа, правивший к тому времени уже более 40 лет, стал также искать для себя царского титула. Побуждаемый своей новой женой, Иродиадой, он отправился в 39 г. в Рим, чтобы обосновать свои претензии⁸. Но Калигула отнял у Антипы тетрархию, присоединил ее к царству Агриппы⁹, а самого бывшего тетрарха отправил в изгнание.

После смерти Калигулы и вступления в должность императора Клавдия прокуратурство над Иудеей также перешло к Агриппе (41 г.), теперь он управлял фактически такой же (еврейской) территорией, как и его дед, Ирод Великий. Смерть Агриппы в 44 г. по Р.Х. положила конец этому этапу истории, и вся Палестина, включая Галилею, опять стала частью

¹ Philo. Leg. Gai. 38.

² Meshorer Y. Ancient Jewish Coinage. 1982, Plate 6.

³ Ios. Flav. Vita 65.

⁴ Meshorer Y. Ancient Jewish Coinage. Dix Hills, 1982. Vol. 2: Herod the Great Through Bar Kochba. Plate 7–8; изображены среди прочих Август, Тиверий и сам Филипп. В отличие от Антипы Филипп, владевший территорией со смешанным населением, чеканил монеты и с языческими мотивами (Meshorer Y. Ancient Jewish Coinage. P. 42–50).

⁵ Ibid. P. 35–41, 242–243.

⁶ Ios. Flav. Vita 65. Антипа, как и его отец, изображен Иосифом нарушителем иудейского закона и в других случаях. Так, проблемы возникли уже при основании Тивериады. Внешне идеальное расположение города оказалось неприемлемым для многих, так как строительство велось на месте старого кладбища. Для благочестивых иудеев это было неприемлемым, так как делало его жителей нечистыми с точки зрения иудейского закона (Числ 19. 11–20). От Антипы это потребовало дополнительных, в том числе насильственных мер, чтобы «привязать людей к городу» — привлечения «всевозможных пришельцев», бывших рабов, бедняков, предоставления им «прав свободнорожденных граждан», раздачи его собственной земли — Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38). Второй случай нарушения закона — брак Антипы с Иродиадой, женой его единокровного брата Ирода (Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 1).

⁷ Ibid. 6. 10; idem. De bell. II 9. 6.

⁸ Ios. Flav. Antiq. XVIII 7. 1–2; idem. De bell. II 9. 6. Агриппа, узнав об этом плане, послал гонца в Рим с обвинениями Ирода Антипы в заговоре еще против императора Тиберия, а ныне — и в заговоре парфянского царя Артабана (Idem. Antiq. XVIII 7. 2). Обвинители указывали на то, что Антипа собрал оружие для 70 тыс. солдат.

⁹ Ibid.

римской провинции Иудея. Галилея оставалась в этом статусе до конца столетия, за исключением территорий Тарихеи и Юлиады, которые, наряду с Авилою, в 54/55 г. перешли Агриппе II¹.

Два события, важных для вопроса о галилейском контексте проповеди Иисуса и демонстрирующих верность галилеян иерусалимскому храму², относятся к краткому периоду правления Агриппы и уже к прямому римскому правлению. Первое произошло в Тивериаде, когда жители деревень собрались, чтобы умолять сирийского легата Петрония не допустить установки статуи императора в храме, согласно воле Калигулы³. Понимая последствия этого акта, легат успешно саботировал его до самой смерти Калигулы в 41 г. Тысячи евреев по время этих волнений надолго оставили свои поля необработанными. Хотя Иосиф прямо не утверждает, что собравшиеся евреи были галилеянами, само место волнений делает их участие вполне возможным⁴.

О втором событии — столкновении между галилеянами и самаритянами в правление римского прокуратора Кумана (48–52 гг.) — сообщают Иосиф⁵ и Тацит⁶. Когда галилейские паломники шли на пасхальный праздник в Иерусалим, один из них⁷ (или «многие»⁸) был убит самаритянами. Это вызвало сильное возмущение, лидеры галилеян обратились к Куману, который проигнорировал их жалобы⁹. Когда весть о случившемся пришла в Иерусалим, галилеяне (уже прибывшие в город) призвали народ напасть на самаритянские селения. Еврейские лидеры не смогли успокоить толпу, а Куман принял сторону самаритян. Галилеяне обратились с жалобой к сирийскому правителю Уммидию Квадрату, который казнил зачинщиков с обеих сторон, а Кумана и оставшихся лидеров бунтовщиков, включая еврейских первосвященников и высокопоставленных иудеев, отправил в Рим, где их дело должен был рассмотреть император Нерон.

Эту верность галилеян иерусалимскому храму в целом подтверждают и Евангелия (обрезание Иисуса, 12-летний отрок Иисус в храме¹⁰). Евангелист Лука также упоминает галилейских паломников в иерусалимский храм, «кровь которых Пилат смешал с их

¹ Ios. Flav. Antiq. XX 8. 4 (159); idem. De bell. II 13. 2 (252).

² Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian. P. 259–304.

³ Ios. Flav. De bell. II 10. 3–5 (192–203).

⁴ Freyne S. Op. cit. P. 166; Chancey M. A. Op. cit. P. 54.

⁵ Ios. Flav. De bell. II 12.3–7 (232–246); idem. Antiq. XX 6. 1–3 (118–136).

⁶ Tac. Ann. XII 54.

⁷ Один галилеянин — Ios. Flav. De bell. II 12. 3 (232).

⁸ Многие галилеяне — Ios. Flav. Antiq. XX 6. 1 (118).

⁹ Так как был подкуплен самаритянами (Ios. Flav. Antiq. XX 6. 1 (119)) или имел срочные дела (idem. De bell. II 12.3 (233)).

¹⁰ Лк 2:21–52.

жертвами»¹. О путешествиях Иисуса в Иерусалим на Пасху говорят все 4 евангелиста (чаще других у Иоанна — 3 раза²).

1.2. Свидетельства о религии, социально-политической и социально-экономической ситуации в Галилее I в.

Сообщения источников о Галилее I в. можно схематично разделить на несколько тематических групп, важных для дискуссии о галилейском контексте служения Иисуса: социально-экономическое положение; отношения между правителями и подданными; особенности галилейского религиозного благочестия и отношения между язычниками и евреями.

1.2.1. Социально-экономическая ситуация

Ясности в вопросе о социально-экономической ситуации в Галилее времени Иисуса нет. Источники в общем позволяют сделать взаимоисключающие выводы. О том, что социальная ситуация в Галилее была беспокойной, свидетельствует то, что уже в эллинистическое время в этом регионе развивается крупное землевладение, ведущее к усилению социального расслоения и обнищанию крестьян. Развитие крупного землевладения в Галилее подтверждается следующими фактами письменных источников.

(1) Латифундии, принадлежавшие сестре иродианского правителя Агриппы II Беренике¹, существовали еще в I в. по Р.Х. на северо-западе долины Изреель, в горном проходе Кишон, по

¹ Лк 13:1. См. Freyne S. Op. cit. P. 219, 227, 290.

² Ин 2:13, 6:4, 11:55.

которому проходила юго-западная граница Галилеи с владениями Птолемаиды. Здесь в Бесаре (Бет-Шеарим?) со всей области собирались причитающиеся царице подати².

(2) На то, что земля на холмах Верхней Галилеи принадлежала царю, указывает тот факт, что деревни в окрестностях Гисхалы в период антиримского восстания ок. 66 г. по Р.Х. должны были сохранять свой урожай для царя³.

(3) Крупные землевладения существовали на северном и северо-западном берегу Галилейского озера по причине особого плодородия здешней почвы⁴.

(4) В одном из папирусов из архива Зенона сообщается, что высокопоставленный чиновник Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до Р.Х.) Аполлоний владел в Бет-Анафе участком земли с виноградником, с которого собиралась пшеница для экспорта в Египет⁵.

(5) Крупные участки существовали также в долине Изреель, на юге, и в верховье Иордана, севернее долины Хула. Оба, однако, уже за пределами границ Галилеи⁶.

Считается, что представление о жизни аристократии, владевшей землей в Галилее, могут дать евангельские тексты: они жили в радости (Лк 14:16; 16:19), роскоши (Лк 16:19), часто вне их поместий (Мк 12:1; 13:35; Мф 25:24), лишь от случая к случаю приезжая для инспекции (Мф 25:19; Лк 16:2) или чтобы получить деньги (Мк 12:2; Мф 25:20, 28). Латифундия обрабатывалась крестьянами (Мк 12:1), или рабами с поденщиками (Мф 13:24–30; 20:1–16; Лк 15:17 и др.) под руководством управителя (Мф 20:8; Лк 16:1). Пропась между сравнительно небольшой группой богатых и массой бедных должна быть огромной⁷.

Основания для вывода о бедности крестьян и значительном социальном напряжении в Галилее времени Антипы часто видят в образах евангельских притч. О бунтарских настроениях среди крестьян-арендаторов, вынужденных отдавать свой урожай, должна свидетельствовать притча о злых виноградарях (Мк 12:1–11). В еще худшем положении могли быть безземельные наемники-поденщики, положение которых (в чем-то) отражено в притче о работниках в винограднике (Мф 20:1–16)⁸. О том, что мелкие свободные крестьяне Галилеи жили в скудных

¹ Alt A. Op. cit. S. 389–390.

² Ios. Flav. Vita. 24.

³ Ср.: Ios. Flav. Vita 13; 71.

⁴ Ios. Flav. Vita 24 (118–119); ср. также idem. Vita 26 (126) и idem. De bell. II 21.3 (595).

⁵ Zen. 59004.

⁶ Ср.: Ios. Flav. Antiq. XV 10. 1 (344); idem. De bell. I 20.4 (398); idem. Antiq. XV 10. 1 (344); idem. De bell. I 20.4 (399).

⁷ Bösen W. Galiläa als Lebensraum und Wirkungsfeld Jesu: Eine zeitgeschichtliche und theologische Untersuchung. Freiburg, 1985. S. 186.

⁸ Theißen G., Merz A. Der historische Jesus: Ein Lehrbuch. Göttingen, 1996. S. 166.

условиях и из-за невыплаты налогов должны были считаться с угрозой долгового рабства, свидетельствует притча о несправедном заимодавце (Мф 18:23–35; ср.: 5:25–26)¹.

В то же время о размерах земельного надела средней крестьянской семьи в Галилее I в., часто судят² по сохранившемуся у Евсевия Кесарийского рассказу Гегесиппа (2-я половина II в.)³. Два внука Иуды, брата Господня по плоти, доставленные императору Домициану (81–96 гг. по Р.Х.) на допрос, рассказывают, что они, крестьяне, зарабатывающие на жизнь «тяжким трудом и непрестанной работой», владеют 39 плетрами земли в стоимостью в 9000 динариев. Экономическое положение галилейского населения с учетом этого свидетельства оценивается учеными по-разному. Было ли большинство галилеян мелкими, «почти нищими»⁴ крестьянами, жившими «в страхе голодной смерти» по причине того, что не могли получить достаточно продуктов питания, обрабатывая лишь свой небольшой надел⁵, или же вполне состоятельными? Для сравнения иногда приводят тот факт, что при том же Домициане годовое денежное довольствие легионеров было повышено до 300 динариев. На эти средства солдаты должны были не только жить, но и приобретать оружие. Получается, что допрашиваемые Домицианом «мелкие» крестьяне владели землей, стоимость которой равнялась жалованию римского легионера за 30 лет. Размер их участка в 39 плетров равен приблизительно 4–5 га⁶.

Вывод об экономической и социальной стабильности в Галилее времени Иисуса обычно обосновывается тем, что источники практически ничего не сообщают о каких-то экономических трудностях и голоде в это время. Голод постиг Иудею после восстания Иуды из Гамлы, выступившего против переписи Квириния в году 6 г. по Р.Х.⁷ Следующий голод, о котором сообщается, был только при императоре Клавдии, в 46–48 гг. по Р.Х.⁸

Значительные траты Антипы на его градостроительные проекты указывают на то, что и доходы тетрархии были большими. Это, однако, не означает усиления экономической эксплуатации подданных тетрарха. По причине особенного плодородия галилейской почвы затраты на производство любых сельскохозяйственных продуктов здесь были ниже, и Антипа

¹ Ibid.

² Ibid. S. 164; Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus Beneath the Stones, Behind the Texts*. London, 2001. P. 34–35.

³ Euseb. *Hist. eccl.* III 20.1–3.

⁴ Theißen G. *Studien zur Soziologie des Urchristentums*. Tübingen, 1989. S. 112.

⁵ Stegemann E. W., Stegemann W. *Urchristliche Sozialgeschichte: Die Anfänge im Judentum und die Christugemeinden in der mediterranen Welt*. Stuttgart; Berlin; Köln, 1995. S. 113 называют в качестве основания голод при Клавдии (46–48 гг. по Р.Х.).

⁶ Еврейский и римский плетр составляют приблизительно 1000 м²; сирийский плетр равен 1250 м²; ср.: Ostmeier К.-Н. *Armenhaus und Räuberhöhle?: Galiläa zur Zeit Jesu // ZNW*. 2005. Bd. 96. S. 147–170 (здесь: S. 163) ссылкой на: Hulstsch F. *Griechisch-römische Metrologie*. Berlin, 1882². S.583, 598–601, 700.

⁷ Ios. Flav. *Antiq.* XVIII 1. 1 (8); голод, случившийся в период правления Ирода Великого, упоминается в *Idem. Antiq.* XV 9. 1–2 (299–316).

⁸ Ibid. XX 2. 6 (51); Деян 11:28.

мог рассчитывать на достаточно большой стабильный доход¹. Связь локальных дорог тетрархии с межрегиональными транспортными артериями (например, с дорогой от финикийского побережья, из Птолемаиды через Сепфорис и Тивериаду и далее на Голаны и в Сирию)² позволяет говорить о существовании на границах тетрархии и в городских центрах таможен, служивших важным ресурсом пополнения казны. В источниках упоминаются товары экспорта из Галилеи, среди них: оливковое масло³, рыба и бальзам⁴; вина, мед, инжир и благовония⁵. Поступления от экспорта, доходы от таможенных сборов, а также от личных земель тетрарха могли составить основной источник финансирования строительных проектов Антипы, само существование которых не способствовало усилению безработицы в стране.

Примером социальной политики тетрарха может послужить следующее свидетельство Иосифа Флавия. Новая столица региона, Тивериада, расположенная в одном из плодородных мест Ближнего Востока, на берегу богатого рыбой Галилейского озера, с хорошим климатом, рядом с горячим источником⁶, должна была привлечь лояльное тетрарху население, готовое заплатить за жизнь в городе высокую религиозную цену, нарушив иудейский закон о чистоте. Это требовало от тетрарха дополнительных действий по экономическому стимулированию переселения. В результате бедняки стали владельцами домов и земельных наделов⁷. Это свидетельство Иосифа позволяет некоторым историкам сделать вывод, что концентрации земельной собственности в одних руках при Ироде Антипе уже не происходило, наоборот, в Тивериаде он раздавал земельные наделы⁸.

Галилея была одним из наиболее плодородных мест античного Восточного Средиземноморья. Иосиф сообщает, что некоторые ее части были настолько плодородны, что позволяли хорошо жить «даже самому ленивому пахарю»⁹. Цена на зерно в Иудее, Самарии и Галилеи была благоприятной по сравнению с другими местностями¹⁰. Богатые урожаи, полученные благодаря трудолюбию крестьян, позволяли соблюдать религиозный обряд оставления земли под паром в субботние годы¹¹.

¹ Ios. Flav. De bell. II 6. 3 (95).

² Fortner S., Rottloff A. Signale aus der Vergangenheit: Die Rekonstruktion des täglichen Lebens am See in hellenistisch-römischer Zeit am Beispiel der archäologischen Funde aus Betsaida // Leben am See Gennesaret / Hrsg. Faßbeck, S. Fortner, A. Rottloff, J. Zangenberg. Mainz am Rhein, 2003. S. 130.

³ Ios. Flav. De bell. II 21. 2 (592–593); idem. Vita 75.

⁴ Strabo. Geogr. XVI 2.

⁵ Plin. Sen. Nat. hist. 13. 44; Tac. Hist. 5. 6.

⁶ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (36).

⁷ Ibid. 38.

⁸ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (37–38).

⁹ Ios. Flav. De bell. III 2 (42–43).

¹⁰ ВТ. Таанит 19b; Ben-David. 1974. S. 346.

¹¹ Ios. Flav. Antiq. XIV 10. 6 (201–202).

Помимо земледелия в Галилее с ее замечательным климатом интенсивно развивались виноделие и производство оливкового масла¹.

К указанным возможностям сельского хозяйства добавлялось рыболовство. Галилейское озеро было единственным местом между Нилом и Евфратом, где могла водиться пресноводная рыба. В Магдале соленая рыба заготавливалась для экспорта², и распространялась отсюда вплоть до самого Рима³.

В целом на основании письменных источников можно сделать вывод, что в период правления Ирода Антипы и земной жизни Иисуса бедность была не такой масштабной, как в конце 40-х гг. I в., когда она угрожала физическому существованию значительной части населения Галилеи⁴.

1.2.2. Социально-политическая ситуация

Как и в вопросе о социально-экономическом положении жителей Галилеи, свидетельства источников о социально-политической ситуации в этом регионе в I в. по Р.Х. (в частности, в период правления Антипы) не создают единообразной картины и не имеют однозначной интерпретации. С одной стороны, именно с Галилеей Иосиф Флавий связывает деятельность нескольких крупных повстанческих групп. С другой стороны, длительное правление Антипы может свидетельствовать о политической стабильности, а власть клиента должна была самортизировать худшие последствия римского контроля (в отличие от Иудеи, где власть осуществлялась римлянами напрямую и где развернулось движение сопротивления).

В качестве аргументов в пользу вывода об общей нестабильности политической ситуации в Галилее рассматриваются следующие свидетельства.

(1) Предпосылкой для этого уже в самом начале правления Антипы должны были стать последствия «разбойничьей войны», охватившей Галилею и другие территории после смерти Ирода Великого, когда сирийский легат Квинтилий Вар разрушил Сепфорис и продал его

¹ Ios. Flav. De bell. III 3. 3 (42); 10. 8 (516–519); Plin. Sen. Nat. hist. 13. 9.

² Магдала поэтому получила греческое имя, указывающее на засол рыбы — Тарихея.

³ Strabo. Geogr. XVI 2.

⁴ Ios. Flav. Antiq. XX 2. 6 (53); Деян 11:28.

жителей в рабство¹. Считается, что на особую интенсивность именно сопротивления галилеян может указывать тот факт, что так жестоко тогда не был наказан ни один иудейский город².

(2) Указание на галилейские истоки восстания Иуды Галилеянина против налогообложения в пользу римлян³ после введения прямого римского правления в Иудее и Самарии усматривают в более поздних событиях, когда после 44 г. по Р. Х., видимо, с теми же идеями выступили 2 сына Иуды Галилеянина, Симон и Иаков, казненные позднее прокуратором Тиберием Александром⁴. Борьба с римским налогообложением после 44 г. могла быть актуальной именно в Галилее, оказавшейся в это время под прямым римским правлением и выплачивавшей налоги напрямую в Рим⁵.

(3) Аргументом в пользу нестабильности Галилеи иногда считают пророчество о сыновьях Ирода в апокалипсисе «Вознесение Моисея» (получил распространение в Палестине в период между 6-м и приблизительно 30-м гг. по Р.Х.) о том, что они будут править не так долго, как их отец⁶. Так как Архелай уже был низложен, Филипп правил в отдаленной области, то считается, что это пророчество в основном адресовано Антипе. Авторы, таким образом, видимо надеялись, что власть тетрарха вскоре падет. Выступление и казнь Иоанна Крестителя в таком случае рассматривается в связи с этими ожиданиями⁷.

(4) Непрочность власти тетрарха может подтверждать указание Страбона⁸ о том, что после отстранения Архелая в 6 г. по Р.Х. оба сына Ирода Великого, Антипа и Филипп, бежали, и лишь с большим трудом им удалось сохранить свои тетрархии.

(5) Нестабильность положения при Антипе обосновывают галилейским происхождением радикальной повстанческой группы зилотов, позднее действовавшей в Иерусалиме во время иудейской войны. О таком зилоте должно говорить имя апостола Симона Кананита, путешествовавшего вместе с Иисусом по Галилее⁹. Есть еще одно эпиграфическое свидетельство о похороненном в Риме «зилоте»: его родным городом назван галилейский Сепфорис.

¹ Ios. Flav. De bell. II 4.1 (56); 5.1 (68).

² Theißen G., Merz A. Der historische Jesus. S. 166.

³ Ios. Flav. De bell. II 8. 1 (118).

⁴ Ios. Flav. Antiq. XX 5. 2 (102).

⁵ Theißen G., Merz A. Op. cit. 1996. S. 166.

⁶ Assumptio Mosis. 6:7.

⁷ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 2 (118).

⁸ Strabo. Geogr. XVI 2. 46.

⁹ Ср. Лк 6. 15; Деян 1. 13.

(6) Наконец, о беспокойной политической ситуации при Антипе может говорить и событие переноса столицы тетрархии из Сепфориса в Тивериаду, куда переселялось лояльное тетрарху население¹.

В пользу вывода о стабильности политической ситуации в Галилее при Антипе обычно приводится следующая аргументация.

(1) В Галилее с 3 г. до Р.Х. и до 44 г. по Р.Х. Рим осуществлял свою власть лишь опосредованно, через клиентов. Это означало, что легионеры здесь не размещались²; судопроизводство, сбор налогов и таможенных пошлин оставалось в руках местных властей³.

(2) В период земного служения Иисуса в Галилее не упоминается никаких восстаний. Последствия снятия Архелая в Иудее и установление прямой власти римского прокуратора служили, видимо, стабилизирующими факторами (ср. сообщение Страбона⁴) и побуждали Антипу действовать жестко в потенциально опасных ситуациях⁵. Видимо по этой причине, был арестован и казнен Иоанн Креститель⁶. О других подобных случаях при Антипе в источниках не говорится. Нападения разбойников упоминаются уже только после смерти Агриппы I (41–44 гг. по Р.Х.)⁷.

(3) Аргументация о галилейском происхождении движения зилотов также сталкивается с очевидными трудностями. В источниках в период между 6 г. по Р.Х. (Иуда Галилеянин) и приблизительно 40/45 г. по Р.Х. (Февда⁸) о действиях зилотов ничего не сообщается⁹. Так как до 44 г. по Р.Х. действий партии зилотов в Галилее доказать нельзя, вывод о принадлежности некоторых апостолов к партии зилотов, сделанный на основании второго имени одного из учеников Иисуса (Симон Кананит), критики не выдерживает. Ап. Павел еще в 50-е гг. мог называть себя «зилотом» отеческих преданий¹⁰, а коринфяны «ревнителями духа»¹¹. В Евангелии

¹ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (37–38). Ibid. 7.1–2 (240–256).

² Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 53; капернаумский сотник из Лк 7.1–10 на границе с тетрархией Филиппа мог быть иностранным офицером из армии Антипы — Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-Examination of the Evidence. Harrisburg, 2000. P. 162.

³ Ostmeier K.-H. Armenhaus und Räuberhöhle. 152–153.

⁴ Strabo. Geogr. XVI 2. 46.

⁵ Ср. Rappoport U. How Anti-Roman was the Galilee // Galilee in the Late Antiquity. New York, 1992. P. 98.

⁶ Ios. Flav. Antiq. XVIII 5. 2 (118–119).

⁷ Ios. Flav. De bell. II 12. 2–5 (228–240). Для времени Иисуса в Лк 10. 37–37 засвидетельствован литературный факт грабежа на дороге, и опять же именно в Иудее, а не в Галилее.

⁸ Ios. Flav. Antiq. XX 5. 1 (97–99); idem. De bell. II 2. 2 (18); Деян 5. 36–37.

⁹ От времени прямого римского правления известны примеры совершенно незилотского, пассивного сопротивления: в Галилее против Петрония (ок. 40 г.; Ios. Flav. Antiq. XVIII 8. 3 (271–272); ср.: idem. De bell. II 14. 6–8 (294–304), в Иудее против Пилата (ок. 26–27 г.; idem. De bell. II 9. 3 (174)).

¹⁰ Гал 1.14; ср. Деян 22. 3.

¹¹ 1 Кор 14.12; ср.: Деян 21. 20; Тит 2.14; 1 Петр 3. 13.

от Луки «зилот» дважды встречается как прозвище Симона Петра¹, обозначающее его характер. Политическая окраска термина в Новом Завете не очевидна².

(4) Иосиф, видимо, хотел показать, что религиозный зилотизм, ставший причиной войны с Римом, не был общеиудейским феноменом, поэтому изобразил основных врагов Рима представителями одной династии и выходцами из Галилеи.

После смерти Ирода Великого, Иуда, сын казненного им еще в 47/46 г. до Р.Х. Езекии (из Гамлы), прозванный «Галилеянин»³, занял место отца и, выступив одним из претендентов на царский титул, ограбил царский дворец (или арсенал) в Сепфорисе, «всюду вселяя ужас»⁴. После этих событий упоминаются только его выступление в Иудее против переписи, устроенной римским легатом Квиринием в 6 г. по Р.Х.⁵. Он же был одним из основателей учения, названного Иосифом «четвертой философией»⁶. Приблизительно через 40 лет, между 46 и 48 гг. прокуратор Иудеи Тиберий Юлий Александр (46–48 гг.) казнил Иакова и Симона⁷, которых Иосиф называет сыновьями Иуды Галилеянина, также за бунт против римского налогообложения. Об обстоятельствах их ареста и действиях ничего не сообщается. Потомок Иуды Менахем в 66 г. по Р.Х. попытался возглавить антиримское восстание в Иерусалиме. Сам он и большинство его товарищей погибли в результате распри между группами восставших⁸. Выживший после резни потомок Иуды Галилеянина, племянник Менахема, Элеазар, сын Иаира, продолжил сопротивление Риму даже после падения Иерусалима и до конца был во главе защитников Масады в 72/74 гг.⁹

Возникает впечатление, что с 4 г. до Р.Х. никто из этой династии уже не действовал в Галилее. Тетрархия не была подходящим местом для зилотов, так как их враги, римляне, при жизни Иисуса находились не в Галилее, а в Иудее и Самарии¹⁰. В целом правление Антипы

¹ Лк 6. 15; Деян 1. 13; ср. Мф 10. 4; Мк 3. 18.

² Ostmeyer K.-H. Armenhaus und Räuberhöhle. S. 155.

³ Деян 5.37.

⁴ Ios. Flav. Antiq. XVII 10. 5 (271–272); idem. De bell. II 4. 1 (56).

⁵ Ios. Flav. Antiq. XVIII 1. 1 (1–11); idem. De bell. II 8.1 (118).

⁶ Ios. Flav. Antiq. XVIII 1. 6 (23); idem. De bell. II 8.1 (118); idem. De bell. II 17. 8 (433). Нужно отметить, что идентичность лидера восстания 4 до Р.Х. Иуды, сына Езекии, с Иудой Галилеянином, создателем «четвертой философии», по ряду причин оспаривается. (1) И в «Иудейской войне», и в «Древностях» Иосиф вводит Иуду Галилеянина в повествование о событиях 6 г. в качестве нового героя; (2) его восстание охватило Иудею, а не Галилею, где переписи, послужившей причиной восстания, не проводилось; а (3) его прозвище «Галилеянин» имело бы смысл только в том случае, если к восстанию примкнули лишь немногие галилеяне (Goodman M. Galilean Judaism and Judaeon Judaism // The Cambridge history of Judaism / Ed. W. Horbury. Cambridge, 1999. Vol. 3: The early Roman period. P. 615).

⁷ Ios. Flav. Antiq. XX 5. 2 (102).

⁸ Ios. Flav. De bell. II 17. 8 (433–448).

⁹ Ibid. VII 8.1 (253); 8.2 (275), 8. 6—9.1 (320–401).

¹⁰ Ostmeyer K.-H. Armenhaus und Räuberhöhle. S. 156.

изображается стабильным, и слова Тацита «sub Tiberio quies»¹ особенно подходят для его тетрархии.

1.2.3. Особенности религиозного благочестия галилеян²

Воссоздать на основании свидетельств письменных источников образ религиозного менталитета галилеян I в. очень трудно, прежде всего по причине односторонней перспективы самих источников. Раввинистическая литература, созданная иудейскими мудрецами, которые переселись в Галилею после 135 г., описывает галилеян как религиозно необразованных, невежественных в вопросах ритуала и знания Торе людей. Помимо ангажированности источников, можно отметить и тот факт, что о религиозном самосознании галилеян в них сообщается очень мало. Отношение галилеян к центральным религиозно-символическим реалиям — храму, земле и Торе — восстанавливаются только в самых общих чертах.

В целом источники ясно свидетельствуют об иудейском благочестии галилеян, связанным с иерусалимским храмом и его институтами. Галилеяне, как и жители Иудеи, верили, что Богу надо поклоняться в иерусалимском храме и что правильное приношение жертвоприношений имеет принципиально важное значение.

Десятина и налог на храм. Вполне вероятно, что галилеяне платили стандартный ежегодный налог на храм в полшекеля для осуществления регулярных жертвоприношений³.

Известна также готовность галилеян платить десятину иерусалимским священникам⁴. (Иосиф сообщает, что он великодушно отказался от этих денег, причитавшихся ему как представителю священнического рода⁵, тогда как другие его коллеги приняли приношение). Даже если к этим словам Иосифа относиться как к вымыслу с целью самоапологии, важно то обстоятельство, что вопрос о причине лояльности галилеян иерусалимскому священнику

¹ Tac. Hist. V 9. 2.

² В данном разделе в более расширенном виде приводится материал, опубликованный в частности в статье: Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность галилеян раннеримского периода в свете археологии: состояние вопроса на начало XXI в. // Христианское чтение. СПб., 2014. № 6. С. 21–79, см. С. 21–31.

³ Ср. Мф. 17:24-27; ср. Мишна. Недарим. 2:4.

⁴ Ios. Flav. Vita 62–63.

⁵ Ibid. 15 (80).

ставили противники Иосифа — посланники из Иерусалима, пришедшие отстранить его от руководства¹. Иерусалим, на лояльность которому Иосиф надеялся во время организации сопротивления в Галилее, он называл «наш величайший город», а храм — «наша общая святыня»².

Несколько иначе, практически одновременно с Иосифом, ситуация с галилейской десятиной описывается раввинами Симеоном бен Гамалиилом и Йохананном бен Заккаем в письме, адресованном жителям Верхней и Нижней Галилеи. Галилеяне, судя по всему, не спешили выплачивать десятину. Авторы письма призывают принести полагающиеся приношения из плодов оливковых деревьев. Тон письма, а также апелляция к традиции («как отцы наши писали отцам вашим») позволяют предположить, что соблюдение галилеянами закона о десятине не считалось авторами удовлетворительным³.

Паломничества. Ясно в целом, что галилеяне совершали также паломничества в Иерусалим, установленные заповедью: «Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лице Владыки, Господа» (Исх 23:17; Втор 16:16). Иосиф упоминает паломников из Галилеи в рассказе о волнениях в Иерусалиме после смерти Ирода Великого, когда народ поддержал сторонников казненных Иродом фарисеев, выступивших против установления в храме щитов с изображением римского орла⁴.

В этом ряду можно назвать уже известные события. Приблизительно в 50 г. по Р.Х. убийство галилейского паломника привело к столкновениям галилеян с самаритянами, их масштаб позволяет заключить, что паломники из Галилеи здесь были многочисленными⁵. Галилейских паломников упоминает также евангелист Лука — их кровь Пилат смешал с жертвами (Лк 13:1). О верности галилеян иерусалимскому храму в период предвоенного кризиса свидетельствует рассказ о протесте в Тивериаде против установки статуи Калигулы в храме⁶.

Учителя закона в Галилее I в. На основании свидетельств источников I в. можно сделать заключение о соблюдении галилеянами предписаний Торы и присутствии здесь мудрецов еще до 70 г. Галилейские фарисеи упоминаются и в Евангелиях, и у Иосифа Флавия. В Евангелиях дважды, однако, говорится, что они пришли из Иерусалима (Мк 3:22; 7:1).

¹ Ibid. 198.

² Ios. Flav. Vita 348.

³ Цит. по: Freyne S. Op.cit. P. 282.

⁴ Ios. Flav. Antiq. XVII 6. 2–4 (49–167); 9.3 (213–218); idem. De bell. II 1. 3 (8–13).

⁵ Ios. Flav. Antiq. XX 6. 1 (118–121); II 14.1 (237).

⁶ Ios. Flav. Antiq. XVIII 8. 3 (269–270).

Единственные фарисеи в Галилее, о которых сообщает Иосиф, были членами иерусалимского посольства, пришедшими его сместить¹.

В Галилее упоминаются и другие учителя закона: «книжник» Иуда Галилеянин, учение которого имело радикальные политические последствия²; некий Элеазар, учивший при дворе адиабенского царя Изата и убедивший его совершить обрезание³. Ряд историй относится к деятельности раввинов вскоре после 70 г. Уже известный Иохананбен Заккай жил и учил здесь вероятно в I в. по Р.Х.⁴, в целом его миссия, как об этом свидетельствует традиция III в.⁵, оказалась неудачной. С севера происходил один из учителей Явнийской школы — Йосе «Галилеянин»⁶. Кроме того, в Галилее среди других мог учить и раввин Ханинабен Доса (см. ниже).

Иногда исследователи говорят о связи между галилейскими евреями и «сыновьями Бафиры» (мудрецами, возглавлявшими еврейский народ в период разрушения Второго храма и перед началом эры таннаев), изображенными в литературе амораим мудрецами I в., связанными с Гиллелем и, затем, с Йохананом бен Заккаем в Явнии. Полагают, что это были вавилонские евреи, поселившиеся при Ироде в Бафире в топархии Батане⁷.

Этих свидетельств, однако, недостаточно для заключения о наличии школ предшественников раввинов в Галилее I в., так как непосредственно после 70 г. и до 132 г. основные новые центры еврейской учености — Лидда и Явния — возникают именно в Иудее, а не в Галилее. Но какое-то число «протораввинов» в Галилее до 70 г. видимо было. Среди принимавших авторитет Торы галилеян должны были быть эксперты по правовым вопросам, учение которых не сильно отличалось от того, которого придерживались жители юга, даже если сами галилейские учителя презирались своими иудейскими коллегами как неискушенные провинциалы⁸.

Соблюдение других предписаний Торы. Галилейские евреи избегали употреблять некошерную пищу. Евреи Кесарии готовы были покупать (даже по завышенной цене) масло, произведенное в галилейской Гисхале⁹. Есть также свидетельство того, что галилейские евреи

¹ Ios. Flav. Vita. 189–198.

² Ios. Flav. De bell. II 8.1 (118).

³ Ios. Flav. Antiq. XX 2. 4 (43). В случае Элеазара неясно, в какой степени его галилейское происхождение имеет значение для его учения, так как в отличие от большинства галилеян он в основном учил вдали от дома (Goodman M. Op. cit. P. 604–605).

⁴ Neusner J. A Life of Rabban Yohanan ben Zakkai Ca. 1–80 C. E. Leiden, 1970². P. 47.

⁵ ИТ. Шаббат. 15d.

⁶ Хаггига 14а.

⁷ Ios. Flav. Antiq. XVII 2–3 (26–31).

⁸ Goodman M. Op. cit. P. 606.

⁹ Ios. Flav. De bell. II 2. 21. 2 (591–592); idem. Vita 13 (74–76).

хранили субботний покой (Иосиф не стал размещать войска в Тарихее, опасаясь нарушить покой жителей¹). Мужчины видимо были обрезаны, так как именно этот обряд рассматривался галилеянами как способ обращения (и путь к спасению жизни) плененных ими в 67 г. офицеров Агриппы II². Соблюдались также законы о чистоте, о чем свидетельствует нежелание крестьян селиться в Тивериаде, построенной на месте кладбища³. Гнев галилеян вызвало и наличие в тивериадском дворце Антипы изображений живых существ⁴. Известна также их поддержка критики Иоанном Крестителем либерального понимания иродианами закона о браке⁵.

Специфические черты религиозности галилеян. Вместе с данными, позволяющими говорить об очевидных сходствах южных и северных религиозных традиций, в ряде источников отмечаются заметные различия между ними. Вопрос об этих отличиях и их причинах привлекал внимание ученых по двум причинам: во-первых, такие различия могли иметь прямые последствия для понимания служения Иисуса и истории ранней Церкви (об этом см. 2-ю главу); во-вторых, — они проливали свет на историю иудаизма после 132 г. по Р.Х., когда, после изгнания евреев из Иудеи, главные центры раввинской учености стали развиваться в Галилее.

В качестве причин, которые должны были обусловить особенности религиозных представлений галилеян, часто указывали⁶ на (1) окруженность Галилеи языческими землями, (2) географическую отдаленность от религиозного центра в Иерусалиме, (3) до 44 г. по Р.Х. иную по сравнению с Иудеей форму правления (отсутствие прямой власти прокуратора), а также (4) то историческое обстоятельство, что какую-то часть населения Галилеи раннеримского времени, судя по всему, составляли потомки итуреев, обращенных в иудаизм при Аристобуле II в 104 до Р.Х.⁷

Свидетельства (в основном пренебрежительные) об отличии религиозности галилеян и их южных соотечественников встречаются в раввинских текстах (вавилонской традиции III в. по Р.Х.)⁸, и относятся к разным областям⁹: семейным отношениям¹⁰, погребальным обычаям¹,

¹ Ibid. 32 (159).

² Ibid. 23 (113).

³ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38).

⁴ Ios. Flav. Vita 65–66.

⁵ Мк 6:17–18.

⁶ Ср.: Goodman M. Op.cit. 1999. P. 599.

⁷ Ios. Flav. Antiq. XIII 11. 3 (318–319).

⁸ Нужно отметить, что, например, у Иосифа Флавия, хорошо знакомого с регионом в I в., нет никаких указаний на особенности местного иудаизма (Schiffman L. H. Was there a Galilean Halakah? // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine. New York; Jerusalem, 1992).

⁹ Goodman M. Op. cit. P. 597.

¹⁰ Например, в Иудее помолвленным разрешалась супружеская близость, в Галилее это запрещалось (ВТ. Кетувот. 12а); в Галилее, как и в Иерусалиме, вдова имела право оставаться неопределенное время в доме мужа, в то время как в Иудее она оставалась только до тех пор, пока наследники не выплачивали долг, предусмотренный в брачном договоре (ВТ. Кетувот.4:12).

соблюдению праздников² и обетов³ — и объясняются, как было сказано, в основном тем, что в Галилее не было необходимого религиозного образования⁴ (в традиции галилеяне считались простонародьем, «ам ха-арец», меньше, чем жители Иудеи, интересовавшимся изучением Торы и толком не знавшим и не исполняющим закон⁵). Их неведение стало притчей во языцех⁶, возможно по причине отсутствия здесь влияния фарисеев⁷.

Отношение к земле Израиля и религиозный радикализм галилеян. Для вопроса о галилейской религиозности большое значение имеют сообщения источников об отношении галилеян к «земле Израиля». Политическая независимость очевидно осознавалась как ценность. Свободолюбие галилеян известно как Иосифу Флавию⁸, так и раввинам⁹. О повстанцах галилейского происхождения уже говорилось выше. С религиозной точки зрения их позиция имеет основание в традиционной вере в то, что Бог является единственным Владыкой земли, которую Он дал Своему народу, и не потерпит ее «осквернения» иными народами, их обычаями и их богами.

¹ Так, в Иерусалиме и Галилее было принято читать хвалебные молитвы в доме умершего до погребения, в то время как в Иудее это происходило уже после похорон (ВТ. Шаббат.153а); во II в. в Сепфорисе, в отличие от Иудеи, возможно не было принято скорбеть об усопшем в субботу (ИТ. Моэд Катан. 82d).

² Сохранилась традиция, согласно которой галилеяне воздерживались от работы 14 нисана с самого утра, в канун Пасхи, в отличие от жителей Иудеи, которые работали до полудня (М. Песахим.4:5; ср.: 3:4); только в Галилее известен обычай пира 9-го числа в месяц Тишрей, перед Йом-Киппуром (М. Гиттин. 5:3).

³ В Мишне предметом дискуссии (от имени раввины Иуды из Уша (II в.)) был вопрос о клятве (Недарим. 2:4) и говорится об обязательности в Иудее произнесения в храме некоторых формул, для галилеян же, из-за предполагаемого незнания ими ритуала, это признавалось необязательным.

⁴ Ряд свидетельств должен указывать на это. (1) В Евангелиях говорится, что книжники и фарисеи, спорившие с Иисусом, были из Иерусалима (Мк 7:1), из чего делается вывод, что в самой Галилее их вообще не было. (2) Раввин Йоханан бен Заккай (до 70 г.) прожил 18 лет в Нижней Галилее (недалеко от Сепфориса в городе Араве (ВТ. Шаббат. 146а; М. Шаббат 16:7; 22:3)), и за все это время он лишь дважды участвовал в спорах по галахическим проблемам, так что в итоге воскликнул: «Галилея, Галилея, ты ненавидишь Тору» (ИТ. Шаббат. 15d). (3) Подобная позиция засвидетельствована уже в Евангелии от Иоанна (Ин 7. 41–49): реакция на проповедь Иисуса в Иерусалиме раздражает еврейских лидеров, задаются вопросы: «разве из Галилеи Христос придет?» (Ин 7. 41), в это может верить только тот, кто «невежда в законе» и «проклят» (Ин 7. 49).

⁵ Недарим. 18b.

⁶ Ср. распространенное выражение «глупый галилеянин» (ВТ. Эрувин.53b).

⁷ В современной литературе эти различия иногда объясняют тем, что галилеяне были сторонниками раввинистического дома Шаммая (ок. 50 г. до Р.Х.— 30 г. по Р.Х.), в то время как крестьяне Иудеи сторонниками дома Гиллеля (начало I в.). Сходство обычаев Галилеи с традицией дома Шаммая видят в строгости галилеян в соблюдении покоя на 14-е нисана, что может отражать запрет дома Шаммая работать даже в предшествующую празднику ночь (М. Песахим. 4:5). Причины этого влияния обычно видят в том историческом обстоятельстве, что (1) Галилея была обращена в иудаизм династией хасмонеев в I в. до Р.Х., и ее сторонники должны были получить здесь крупные поместья и, следовательно, религиозные взгляды хасмонейских аристократов стали доминирующими. Кроме того, (2) с домом Шаммая в I в. в таком случае пытаются связать «четвертую философию», описанную Иосифом Флавием, а, по крайней мере, один из ее сторонников в 6 г. Иуда происходил из Галилеи или из Гамалы. Однако такие обычаи, как, например, право вдовы оставаться в доме мужа и произнесение хвалебной речи до, а не после захоронения известны и в Галилее и в Иерусалиме, хотя ничто не говорит о том, что в последнем случае имеются в виду только аристократы (Goodman M. Galilean Judaism and Judaeon Judaism. P. 603).

⁸ Ios. Flav. De bell. III 3. 2 (41).

⁹ ИТ. Кетувот 29b.

Данные источников позволяли ученым делать вывод о том, что в Галилее возникла особая религиозная эсхатологическая идеология¹, оправдывающая политическую революцию против иродиан и римлян, власть которых по природе противоречила вере во владычество Господа в Израиле. Мнение, что Галилея в I в. по Р.Х. была рассадником революционных антиримских настроений, базируется, главным образом, на свидетельствах Иосифа Флавия о галилеянах, как воинственных и страстных в своем стремлении к свободе людей («всегда сопротивляются вторжению противника» и с детства «готовы к войне»²). Примеры такого «революционного» настроения часто видят в событиях политической истории раннеримского времени — в восстаниях (от возглавленного Пифолаем в 53 до Р.Х. и восстаний, подавленных Иродом приблизительно в 42 г. и 39–37 гг. до Р.Х., и до беспорядков, распространившихся после смерти Ирода в 4 г. до Р.Х. и в 49 г. по Р.Х. в Иерусалиме после убийства паломников³), а также в том, что одним из лидеров первого антиримского восстания был Иоанн из галилейской Гисхалы⁴, войско которого в Иерусалиме прославилось своими грабежами, «безнравственностью и разнузданностью»⁵.

Утверждение Иосифа о галилеянах как особо воинственном племени рассматривается многими как часть его апологетического изображения себя как великого полководца, успешно возглавлявшего эту территорию («Иудейская война»). Иначе выглядит эта картина в «Жизни», где Иосиф сообщает о своих попытках предотвратить войну с Римом в Галилее. Иосиф не в состоянии описать в своих произведениях ни одного случая, когда заметная антиримская операция проводилась бы именно известной группой галилеян. Их роль в войне представляется скорее пассивной. Описание страданий жителей Йодфата, Гамлы и Тарихеи может скорее

¹ Эсхатологические движения, которые привлекли внимание римских властей между 6 и 66 гг., возникли, однако, не в Галилее, а в Иудее. В раввинских текстах нет связи между Мессией и Галилеей, так что тезис обычно пытаются обосновать упоминаниями Дамаска как места собрания пленников и других мессианских событий, имеющимися в текстах Кумрана и в нескольких раввинских источниках (Wieder N. *The Judaean Scrolls and Karaism*. London, 1962). Но (1) не очевидно, что Дамаск в этих свидетельствах как-то связан только с Галилеей: его можно понять в широком смысле, как указание на территорию, включающую Ливан, Антиливан, а поэтому и Галилею. Северные границы последней в описании Иосифа были четко определены. (2) Известно также, что слова о приходе Мессии из Галилеи вызвали удивление (см.: Ин 7:41), что естественно, если такое событие ожидалось именно в среде негалилейских евреев (Goodman M. *Op. cit.* P. 616).

² Ios. Flav. *De bell.* III 3. 2 (41–42).

³ Ios. Flav. *Antiq.* XX 6. 1 (100).

⁴ Ios. Flav. *De bell.* II 21.1 (585).

⁵ *Ibid.* IV 9. 10 (558). «Разбойниками», как их обозначил Иосиф, могли двигать не религиозные, но политические мотивы. Так, совсем не очевидно, что Иудой бенЕзекией, восхотевшим в 4 г. до Р.Х. стать царем (Ios. Flav. *Antiq.* XVII 10. 5 (272)), двигали какие-то мессианские притязания. Как было показано выше, поддержка Ирода Римом не исключала сопротивления ему местного населения. Не совсем ясно, кто составлял эту оппозицию — местные аристократы, которые могли быть связаны с династией хасмонеев и пытаться отстоять свою свободу (Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*. P. 63–68, 211–216), или простые галилеяне. Сколько их поддержало это сопротивление, не известно; Иосиф говорит о том, что некоторые галилеяне в 39–37 до Р.Х. перешли на сторону Ирода (Ios. Flav. *Antiq.* XIV 15. 1 (395)).

указывать на римскую политику устрашения повстанцев в Иерусалиме, чем о сильном галилейском сопротивлении Риму¹.

Апологетической интенцией объясняют и то, что Иосиф, как было сказано, изображает многих руководителей восстания выходцами из Галилеи и принадлежащими к одной династии: «предводитель разбойников» Езекия (казнен в 47 г. до Р.Х.) — Иуда, сын Езекии, «всюду вселявший ужас» — Иуда Галилеянин, выступавший против римских налогов и создавший партию зилотов, — его сыновья Иаков и Симон, казненные прокуратором Тиберием Юлием Александром (46–48 гг.) — потомки Иуды Менахем, глава антиримского восстания в 66 г. по Р.Х., и его племянник Элезар, сын Иаира, защищавший Масаду².

Галилейские харизматики. Отличительную особенность галилейской религиозности усматривают также в признании авторитета харизматических учителей, таких как раввины Хони ха-Меагэль, Ханина бен Доса, Абба Хилкия.

О Хони ха-Меагэле рассказывается как о чудотворце³, праведнике⁴, принявшем мученическую кончину⁵. Ханина бен Доса, живший, согласно раввинистической традиции, в I в. по Р.Х.⁶ в галилейской Араве, примерно в 15 км к северу от Назарета (как и Йоханан бен Заккай)⁷, также известен как праведник⁸, целитель⁹, экзорцист, ограничивавший власть даже «царицы демонов»¹⁰, как человек, живущий в крайней бедности и «ненавидящий ... деньги»¹¹, проявлявший интерес к вопросам нравственности, но при этом достаточно безразличный к

¹ Goodman M. Op. cit. P. 614.

² Примеры восприятия галилеян как вспыльчивых, несговорчивых, склонных к экстремизму (Мишна. Недарим 5:5; ВТ. Недарим. 48а) и революционным действиям есть и в раввинистических источниках (ср. Мишна. Йадаим. 4:8: «Галилейский еретик сказал: «Я протестую против вас, офарисеи, ибо вы написали в разводное письмо имя правителя вместе с именем Моисея»). «Фарисеи сказали: «Мы протестуем против тебя, о галилейский еретик, ибо ты пишешь имя правителя [римского императора — К.Н.] вместе с именем (Бога) на одной странице»). Несмотря на их общую негативную оценку, подчеркивается, что они, в отличие от иудеев, которые «заботились больше о своем благе, чем о славе», предпочитали честь пользе (ИТ. Кетувот. 29b).

³ Во время засухи по просьбе народа, считавшего его «близким к Богу человеком», он, очертив круг, встал в него и молитвенно поклялся, что не уйдет, пока Господь не смилует над народом. И «пошел дождь, о котором он просил» (Мишна. Таанит. 3. 8). В другом месте говорится, что укусившая его змея умерла, а он даже не прервал молитвы (ИТ. Берахот. 9а; ВТ. Берахот. 33а).

⁴ ВТ. Таанит. 23а; Мидраш Берешит Рабба 13:7.

⁵ Иосиф Флавий сообщает о мученическом конце Хонии — он был убит за отказ помолиться о победе одной из сторон во время междоусобицы между хасмонейскими правителями Гирканом II и Аристокбулом II (Ios. Flav. Antiq. XIV 2. 1 (22–24)).

⁶ То, что Ханина жил в I в. по Р.Х., считается доказанным на основании свидетельства талмудических источников — его современниками названы три известных персонажа: храмовый служитель Нехония, р. Гамалиил и Йоханан бен Заккай. Если это Гамалиил I, которого ап. Павел назвал своим учителем (Деян 22. 3), а не его внук Гамалиил II, то проповедь Ханины относится ко времени до 70-го г.

⁷ Согласно Вавилонскому Талмуду (Берахот 34b), Ханина был его учеником.

⁸ Мишна. Берахот. 5:1.

⁹ Он славился умением исцелять больных: в Берахот. 34b есть рассказ об исцелении по его молитве сына Йоханана бен Заккая, а на удалении — сына Гамалиила. Мишна. Берахот. 5:5.

¹⁰ ВТ. Песахим. 112b.

¹¹ Мишна. Авот. 5:10.

правовым и культовым предписаниям¹. Ханину вместе с другими харизматическими чудотворцами нередко связывали с пророком Илией². Похожие черты видны также в изображении фигуры внука Хони Меагея Аббы Хилкии (I в. по Р.Х.)³.

Вопрос о присутствии язычников и о конфликтах с ними. Как уже было сказано, представление о Галилее как о полуязыческой земле часто обосновывали словами пророчества Исаии (8:23; цитируются в Мф 4:14) и рассказом о событии эвакуации местных евреев в Иерусалим во II в. до Р.Х., где Галилея названа «Галилея языческая» (1 Макк 5:14–24)⁴. Конфликт язычников и евреев должен был усугубиться в результате успешной политики иудеизации Галилеи после завоевания ее Аристубулом⁵, что, как считают, нашло отражение в административных реформах при Помпее и Габинии, так что в I в. до Р.Х. Галилея представляется уже иудейской землей. Иосиф Флавий описывает Галилею своего времени как еврейский анклав⁶, окруженный врагами-язычниками (даже если это обусловлено апологетическим стремлением показать свою роль в руководстве этой областью).

О конфликтной ситуации должен был свидетельствовать не только тот факт, что она сама была окружена эллинизированными землями, но и то, что при Антипе в самой Галилее Сепфорис стал еврейско-эллинистическим городом, с которым в этом отношении также конкурировала Тивериада, построенная в нарушение иудейского закона на месте древнего кладбища и имевшая чисто эллинистические постройки (например, дворец тетрарха). Оба города в итоге пострадали во время антиримского восстания именно от еврейского населения⁷.

Вместе с тем, на то, что число язычников в Галилее было незначительным, должно указывать быстрое уничтожение греческого меньшинства в Тивериаде в начале Иудейской войны⁸. Примеры напряжения в отношениях с эллинами не исключают, однако, возможности

¹ О Ханине известно, что он говорил: «в том, у кого боязнь согрешить проявляется прежде, чем мудрость, мудрость укрепится; утратит же ее тот, у кого она проявляется прежде, чем боязнь согрешить» (Мишна. Авот. 3:9–10). «У того, чьи добрые дела превосходят его мудрость, мудрость будет устойчивой, но у того, чья мудрость превосходит его дела, мудрость недолговечна. Тем, кем довольны люди, доволен и Бог, но тем, кем недовольны люди, и Бог (Дух Божий) недоволен» (Мишна. Авот 3:9–10).

² ВТ. Берахот. 61b.

³ Сообщается, что однажды к Аббе Хилкии пришли два ученика раввина с просьбой помолиться о дожде. Сначала он отказался, но вечером он и его жена поднялись на крышу, и по их молитве пошел дождь (ВТ. Таанит. 23a-b).

⁴ Страбон, со ссылкой на Посидония, говорит о народе Галилеи как состоящем из египтян, арабов и финикийцев (Strabo. Geogr. XVI 34).

⁵ Ios. Flav. Antiq. XIII 11. 3 (318).

⁶ Ios. Flav. De bell. III 3. 1–2 (35–43).

⁷ Ios. Flav. Vita 65–66, 375–380.

⁸ Ios. Flav. Vita 67.

некоторого распространения в Галилее греческого языка¹, хотя основным был свой диалект арамейского².

О евреях в Галилее до хасмонеев. В целом этой картине Галилеи, окруженной языческими врагами, не противоречат и свидетельства о присутствии здесь евреев еще до прихода хасмонеев. Основным аргументом сторонников того, что иудеи жили в Галилее до начала II в. до Р.Х., остается сообщение о походе Симона Маккавея (около 164 г. до Р.Х.) для их спасения от язычников (1 Макк 5. 14–23). В качестве дополнительных аргументов указывают³ на: (1) свободу, с которой хасмонейский военачальник Ионафан перемещался по Галилее (ок. 145 г. до Р.Х.), что объясняют его поддержкой местными жителями (см.: 1 Макк 9. 2; здесь же упоминается иудейское население в галилейской Арбеле); (2) на отсылку юного Александра Янная в Галилею для «воспитания» (получения образования), приблизительно в кон. II в. до Р.Х.⁴; (3) на событие сражения армии Птолемея Латира с еврейским ополчением Шихина и Сепфориса ок. 103/2 г. до Р.Х., рассказы о том, что жители галилейского Азохиса, строго соблюдавшие предписание о субботнем покое, стали жертвами нападения сирийцев Птолемея Латира в субботу, в 102 г. до Р.Х., и что еврейское же ополчение Шихина и Сепфориса сражалось более успешно⁵; (4) на упоминание деятельности раввина Нитайи из Арбелы⁶, относящееся, судя по всему, ко времени Иоанна Гиркана (II вв. до Р.Х.).

(5) Присутствие иудеев в Галилее объясняют также тем, что они могли вернуться сюда после вавилонского плена. Об этом должно свидетельствовать упоминание в раввинистических источниках галилейских «городов, обнесенных стенами со времени Йегошуа Бен-Нуна..., которые были освящены вернувшимися из изгнания»⁷ (в том числе Гамла, Сепфорис, Йодфат, Гуш-Халав).

¹ Вполне можно предположить, что некоторые галилеяне могли говорить по-гречески, по крайней мере, в двух больших городах Сепфорисе и Тивериаде. Мытарь, как, например, Левий, чтобы выполнять свои обязанности, должен был уметь объясниться на греческом. Многочисленные эпиграфические свидетельства (греческие надписи на монетах, папирусах, в захоронениях и другие) демонстрируют распространенность греческого в Палестине.

² О том, что галилейский диалект арамейского сразу узнавали, известно из евангельского рассказа об ап. Петре (Мф 26. 73; ср.: Мк 14. 70). Одной из его характеристик было падение гортанных. Так, в Талмуде есть рассказ о галилеянине, который пришел в Иерусалим купить то, что он называет «амар». Это вызвало смех окружающих: «Ты глупый галилеянин, хочешь то, на чем ездят? [ḥāmār = осел], то, что пьют (ḥāmār = вино)? или что-то надеть (ʿāmar = шерсть)? или что-то, что жертвуют (ʿimmar = баран)» (ВТ. Эрувин. 53). Судя по всему, именно жители северных городов, Тибона, Хайфы и Бет-Шеана были особенно известны своим испорченным еврейским произношением. Поэтому их не приглашали читать Библию в собрании, когда они были вдали от дома (ВТ. Мегилла 24b)). Очевидно, что галилеяне не могли более дифференцировать разные гортанные звуки в арамейском.

³ Frankel R., Getzov N., Aviam M., Degani A. Settlement Dynamics and Regional Diversity in Ancient Upper Galilee. Jerusalem, 2001. P. 109.

⁴ Ios. Flav. Antiq. XIII 12. 1 (322–323).

⁵ Ios. Flav. Antiq. XIII 12. 4 (337–338).

⁶ Мишна. Авот 1. 6–7.

⁷ Мишна. Арахин. 9:6.

1.3. Заключение к 1-й главе

Подводя итог систематизированному описанию источников в 1-й главе, необходимо назвать те непреодолимые трудности, с которыми столкнулась библеистика до введения в научный оборот археологических данных. Эти трудности обусловлены, прежде всего, невозможностью однозначной интерпретации текстовых свидетельств по всем принципиальным вопросам, связанным с реконструкцией галилейского контекста провозвестия Иисуса.

1) Значение принципиально важного для понимания этнической истории Галилеи выражений «Галилея языческая» в Ис 8:23 или «Галилея иноплеменников» в 1 Макк 5:15 остается дискуссионным. По-прежнему часто они понимаются как указания на этническое разнообразие населения Галилеи на этих разных этапах ее истории. На основании источников обычно делают вывод об изменении этнической картины в Галилее после хасмонейского завоевания при Аристокле I — после насильственной иудеизации она становится «еврейской», и успех этой политики должен был также быть обусловлен фактором присутствия евреев в Галилее еще до прихода хасмонеев. Эти этнические изменения должны были определить и то напряжение в отношениях между галилейскими язычниками и евреями в I в. по Р.Х., о которых говорит Иосиф Флавий и другие авторы этого времени.

2) Столь же неясной остается картина социально-экономических отношений, как они представлены в письменных источниках. Если оставаться только в рамках этих данных, то одинаково обоснованными представляются взаимоисключающие точки зрения на социально-экономическое положение в Галилее времени Иисуса — нестабильности и усиления социальной напряженности (что могло во многом повлиять на социальные темы нравственной проповеди Иисуса) и экономического благополучия и социальной солидарности.

3) Источники дают относительно целостный образ религиозности галилеян времени Иисуса, — они иудеи, соблюдающие известные религиозные предписания Торы, но при этом в ряде раввинистических источников подчеркивается особенности их местного благочестия.

Неоднозначность интерпретации письменных источников привела к возникновению нескольких научных направлений и школ, связанных с решением проблемы галилейского контекста провозвестия Иисуса. Они противопоставлены как в плане методологии, так и с точки зрения предложенной ими реконструкции социально-экономической и религиозной

ситуации в раннеримской Галилеи. Все эти направления и школы будут рассмотрены во 2-й главе.

Археология существенно расширила доступный исследователям круг источников по истории Галилеи. В результате дискуссии о контексте приняли новые направления, некоторые вопросы, считавшиеся неразрешимыми, были закрыты, ряд проблем получил новые варианты решения. Процесс освоения этих фактов не завершен, он продолжается до сих пор. Многие археологические открытия доступны исследователям лишь в виде предварительных отчетов. Критический анализ новых направлений дискуссий о галилейском контексте с привлечением всего релевантного археологического материала, изданного на 2015 г., представлен в 3-й главе.

2. ПРОБЛЕМА ГАЛИЛЕИ КАК РЕЛИГИОЗНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ПРОПОВЕДИ ИИСУСА В БИБЛЕИСТИКЕ XIX–XX ВВ.¹

2. 1 Вопрос о галилейском контексте проповеди Иисуса в библеистике XIX–XX вв. (до «третьего поиска исторического Иисуса»)

Как мы мы уже писали, «вопрос о ближайшем историческом контексте, знание которого необходимо для интерпретации евангельской истории, воспринимался как один из важнейших уже с самого начала формирования европейской новозаветной библеистики как историко-филологической науки. В историографии XIX в. выделяется ряд «классических» тем, связанных с Галилеей I в. по Р.Х.: о ее этно-культурной и религиозной особенностях по отношению к Иудее, о степени эллинизации, о смешанности населения (национальной идентичности галилеян), о социальном и религиозном контексте, в котором жили и проповедовали Иисус Христос и Его первые ученики. Здесь мы рассмотрим в хронологическом порядке некоторые этапы дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса»².

2. 1. 1. Романтизм: галилейский ландшафт как фактор, определивший особенности религиозного мировоззрения галилеян I в. (Э. Ренан, Г. Смит)

Как нами уже отмечалось в другом месте, «в европейской новозаветной библеистике, как и в других областях гуманитарного знания (этнологии, исторической науке), с середины XIX в. очевидно влияние развивающейся в это время «исторической географии» с ее тезисом о

¹ Текст данной главы во многом уже опубликован нами в статьях 2013 и 2016 гг. (Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 1 // Христианское чтение. СПб., 2013. Т. 2. С. 133–169; его же. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса Христа (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 2 // Христианское чтение. СПб., 2016. Т. 2. С. 123–166) Поэтому, во исполнение правил оформления диссертаций, перед каждым разделом мы отмечаем, что его текст в том или ином объеме (с расширением, с сокращением или просто как материал, положенный в основу) уже опубликован с библиографическим описанием.

² Неклюдов К. В. Проблема. С. 133. Краткий обзор истории европейской новозаветной науки — см.: Лёзов С. В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. М., 1995; Ианнуарий (Ивлиев), архим. Исагогика // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 62–64.

причинно-следственной связи особенностей «расы» и характера индивидов с природным ландшафтом региона их проживания»¹. Типичными стали попытки противопоставить Галилею и Иудею, подчеркивая их социальные и религиозные особенности и поиски объяснения событий жизни Иисуса особенностями менталитета галилеян, обусловленными природой и географией этого региона. Примеры такого подхода со всей ясностью исследователи видят в работах Эрнста Ренана («Жизнь Иисуса» (1863)² и Георга Адама Смита («Историческая география Святой Земли» (1897)). Природный ландшафт Галилеи рассматривается Ренаном как «пятое Евангелие, которое (несмотря на запустение региона в середине XIX в.) еще можно читать: «пятое Евангелие, отрывочное, но все же доступное для чтения».

Согласно Ренану, центральные темы проповеди Христа и самого Его мышления во многом обусловлены особенностями природы той земли, где Он возростал³. Великолепные виды с гор, окружавших Назарет, «хорошо располагающих ... к мечтаниям об абсолютном счастье»⁴), — «таков был горизонт, который открывался перед Иисусом». Не только Назарет, но и вся Галилея описывается как подобный «земному раю» идиллический сад⁵. Эта перспектива, а также историческая память сформировали Его «очаровательный кругозор», которому Ренан усваивает особое значение — это «колыбель Царства Божия», бывшая «целыми годами ... Его миром»⁶. Точно так же как пустыня повлияла на проповедь Иоанна Крестителя о Боге-Судии, галилейский ландшафт обусловил представление Иисуса о Боге как о любящем Отце (вернувшись после искушения в пустыне в «свою милую Галилею», Иисус «нашел здесь своего Отца Небесного среди зеленых холмов и светлых фонтанов»⁷).

Сходное с Ренановым понимание мира Галилеи как во многом определяющем контексте евангельского провозвестия можно видеть и у шотландского богослова Георга Адама Смита⁸, у

¹ Неклюдов К. В. Проблема. С. 135. См. также Leerssen J. *National Thought in Europe: A Cultural History*. Amsterdam, 2006. P. 65–70.

² Renan E. *Vie de Jésus*. Paris, 1863. Цит. по изданию: Ренан Э. *Жизнь Иисуса* / Пер.: Е. В. Святловский. СПб., 1906; М., 1991.

³ Там же. С. 69: «Эта улыбающаяся и в то же время величественная природа была единственной воспитательницей Иисуса».

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 131. Ср. С. 87: «Чарующая природа помогла, со своей стороны, сложиться этому уму, гораздо менее строгому, ... придававшему всем мечтам Галилеи прелестный, идиллический отпечаток. ... [Она] вся покрытая зеленью, очень тенистая, очень веселая... В течение марта и апреля это сплошной ковер цветов, несравненных по свежести красок. Животные здесь малорослые, необычайной кротости. ... Нигде в мире горный пейзаж не разворачивается в такой гармоничности, не вызывает столь возвышенных дум. Иисус, по-видимому, особенно любил горы. Все важнейшие события его жизни происходили на горах: здесь он больше всего вдохновлялся; здесь он вел тайные беседы с древними пророками, здесь он явился своим ученикам после того, как преобразился».

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Там же. С. 89–90.

⁸ Smith G. A. *The Historical Geography of the Holy Land*. London, 1901.

которого основным мотивирующим фактором этого интереса была именно христианская вера: историческая география Палестины необходима «для нашей веры в воплощение»¹. В целом, Смит признавал влияние различных природных ландшафтов на образ жизни и менталитет населения Иудеи и Галилеи², но по сравнению с Ренаном акцент у него заметно смещен: важно понимать различие между «тем, что физическая природа дает для религиозного развития Израиля и тем, что стало результатом чисто нравственных и духовных усилий»³.

Предпосылки этого подхода, как и сама научная парадигма романтизма, в конце XIX в. были отвергнуты большинством специалистов⁴. В значительной мере это повлияло и на исторические исследования Галилеи во 2-й половине XIX в. (период «либерального (первого) поиска исторического Иисуса»). Интерес к религиозному миру Галилеи уменьшился, во многом, потому, что целью либеральных реконструкций жизни «исторического Иисуса» было опровержение выводов мифологической и тьюбингенской⁵ школ протестантской экзегетики доказательством древности и достоверности документов, положенных в основу евангельских текстов⁶. Общей тенденцией этих работ становится стремление подчеркнуть особенность нравственной проповеди Иисуса, универсальной по сравнению с иудейским партикуляризмом, и отделить ее, таким образом, от иудейского контекста.

Нужно сказать, что, несмотря на некоторое падение интереса к Галилее как контексту проповеди Иисуса, в работах рубежа веков, вопрос об этнической идентичности галилеян оставался в поле исторических дискуссий (например, в учении о расе П. де Лагарда и Х. С. Чемберлена⁷, обусловивших всплеск интереса к нему в Германии при национал-социализме). Два вышеназванных взгляда на Галилею I в. — (1) население Галилеи состояло в основном из

¹ Ibid. P. 114: «Для нашей веры в воплощение, изучение исторической географии Палестины необходимая дисциплина. Кроме того, что она помогает понять длительное приуготовление в истории евреев и язычников к пришествию Сына Божия, само знакомство с почвой и климатом, в которых Он рос и трудился, есть единственное средство постичь реальность Его человечества».

² Характерно описание Смитом «национальных особенностей Галилеи»: земле с выходами вулканических пород в известняковых массивах гор, богатой серными источниками, земле, где часто происходят и землетрясения, соответствует «вулканическая природа людей». Проповедь Иисуса обусловлена в какой-то степени и позитивными историческими традициями — галилейским «мессианским характером», более заметным, чем в Иудее. Галилейская «благородная, скорее потенциальная жажда надежды» здесь противопоставляется иудейской «ревности о законе» (Ibid. P. 424).

³ Ibid. P. IX

⁴ См.: Leersen J. Op. cit. 2006.

⁵ Ианнуарий (Ивлиев), архим. Исагогика. С. 62–64.

⁶ Критика источников была ведущим методом для определения самого раннего и, следовательно, наиболее надежного текста, сохранившего хронологию служения Иисуса. В качестве такового было признано Евангелие от Марка, которое наиболее точно по сравнению с другими синоптиками или евангелистом Иоанном описывало последовательность евангельских событий, и источник логий Q.

⁷ Chamberlain H. S. Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1899–1900. 2 Bde.

язычников («Галилея языческая»¹) и (2) галилеяне были евреями, которые практиковали более простую форму иудаизма, чем в Иудее I в.) присутствовали в работах историков конца XIX–начала XX вв. (языческая Галилея со смешанным населением у Эмиля Шюрера, еврейская, например, у А. Бюхлера²). Заметными исключениями на общем фоне снижения интенсивности исследований Галилеи стали книги Густава Дальмана и Иоахима Иеремиаса³, посвященные религиозному и культурному фону проповеди Христа, в том числе и галилейскому, которые, однако, не могли в целом изменить ситуацию.

2. 1. 2. Школа истории религий и «германохристианство»: Галилея I в. как земля с преобладающим языческим населением (В. Бауэр, Г. Бертрам, В. Грундман)

Следующий этап дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса в европейской историографии представлен нами более подробно в опубликованной в 2013 г. статье⁴. Речь идет о работах представителей «школы истории религий» (кон. XIX – 20-30-е гг. XX в.)⁵, доминировавшей в немецкой протестантской науке, провозвестие Иисуса интерпретировалось в контексте понятий и представлений греко-римского мира и эллинизированного иудаизма I в. «По убеждению ученых этого направления, весть о спасении была слишком универсалистской и ее невозможно понять в иудейском контексте. «Естественным» культурным фоном для такого универсализма представлялась Галилея как языческая земля со смешанным населением»⁶.

Тезис об эллинизированной Галилее рубежа эр, сформулированный Вальтером Бауэром⁷ и Георгом Бертрамом⁸, разделял целый ряд представителей немецкой новозаветной науки

¹ Обычно апеллировали к греческому переводу Ис 9. 1. (МТ 8. 23) «Галилея языческая» (кроме того к LXX Иоиль 4.4 (МТЗ. 4); 1 Макк 5. 15; Мф 4. 15.

² Büchler A. Der galiläische 'Am-ha 'Aretz des zweiten Jahrhunderts. Vienna, 1906.

³ Jeremias J. Jerusalem zur Zeit Jesu: Eine kulturgeschichtliche Untersuchung zur neutestamentlichen Zeitgeschichte. Leipzig, 1923–1929. 2 Bde; Dalman G. Orte und Wege Jesu: Arbeit und Sitte in Palästina. Gütersloh, 1919; 1921².

⁴ Неклюдов. К. В. Проблема. С. 141–148

⁵ Ианнуарий (Ивлиев), архим. Истории религий школа // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 721–723.

⁶ Неклюдов К. В. Проблема. С. 141.

⁷ Bauer W. Jesus der Galiläer // Idem. Aufsätze und kleine Schriften / Hrsg. G. Strecker. Tübingen, 1967. S. 91–108.

⁸ Bertram G. Der Hellenismus in der Urheimat des Evangeliums // Archiv für Religionswissenschaft. Leipzig; Berlin, 1935. Bd. 32. S. 265–281.

периода «германо-христианства» (с 30-х гг. по 45 г.)¹, стремившихся дистанцировать Иисуса от иудаизма Его времени. Итогом этих исследований² часто рассматривают работу Вальтера Грундмана «Иисус Галилеянин и иудаизм» (1940)³.

Суммируя аргументы сторонников этой позиции, можно выделить следующие тезисы в пользу «Галилеи языческой» как контексте, во многом определившем универсалистскую проповедь Иисуса Христа⁴: (1) территория Галилеи и в Едином царстве X в. до Р.Х. никогда полностью не принадлежала израильтянам⁵; (2) смешанность ее населения — следствие ассирийской политики депортаций в конце VIII в. до Р.Х.⁶, а также того, что (3) после пленное восстановление общины ограничилось только Иерусалимом и его окрестностями; (4) в дальнейшем сохранялись экономические и политические предпосылки привлечения иностранных управленцев и развития иностранного землевладения⁷; (5) существенным образом на это должна была повлиять географическая открытость территории и возможность контактировать со всем средиземноморским миром⁸. (6) Одним из важнейших аргументов у сторонников этой позиции считалось рассказ 1 Макк о событии эвакуации евреев из Галилеи Симоном Маккавеем (1 Макк 5. 15–23)⁹. (7) Кроме того, считалось, что демографические предпосылки для заметной колонизации Галилеи из Иудеи после ее завоевания при Аристокле отсутствовали из-за больших потерь населения в ходе маккавейских войн¹⁰. (8) Наконец, на эллинизацию должна была повлиять политика строительства городов при Ироде Великом и, особенно, при его сыне, тетрархе Антипе¹¹. (9) Что касается образа иудаизма в этой полуязыческой земле, то часто ученые ссылались на свидетельства раввинистической традиции о галилеянах как ам-хаарец, простонародье, толком не знающем Закона¹².

¹ Lubinetzki V. Von der Knechtsgestalt des Neuen Testaments Beobachtungen zu seiner Verwendung und Auslegung in Deutschland vor dem sowie im Kontext des Dritten Reichs. Leipzig, 2000; Deines R. Jesus der Galiläer: Traditionsgeschichte und Genese eines antisemitischen Konstrukts bei W. Grundmann // Walter Grundmann: Ein Neutestamentler im Dritten Reich / Hrsg. R. Deines, V. Leppin, K.-W. Niebuhr. Leipzig, 2007. S. 43–131.

² Кроме Чемберлена Ф. Лубинецкий называет Фридриха Делича, Дитриха Клаггеса, Артура Динтера, Иоганна Лейпольда, Макса Эриха Винкеля.

³ Grundmann W. Jesus der Galiläer und das Judentum. Leipzig, 1940, 1941².

⁴ Bauer W. Jesus der Galiläer; Bertram G. Der Hellenismus.; Grundmann W. Jesus der Galiläer.

⁵ Bertram G. Der Hellenismus. S. 265, 267.

⁶ Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C.—A.D. 135) / Ed. G. Vermes F. Millar, M. Black. Edinburgh, 1973. Vol. 1. P. 277.

⁷ Grundmann W. Jesus der Galiläer. S. 167; Bertram G. Der Hellenismus. S. 270–271.

⁸ Bertram G. Der Hellenismus. S. 276–277.

⁹ «И отправился Симон в Галилею и провел много сражений с язычниками и разбиты им язычники. Он преследовал их до ворот Птолемаиды... Также он взял с собою находившихся в Галилее и Арваттах [иудеев] с женами и детьми и со всем именем их и привел в Иудею с великой радостью» (1 Макк 5:21–23). См. Bauer W. Jesus der Galiläer. S. 93; Grundmann W. Jesus der Galiläer. S. 169.

¹⁰ Bauer W. Op. cit. S. 97; ср.: Grundmann W. Op. cit. S. 170–171.

¹¹ Bertram G. Op. cit. S. 277–278; Grundmann W. Op. cit. S. 168.

¹² Мишна, Недарим.2:4 (18b); ВТ. Песахим 112b; ср.: Берахот 43b; Эрувин 53b.

Все это, в итоге, должно было привести к снижению иудейского присутствия в Галилее после войны и, как следствие, к усилению преимущественно языческого населения городов (Самарии, Скифополя, Кесарии)¹. Так, Грундман приходит к заключению, что галилеяне в I в. до Р.Х. стали иудеями только «по исповеданию» (konfessionell), но не этнически (völkisch)², и иудаизм в их культуре — лишь поверхностный слой, привнесенный новыми властями.

Все эти процессы и события во многом определили религиозную жизнь в Галилее. Бауэр и другие авторы выделяли следующие ее характеристики³: (1) «тесная связь с язычниками» (местными и окрестными), отсутствие идеологических преград для контактов с неиудеями⁴ и «замкнутость по отношению к Иерусалиму и Иудее»⁵; (2) заметная свобода по отношению к предписаниям закона⁶ как следствие незначительного влияния в Галилее фарисеев и книжников⁷; доминирование религиозности зилотов (Грундман)⁸, ам-ха-арец («простонародья»)⁹, религиозных групп, типа «анавим» (нищих духом), носителей энохической

¹ Ios. Flav. Antiq. XIX 9. 2; idem. De bell. II 18. 1; III 9. 1; idem. Vita 61.

² Grundmann W. Op. cit. S. 170.

³ Bauer W. Op. cit. S. 97–98.

⁴ Например, трапеза ап. Петра с языко-христианами (Гал 2. 12–15) стала, по мнению Бауэра, возможной только потому, что апостол помнил о своей юности, о типичных для галилейской семьи традициях, об открытости греческому влиянию (так, родители Петра назвали их второго сына греческим именем Андрей). Проповедь Иисуса, детство Которого прошло в Назарете, недалеко от полуязыческого Сепфориса, была обращена в том числе и к благочестивым язычникам, и от них в качестве условия вхождения в Царство не требуется принятия обрезания. Бауэр не видел оснований считать, что все мытари и грешники, которым проповедовал Иисус, были иудеями (ср.: Гал 2:15). И даже в синагогах Он встречал боящихся Бога язычников (Лк 7:4-5) (Bauer W. Op. cit. S. 102–103).

⁵ Сомнения (у Бауэра (S. 99) и у других ученых) вызывают сообщения Иосифа Флавия об исполнении им предписаний иерусалимского синедриона по подготовке Галилеи к войне, что могло указывать на ее подчинение Иерусалиму. На достоверность этих сообщений косвенно должны указывать: многословие в описании своей деятельности (особенно в «Жизнеописании»), а также ряд противоречий: (1) Иосиф описывает деятельность по укреплению галилейских городов (Ios. Flav. De bell. II 20. 6; idem. Vita 187–188) и в то же время указывает на то, что укрепления были построены здесь еще до его приезда (ср.: idem. De bell. II 18. 11; idem. Vita 189); (2) сообщает, что собрал в Галилее 100 тыс. воинов (idem. De bell. II 20. 6), но после этого, с 60 тыс. пехотинцами (Ibid. 8), не смог сразу одолеть Иоанна Гисхальского, у которого было всего 400 чел. (Ibid. 21. 1; согласно Ibid. 21. 6, их было 5 тыс.). Недоверие вызывает и указание на число жителей средней галилейской деревни — более 15 тыс. человек (idem. De bell. III 3. 2).

⁶ ВТ. Недарим. 18b; Кетувот. 12a; Песахим. 3:4. Bauer. 1967. S. 102–103. Известные из источников примеры «отступления» галилеян от Закона («Вознесение Моисея» (4. 8,9); Иоанн бен Заккай: «Галилея, Галилея! Ты ненавидишь Тору!» — Шаббат. 16. 8. (15d)) объясняют обострение отношений фарисеев и ам-ха-арец во II в. и презрение к Галилее со стороны жителей Иудеи (имеющее, таким образом, религиозные основания). «Галилеянин рос за пределами круга учителей закона и фарисейства, в достаточной свободе от закона и без мучительного страха, что близость к язычникам может сделать его нечистым» (Grundmann W. Jesus der Galiläer. 1940. S. 84; ср.: Bauer W. Op. cit. S. 102).

⁷ Ibid. S. 100–101. Центром партии фарисеев до 70 г. был Иерусалим (ср.: Ios. Flav. Antiq. XIII 15. 5; 16.1–2; idem. De bell. I 5.2–3; idem. Antiq. XV 1. 1; 10. 4). Если большинство их было в Иудее (по Иосифу, всего 6 тыс.), то и совсем немногие могли быть в Галилее.

⁸ Причину возникновения радикального движения зилотов Грундман видел опять же в смешанности населения (неофитский радикализм — страна лишь за 100 лет до этого Галилея была включена в состав иудейского государства) (Grundmann W. Op. cit. S. 82).

⁹ В основном равнодушные в вопросах религии и отрицавшие фарисейское «выражение иудейской религии», среди них были и «круги анавим» — особые религиозные общины, «проклинаемые фарисейским учением», но

традиции с центральным для нее представлением о пришествии Сына Человеческого¹. Наконец (3), здесь отсутствовала заметная поддержка национально-политического иудейского мессианства (Бауэр)².

Именно галилейским происхождением Иисуса Бауэр объяснял в Его проповеди то, что он называет «синкретически облегченной формой» иудаизма, «обращенной ко всем людям»³. Готового присоединиться к Нему язычника Христос, подобно ап. Павлу, не отвергал невыполнимыми предписаниями закона. Именно у галилеян эта весть должна была найти понимание: то, что «только теплилось у Его галилейских земляков в подсознании, Он развил и выразил, ясно противопоставив это пониманию религии, которое было в Иерусалиме»⁴. Этим общим галилейским противостоянием с иерусалимским иудаизмом конфликт Иисуса (как представителя презираемого фарисеями ам-хаарец) с иудейскими религиозными партиями объяснял и Грундман.

Несколько иначе особенности провозвестия Иисуса в Галилее объясняли сторонники гипотезы о «еврейской Галилее».

отличающиеся «собственной религией» (ее особенные темы, например, отражены в Песни Богородицы Лк 1:46-55; см.: Grundmann W. *Jesus der Galiläer*. 1940. S. 77–78).

¹ «Неакадемическая традиция» (*Ibid.* S. S. 85), она возникла в кругах ам-ха-арец (ее локализацию на севере Палестины предложил еще Георг Беер — *Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments* / Hrsg. G. Beer, E. Kautzsch. Tübingen, 1900. Bd. 2. S. 232). Этот тип литературы должен, согласно Грундману, предполагать существование замкнутой общины, в которой большую роль играл образ Еноха, а сами тексты почитались как Священное Писание. Здесь нет идей национально-политического мессианства, раввинистическо-фарисейского учения, для нее характерно именно ожидание царства Божия и Сына человеческого (*Grundmann W. Op. cit.* S. 86–88; ср.: Bauer W. *Op. cit.* S. 105). То что собственно иудейские религиозные идеи в это время оказываются почти вытесненными идеями энохической традиции (имеющей следы персидского и эллинистического влияний) нашло отражение и в наименовании «Галилея языческая» (Мф 4:15; ср.: 1 Макк 5:15; Ис 8:23).

² Участие галилеян в восстании против римлян «в значительной степени» следует объяснять действием «иностранных элементов» (Bauer W. *Op. cit.* S. 100), о чем, однако, источники молчат.

³ *Ibid.* S. 104.

⁴ *Ibid.* S. 103–104. Бауэр исходит при этой реконструкции из так называемого «критерия несводимости» (один из критериев для определения подлинного материала в Евангелиях, см. ниже), так что все «иудейское», прежде всего мессианское самосознание Иисуса, выраженное в том числе в титуле Сын Давидов, в Его словах об обетовании и исполнении пророчеств Писания и другие доказательства от Писания, и кроме того, Его служение только к «овцам дома Израилева» — все это, по Бауэру, есть результат «работы евангелистов», и от этого материала нужно отказаться в реконструкции первоначальной проповеди галилеянина Иисуса. К таким поздним вставкам Бауэр относит заповедь апостолам не ходить улицами язычников и в самарянские города (Мф 10:5); ибо — ставит он вопрос — мог ли запрещать другим ходить туда Тот, кто Сам проповедовал в окрестностях Тира и Сидона (Мк 7:24, 31), в селениях Кесарии Филипповой (8:27) и в Декаполисе (7:31). Точно так же, по мнению Грундмана, лишь поздние иудеохристианские редакторы создали образ Христа как соблюдающего предписания Торы (в Евангелии от Матфея). Действительное самопонимание Иисуса невозможно связать с национально-политическими мессианскими представлениями, так как (1) сознание богосыновства у Иисуса прямое, а не опосредованное, и не имеет параллелей в иудаизме; (2) по форме оно представляет собой трансформированную галилейскую (энохическую) традицию о Сыне человеческом. В проповеди Христа о Царстве Грундман видит прежде всего преодоление иудейского партикуляризма с его почитанием Торы, храмовым культом и мессианскими представлениями. В центре этой проповеди — тема «внутреннего» Царства Божия в человеческом сердце, а ее истоки — в уникальном мессианском сознании Иисусом Своего богосыновства (Мф 11:25-30).

2. 1. 3. Г. Грец, А. Альт: Галилея I в. как земля с преобладающим еврейским населением

Как и в случае вышеописанных вопросов, здесь в несколько сокращенном виде используем уже опубликованный материал¹. Анализ литературы показывает, что «интерес к раннеримской Галилее очевиден у ряда иудейских историков XIX в., писавших о возникновении раввинистического иудаизма и христианства. Некоторые считали жителей Галилеи I в. евреями, практиковавшими форму иудаизма, более простую, чем в иудаизме евреев Иудеи. Бедные и менее образованные евреи Галилеи либо не могли себе позволить придерживаться законов ритуальной чистоты или просто не знали их. Известным сторонником этой точки зрения был А. Бюхлер, исследовавший раввинистическую традицию о галилеянах»², а также А. Каминка.

Успех провозвестия Иисуса уже на начальном этапе объяснялся этими исследователями особенностями галилейских менталитета, культуры и религиозности по сравнению с иерусалимскими традициями. Генрих Грец, один из первых еврейских историков XIX в., высказывавших свое понимание места Иисуса из Назарета в истории иудаизма, объяснял ключевые темы провозвестия Иисуса Его укорененностью в простонародном иудаизме Галилеи³ («по причине соседства с язычниками-сирийцами галилеяне склонны ко всякому суеверию»⁴).⁵

В «классическом» виде позиция сторонников «еврейской Галилеи» имеет свое выражение в серии статей о проблемах истории Галилеи немецкого библеиста Альбрехта Альта⁶, который даже при национал-социалистическом режиме, когда «неиудейский характер» Галилеянина и эллинизация Галилеи многими считался доказанным, стремился обосновать

¹ Неклюдов К. В. Проблема. С. 149–150.

² Там же. С. 150–151; см. Büchler A. Der galiläische 'Am-ha 'Aretz.

³ Отделение Галилеи от Иудеи после смерти Ирода Великого привело, по мнению Грец, к тому, что в итоге Галилея «стала относиться к Иудее как к загранице» (Gretz H. Geschichte der Juden: Von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1905⁵. Bd. 3. S. 268 (русский перевод: Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Одесса, 1907. Т. 4), а сами жители Галилеи по этой причине — это «ам ха-арец», не знающие Закона (Gretz H. Geschichte der Juden. S. 281–282). Отмечаются вышеназванные особенности религиозной практики: отсутствие дискуссий о законе, запрет помолвленными жить вместе; вспыльчивость, склонность к экстремизму (Ibid. S. 478), особый диалект, объясняющийся близостью к Сирии (Ibid. S. 281) как причина неблагоприятности к ним иудейских общин.

⁴ Ibid. S. 281.

⁵ Подробнее см. в ст.: Неклюдов В. В. Проблема. С. 150.

⁶ Alt A. Galiläische Probleme.

тезисы о непрерывном присутствии израильского населения в Галилее после ассирийского вторжения в VIII в. и о непреобладании языческого населения ни на одном этапе истории этой области.

Аргументы Альта подробно описаны нами в статье 2013 года¹. Здесь резюмируем их еще раз кратко. В пользу этой позиции должно говорить то, что: (1) на основании самих ассирийских источников, в VIII в. до Р.Х. был депортирован только верхний класс галилейского общества и ремесленники (так, во фрагментах анналов Тиглатпаласара III упоминается лишь несколько сотен пленников²); выражение «Галилея языческая» из пророчества Исаии (8. 23—9. 6), которое должно отражать ситуацию VIII в., указывает не на языческое население Галилеи и не на территорию с известными границами, впоследствии идентифицированной с Галилеей, а на окружающие ее языческие народы, которым, согласно пророчеству, в будущем также уготовано спасение. То есть оно должно пониматься в буквальном значении, как «круг народов»³. Далее, по его убеждению, (2) события маккавейской войны затронули только западные окраины Галилеи и побережье, а эвакуированы были не все евреи; источники говорят об их присутствии здесь и до хасмонейского завоевания⁴. (3) В Галилее за все время ее истории не возникло альтернативного иерусалимскому религиозного культа⁵. При хасмонеях, после уничтожения и изгнания части прежнего населения ситуация в Галилее начинает существенно меняться, однако, Альт не соглашается с выводами Бауэра, Хирша⁶, Грундмана⁷ и Бертрама⁸ о том, что в хасмонейское (и позднее, в римское) время здесь преобладало нееврейское, сильно эллинизированное население.

(4) Нет признаков усиления эллинизации и при римлянах: разрушенные хасмонеями греческие города восстанавливались только на периферии Галилеи, а сами галилеяне поддерживали борьбу последних представителей хасмонейской династии против иродиан⁹. (5) Об иудейской идентичности галилеян, по Альту, говорит то, что сопротивление иродианам было следствием в том числе попытке римлян выделить Галилею в качестве отдельной

¹ Неклюдов К. В. Проблема. С. 152–156.

² Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III nach den Papierabklatschen und Originalen des britischen Museums. Leipzig, 1893. Bd. 1. S. 38–39 (строки 227–235).

³ Alt A. Op. cit. S. 373.

⁴ См. выше.

⁵ Израильское святилище в Тель-Дане, разрушенное в VIII в. до Р.Х., в раннеэллинистическое время было перестроено. В IV–III в. до Р.Х. его опять начали посещать паломники, оставившие здесь много образцов вотивной керамики. Однако на языческую (синкретическую) идентичность посетителей указывают многочисленные антропо- и зооморфные керамические фигурки (см. Беляев Л. А. Дан, Тель // Православное энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 719–723).

⁶ Hirsch E. Das Wesen des Christentums. Weimar, 1939. S. 160–161; см. Alt A. Op. cit. S. 410, 429.

⁷ Grundmann W. Op. cit. S. 170–171; см. Alt A. Op. cit. S. 429, 430.

⁸ Bertram G. Der Hellenismus. S. 266; см. Alt A. Op. cit. 1953. S. 414.

⁹ Alt A. Op. cit. S. 419–422; Ios. Flav. De bell. II 18.3–4; VII 8. 7.

административной единицы с синедрионом в Сепфорисе¹. Этот порядок галилеяне не признали и поддержали представителей хасмонейской династии восстановить свою власть, продолжаясь и при Ироде Великом². Эту верность галилеян хасмонейскому порядку Альт (против Грундмана и Хирша³) объясняет отсутствием среди них «заметного эллинистического элемента».

Таким образом, языческого доминирования в Галилее не должно было возникнуть и в иродианский период.

В общем, уже Альт делает вывод, что галилеяне времени Иисуса были потомками древних северных израильтян. Однако сам вопрос о Галилее как культурно-религиозном контексте проповеди Иисуса Альт прямо в этих статьях не ставит. В статье о «Местах служения Иисуса...» (1949) он отмечает, что вывод о существенном израильском или языческом населении Галилеи, «стал бы важной отправной точкой в решении проблемы личной принадлежности Иисуса по происхождению к той или иной части населения»⁴. Однако эта тема

¹ Ср.: Ios. Flav. Antiq. XIV 5. 4; idem. De bell. I 8. 5.

² События борьбы галилейских сторонников Антигона против Ирода описаны Иосифом: Ios. Flav. Antiq. XIV 9. 2; 12. 1; 15. 10–11; idem. De bell. I 10. 4–5; 12. 2; 15. 3; 16. 1–3; 17. 2–3.

³ Оба автора, считавшие, что еще до хасмонеев Галилея была населена исключительно язычниками, не могут объяснить силу сопротивления ее жителей: Грундман (Grundmann W. Op. cit. S. 170–171) видит причину этого в фанатизме немногочисленных иудейских поселенцев, а Хирш (Hirsch E. Das Wesen des Christentums. S. 161) в религиозной ревности потомков насильственно обращенных галилеян. Альт стремится как раз опровергнуть предположение для такого представления.

⁴ Alt A. Die Stätten des Wirkens Jesu in Galiläa territorialgeschichtlich betrachtet // Beiträge zur biblischen Landes- und Altertumskunde // Idem. Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. München, 1959. Bd. 3. S. S. 436. В статье о местах служения Иисуса в Галилее, как они представляются в свете «территориальной истории» (Ibid.) Альт ставил вопрос об истории складывания и функционирования административных связей в регионе и их влияния на жизнь различных субрегионов Галилеи. Разделение Галилеи на 5 административных округов со своими городскими центрами и сельскими территориями, по Альту, восходит уже ко времени хасмонейского завоевания. Его общий вывод: сельские территории Галилеи всегда были в основном еврейскими, и эллинистический стиль администрации здесь распространялась лишь значительно позже. Особенности ландшафта у Альта играют совершенно иную роль, чем у романтиков (Ренан, Смит). Так, обсуждая связь Назарета с Сепфорисом, он отмечает, что оба места принадлежат к совершенно различным ландшафтам, несмотря на их близость, и относятся к разным административным единицам. То, что с точки зрения Альта Назарет относится к топархии с центром в Легио в долине Ездзелон, а не топархии Сепфориса, означает, что он лежит на достаточном удалении от своего административного центра и, таким образом, ко времени Иисуса это было местом «традиционной стародавней деревенской жизни» (Alt A. Die Stätten des Wirkens Jesu. S. 444). Некоторые видят здесь определенную близость с романтическим взглядом Ренана и Смита на деревенскую жизнь галилеян. Однако Альт не ставит акцент на этом, но подчеркивает, что границы здесь определены прежде всего историческими, а не природными факторами (ближайшая к Назарету деревня Яфа на том же хребте известна своим сопротивлением римлянам во время восстания) (Freyne S. Jesus of Galilee: Implications and Possibilities // Early Christianity. Tübingen, 2010. Vol. 1. N 3. P. 377). И все же Магдала/Тарихея, находящаяся рядом, более ранний город, была не только столицей топархии, но и процветающим центром рыбной индустрии. Сам факт более раннего семитского названия города Мигдаль-Нунье (Рыбная башня), дополнено уже во II в. до Р.Х. греческим Тарихея, предполагающее засолку рыбы, — ясное указание на смешанное в культурном и этническом отношении население, возможно, даже еще до хасмонейской экспансии (Alt A. Die Stätten des Wirkens Jesu. S. 449–451). По мнению Фрейна, Альт считает, что это сложное положение (угроза) для традиционного образа жизни галилеян, воспринимаемая в Капернауме и в Хоразине, может объяснять, почему Иисус перенес центр своей проповеди из внутреннего района в этот «пограничный» (Freyne S. Jesus of Galilee. P. 378).

более не обсуждается, но сказанное не оставляет сомнения в том, что, по мнению автора, принадлежность Иисуса к еврейскому народу невозможно оспаривать. Бауэр, Бертрам, Грундман и Хирш в этой статье не упоминаются.

2. 1. 4. Метод анализа форм и «Второй поиск исторического Иисуса»: отказ от галилейского контекста как необходимой предпосылки исторической реконструкции

Мы уже отмечали, что «этапным во всей истории новозаветной библеистики, в том числе и в историографии вопроса о галилейском контексте провозвестия Иисуса, стало создание и развитие программы метода анализа форм (Formgeschichte/Formkritik, Р. Бультман, М. Дибелиус)»¹. В этом разделе приведем уже ранее опубликованную аргументацию². В это время (с 20-30-х гг. XX в.) климат для исследования исторического контекста проповеди Иисуса становится более неблагоприятным, по причине, как считалось, низкой исторической ценности источников³. Основной акцент в этих работах был смещен на реконструкцию провозвестия ранней Церкви и (с учетом аналогий из греко-римской литературы) его самых ранних устных и литературных форм. Бультман отверг всякую возможность исторической реконструкции обстоятельств земной жизни Иисуса и истории Его мессианского самопонимания, подчеркивая богословскую необоснованность таких исторических реконструкций, как не соответствующих собственному предмету богословия⁴. Этим обусловлено и отсутствие у Бультмана и других представителей метода анализа форм интереса к миру, в котором Иисус проповедовал, и конкретно — к Галилее (у Бультмана искомый контекст — это история иудаизма от вавилонского плена до проповеди Иоанна Крестителя).

¹ Неклюдов К. В. Проблема. С. 158.

² Там же. С. 158–160.

³ См. Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus.

⁴ Для богословия такая реконструкция, по Бультману, не имеет значения, поскольку его программа демифологизации ставила основной акцент на значении Евангелия для современности, на вере во Христа, которая появляется только после Воскресения. Ее основным содержанием стала проповедь о Христе Воскресшем (керигма), в то время как история земной жизни и проповеди Иисуса имела в ней значение введения (Bultmann R. Die liberale Theologie und die jüngste theologische Bewegung // Idem. Glauben und Verstehen. Bd. 1. Tübingen, 1980⁸. S. 19). Анализ ситуации этого времени см. Лёзов С. В. Указ.соч. С. 545–557.

Начало нового этапа в исследованиях этого направления («Второй (или новый) поиск исторического Иисуса»¹) связано с именем ученика Бультмана Эрнста Кеземана, который обосновал необходимость возвращения в круг обсуждаемых вопроса о возможности исторически достоверной реконструкции обстоятельств земной жизни Иисуса². Во «втором поиске» вопрос о восстановлении хронологии служения Иисуса уже не ставился, но реконструировались его общие характеристики и отличительные черты. Был разработан «критерий несводимости» (Differenzkriterium), на основании которого исследователи стремились определить особенности содержания провозвестия Иисуса по отношению к религиозным представлениям иудаизма того времени, с одной стороны, и к тем, которые были созданы уже в первохристианской церкви — с другой³. Стремление выделить аутентичный остаток — то, что отличало проповедь Иисуса от обеих религиозных традиций, — говорит скорее о богословском, а не об историческом подходе, и этим, возможно, объяснялось отсутствие интереса к критическому диалогу с зарождавшейся в это время археологией Галилеи⁴. Точной географической или социальной локализации искомого материала особого внимания в данном подходе не уделялось. Что касается Галилеи, то в общем принималось положение о ее эллинизации и «смешанной расе галилеян»⁵.

Идея об эллинизации Галилеи и смешанности ее населения сохранилась и в работах создателей и сторонников еще одного направления новозаветной библеистики — метода анализа редакций (Redaktionsgeschichte)⁶. Многие ученые считали, что в текстах евангелистов (редактировавших предание в конкретных ситуациях своих общин) Галилея должна рассматриваться уже не только как место исторической проповеди Иисуса — ее образ в Евангелиях это скорее богословское выражение веры первых галилейских иудео-христианских общин, видевших в ней «землю спасения», место будущего откровения воскресшего Господа (ср.: Мк 14. 28; 16. 7)⁷.

¹ Терминология введена и определена в: Robinson J. M. *A New Quest for Historical Jesus*. Naperville, 1959.

² См. Пономарёв А. В., ахим. Ианнуарий (Ивлиев). Кеземан Э. // *Православная энциклопедия*. М., 2013. Т. 32. С. 320–322. «Новый поиск» был инициирован в лекции Кеземана в 1953 г. Он исходил из уверенности, что синоптические Евангелия содержат значительно больше исторически достоверных сведений, чем утверждали сторонники Бультмана; это относится и к древнейшим преданиям о страстях и Воскресении, поскольку христианская проповедь с самого начала предполагала традицию и исторические факты. В дальнейшем подход получил систематическое развитие в работах Гюнтера Борнкама (например, Bornkamm G. *Jesus von Nazareth*. Stuttgart, 1956).

³ Robinson J. M., Koester H. *Trajectories Through Early Christianity*. Philadelphia, 1971.

⁴ Freyne S. *Archaeology and the Historical Jesus // Jesus and Archaeology/* Ed. J. H. Charlesworth. Grand Rapids, 2006. P. P. 66.

⁵ Bornkamm G. *Jesus von Nazareth*; Dibelius M. *Die Botschaft von Jesus Christus*. Tübingen, 1935.

⁶ Ианнуарий (Ивлиев). *Исагогика*. С. 63.

⁷ Lohmeyer E. *Galiläa und Jerusalem*. Göttingen, 1936.

2. 1. 5. Г. Вермес: Галилея как родина харизматического иудаизма

Прежде чем перейти к описанию галилейского аргумента в следующем, «третьем поиске», нужно отметить тот очевидный факт, что в периодизации «поисков исторического Иисуса» в некоторых случаях нельзя провести точных границ¹. Так, работы еврейских ученых (не разделяющих положений христианского богословия, лежащих в основе этих поисков) вряд ли можно отнести к какому-то определенному «поиску». Между тем, одна из таких работ стала этапной в истории исследований галилейского контекста провозвестия Иисуса. Речь идет о книге иудейского историка Гезы Вермеша «Иисус иудей»², обозначившей новый интерес к галилейскому контексту евангельских событий после «паузы» второго поиска.

В данном разделе как и при описании некоторых других этапов дискуссии о галилейском контексте Иисуса приводим уже опубликованный в 2013 анализ аргументации Вермеша³. «Галилейский аргумент играет в книге Вермеша самую важную роль: именно в особенностях галилейского происхождения Иисуса автор стремится найти объяснение основным темам проповеди и событиям Его служения. Во многом это уже известный по прежним реконструкциям образ Галилеи, полученный, прежде всего, на основании свидетельств раввинской литературы, Иосифа Флавия и Нового Завета. Богатая, густо населенная земля, с развитой сельской экономикой и торговлей, обеспечивала жителям в I в. независимость и относительное благополучие. В то же время, это — «островок во враждебном море», окруженный языческими территориями, а иудеи здесь изначально незначительным меньшинством»⁴. «Национализм»⁵ и бунтарский дух галилеян стали причиной возникновения здесь движения зилотов, оставивших о себе недобрую память: имя «галилеянин» во всей Палестине I в. не было уже простым указанием на происхождение, но получило

¹ Moxnes H. The Construction of Galilee as a Place for the Historical Jesus: Part 1 // Biblical Theology Bulletin. London, 2001. Vol. 31. N 1. P. 26–37. P. 34.

² Vermes G. Jesus the Jew: A Historian's Reading of the Gospels. London, 1973, 1983².

³ Неклюдов К. В. Проблема. С. 160–164.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Причину этого национализма автор, однако, не объясняет.

дополнительный отрицательный смысл¹. Галилеяне — невежественное в вопросах закона деревенское простонародье со смешным говором.

Этот «бэкграунд» Вермеш предлагает учитывать и при объяснении особенности евангельского образа Иисуса. Мир Его проповеди — это мир сельской Галилеи; все образы и метафоры связаны именно с сельской жизнью². Галилейским национализмом автор объясняет отвержение Иисусом язычников³. Неизбежно было и противостояние Иисуса с фарисеями⁴: как галилеянин, Он мог быть обвинен в нарушениях религиозных предписаний, поскольку Его окружали сборщики налогов и блудницы, Он приходил в дом к людям, не соблюдавшим заповедей о чистоте, не стремился избежать осквернения контактом с умершим.

Ясно, что Вермеш воспроизводит здесь во многом традиционную для иудейских историков аргументацию на основании раввинистической традиции. Этапной (маркирует начало нового интереса к Галилее) его книгу делает отказ от попыток сблизить Иисуса с известными иудейскими движениями фарисеев, зилотов и ессеев, и предложение использовать в качестве объясняющего контекста традицию харизматического иудаизма, локализуемого автором в Галилее.

Аналогии евангельским свидетельствам о чудотворениях и экзорцизмах Вермеш видит в раввинских рассказах о харизматических проповедниках-хасидим, таких как выше упомянутые Хони ха-Меагэл, Ханина бен Доса⁵, Абба Хилкия, известные в иудейских преданиях как чудотворцы. Сходства между ними, по Вермешу, невозможно объяснить случайной близостью и нужно говорить именно об общих корнях обоих движений. Иисус рассматривается им наиболее ярким примером этого раннего движения. Хасидим — «наследники древней пророческой традиции», «их сверхъестественные силы» также «объяснялись прямым отношением с Богом», а сами хасиды — «связующее звено между небом

¹ Vermes G. *Jesus the Jew*. P. 46–48.

² Мф 6. 28–29; 13. 24–28.

³ Мф 10. 5–6; 15. 24; Мф 7. 6; Мк 7. 27, Мф 15. 26; Мк 5. 18–19.

⁴ Фарисеи, с которыми спорил Иисус в Галилее, не были, по Вермешу, местными (дважды говорится, что они пришли из Иерусалима — Мк 3.22; 7. 1).

⁵ Так, согласно одному из рассказов, укусившая Ханину бен Доса змея умерла, а он даже не прервал молитвы (ИТ. Берахот. 9а; ВТ. Берахот 33а; ср. обетование Иисуса в Мк 16. 18 о том, что апостолы без вреда «будут брать змей»). В рассказе об исцелении Ханиной больных по его молитве Вермеш усматривает жанровые параллели с евангельским рассказом об исцелении слуги сотника (ВТ. Берахот 34b; Мф 8. 5–13; Лк 7. 1–10). Традиция представляет Ханину человеком, живущим в крайней бедности и «ненавидящим ... деньги» (Vermes G. *Jesus the Jew*. 1973. P. 75). Вермеш и здесь видит параллель с критикой Иисусом стяжательства (Мф 6. 25; Мк 10. 21; Мф 8. 20; Лк 9. 58). Сходство между обоими учениями он усматривает также в отсутствии интереса к правовым и культовым предписаниям и в особом акценте на нравственных вопросах. Например, слова Ханины: «в том, у кого боязнь согрешить проявляется прежде, чем мудрость, мудрость укрепит; утратит же ее тот, у кого она проявляется прежде, чем боязнь согрешить» (Мишна. Авот. 3. 9–10), Вермеш сравнивает с наставлением Иисуса о публичном подавании милостыни (Мф 6. 1–4)).

и земель, независимые от какого-либо институционального опосредующего элемента». Вспышке такого движения способствовала «религиозная атмосфера простой и сельской Галилеи», а успех этого движения объясняется «духовным пылом, определенным галилейским темпераментом, а также ... народной памятью о ... пророке и чудотворце Илии»¹.

Основную проблему в реконструкции Вермеша критики видят в его «галилейском аргументе». Основной тезис об укорененности харизматиков-хасидим особенно в Галилее — не имеющее очевидных доказательств допущение. Из известных представителей этого направления галилейское происхождение засвидетельствовано только для Ханины бен Досы², оно возможно для Аббы Хилкии; центральная же фигура — Хони ха-Меагеля, в традиции связана исключительно с Иерусалимом³.

Не выдерживает критики и противопоставление Галилеи харизматиков-хасидим и Иерусалима/Иудеи книжников и фарисеев. Эти известные различия плюс факт галилейского происхождения Иисуса служат обоснованием для вывода о Его принадлежности к галилейским харизматическим учителям, не следующим предписаниям закона (при этом вся евангельская традиция, противоречащая этому образу, отвергается как созданная в поздних христианских общинах⁴). Это противопоставление невозможно теперь не только в свете введенных в оборот результатов раскопок (см. ниже), но и на основании, например, того факта, что еще до Иерусалима Иисус был отвергнут и в Галилее, даже подвергся здесь смертельной опасности (Мк 3. 6; Лк 4. 28–29).

¹ Vermes G. Op. cit. 1973. P. 69.

² Согласно раввинистическим источникам, Ханина жил в галилейской Араве, примерно в 15 км к северу от Назарета. В этом же городе 18 лет жил р. Йоханан бен Заккай, судя по всему, до начала Первого антиримского восстания (согласно Вавилонскому Талмуду (Берахот 34b), Ханина был его учеником). То, что Ханина жил в I в., Вермеш считает доказанным на основании свидетельства талмудических источников: его современниками названы три известных персонажа: храмовый служитель Нехония, р. Гамалиил и Йоханан бен Заккай. Если это Гамалиил I, которого ап. Павел назвал своим учителем (Деян 22. 3), а не его внук Гамалиил II, то проповедь Ханины относится ко времени до 70-го г.

³ Ios. Flav. Antiq. XIV 2. 1–2 (22–25); Мишна. Таанит. 3:8. Понимая проблему, Вермеш аргументирует: Хони мог быть жителем столицы, но так как Мишна и Иосиф описывают его действия в Иерусалиме во время Пасхи, он вполне мог быть паломником из Галилеи (Vermes G. Op. cit. 1973. P. 83).

⁴ Ibid. P. 235.

2. 2. Вопрос о галилейском контексте в «третьем поиске исторического Иисуса»

2.2.1. Возникновение «третьего поиска исторического Иисуса»

Переходя к описанию современного этапа дискуссии о контексте проповеди Иисуса, отметим, что здесь, как и при описании «доархеологического» этапа, мы во приводим уже во многом уже опубликованный материал¹. Как уже было отмечено, «усиление интереса к исследованию Галилеи, как необходимому для исторических реконструкций историко-культурному контексту, по времени совпадает с возникновением в 70-80-е гг. XX в. так называемого «третьего поиска исторического Иисуса», методология которого существенным образом отличается от прежних подходов. Тексты источников изучаются уже не только историко-филологическими методами, но и заимствованными из социологии, сравнительной антропологии и культурологии, а объектом изучения становится социальная история первых христианских общин»².

В отличие от «второго поиска» с его критерием двойной несводимости (подлинный материал, восходящий к Самому Иисусу, должен заметно отличаться от традиций современного Ему иудаизма) в «третьем поиске» принят «критерий подобия»³: аутентичным может быть и то, что связывает Иисуса с иудаизмом. Но по сравнению с прежним подходом понимание иудаизма Второго храма в «третьем поиске» изменилось радикально: если во «втором» провозвестие Иисуса противопоставлялось прежде всего единому иудаизму закона, как исследователи его реконструировали по раввинистической традиции⁴, в «третьем» понимание иудаизма Второго храма совершенно иное — здесь подчеркивается содержательный плюрализм и региональные особенности иудаизма⁵. Кроме этого, учитываются такие важные аспекты контекста как социологические (отношение город-деревня, (городские) правители — (деревенские)

¹ Материал данного раздела в сокращенном виде опубликован в статье: Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса Христа (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 2 // Христианское чтение. СПб., 2016. Т. 2. С. 123–166.

² Там же. С. 123.

³ Dunn J. D. G. *Christianity in the Making*. Vol. 1: *Jesus Remembered*. Grand Rapids; Cambridge, 2003. P. 73–92.

⁴ Sanders E. P. *Paulus und das palästinische Judentum*. Göttingen, 1997. S. 27–54.

⁵ Так, Клоппенборг (см. ниже) отмечает, что «уже недостаточно сказать, что Иисус был иудеем, речь должна идти о том, чтобы более точно определить, какой вид иудаизма Иисус (или Q) представляет» (Kloppenborg J. S. *Excavating Q: The History and Setting of the Sayings Gospel*. Edinburgh, 2000. P. 437).

подданные) и культурные особенности (степень эллинизации, религиозные традиции) Галилеи. Галилейское происхождение Иисуса — исходная точка конкретизации¹.

Помимо раннехристианских и иудейских писаний греко-римского времени в качестве источников с 90-х гг. стали рассматриваться и данные археологических исследований Галилеи, начавшихся здесь в 70-х гг. (см. ниже), и образ Галилеи, известный по письменным источникам, был существенным образом скорректирован.

Следствием расширения источниковедческой базы стал всплеск публикаций исторических, часто конкурирующих, в зависимости от полученного образа Галилеи, реконструкций обстоятельств служения Иисуса Христа. При этом апелляцией к образу Галилеи историки часто обосновывали или опровергали соответствующие реконструкции. Таким образом, «третий поиск исторического Иисуса», по словам одного из исследователей, становится «поиском исторической Галилеи»².

Однако и в нынешнем «третьем поиске» осознание важности учета галилейского археологического материала в исследовании «исторического Иисуса» пришло не сразу. Это заметно, например, в «Семинаре по Иисусу», исследовательской группе, созданной в США в начале 1980-х гг., и по дискуссии в журнале «Форум», со стремлением ее участников ограничиться исключительно письменными источниками традиции речений³ и освободиться от принципа канона, догматического авторитета и от учета изначального контекста реконструируемого образа. В дальнейшем, несмотря на интенсивное обсуждение, далеко не все признали принципиальную важность археологии даже после публикации предварительных отчетов о раскопках в рамках проекта исследований хребта Мейрон (Верхняя Галилея) (Э. М. Мейерс, Дж. Стрендж) (1978), и популярных работ историков иудаизма и раннего христианства⁴. Отметим также, что и Э. П. Сэндерс — ученый, вклад которого в преодоление методологии «Второго поиска» сего негативным образом иудаизма и дихотомией иудаизма и первоначального христианства нельзя переоценить⁵, не уделял галилейскому контексту особого внимания.

¹ О Галилее как неотъемлемом элементе всякой реконструкции жизни Иисуса см. Evans C. A. *Authenticating the Activities of Jesus* // *Authenticating the Activities of Jesus* / Ed. B. Chilton. Leiden, 1999. P. 3–4, 9–10, 26–27.

² Freyne S. *The Geography, Politics, and Economics of Galilee and the Quest for the Historical Jesus* // *Studying the Historical Jesus: Evaluations of the State of Current Research* / Ed. B. Chilton. Leiden, 1994. P. 76.

³ Например, Crossan J. D. *Materials and Methods in Historical Jesus Research* // *Forum*. Philadelphia, 1988. Vol. 4. P. 3–24. В последующих работах автора использование археологического материала раннеримской Галилеи сведено до минимума.

⁴ Meyers E. M., Strange J. F. *Archaeology, the Rabbis, and Early Christianity*. Nashville, 1981.

⁵ Sanders E. P. *Jesus and Judaism*. London, 1985. P. 11. Ставя вопрос о месте Иисуса в этом иудаизме I в., Сэндерс не выделяет тему роли галилейского контекста для понимания Его служения (нет отдельной главы о Галилее, не

Одним из первых важных вклад археологии Палестины в исследование «исторического Иисуса» признал Дж. Чарльсворт (работы 1985 и 1988 гг.)¹. Однако в обзоре историографии вопроса об историчности евангельской традиции в работе 1991 г. Дж. Мейера («Маргинальный еврей») по-прежнему не допускается, чтобы известные на то время результаты раскопок играли важную роль в научных спорах. В 1970-е гг. пределы возможностей дискуссии об «историческом Иисусе» на основании только письменных источников осознал Шон Фрейн². Интерес новозаветников (историков и филологов) к новому типу источников стал очевидным на международных конференциях 1989 и 1996 гг., на которых археологи выступали как равноправные партнеры³, а также на междисциплинарных семинарах по археологии Нового Завета и «историческому Иисусу», например, на организованном в 1994 г. Обществом Библейской литературы в Чикаго и в 2003 в Кембридже и Вуппертале, в 2004 г. на конференции в Йельском университете⁴, и других.

2.2.2 Киническая гипотеза (Ф. Дж. Даунинг, Б. Л. Мэк, Дж. Д. Кроссан)

В 90-е гг. более ясной стала роль археологии, которую она играла в преодолении ряда исторических реконструкций «исторического Иисуса», основанных на гипотезах, в которых

упоминается она и в индексе). Рассматривая этот общий иудаизм в качестве такого контекста, Сэндерс подчеркивает важность такого аспекта как еврейская эсхатология восстановления, и такую центральную, согласно Сэндерсу («Павел и палестинский иудаизм»), категорию еврейской веры как «covenantal nomism», лежащую в основе всех вариантов иудаизма. Галилея, однако, практически не играет роли в этой книге, так как решающим для автора контекстом для интерпретации проповеди Иисуса является «палестинский иудаизм» (Ibid. P. 17). В некоторых более поздних исследованиях дискуссия о Галилее находит отражение. В популярной книге об историческом Иисусе Сэндерс рассматривает ситуацию в Галилее времени Антипы и видит эту территорию скорее еврейской, без заметного влияния городов и вообще эллинистической культуры и римской администрации, но с заметным экономическим угнетением крестьян со стороны аристократии. Сэндерс признает некоторые различия между Галилеей и Иудеей, но не считает их существенными, чтобы учитывать в реконструкции иудаизма I в. как контекста служения Иисуса. Отправной точкой для такого описания остается отношения Иисуса к храму..

¹ Charlesworth J. H. Research on the Historical Jesus Today: Jesus and the Pseudepigrapha, the Dead Sea Scrolls, the Nag Hammadi Codices, Josephus, and Archaeology // The Princeton Seminary Bulletin. Princeton, 1985. Vol. 6. P. 98–115.

² Freyne S. Archaeology and the Historical Jesus // Jesus and Archaeology/ Ed. J. H. Charlesworth. Grand Rapids, 2006. P. P. 67.

³ Сборники опубликованы: Levine L. I., ed. The Galilee in Late Antiquity. New York, 1992; Meyers E. M., ed. Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures. Winona Lake, 1999.

⁴ Доклады совместного семинара опубликованы: Society of Biblical Literature: Seminar Papers, 1994. Atlanta, 1994. Материалы конференции в Кембридже и в Йельском университете вошли в сборник: Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg. Tübingen, 2007.

причины возникновения Его провозвестия усматривались в галилейских протестных движениях за сохранение традиционных религиозных ценностей, направленных против политического истеблишмента Иерусалима. В частности, это гипотезы об Иисусе как странствующем философе-кинике (Д. Кроссан, А. Мэк). Преобладающая социальная, по мнению сторонников гипотезы, направленность первоначального нравственного провозвестия Иисуса (в чем видят ее сходство с философией киников) определялась именно галилейской ситуацией — ситуацией социальной нестабильности, возникшей, в частности, по причине урбанизации, проводимой Антипой за счет эксплуатации ресурсов сельских территорий. Считалось, что это повлекло за собой обнищание большинства сельского населения. Связанное с урбанизацией распространение римской культуры в Галилее, воспринимавшееся как угроза традиционному образу жизни, должно было, по мнению ряда специалистов (прежде всего участников «Семинара по Иисусу»), привести к социальному напряжению. Именно оно рассматривается в качестве основного импульса возникновения движения Иисуса и Его последователей.

В многочисленных публикациях североамериканских ученых по теме «Иисус и киники» (особенно это относится к участникам «Семинара по Иисусу»¹), внимание обычно привлекало внешнее сходство в образе жизни странствующих проповедников киников и последователей Иисуса Христа, их сходство в одежде, в представлении о бедности как идеале, в воздержании от занятий, приносящих доход, в зависимости от подаяний со стороны других людей, в «естественном» образе жизни, в действиях, противоречащих принятым в обществе нормам; особый интерес вызывало сравнение стиля наставлений и выдающихся поступков отдельных учителей-киников и Иисуса.

Как мы уже отмечали, «одной из предпосылок этой гипотезы стали современные исследования источника логий Q, связанные прежде всего с именем Дж. Клоппенборга и других ученых, выделивших в этом источнике самый ранний и несколько (обычно два) более поздних редакционных слоя. Кинические параллели усматривали обычно именно в этом, самом раннем слое. Анализ и критика кинической гипотезы выходит за рамки данной работы, интерес для нашего обзора представляет только то, как сторонники гипотезы (наиболее очевидно Ф. Дж. Даунинг, Б. Л. Мэк и Дж. Д. Кроссан) использовали «галилейский аргумент» для ее обоснования»².

¹ Crossan J. D. *The Historical Jesus: The Life of a Mediterranean Jewish Peasant*. San Francisco, 1991; Vaage L. E. *Q: The Ethos and Ethics of an Itinerant Intelligence: Diss.* Waco, 1987; Mack B. L. *A Myth of Innocence: Mark and Christian Origins*. Philadelphia, 1988.

² Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 126; См.: Kloppenborg J. S. *The Formation of Q: Trajectories in Ancient Wisdom Collections*. Philadelphia, 1987. P. 306–316, 326; Vaage L. E. *Q: The Ethos and Ethics*.

Тезис о присутствии кинических традиций в Галилее I в. и их влиянии на Иисуса и Его первых последователей отстаивает католический экзегет Ф. Дж. Даунинг. Он стремится показать, что Иисус, как учитель, может быть понят по аналогии с киническими учителями-проповедниками, а в качестве ближайшего социального контекста Даунинг рассматривает культуру эллинизированной Галилеи¹. Его вывод основан, по сути, на 2 основных аргументах: во-первых, он утверждает, что в иудейских источниках, современных Евангелиям, жанровые аналогии притчам отсутствуют², поэтому единственные близкие по структуре и тематике параллели можно видеть только в традиции простонародного кинизма³. Объяснить это совпадение сходством социальных и экономических условий, сложившихся в разных культурах, по Даунингу, невозможно — слишком (беспрецедентно) близки обе традиции⁴. Это предполагает (2-й аргумент) внешнее влияние на создание евангельской традиции об учении Иисуса. Источник этого влияния Даунинг видит в Гадаре⁵, которая находилась всего в нескольких километрах к юго-востоку от Генисаретского озера и которую с Галилеей связывала дорога, проходившая через Назарет. Некоторые традиции простонародного кинизма, по его убеждению, могли быть адаптированы в Галилее в течение нескольких столетий со времени Мениппа (III в. до Р.Х.)⁶.

¹ Downing F.G. *The Social Contexts of Jesus the Teacher: Construction or Reconstruction* // NTS. Grad Rapids, 1987. Vol. 33. P. 439–445.

² Понятийный контекст центральных терминов провозвестия Иисуса, по мнению Даунинга, в текстах Писания найти нельзя. Его аргумент: независимых свидетельств об использовании нарративных «притч» в Галилее начала I в. нет ни у книжников и фарисеев этого времени, ни у ап. Павла, ни у Иосифа Флавия, есть только рассказы о поздних раввинах, приводивших притчи в качестве иллюстраций в своих учениях. И в тоже время также ясно, что Иисус не создал этот жанр Сам (есть например уже в апокрифических «Житиях пророков» (I в. по Р.Х.), влияния которых Даунинг допускает) (Downing F.G. *The Jewish Cynic Jesus // Jesus, Mark and Q: The Teaching of Jesus and Its Earliest Records* / Ed. M. Labahn. London, 2001. P. 197). Согласно автору, остается только признать внешнее влияние со стороны киников.

³ Downing F.G. *The Jewish Cynic Jesus*. P. 198. Примеры такой близости: в представлениях об одежде миссионера (Ibid. P. 199); в отношении к бедности (киническая мысль ближе к учению Иисуса, чем мнения других иудейских учителей (Ibid. P. 198)); в отказе от семьи; в учении о любви к врагам (Диоген) (Ibid. P. 207). При этом подчеркивается, что такая близость не объясняется генетической связью — сам Иисус не заимствовал основные темы своего провозвестия у киников, но для Его слушателей и последующих авторов первых документов эта форма наставлений была уже привычной (Ibid. P. 201). В статье о жанровой близости кинической литературы речений и источника логий Q (Ibidem) Даунинг, исходя из результатов последних на то время исследований вопроса о жанре источника логий (Kloppenborg J. S. *The Formation of Q*. P. 306–316, 326), делает вывод, что авторы Q следовали жанровой модели «жизнеописаний» кинических философов (Диоген Лаэртский).

⁴ Downing F.G. *Op. cit.* P. 209.

⁵ Downing F.G. *Op. cit.* P. 210. Считалось, что по числу известных киников Гадара опережала любой другой античный город. Но для рассматриваемого периода интересен только Мелеагр, который, однако, лишь родился в Гадаре, учил же уже в Фивах. Прославили Гадару греческие ученые: киник Менипп (III в. до Р. Х.) (Strab. XVI 2. 29), поэт Мелеагр (Strab. XVI 2. 29). Гадара была центром других интеллектуальных традиций и школ: эпикуреец Филодем, критик кинизма (Strab. XVI 2. 29) (1-я пол. I в. до Р. Х.), оратор Теодор, учитель имп. Тиберия (кон. I в. до Р. Х.) (Strab. XVI 2. 29), и софист Аписин (III в. до Р. Х.) (Weber T. M. *Umm Qais: Gadara of the Decapolis: A Brief Guide to the Antiquities*. Amman. 1990. S. 4).

⁶ Свидетельство об «иудейском кинизме» в Галилее Даунинг видел в сообщении Иосифа о «четвертой философии», связанной с Иудой Галилеянином, лидером «радикального освободительного движения» (Downing F.

Проблемам изучения Галилеи I в. в современной историографии Даунинг посвятил отдельное эссе¹, в котором для реконструкции социального контекста Галилеи I в. подчеркивает необходимость использования социологических моделей, описывающих жизнь средиземноморских крестьянских общин в XIX–I-й половине XX вв. (О роли и пределах использования социологических моделей в исследовании Галилеи см. ниже.)

Галилейский аргумент играет свою роль в работах американского автора Бертона Л. Мэка², также сторонника кинической гипотезы. Мэк, с некоторыми поправками, в основном принимает выводы Дж. Клоппенборга о редакционных слоях Q и связывает самый ранний, кинический слой с Иисусом и первыми Его последователями — странствующими миссионерами³. Только на поздней стадии традиции простые афоризмы Иисуса, использующие образы повседневной жизни, облекаются, согласно Мэку, в формы христианского мифа: вводятся представления об Иисусе как о вестнике премудрости, Сыне Человеческом, грядущем Судие и Сыне Божиим.

Галилейский аргумент (эллинистическая Галилея)⁴ у Мэка один из основных (кроме него приводятся только 2: Иисус использует риторические приемы, характерные для киников⁵, и для Его проповеди характерна социальная критика, близкая по содержанию к эллинистическим традициям). С социо-культурным миром Галилеи I в. Мэк связывает первый, самый ранний реконструируемый слой собрания логий (Q¹). Именно его он рассматривает как важный

G. Cynics and Christians // NTS. 1984. Vol.30. P. 585, 590–591). Однако у Иосифа нет никаких ясных указаний на кинизм Иуды, не считает так и Мартин Хенгель, к которому апеллирует Даунинг (Downing F. G. *The Social Contexts of Jesus the Teacher*. P. 499).

¹ Downing F.G. *In Quest of First-Century Galilee* // CBQ. 2004. Vol. 66. P. 78–97.

² Mack B. L. *The Lost Gospel*.

³ К этому, самому раннему слою Дж. Клоппенборг относит: Q 6:20b–23b (блаженны нищие); 27–35 (о любви к врагам); 36–45 (о подаении, «будьте милосердны, как Отец»); 46–49; Q 9:57–60 (61–62) (о следовании за Иисусом, «лисицы имеют норы...»); 10:2–11, 16 (о жатве, послание апостолов на проповедь); Q 11:2–4 (молитва Господня); 9–13 (о прощении, «просите и дано будет..., стучите ... и отворят»); Q 12:2–7 (нет ничего сокровенного); 11–12 (о гонениях в синагогах, Святой Дух научит, что отвечать); Q 12:22b–31 («не заботьтесь для души что есть, и для тела во что одеться...»); 33–34; (13:18–21?) («продавайте имение и давайте милостыню»); Q 13:24 («подвизайтесь войти в тесные врата»); 14:26–27 («Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и мать, жену и детей ... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»); 17:33; 14:34–35.

⁴ Mack B. L. *A Myth of Innocence*. P. 53–66. В отличие от Иудеи Галилея — «земля смешанного народа» (приводятся уже известные аргументы о том, что это было следствием ее завоеваний), без столицы, «нейтральная территория» (*no-man's-land*), «лояльность царям и их богам» не была галилейской добродетелью (частью Земли Израиля она была лишь в период с 100 по 63 гг. до Р.Х.). Эллинистическое влияние («воплощение эллинистической культуры накануне римской эры» — *Ibid.* P. 66) считается доказанным близостью Гадары и Скифополя, а также строительством Сепфориса (Mack B. L. *The Lost Gospel*. 1993. P. 57). Близостью Гадары объясняется и возможность присутствия здесь странствующих киников. Галилея — географический регион, связанный со средиземноморскими портами и, таким образом, открытый для информации о событиях во всей империи. Об эллинизации должно свидетельствовать также распространение греческого языка в южной Галилее (ср.: Mack B. L. *The Lost Gospel*. P. 57–58). В Галилее нет признаков организации иудейской диаспоры — фарисеи, которых упоминают евангелисты, не представители местной власти, а прибывшие сюда из Иерусалима; не найдено (на тот момент!) следов синагог.

⁵ Mack B. L. *The Lost Gospel*. P. 68–69.

источник по ментальности галилеян, первых последователей Иисуса¹), в котором отражено первоначальное представление о Царстве Божием, как его проповедовал Сам Иисус. Это представление о Боге не связано с «какой-либо традицией этнического или культурного мышления» и, поэтому, могло возникнуть только в Галилее². Менталитет галилеян — менталитет малых сектантских групп без каких-либо апокалиптических мессианских ожиданий³ и озадаченных в основном социальными вопросами. На этом основании Мэк заключает: с учетом «современной информации о социально-культурном климате Галилеи I века» от представления об Иисусе как об апокалиптическом пророке нужно отказаться⁴.

Этой особенностью галилейского менталитета Мэк обосновывает свое отвержение всех встречающихся в литературе объяснений того, почему движение Иисуса привлекло на свою сторону многих галилеян⁵. Вместо них он предлагает свое — это объясняется проповедью об индивидуальной свободе. Готовность галилеян внимать ей определена, по Мэку, в том числе и ситуацией духовного кризиса, вызванного эрозией традиционных представлений, социальной фрагментацией общества и необходимостью адаптации культурных традиций к изменившимся условиям жизни. Для этого времени (вообще в Леванте и, в частности, в Галилее) характерны:

¹ Ibid. P. 38.

² Ibid. P. 127–128. Понятие о Царстве Божием в проповеди Иисуса (в первом слое источника логий), по Мэку, также нужно интерпретировать в рамках представлений кинизма, а не апокалиптики. В эллинистических традициях простонародной и академической философии дискурс о царях и царствах, несмотря на то, что общество представлялось по модели полиса, имел место в трактатах, посвященных вопросам о справедливом общественном правлении, при этом принципы построения как справедливого общества, так и утверждения добродетельной жизни, рассматривались общими (не приводя конкретных ссылок на источники, что характерно для всей его монографии, Мэк говорит, например, о мудреце-стоике как единственно истинном царе-правителе, указывающем путь к добродетели, или о киниках, которые понимали себя «царями», выступающими против тиранов и общества, слепо следующего нерациональным правилам — ср.: Mack B. L. A Myth of Innocence. P. 72–73). Образ Царства в проповеди Иисуса, точнее отдельные его черты — социальная критика и обращение к индивидам — сближается, по Мэку, с киническим представлением о «царстве», то есть о позиции, которая сообщает человеку уверенность в ситуации путанных, противоречивых социальных обстоятельств. «Аналогия с киниками уводит исторического Иисуса далеко от традиционной среды иудейских сект в направление эллинистического этоса, который, как известно, в Галилее преобладал» (Ibid.).

³ Ibid. P. 73.

⁴ Mack B. L. The Lost Gospel. P. 49. В библиографии на стр. 263–267 нет ни одной новой работы по истории и археологии Галилеи.

⁵ Ibid. P. 62–64. Реформирование иудаизма как государственно-храмовой иерархии с ее партикуляристской идеологией, ориентированной на жертвоприношение, на основании истинного мессианского толкования ветхозаветных пророчеств. Мэк не видит в галилейском менталитете отвержения жертвенного культа (Q). Отвергается им и революция, в смысле нового, духовного восстановления храма: Евангелие от Марка датируется уже послевоенными 70-ми гг., изображение конфликта Иисуса с Иерусалимом — анахронизм, а указания на предстоящие военные катастрофы сделаны в нем, чтобы привлечь читателей. В (галилейском) источнике логий нет ничего, что было бы похоже на призыв к войне с Римом и храмовым истеблишментом, и такой призыв вряд ли побудил бы галилеян примкнуть к Иисусу. Против объяснения успеха провозвестия Иисуса в Галилее по причине его апокалиптического содержания Мэк возражает: источники ничего не сообщают о какой-то апокалиптической истерии в Галилее или осознании галилеянами себя праведным остатком. Не имеет подтверждения и объяснение привлекательности тем, что в проповеди Иисуса отчаявшиеся галилейские крестьяне (замученные бедностью, грабежами, двойным налогообложением) услышали утопическую программу (богатство — зло, Бог воздаст за все). Мэк аргументирует от археологии: она не подтверждает картину экономического упадка и бедности.

появление странствующих религиозных учителей; распространение малых социальных групп, объединенных на основе общих интересов, а не прежних этнических или семейных связей.

Как и в случае галилейской аргументации Даунинга, у Мэка мы также имеем дело с уже устаревшим для науки того времени образом Галилеи как эллинизированной земли и ее противопоставлением Иудее (как и вообще греко-римской и иудейской культур как антагонистических).

В начале 90-х гг. XX в. в ряде работ были предложены реконструкции социально-экономического мира Галилеи с учетом новых археологических данных, но с особым методологическим акцентом на использование социологических моделей античного общества¹ для их интерпретации. Заметную полемическую реакцию вызвали работы Дж. Д. Кроссана «Исторический Иисус» (1991) и «Рождение христианства» (1999)², методология которых нашла, однако, и своих последователей³.

В своей реконструкции общепалестинского, и в частности галилейского, контекста Кроссан следует 3-этапной схеме: 1) социальное и экономическое положение средиземноморского крестьянства описывается исходя из социологической модели (при этом заранее принимается тезис о том, что ситуация в раннеримской Палестине не отличалась принципиально от ситуации в других областях Римской империи); 2) излагаются данные письменных источников по истории евреев в римский период; 3) привлекаются данные по археологии Галилеи (причем под «археологией» подразумевается как собственно археологический материал, так и сведения Иосифа Флавия о строительной деятельности иродианских правителей), на основании которых осуществляется более «детальный», по словам Кроссана, анализ⁴.

В качестве основы для первого этапа реконструкции мира раннеримской Галилеи Кроссан использует 2 социологические модели⁵, позволяющие объяснить причины характерного для аграрного общества экономического неравенства и социальной

¹ Библиографию см. ниже, в разделе о социологических моделях.

² Crossan J. D. *The Historical Jesus: The Life of a Mediterranean Jewish Peasant*. San Francisco, 1991; idem. D. *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately After the Execution of Jesus*. Edinburgh, 1999. Аргументы последней работы вновь приводятся в статье 2007 г.: idem. *The Relationship between Galilean Archaeology and Historical Jesus Research // The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers*. Boston, 2007. P. 151–162.

³ Методологию Кроссана (Ленского) для реконструкции социально-экономической ситуации в Галилее I в. приняли: Stegemann W. *The Jesus Movement: A Social History of its First Century*. Minneapolis, 1999, и другие.

⁴ Crossan J. D. *Context and Text in Historical Jesus Methodology // Handbook for the Study of the Historical Jesus*. Vol. 1: *How to Study the Historical Jesus* / Ed. Holmén T., Porter, Stanley E. Leiden; Boston, 2011. P. 161.

⁵ Crossan J. D. *The Birth of Christianity*. P. 152.

эксплуатации¹. В книге 1991 г. это модель социальной стратификации древних аграрных империй Герхарда Ленского² (показавшего, что древнее аграрное общество сохраняет баланс между солидарностью и конфликтом благодаря традиции, отражающей интересы, как объединяющие античные город и деревню, так и характерные только для одной из сторон³), а в работе 1999 г. — модель Джона Каутского (рассматривающего вопрос о классовой борьбе из перспективы исторической социологии, в которой выделяются 2 типа древнего аграрного общества — традиционное и коммерциализированное⁴). Эти модели Кроссан фактически отождествляет и часто использует их под общим названием «модель Каутского–Ленского».

Если в рамках 2-го этапа Кроссан широко использует литературные источники, то 3-й этап — археологический, вопреки заявлению о «детальном уровне», оказывается у исследователя маргинальным и сводится к поиску иллюстративного материала, подтверждающего выводы, сформулированные на основании социологической модели⁵. Книга 1991 г. основана почти исключительно на письменных источниках; единственное исключение — обращение автора к предварительному выводу Э. Овермана о заметной по античным меркам урбанизации Нижней Галилеи, что, по мнению Кроссана, должно быть дополнительным аргументом в пользу изображения Иисуса как странствующего учителя, адаптировавшего для Своей галилейской проповеди ценности (городской) кинической культуры. В работе 1999 г. есть отдельная глава об археологии Галилеи, важная, по мнению автора, для его описания направлений развития проповеди Иисуса. Согласно Кроссану, развитие традиции об Иисусе в первоначальном христианстве проходило по 2 траекториям: в сельской Галилее возникла традиция речений, и отсюда она распространялась в Сирию; в городском же контексте Иерусалима развивались традиции о жизни и смерти Иисуса, которые в дальнейшем были восприняты и продолжали распространяться в Павловых общинах. В этом сценарии особая культура Галилеи имеет свое значение — именно сельский характер галилейского мира определил развитие в этом контексте традиции указанного жанра.

Римская империя рассматривается Кроссаном как типично аграрная, а ее развитая сельская экономика — как источник, из которого черпаются ресурсы для интенсивной урбанизации провинций и связанных с ней монетизации экономики и бюрократизации (scribalisation) управленцев (согласно модели, эти факторы определяют стабильность любого древнего аграрного общества или ее отсутствие). По убеждению Кроссана, следствием

¹ Crossan J. D. *The Historical Jesus*. P. 124–136.

² Модель описана в работе: Lensky G. E. *Power and Privilege: A Theory of Social Stratification*. New York, 1966.

³ Crossan J. D. *The Historical Jesus*. P. 44.

⁴ Kautsky J. H. *The Politics of Aristocratic Empires*. Chapel Hill, 1982. P. 20–21.

⁵ Crossan J. D. *The Birth of Christianity*. P. 209–235.

коммерциализации (когда имели место все 3 фактора) неизбежно становится значительное углубление социальной пропасти между аристократией и крестьянством¹. Последнее оказывается на грани выживания², так как городская элита начинала изымать уже не излишки производства, а саму землю³, и бывшие свободные земледельцы становятся арендаторами своих прежних участков. С этим связано усиление сопротивления крестьян, вызванное пониманием угрозы «традиционному образу жизни ..., угрозы разрушения защитной сети родственных связей и деревенских контактов, а также превращения земли из неотчуждаемого семейного наследия в предмет товарного оборота»⁴. В такой ситуации открытое восстание — лишь верхушка айсберга повседневного ненасильственного сопротивления (скрытые действия, видимость непонимания, акты саботажа, распространение символических рассказов и песен с политическим подтекстом, надежды на справедливого царя и вмешательства Бога правды)⁵. Большое число антиримских выступлений — характерная особенность социально-политической истории евреев периода ранней империи по сравнению как с эллинистической, так и со средне- и позднеримской эпохами. Причиной этого, по мнению Кроссана, была римская «программа урбанизации с целью коммерциализации еврейской земли». Как «территориальная империя» для подавления сопротивления и гарантии выплаты податей Рим размещал свои легионы в провинциях, что неизбежно приводило к вмешательству в местные традиции⁶. Новые принципы организации жизни имперской провинции реализовывались с помощью военного (легионы на местах, сеть дорог и мостов); экономического (порты, торговля с легионерами, монетизация провинций), политического (вхождение местной аристократии в римскую политическую элиту) и идеологического (общеимперская теология: божественность императора, обеспечивающего мир через победу⁷) контроля, что и приводит к фундаментальному конфликту с еврейской традицией I в., в которой, несмотря на примирительный элемент (победы Рима — результат помощи Бога, Иосиф Флавий⁸), важнейшим является представление о «распределительной» справедливости — каждый иудей должен получить свой надел земли, которая в целом принадлежит только Богу (Лев 25. 23; 3

¹ Crossan J. D. Context and Text. P. 163.

² Crossan J. D. The Birth of Christianity. P. 153.

³ Ibid. P. 157.

⁴ Ibid. P. 166.

⁵ Crossan J. D. Context and Text. P. 164.

⁶ Crossan J. D. Context and Text. P. 156.

⁷ Ibid. P. 165.

⁸ Ios. Flav. De bell. V 367, 378, 412; II 390.

Цар 21. 1–15), а не империи. Именно это противоречие, по Кроссану, является лучшим объяснением ряда антиримских восстаний евреев в течение всех 200 лет римского правления¹.

Галилея на этом фоне была относительно спокойной областью, поскольку в источниках не засвидетельствованы случаи открытых антиримских выступлений на ее территории, однако реальная социально-политическая ситуация здесь, по убеждению Кроссана, была такой же напряженной, как и в остальной Палестине. Это положение у Кроссана с необходимостью следует из принятой им модели, в соответствии с которой исследователь отвергает саму возможность каких-либо взаимовыгодных отношений городских центров Галилеи с окружающими сельскими территориями². Галилейское крестьянство, как и вообще античное, по Кроссану, нельзя рассматривать как изолированное от городов, но оно по определению является объектом эксплуатации со стороны городской элиты³. Крестьянство и города всегда образуют 2 стороны репрессивного, эксплуататорского строя⁴. Для крестьян, по Кроссану, в этих условиях есть только 3 возможности: остаться на земле в качестве арендаторов своих земель у крупных землевладельцев; уйти и стать разбойниками; перестать заниматься земледелием и переселиться в город. При любом из них навсегда разрушалась система социальной защитных связей жителей деревень, традиционные родственные узы⁵.

Возможность сбалансированной социально-экономической ситуации и взаимовыгодных отношений городов и деревень в раннеримской Галилее, по мнению Кроссана, нельзя обосновать и результатами раскопок. Кроссан предложил альтернативную интерпретацию данных, полученных израильским археологом Д. Аданом-Баевичем. Последний установил, что

¹ Crossan J. D. *Context and Text*. P. 168.

² Эти закономерности, по Кроссану, можно видеть и в других местах. Он ссылается на исследования Дж. Паттерсона о влиянии романизации на экономику и общество Средиземноморья на примере Самнии (Аппенины) и Ликии (совр. Турция) (Patterson J. R. *Settlement, City, and Elite in Samnium and Lycia // City and Country in the Ancient World / Ed. J. Rich, A. Wallace-Hadrill. London; New York, 1992*². P. 150–172): в городах возникают общественные здания; в сельских поселениях наблюдается упадок небольших хозяйств свободных землевладельцев и рост поместий аристократов; городская элита характеризуется заметной мобильностью и обогащается за счет эксплуатации деревень.

³ Lenski G. E. *Power and Privilege*. P. 271; Kautsky J. H. *The Politics of Aristocratic Empires*. P. 4, 6, 18, 24. Ряд антропологов, по мнению Кроссана, также подтверждают тезис об эксплуатируемом городами крестьянстве: (1) Т. Шанин, согласно которому всякая крестьянская экономика сама по себе основана на эксплуатации непосредственных производителей более «сильными», а среди крестьян всегда заметна доля (маргинальных) ремесленников (Shanin T. *Peasantry: Delineation of a Sociological Concept and Field of Study // European Journal of Sociology*. 1971. Vol. 12. P. 296–297; Crossan J. D. *The Relationship between Galilean Archaeology and Historical Jesus Research // The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers*. Boston, 2007. P. 155); и (2) Джордж Форстер, рассматривающий крестьян как класс, включающий не только земледельцев, но и других мелких производителей, зарабатывавших на жизнь не сельским хозяйством — рыбаков и сельских ремесленников (Foster G. M. *Introduction: What is a Peasant? // Peasant Society: A Reader / Ed. J. M. Potter, M. N. Diaz, G. M. Foster*. Boston, 1967. P. 4, 6, 9). Признак, по которому определяется эта социальная группа, — не принадлежность к определенному производству, но подверженность контролю со стороны тех, кто обладает властью и живет преимущественно в городах (Crossan J. D. *The Relationship*. P. 154–155).

⁴ Crossan J. D. *The Relationship*. P. 155.

⁵ Ibid. P. 156.

большая часть бытовой посуды раннеримского времени производилась не в городах, а в деревенских центрах Кфар-Ханания и Шихин¹. Если Адан-Баевич интерпретировал этот факт как свидетельство экономического благополучия раннеримской Галилеи (крестьяне были не угнетенным классом, а предприимчивыми торговцами, участниками интенсивных отношений с городскими рынками), то Кроссан предлагает прямо противоположное объяснение: деревенские гончары — не предприимчивые торговцы, но отчаявшиеся фермеры, вынужденно ставшие ремесленниками вследствие усиления эксплуатации со стороны городов². Такую интерпретацию Кроссан выстраивает в рамках социально-антропологической модели Дина Арнольда³: когда население превышает число, которое может прокормить данная территория, земледельцы отказываются от обработки своих участков (они переходят в собственность городской элиты) и, чтобы выжить, начинают заниматься ремеслами, прежде всего гончарным, которое связано с дополнительными усилиями и с большими, чем в случае земледелия, рисками при производстве и реализации продукта. Согласно Арнольду, этот процесс универсален для обществ с аграрной экономикой⁴.

Важным фактором, определяющим экономическую жизнь раннеримской Галилеи, была строительная политика Ирода Великого и его преемников. Строительная деятельность Ирода Великого не затронула Галилею непосредственно, однако не могла не сказаться на общей экономической ситуации в регионе. Его два главных строительных проекта свидетельствуют о романизации Палестины: глубоководный порт в Кесарии Приморской, изменивший структуру всей средиземноморской торговли, и расширение Иерусалимского храма⁵. Оба проекта, по мнению Кроссана, были связаны — тысячи паломников или любопытствующих из других земель империи могли прибывать через кесарийский порт и следовать далее в Иерусалим, — что должно доказывать факт коммерциализации Иродом не только территории, но и религии его народа⁶. Активное строительство в Галилее началось в правление Антипы, укрепившего Сепфорис (Автократиду⁷) и построившего новую столицу Тивериду (также названную в честь императора). Постройка Тивериады означала, что коммерциализация здесь распространилась на регион озера, поэтому экономическая деятельность и в этой области была невозможной без

¹ Adan-Bayewitz D. The Pottery // Wachsmann S. The Excavations of an Ancient Boat in the Sea of Galilee. Jerusalem, 1990. P. 89–96.

² Обсуждение выводов Адана-Баевича см.: Crossan J. D. The Birth of Christianity. P. 22–30.

³ Arnold D. E. Ceramic Theory and Cultural Process. Cambridge, 1985.

⁴ Arnold D. E. Ceramic Theory. P. IX, 16, 168, 193.

⁵ Ios. Flav. De bell. I 21.1 (401); idem. Antiq. XV 11.1–6 (380–425); idem. De bell. I 21.5–7 (408–414); idem. Antiq. XV 9.6 (331–337); XVI 5 (136–141).

⁶ Crossan J. D. Context and Text. P. 169.

⁷ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 1 (27).

уплаты налогов тетрарху¹. Одним из подтверждений бедности, явившейся следствием экономической эксплуатации в регионе Галилейского озера, явилась, по мнению Кроссана, находка «галилейской лодки» I в. по Р.Х. После ее поломки с нее было снято все, что представляло какую-то ценность для хозяйства, прежде чем сама лодка затоплена. Кроссан объяснил это обстоятельство как указание на крайнюю нищету сельских жителей.

В связи с внутренней политикой Ирода Антипы Кроссан поднимает вопрос о его притязаниях на царскую власть, важный для понимания исторического контекста служения Иисуса². Кроссан подчеркивает следующие обстоятельства правления Антипы: открытые претензии после смерти Ирода Великого на наследие отца перед Августом³, строительство новой столицы и наименование ее в честь императора, расширение коммерциализации и, таким образом, налоговой базы на подвластные землю и озеро, самовольное выступление в качестве международного посредника на переговорах римлян с парфянами⁴, женитьба на представительнице хасмонейской династии перед визитом в Рим⁵ и, наконец, ходатайство перед Калигулой о царском титуле⁶.

Коммерциализация и урбанизация Галилеи за счет аграрных территорий, а также стремление Антипы к царскому достоинству, по Кроссану, и создали ту ситуацию, которую нужно рассматривать как непосредственный контекст возникновения движения Иисуса⁷. Само же движение, по Кроссану, было социально-освободительным, направленным против угрозы религиозным традициям со стороны римских властей⁸, а созданное Иисусом и Его последователями нравственное учение с его критикой социально-экономической несправедливости, царившей в Галилее, — как своего рода аналогию греческому кинизму.

Анализ и критика реконструкций и использования Кроссаном и его сторонниками социальных моделей для реконструкции социально-экономического мира Галилеи имеет большую библиографию. Вопрос о роли социальных моделей в исторических реконструкциях

¹ Hanson K. C. The Galilean Fishing Economy and the Jesus Tradition // *Biblical Theology Bulletin*. London, 1997. Vol. 27. P. 99–111.

² Crossan J. D. *Context and Text*. P. 171.

³ *Ios. Flav. De bell.* I 32.7 (646), 33.7 (664); *Antiq.* XVII 8.1 (188).

⁴ *Ios. Flav. Antiq.* XVIII 4.5 (102).

⁵ *Ibid.* 5.1 (110).

⁶ *Ios. Flav. De bell.* II 9. 6 (182–183)=*Antiq.* XVIII 7.1–2 (240–255).

⁷ Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus*. P. 54; XVIII, 80.

⁸ «Царство было коммерциализировано, но с ростом архитектурного величия в галилейском обществе ... усиливалась бедность» (Crossan J.D., Reed J. L. *Excavating Jesus*. P. 70). Движение возникло как ответ на коммерциализацию тетрархии, которая во всех своих проявлениях противоречила представлениям провозвестия Иисуса о Царстве Божиим (*Ibid.* P. 135–136). «Власть римского царства, в миниатюре отразившаяся в тетрархии Антипы..., вступила в противоречие с Царством Божиим ... Это была не военная конфронтация ... но ... ненасильственное сопротивление, решительно опровергающее современные ему экономические, социальные и политические реалии» (*Ibid.* P. 274).

галилейского контекста служения Иисуса в историографии конца XX—начала XXI вв. будет рассмотрен в разделе 2. 2. 3. Особое внимание будет уделено позиции М. Савицки, которая обсуждает границы применения социологических моделей в вопросе о галилейском контексте прежде всего в рамках полемики с Кроссаном.

Независимо от общих теоретических вопросов, поднятых Савицки, многие археологи, вовлеченные в дискуссию о галилейском контексте проповеди Иисуса, отвергают конкретные выводы, к которым пришел Кроссан. Попытки интерпретировать результаты археологических исследований без привлечения социальных моделей Кроссан считает методологически неоправданными, соответственно, сам он не предлагает независимого анализа археологических данных, его выводы предвзяты и формулируются во многом еще до всякого анализа¹. Археологические данные, полученные в ходе раскопок галилейских поселений, не показывают какого-то экономического упадка. Наоборот, судя по публикациям результатов раскопок Йодфата, Гамлы, Хирбет-Кана, Капернаума (многие учтены в исследовании М. Х. Йенсена, см. также 3-ю главу), очевидны следы роста, возможно по причине взаимовыгодных контактов между галилейскими городами и деревнями в I в.² Археолог Э. М. Мейерс (см. ниже) не видит доказательств того, что греко-римская культура в целом или кинизм в частности проникли в культуру Галилеи настолько, чтобы здесь появились странствующие кинические проповедники такого типа³. Обоснованным считается вывод о сохранении еврейского характера Галилеи, не вступающего, однако, в противоречие с принятием некоторых аспектов эллинистического образа жизни. Кроме того, критики Кроссана отмечают, что он учитывает только материал раннеримского времени, игнорируя данные хасмонейской эпохи, на основании которых можно судить об этнических изменениях в регионе, во многом определивших социальную и религиозную ситуацию в Галилее I в. по Р.Х.⁴

¹ Freyne S. *Archaeology and the Historical Jesus*. P. 72.

² Jensen H. M. *Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeol. Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee*. Tübingen, 2006.

³ Meyers E. M. *Jesus and His Galilean Context // Archaeology and the Galilee: texts and contexts in the Graeco-Roman and Byzantine periods* / Ed. D. R. Edwards. Atlanta, 1997. P. 64.

⁴ Freyne S. *Galilean Questions to Crossan Mediterranean Jesus // Whose Historical Jesus?* / Ed. W. E. Arnal, M. Desjardins. Waterloo, 1997. P. 64.

2.2.3. Развитие социологического подхода к изучению раннеримской Галилеи и его критика у М. Савицки

В данном разделе с необходимой подробностью рассмотрим вопрос о социологических моделях античных обществ в исследовании контекста, лишь кратко, по касательной затронутый в более ранней публикации¹. Обозначенная в разделе о Кроссане тема использования социологических моделей античных обществ для реконструкций контекстов истории первоначального христианства и, в частности, контекста проповеди исторического Иисуса, имеет свою обширную историографию. Следуя М. Х. Йенсену в его описании истории дискуссии о социологических методах в современной библеистике (с 80-х гг. XX в.)², можно выделить 2 группы исследователей, которые отличаются друг от друга в своей оценке роли моделей при интерпретации данных источников.

Так, для группы «Социальное описание раннего христианства» (The Social Description of Early Christianity), созданной под эгидой Общества библейской литературы (часто называется также группой «Социальной истории формативного иудаизма и христианства» (The Social History of Formative Judaism and Christianity)³) характерен «социально-исторический» подход. Согласно Кэролайн Озиек, при этом подходе «работают на нижнем уровне абстракции, с особым акцентом на частностях и взаимосвязях социальных фактов, создавая при этом модели на основании самих древних текстов»⁴. Против интенсивного использования социологических моделей она приводит 5 аргументов⁵: (а) временная дистанция делает невозможным «живые наблюдения», предпочтительные в социологических исследованиях; (б) используемые образцы, полученные на основании изучения других раннехристианских обществ, могут увести в сторону от интенции текста, важного для изучения рассматриваемого общества; (в) цели древних религиозных текстов «не предполагают сообщения социальной информации»⁶, в которой заинтересованы современные ученые; (г) ценность сравнения материалов совершенно разных периодов сомнительна сама по себе; (д) вопрос о методологической ограниченности и

¹ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 136.

² Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 30–34.

³ Osiek C. The New Handmaid: The Bible and Social Sciences // Theological Studies. 1989. Vol. 50. N. 2. P. 268.

⁴ Ibid. P. 270.

⁵ Ibid. P. 275–276.

⁶ Ibid. P. 276.

детерминированности моделей не имеет окончательного решения¹. Поэтому полезные для исторических реконструкций результаты могут быть получены только в сочетании с историко-филологическим анализом².

Еще одна группа, объединяющая сторонников социологического подхода, получила название «Социология и интерпретация Нового Завета» (*Social Sciences and the New Testament Interpretation*; известна также как «Группа исследования контекста» (*The Context Group*)); среди ее лидеров: Б. Малина и Дж. Пильч. Эта группа полностью ориентирована на интерпретацию данных источников с помощью социологических моделей³. Дж. Эллиот видит причину этого в том, что социологическая критика предполагает понимание социальной обусловленности всякого знания, то есть того, что при анализе нужно учитывать различные социальные локализации интерпретатора и исследуемых им источников, письменных и материальных⁴, а это достигается с помощью именно социологических моделей⁵.

Исследователи в принципе допускают, что какой-то консенсус о способе инкорпорации моделей и свидетельств источников в исторических реконструкциях может быть достигнут. Однако при этом они встают перед необходимостью выбора между 2 альтернативными моделями, которые используются в библейских исследованиях: структурно-функциональной и моделью конфликта. Ссылаясь на исследования Б. Малины, Озиек определяет первую так: «структурный функционализм допускает, что все социальные силы, взаимодействующие в определенной ситуации, в итоге сбалансированы и приходят в состояние равновесия, и даже если какой-то фактор нарушает эту гармонию, другие стремятся ее восстановить»⁶. В рамках модели конфликта действующие в обществе силы понимаются принципиально иначе: «изменения — неотъемлемый элемент социальной жизни, постоянно поднимающий уровень социального принуждения, так что конфликт, реакция на принуждение, а не консенсус или баланс являются связующим элементом социальной жизни и причиной социальных изменений»⁷.

Вопросу об актуальности и легитимности использования кросскультурных моделей для исследования Галилеи I в. посвящен ряд работ, в частности критикующих подход Кроссана⁸.

¹ Ibid. P. 276, 278.

² Ibid. P. 278.

³ Ibid. P. 269.

⁴ Elliott J. H. *What Is Social-Scientific Criticism?* Minneapolis, 1993. P. 36–37.

⁵ Ibid. P. 43.

⁶ Osiek C. *The New Handmaid*. 1989. P. 272.

⁷ Ibid.

⁸ Overman J. A. *Jesus of Galilee and the Historical Peasant // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / Ed. D. R. Edwards. Atlanta, 1997. P. 68–70.

Д. Оукмен подчеркивает потребность в «эффективной социальной интерпретации» и предлагает план, как это можно осуществить¹. Несмотря на критику спекулятивных теорий, его собственная реконструкция кажется слишком зависящей от сомнительных выводов Мэка и Кроссана. Например, он допускает, что Иисуса можно понимать как мудреца-киника².

Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в книге М. Савицки³, которая обсуждает ценность и пределы использования социологических моделей. Получившие распространение в работах библеистов модели 60-70-х гг., согласно Савицки, анахроничны и от них, как устаревших, отказываются даже сами социологи в том числе и потому, что считают их основанными на «подспудно обобщающих европоцентричных категориях и интересах, и, поэтому, не воспринимающими большую часть того, что уникально и характерно для конкретных народов»⁴. Это относится к целому ряду моделей: к основанной на анализе пары общественных установок престиж–позор, используемой для интерпретации общесредиземноморской культурной идентичности в Палестине (Б. Малина), модели, принимаемой представителями «группы контекста»⁵, а также к модели «Каутского-Ленского», которая, по мнению Савицки, вводит марксистские материалистические идеи в исторические реконструкции экономической жизни древних обществ⁶. Социологические концепции модели, используемой Кроссаном, поэтому, принимаются им без доказательств от галилейского археологического материала и свидетельств письменных источников⁷.

Кросскультурные обобщения, по убеждению Савицки, по своей сути являются примером редукционизма, ограничивающего человеческую деятельность «вектором каузальности», «где всякое конкретное состояние считается совершенно предсказуемым и объяснимым»⁸. Но «системная теория не может адекватно интерпретировать индивидуальные и коллективные творческие действия»⁹.

В кросскультурном моделировании уже на самой первой фазе (фаза анализа) на конкретные данные — исследуемые социальные феномены, отраженные в источнике, — налагаются категории, выделяющие в этом феномене социальные состояния и процессы. Тем самым априорно принимается системный характер древних обществ, а данные конструируются

¹ Oakman D. E. Models and Archaeology in the Social Interpretation of Jesus // Social Scientific Models for Interpreting the Bible: Essays by the Context Group in Honour of B. J. Malina. Leiden, 2001. P. 116–131.

² Ibid. P. 117.

³ Sawicki M. Crossing Galilee: Architectures of Contact in the Occupied Land of Jesus. Harrisburg, 2000.

⁴ Ibid. P. 6.

⁵ Ibid. P. 75–77.

⁶ Ibid. P. 5–6.

⁷ Ibid. P. 66–67.

⁸ Ibid. P. 6.

⁹ Ibid.

аналитически, с помощью концептуальных инструментов и без внимания к особенностям конкретного исследуемого общества. После того, как данные источников были вписаны в смоделированную систему, легко забываются способы, которым каждые из них были получены¹.

Следующая фаза критикуемого Савицки типа моделирования — выстраивание аналогий, когда элементы социологического феномена маркируются ярлыками, уже используемыми в других моделях с целью выделить функции, которые напоминают ранее идентифицированные в других обществах². Наконец, на фазе создания гипотез происходит собирание дополнительной информации. И здесь полученная на первых 2 этапах информация о древнем обществе может быть понята как указывающая на его сходство с каким-то другим, уже хорошо изученным обществом. Таким образом может произойти экстраполяция данных, полученных ранее, в область исследования, где подобные данные по каким-либо причинам более не доступны. На этом этапе гипотезы могут превратиться в тенденциозные и историки начинают ссылаться на результаты исследования современных обществ, напоминающих в каких-то аспектах древнее³.

Савицки считает, таким образом, что сторонники кросскультурных моделей не учитывают тот факт, что модели не сообщают им новых данных, но априорно вводят некоторую детерминированность, «не принимающую во внимание особенности исследуемого общества»⁴, что связано «с риском внесения собственных интересов в древний материал».

Примером такого отклонения у Кроссана Савицки считает его вывод о численности ремесленников в Галилее I в. Кроссан делает его на основании модели Ленского, полагая, что их было около 5 % от общего числа населения (согласно модели, опирающейся на данные об обществах с изученными демографическими тенденциями, эта пропорция относительно постоянна в обществах исследуемого типа). Но Кроссан не учитывает, что для Галилеи это было время иродианско-римской урбанизации и экономического развития, и число ремесленников, в этом случае, должно было быть выше, чем предлагается Ленским для других аграрных обществ⁵.

Заметна роль принятой Кроссаном модели и в обосновании им вывода о невозможности взаимовыгодных отношений между галилейскими крестьянами и городами. Конечно, угнетение крестьян в сходных и хорошо изученных обществах — известный факт, но это не снимает саму возможность выгодных отношений между ними. Вывод Кроссана остается гипотезой, не

¹ Ibid. P. 64–65.

² Ibid. P. 65.

³ Ibid. P. 65–66.

⁴ Ibid. P. 65.

⁵ Ibid. P. 66.

подтвержденной окончательно ни свидетельствами древних текстов, ни археологическими материалами¹. Например, нет доказательств того, что крестьяне и жители городов Галилеи были двумя отдельными, непересекающимися группами. Кроссан принимает это просто потому, что в других обществах Ленский и Каутский видят их именно такими. Напротив, судя по находкам тирских монет, похоже, что у галилеян было много причин для ежедневных или сезонных поездок в Сепфорис и Тивериаду, а горожане вполне могли трудиться в сельском хозяйстве (см. в 3-й главе).

Критикуется Савицки и само обозначение «кросскультурная антропология» как, с одной стороны, использующаяся для обозначения сходства и различий отдельных народов, с другой — как указывающая на постоянство определенного фактора в любой культуре. Действительно универсальными, однако, являются очень немногие социальные категории. Даже такие как «крестьянство», «экономика», «семья» всегда этноцентричны, разные народы могут определять себя в отношении этих социальных реалий различным образом. Во всех известных обществах социальные действия и личная идентичность имеет гендерное измерение и часто определено также и другими факторами, такими как класс, родственные отношения, раса, возраст.

Итак, ясно, что вопрос о социологических моделях связан с целым рядом проблем, что позволяет отказаться от приоритетной роли подобных моделей при интерпретации археологических данных и попытаться реконструировать социально-экономические отношения только на основании полученных археологами данных. В свете изложенной критики социологического подхода исследователями, использующими его методы, в пользу отказа можно привести следующие соображения. Нет ясности в вопросе о соотношении анализа эмпирических данных и той роли, которую здесь может играть использование той или иной социологической модели. Многообразие последних заранее может определять и разнообразие результатов интерпретации одних источников. Разнообразие моделей, прилагаемых в исследовании Галилеи к эмпирическим данным, может, например, заранее определять результат исследования социально-экономических отношений галилейских городов и деревень. Наконец, открытым остается вопрос о том, приемлемо ли вообще использование кросскультурных моделей, полученных на основании изучения традиционных обществ современности, для исследования библейского периода. В 3-й главе нашей работы соответствующие социологические реконструкции не рассматриваются, интересующий нас контекст восстанавливается только на основании археологических данных.

¹ Ibid. P. 67.

2. 3. Археологические исследования 80–90-х гг. XX–начала XXI вв. и дискуссия о галилейском контексте проповеди Иисуса

2. 3. 1. Возникновение археологии Галилеи. Первые обобщения. Эрик Мейерс

Данный раздел представляет собой фрагмент статьи, опубликованный автором в 2016 г.¹ Приводим его здесь практически без изменений.

Раскопки галилейских памятников римско-византийского периода на заре израильской археологии ограничивались обычно христианскими святыми местами, а также важными для истории иудаизма памятниками, например еврейским некрополем в Бет Шеарим на границе Галилеи и поздней синагогой в Хаммат-Тиверии². Из христианских объектов в это время исследовались в основном церкви и монастыри византийского периода, например, Табха, предполагаемое место чуда умножения хлебов и рыб, и Курси, монастырь, построенный на месте совершения чуда изгнания бесов в стадо свиней³. В святых местах, даже упомянутых в Евангелиях, очень мало материала относится к раннеримскому периоду, за исключением может быть Назарета и Капернаума. Францисканцы, которые в 20-30-х гг. XX в. приобрели ряд участков в Святой Земле, исследовали несколько святых мест в Капернауме, Назарете, в Сепфорисе.

С 70-х гг. XX в. объектами раскопок стали несколько древних галилейских деревень, синагоги Верхней Галилеи; целью раскопок ставилась реконструкция повседневной жизни в более отдаленных местах Галилеи, а не только в местах, известных по христианским памятникам. Тогда же в 70-х — и значительно интенсивнее уже с начала 80-х гг. — в Галилее начались широкомасштабные систематические раскопки, под руководством американских археологов Эрика М. Мейерса и Джеймса Ф. Стрэнджа. Одними из первых были исследованы Гуш-Халав, Хирбет-Шема, Капернаум, Мейрон и Сепфорис. Полученные данные внесли значительный вклад в понимание этно-религиозной и социально-экономической ситуации в Галилее раннеримского времени. К 70-м гг. XX в. относят начало действительного влияния археологии Галилеи на исследования Нового Завета.

¹ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 136–139.

² Mazar B. The Excavations at Beth She'arim // IEJ. 1954. Vol. 4. P. 88–107.

³ Обзор см. Finegan J. The Archaeology of the New Testament: The Life of Jesus and the Beginning of the Early Church. Princeton, 1992.

В дальнейшем, с развитием израильской археологии разведки и раскопки стали проводиться практически по всей Галилее и ближайших окрестностям. В частности, раскопки в Йодфате и в Гамле, разрушенных римлянами в 67 г. по Р.Х., были определены интересом к истории антиримского восстания¹. Исследование распространения по Галилее керамики, произведенной в деревне Кефар-Ханания, раскопки печей для обжига посуды, позволили прояснить картину развития рынков и движения товаров². Раскопан ряд городских центров. Сепфорис, древняя столица Галилеи, с 80-х гг. XX в. исследовался одновременно 4 экспедициями; проводились раскопки и в древней Тивериаде³. Современные раскопки Магдалы сделали ее одним из наиболее перспективных объектов галилейской археологии, во многом определившим направление современных дискуссий. За пределами Галилеи раскрыты несколько античных городских центров: Кесария Приморская, города, построенные и реконструированные сыном Ирода Филиппом: Панаеда/Кесария Филиппова у истоков Иордана и Вифсаида/Юлия в месте его впадения в Галилейское море⁴. На севере Галилеи, в долине Хула, была раскопана сиро-финикийская деревня Тель-Анафа, не так давно город Кедеш, а также римский храм в Омрите⁵. Ценную сравнительную информацию для оценки роли иродианской урбанизации Галилеи дают раскопки ближайших к Галилее городов Десятиградия (Гадары, Гиппоса, Скифополя на южной границе Галилеи, последний — самый большой город северной Палестины в греко-римскую эпоху⁶). К этому можно добавить программы широких археологических разведок в Верхней и Нижней Галилее, многочисленные спасательные раскопки. Многие их результаты уже частично отражены в статьях новых археологических энциклопедий.

В целом археологические дискуссии 1980–2010-х гг. о контексте проповеди Иисуса Христа отражены в основном в работах американских, европейских и израильских исследователей Эрика М. Мейерса, Дугласа Эдуардса, Дж. Стрэйнджа, Дж. Рида, Мордехая Авиама, Марка Ченси, Юргена Цангенберга, Мортена Йенсена и других.

Одним из пионеров современной археологии раннеримской Галилеи по праву считается американский археолог и библеист Э. Мейерс. Уже в конце 70-х гг. он предложил свой синтез

¹ Gutman S. Gamla // NEAENL. 1993. Vol. 2. P. 463.

² Adan-Bayewitz D. The Pottery. P. 89–96.

³ Nagy R. M., Meyers C. L., Meyers E. M., Weiss Z. Sephoris in Galilee: Crosscurrents of Culture. Raleigh, 1996; Hirschfeld Y. Tiberias: Preview of Coming Attractions // BAR. 1991. Vol. 17. N 2. P. 44–55.

⁴ Wilson J., Tzaferis V. Baniyas Dig Reveals King's Palace // BAR. 1998. Vol. 24. N 1 (Jan-Feb). P. 54–61; Arav R., Freund R. A. Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee. Kirksville, 1995. Vol. 1.

⁵ Herbert S. C. Tel Anafa I, i/ii. Final Report on Ten Years of Excavation at a Hellenistic and Roman Settlement in Northern Israel. Ann Arbor, 1994.

⁶ Foerster G., Tsafir Y. Bet Shean Project // ESI. 1987/1988. Vol. 6. P. 10–43.

результатов первых археологических исследований. С учетом топографических особенностей Галилеи он сделал вывод, что цепь холмов, пересекающих ее в направлении восток-запад, создает естественную границу между северной и южной частями Галилеи (вдоль долины Бейт-Керем). Новым такое разделение, в общем, не было; Иосиф Флавий в I в. уже проводил границу между регионами именно так¹. Важными здесь были выводы Мейерса о влиянии этих природных границ на особенности культуры обеих частей Галилеи. Верхняя, как он считал, была относительно изолированной от внешних культурных воздействий, прежде всего от процессов, происходивших в Нижней Галилее². В предварительной реконструкции социально-экономических ситуаций в каждом из регионов у Мейерса Верхняя Галилея описывается как относительно бедная, сельская, консервативная еврейская земля, Нижняя наоборот, как урбанизированная, эллинизированная, вовлеченная в международную торговлю³. Модель Мейерса оказала самое существенное влияние на подход ученых к изучению древней Галилеи. Хотя со временем она претерпела заметные изменения, разделение Галилеи на Верхнюю и Нижнюю и утверждение об их культурном различии, в общем, было принято многими исследователями раннеримской Галилеи.

В середине 80-х гг. XX в. под влиянием введенного в научный оборот полученного археологического материала Мейерс пересмотрел свои прежние выводы. Теперь картина вырисовывалась иначе. Верхняя Галилея I в. по Р.Х. не представлялась более как изолированная в культурном и экономическом отношении. Несмотря на отсутствие в этой части Галилеи городов, экономическая жизнь организовывалась вокруг 4 небольших городков (или больших деревень — Нарбатеин, Хирбет-Шема, Мейрон, Гуш-Халав), полученная археологами информация о раннеримском времени позволяет говорить о тесных культурных и экономических связях региона с Голанами и с окрестными языческими территориями Тира и Птолемаиды, о чем должны свидетельствовать находки монет тирского чекана, импортные керамика и предметы роскоши, а также широкое распространение керамики из галилейской деревни Кфар-Ханании. При этом относительная экономическая открытость Верхней Галилеи и культурное влияние этих городских центров не приводили к подавлению еврейской культурной идентичности галилеян, о чем должны говорить: аниконические декорации общественных и частных построек⁴, отсутствие греческой эпиграфики в еврейских местах, отсутствие типичных

¹ Ios. Flav. De bell. III 3. 1 (35–40).

² Meyers E. M. The Cultural Setting of Galilee: The Case of Regionalism and Early Judaism // ANRW 2. Bd. 19.Tl. 1. 1979. S. 686–701.

³ Ibid. P. 694–695.

⁴ Ilan A. Meroth // NEA/EHL. 1993. Vol. 3. P. 1028–1031.

греческих городских построек (акведуков, статуй, бассейнов и т.п.) в Тетракомии¹. (Несколько корректируют картину Мейерса строительство римского храма в Омрите с его ранней фазой в I в., и строительство уже во II в. храма в Кедеше).

Не считалась более эллинизированной и сильно урбанизированной и Нижняя Галилея². Мейерс указывает: (1) на широкое распространение посуды из еврейского производственного центра Кфар-Ханани по всей Галилее и окрестностям (результат исследования Д. Адана-Баевича); (распространение последней, в том числе в городах со смешанным и языческим населением, а также наличие в них производимых в иудейских мастерских иродианских светильников говорит о присутствии здесь больших иудейских общин); (2) на обнаруженные археологами остатки развитой системы дорог³; (3) на результаты оценки (Дж. Ридом, см. ниже) степени урбанизации Галилеи и численности населения ее городов — по этому критерию, кроме Сепфориса и Тивериады, никакое другое поселение здесь не заслуживало обозначения «город»⁴ (в свете последних раскопок в Магдале эта оценка должна быть пересмотрена); наконец.

Отвечая на важный для понимания галилейского контекста служения Иисуса вопрос о влиянии строительной политики Антипы на социально-экономическую ситуацию в Галилее, Мейерс признает, что это влияние было заметным. Многочисленные деревни, крестьянские хозяйства теперь должны были обеспечивать продовольствием растущее население городов, в деревнях в гораздо большем количестве стали выращиваться продукты для продажи⁵. Такая динамика, по Мейерсу, вовсе не отрицательная: города, как «центры потребления»⁶, в свою очередь, предоставляли крестьянам рынки для сбыта их товаров⁷. Общий вывод Мейерса: археологические данные «указывают на непрерывное положительное взаимодействие между полисом и небольшими городками в раннеримский период. Предположения о том, что городские

¹ Adan-Bayewitz D. Common Pottery in Roman Galilee: A Study of Local Trade. Ramat-Gan, 1993; Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context // *Archaeology and the Galilee: texts and contexts in the Graeco-Roman and Byzantine periods* / Ed. D. R. Edwards. Atlanta, 1997. P. 58.

² Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context. P. 58; Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris: chronological, archaeological, literary, and social considerations // *Hesed ve-emet: Studies in Honor of Ernest S. Frerichs* / Ed. J. Magness, S. Gitin. Atlanta, 1998. P. 343–355.

³ Strange J. F. First-Century Galilee from Archaeology and from the Texts // *Idem. Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / Ed. D. Edwards. Atlanta, 1997. P. 39–48. Это дороги Акко–Тивериада, с ответвлением в Сепфорис и пересекающая дорогу Легио–Сепфорис; Панаеда (Кесария)–Тир, вдоль северной границы Верхней Галилеи, за которой еврейские артефакты уже практически не встречаются.

⁴ Reed J. L. Population Numbers, Urbanization, and Exonomics: Galilean Archaeology and the Historical Jesus // *Society of Biblical Literature: Seminar Papers* / Ed. E. Lovering, Jr. Atlanta, 1994. Vol. 33. P. 203–219; Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context. P. 62.

⁵ Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context. P. 62.

⁶ Ibid.

⁷ Adan-Bayewitz D. Common Pottery.

центры подвергали эксплуатации окружающие территории, нужно считать аргументированно отверженными даже одними только археологическими данными»¹. Для понимания галилейского контекста проповеди Иисуса важно, что «урбанизация в начальной фазе и преимущественная деревенская культура могут гармонично сосуществовать»².

Полемизируя с Кроссаном, Мейерс подчеркивает, что экономические и социальные последствия урбанизации Галилеи не могли оказать большого влияния на возникновение движения последователей Иисуса³. Кроссан во многом основывает свои выводы на противоположном представлении о положении дел в Галилее — он видит в качестве контекста, подходящего для реконструкции исторического Иисуса, именно урбанизированную Галилею, где могли получить распространение кинические идеи, помогавшие крестьянам справляться с царившими несправедливостями. Описываемое Кроссаном и другими положение дел в Галилее могло возникнуть только после Антипы или даже после 70-го г., но никак не в начале I в. по Р.Х.⁴ Никаких следов языческих храмов в городах Галилеи в I в. не найдено (в Сепфорисе их строительство начинается только со времени императора Адриана), в то время как остатки иудейских бассейнов для ритуальных омовений обнаружены как в общественных, так и в частных домах Сепфориса. Последнее также опровергает и мнение тех, кто рассматривает Галилею как деревенское захолустье, населенное простонародьем, не знающим Торы (например, Г. Вермеш).

2. 3. 2. Новая постановка вопроса о социально-экономической ситуации в раннеримской Галилее на основании археологических данных (Д. Адан-Баевич, М. Авиам, Дж. Стрэйндж, Д. Эдуардс)

Данный раздел основан на материале более ранней публикации⁵. Как уже было отмечено, «дискуссии о социально-экономической ситуации Галилеи I в. во многом были

¹ Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context. P. 61–62.

² Ibid. P. 64.

³ Overman J. A. Who were the First Urban Christians; Kee H. C. Early Christianity in the Galilee: Reassessing the Evidence from the Gospels // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine. New York; Jerusalem, 1992. P.3–22.

⁴ Meyers E. M. Jesus and His Galilean Context. P. 59.

⁵ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 140–145.

определены исследованиями керамики Галилеи и Голан, проведенными израильским археологом Д. Аданом-Баевичем. Его основной вывод: «большая часть грубой бытовой керамики, использовавшейся в римской Галилее, производилась не в главных городах Галилеи, а в больших и малых деревенских производственных центрах». Основная ее часть производилась в селениях Кфар-Ханания, приблизительно в 25 км от Сепфориса, к востоку от Акко-Птолемаиды, и в Шихине, отождествленном Дж. Стрейнджем с руинами, расположенными в 1,5 км к северо-западу от Сепфориса»¹.

Из Кфар-Ханании посуда распространялась по всей Верхней и Нижней Галилее, в том числе в Сепфорисе², а через Галилейское озеро транспортировалась на Голаны³. Вывод Адана-Баевича: территория Галилеи и Голан в период I в. до Р.Х.–IV в. по Р.Х. покрыта «сетью взаимосвязанных поселений»⁴ с экономическим центром в Кфар-Ханании, свидетельствующей об интенсивных экономических связях городов и деревень.

Распространение этой посуды предсказуемо: в населенных пунктах рядом с производственным центром практически вся посуда из него, а в более отдаленных поселениях ее количество обратно пропорционально расстоянию от них до центра. Изделия из Кфар-Ханании встречаются в очень незначительном количестве за пределами радиуса в 25 км, но они составляют около половины бытовой кухонной посуды Сепфориса, находящегося на расстоянии в 25 км от Кфар-Ханании. (Заметные коллекции данной керамики собраны в крупных языческих поселениях, лежащих уже за пределами этой окружности, — в Птолемаиде, Тель-Анафа, Гиппосе, Пелле и Скифополе, которые были крупными экономическими центрами.) На этом основании делается вывод о том, что Сепфорис несмотря на отдаленность все равно был выгодным рынком, компенсирующим расходы на длительные сухопутные перевозки. Рынок в Сепфорисе, видимо, служил пунктом вторичного распространения посуды из Кфар-Ханании. Похожая ситуация и с сельскими окрестностями Тивериады: расположение города у озера облегчало торговлю с другими прибрежными местами. О Сепфорисе и Тивериаде как важных рынках для локальной торговли свидетельствует тот факт, что ни один тип посуды из Кфар-Ханании не датируется временем ранее основания Сепфориса и Тивериады.

¹ Там же. С. 140. Ср.: Adan-Bayewitz D. The Pottery. P. 170.

² Adan-Bayewitz D. The Pottery. P. 153–172; посуда из Кфар-Ханании найдена в Капернауме, Назарете, Кфар-Канна, Тивериаде, Магдале и Тель-Анафа в Верхней Галилее.

³ Adan-Bayewitz D., Perlman I. Local Pottery Provenance Studies: A Role for Clay Analysis // *Archaeometry*. 1985. Vol. 27. N. 2. P. 206.

⁴ *Ibid.* P. 217.

Итак, о социальном мире Галилеи I в. по Р.Х. и Адан-Баевич делает следующие выводы: деревенские предприниматели-гончары были участниками интенсивных торговых отношений между сельскими производственными центрами и городскими рынками, и, следовательно, не может быть речи о какой-то заметной эксплуатации крестьян городами¹. Галилея не была в буквальном смысле слова аграрной территорией², здешние крестьяне — не эксплуатируемый класс, но скорее, предприимчивые ремесленники и опытные торговцы.

Общую картину социально-экономического положения в Галилее после 25 лет археологических исследований в ряде статей 90-х гг. и в монографии 2004 г. предложил израильский археолог Мардехай Авиам. Именно его заслугой было выделение одного из важнейших археологических маркеров этно-культурных изменений в Галилее в период ее завоевания хасмонеями — изменение типа керамики. В конце персидского и в эллинистическое время здесь получил распространение тип посуды, который Авиам называет «грубой галилейской посудой» и связывает с населением, которое идентифицировал как языческое (см. ниже). Эта керамика, встречающаяся во многих местах (кроме Верхней Галилеи)³, к концу II в., однако исчезает⁴, что Авиам связывает с приходом хасмонеев. Для хасмонейского периода Авиам выделяет 3 характерных момента: (а) увеличение числа еврейских поселений, начиная со времени Александра Янная или даже Аристокбула⁵; (б) начало массового производства оливкового масла на больших маслодавильных прессах, технология которого, по его убеждению, была принесена в Галилею хасмонейскими переселенцами из Иудеи⁶; (в) широкое использование хасмонейских монет, которые остаются основными и для раннеримского времени⁷.

Характеризуя социальную ситуацию в Галилее периода Антипы Авиам выделяет 2 важных момента. (1) Благодаря инвестициям тетрарха в строительство происходит развитие городов⁸. (2) Этот период был временем мира и процветания, — например, практически не строилось

¹ Adan-Bayewitz D., Perlman I. The Local Trade of Sepphoris in the Roman Period // IEJ. 1990. Vol. 40. P. 171–172;

² Ibid.

³ См. карту: Aviam M. First Century Jewish Galilee: An Archaeological Perspective // Religion and Society in Roman Palestine: Old Questions, New Approaches / Ed. D. R. Edwards. New York, 2004. P. P. 9.

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Aviam M. Galilee: The Hellenistic to Byzantine Periods // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 453; для Верхней Галилеи см. также Settlement Dynamics... P. 126–140.

⁶ Aviam M. The Beginning of Mass Production of Olive Oil in the Galilee // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester, 2004. P. 56.

⁷ Ср.: Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 14.

⁸ Ibid. P. 15.

крепостей¹, а вывод об экономическом расцвете обосновывается тем, что именно в это время территория Йодфата (раскопанного Авиамом поселения I в.) достигла максимального размера².

Выводы о заметной «романизации» Галилеи уже при Антипе сделал в 80–90-х гг. XX в. американский археолог Дж. Стрэйндж, возглавлявший работы экспедиции университета Южной Флориды в Сепфорисе³. На это, по его убеждению, должны были указывать результаты анализа керамики и находки построек и деталей римской архитектуры⁴. Сепфорис и Тивериада рассматривались как центры, с одной стороны, связанные торговыми путями со многими городами империи, с другой — сетью региональных дорог⁵, охватившей почти всю Галилею, со многими галилейскими поселениями, следствием чего должно было стать распространение римской культуры, как среди жителей городов, так и среди крестьян⁶.

На существование более развитой, чем считалось ранее, транспортной системы и, соответственно, локальной торговли в Галилее I в., согласно Стрэйнджу, указывает как (1) археологический материал: помимо результатов анализа галилейской керамики, проведенного Д. Аданом-Баевичем (см. выше), находки предметов импорта из Италии⁷, изделий из стекла в Сепфорисе, сами остатки локальных дорог, не относившихся к системе римских, но

¹ См. Aviam M. The Identification and Function of Josephus Flavius' Fortifications in the Galilee // Idem. *Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods*. Rochester, 2004. P. 103–105.

² Aviam M. Epilogue // Idem. *Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods*. Rochester, 2004. P. 315.

³ Strange J. F. *First-Century Galilee from Archaeology*. P. 81–90.

⁴ Стрэйндж выделяет следующие, общие для средиземноморского римского мира особенности: (1) определенная планировка поселений, хотя гипподамова сетка еще редкость; (2) дома из камня, с типичным интерьером, оштукатуренные, прямоугольные в плане с плоской крышей, часто с глухими стенами, иногда с узкими окнами, деревянными дверями; (3) типичная для этого времени архитектура и планировка общественных зданий (базилики, театры, ипподромы, городские ворота, агоры и т.п.), известные формы римских декораций (флоральный горельеф по фасадам) (Strange J. F. *First-Century Galilee*. P. 85–86). В Сепфорисе были раскрыты типичные для римского города театр (Стрэйндж датировал его временем Антипы), декуманус с колоннадой, базилика (см. ниже). К особым материальным выражениям еврейской культуры автор относит: (1) здания синагог с особым интерьером — расположением ряда колонн между скамьями; (2) миквы, бассейны для ритуальных омовений; (3) аниконические фасады гробниц; (4) каменные сосуды из мягкого известняка; (5) монеты, которые могли нести известные нееврейской публике изображения, но удивляли отсутствием портрета правителя на монетах Антипы (Ibid. P. 87–88).

⁵ Ibid. P. 83–84.

⁶ Стрэйндж ссылается на опубликованные карты дорог с указанием римских военных дорог II в.: (1) из Акко в Сепфорис и, затем, в Тивериаду; (2) от Тивериады на юг по западному берегу озера в Скифополь; (3) из Скифополя на запад и север к Хирбет-Ладу, далее на юго-запад к Легио в западной части Израильской долины; (4) из Легио на север в Акко-Птолемаиду; (5) из Вифсаиды-Юлии на север (возможно до Акко-Птолемаиды). Еще одна дорога II в. пересекала Нижнюю Галилею с востока на запад — от Легио на северо-восток и север до Сепфориса (Ibid. P. 81).

⁷ О том, что Сепфорис был включен в торговые связи международного (римского) масштаба, говорят находки изделий из отдаленных мест Средиземноморья. Это, по Стрэйнджу, позволяет понять и функцию найденной в Сепфорисе восточной базилики (см. ниже) как агоры, места интенсивной торговли (выделены ряды лавок (более 10) по обеим сторонам здания, крытая центральная площадь, где собирались торговцы, по сторонам постройки — дороги) (Ibid. P. 84–85).

связывавших окрестные деревни с основными дорогами¹, а также следов того, что военная дорога II в. из Легио до Сепфориса была проложена по уже известному маршруту более ранней грунтовки, так и (2) свидетельства равнинистической традиции² о специализированных центрах производства продуктов питания и готовых изделий. Кроме того, информация о древних дорогах в Галилее была известна уже исследователям XIX в., опрашивавшим местных старожилов³, а также зафиксирована в свидетельствах паломников византийского времени об обстоятельствах их путешествий⁴.

Все эти аргументы имеют большое значение в исследовании галилейского контекста «исторического Иисуса». Свидетельства об интенсивной локальной торговле заставляют, по убеждению Стрэйнджа, отказаться от представлений о регионе озера как замкнутом на себя или о «заметной изоляции» жителей городов от сельских территорий.

Стрэйндж делает общее заключение о положении крестьян в Галилее I в. Они обрабатывали земли в крупных поместьях, и жили на ней за плату. Судя по расчетам численности крестьян на основании предположения об экономическом потенциале сельского хозяйства Галилеи, они должны были помимо обработки земли пытаться овладеть и ремеслами для производства товаров, реализуемых на городских рынках⁵. Поэтому галилейские деревни находились в экономической зависимости от городов. В самих же городах, как показали раскопки, жили не только землевладельцы-аристократы, но и многие крестьяне, обрабатывавшие расположенные недалеко надель, а жившие в деревнях крестьяне, благодаря развитой сети дорог имели возможность обмена товарами и информацией⁶.

Вывод Стрэйнджа о вовлеченности Галилеи в средиземноморскую торговлю использовался многими сторонниками кинической гипотезы, и теми, кто считал, что Иисус, живший в Назарете недалеко от Сепфориса, должен был регулярно его посещать и, таким

¹ Ibid. P. 85.

² Например, упоминается производство: пшеницы в Арбеле (ИТ. Пеа 20а), Кфар-Хиттия, Хуккок (ИТ Песахим. 27с), Хоразине (ВТ. Менахот. 85а); вина в Сепфорисе, Тивериаде, Кфар-Согане, Салламинне, Акхабароне, Бет-Шеариме и Геннисарете (Ios. Flav. De bell. III 3.3; 10. 8; Мишна. Менахот. 8.6; ИТ. Мегилла. 72d; ВТ. Авода Зара. 30а), и, судя по названию, также долина Бет-ха-Керем (Дом виноградника).

³ Стрэйндж ссылается на зафиксированные у Густава Дальмана и других ученых этого времени рассказы арабов-старожилов о существовавших прежде путях и тропах.

⁴ Strange J. F. *First-Century Galilee*. P. 83–84. Путешественники IV–V вв. в среднем проходили по 18 римских миль в день. Стрэйндж рассуждает: если так, то для I в. с его относительно худшими дорогами можно предположить в 2 раза меньшие расстояния, но путешественник вполне мог достичь любого пункта на территории площадью 240 квадратных римских миль. С учетом того, что в Галилее в среднем на площадь 6 квадратных миль приходилась 1 деревня, на расстоянии 1 дня пути от Сепфориса лежало 40 деревень.

⁵ Ibid. P. 89.

⁶ Strange J. F. *The Sayings of Jesus and Archaeology // Hillel and Jesus: Comparative Studies of Two Major Religious Leaders*/ Ed. J. H. Charlesworth. Minneapolis, 1997. P. 300–302.

образом, мог выучить греческий язык и познакомиться с эллинистической культурой, повлиявшей на Его идеи¹.

Новые аргументы в пользу взаимовыгодных связей городов и деревень Галилеи предложил американский археолог Дуглас Р. Эдуардс, участник раскопок в Сепфорисе, Йодфате и Хирбет-Кане.

В качестве интерпретационной Эдуардс привлекает социологическую модель Яна Хопкинса², согласно которой античные города находились в окружении целой сети небольших поселений, связанных с ними торговыми и административными контактами. Хопкинс переносит на ситуацию в Палестине вывод, сделанный историком П. Макмуленом о системе обмена товарами в древней Италии: римский город как центр такой системы «замыкал» на себя целую область радиусом 25 миль (немногим более 40 км), а на него самого приходилось до $\frac{3}{4}$ всего товарообмена³. Примером такого центра в Палестине, по Хопкинсу, можно рассматривать Скифополь, который замыкал на себя сеть поселений и городов (в том числе, Сепфорис и Тивериаду) с подконтрольными им экономическими областями⁴.

Общий вывод Эдуардса: если принять гипотезу Хопкинса-Макмулена о 25-мильной области, замкнутой на единый экономический центр, то почти каждая деревня в Нижней Галилее должна была относиться к сфере одного из двух городов, Сепфориса или Тивериады⁵, и, таким образом, они, как и деревни многих областей Римской империи, имели преимущественный доступ на городские рынки, как для реализации своих товаров, так и для покупки недостающих. Города, при этом, не имели функции экономических паразитов⁶.

Далее, согласно Эдуардсу, против выводов, сделанных на основании социологических моделей, предлагающих неизбежную вражду между городами и сельскими районами Нижней Галилеи в I в., свидетельствуют данные письменных⁷ и археологических источников⁸. На то, что отношения городов и деревень были взаимовыгодными и для заметной социальной напряженности не было предпосылок указывают: (1) результаты анализа керамики, проведенного Аданом-

¹ Batey R. A. Did Antipas Build the Sephoris Theater? // *Jesus and Archaeology* / Ed. J. H. Charlesworth. Grand Rapids, 2006. P. 111–119.

² Hopkins I. W. J. The City Region in Roman Palestine // *PEQ*. 1980. Vol. 112. P. 19–32.

³ MacMullen R. Market-Days in the Roman Empire // *Phoenix*. London, 1970. Vol. 24. P. 333.

⁴ Edwards D. R. The Socio-Economic and Cultural Ethos. P. 56.

⁵ *Ibid.* P. 59.

⁶ Finley M. The Ancient Economy. Berkeley, 1973. P. 125; Edwards D. R. The Socio-Economic and Cultural Ethos. P. 56–58.

⁷ Strabo. *Geogr.* II 5. 26.

⁸ Edwards D. R., Richardson P. Jesus and Palestinian Social Protest: Archaeological and Literary Perspective // *Handbook of Early Christianity: Social Science Approaches* / Ed. A. J. Blasi, J. Duhaime, P. Turcotte. Walnut Creek, 2002. P. 265.

Баевичем¹ (объем керамики из Кфар-Ханани и ее распространение в Сепфорисе могут подтверждать «теорию центрального места» Макмуллена), (2) практическое отсутствие укреплений иродианского периода²; (3) отсутствие оснований для вывода об интенсивной урбанизации в I в., которая могла бы иметь последствия для эксплуатируемых крестьян (такое строительство относится к более раннему, позднеэллинистическому периоду, приблизительно II в. до Р.Х., и уже к более позднему, среднеримскому времени (II в. по Р.Х.), масштаб строительства при Антипе в этом контексте представляется очень скромным)³; (4) отсутствие следов упадка и, наоборот, наличие следов расширения территорий небольших поселений, например, Йодфата, приблизительно в то же время, когда строились Сепфорис и Тивериада⁴. (5) Наконец, монетаризация экономики при Антипе также не могла привести к усилению эксплуатации крестьян, ее степень не была высокой и большая часть монет в это время хасмонеи⁵.

Деревни Галилеи, экономически разделявшие все «возможности и все опасности средиземноморской системы», при Антипе испытывали время расцвета, о чем должно говорить увеличение численности их населения⁶ (на фоне заметного снижения в предшествующих период, как показали разведки группы израильского археолога Р. Франкеля⁷).

В первые годы правления Антипы условия для роста экономики были благоприятными. Этому способствовали несколько факторов⁸: (1) долгосрочная занятость многих жителей тетрархии Антипы в строительных проектах (приблизительно до середины 20-х гг.), (2) рост населения в раннеримский период⁹, что привело к увеличению спроса и, соответственно, производства продуктов сельского хозяйства, а значит и налогов¹⁰; (3) наконец, это уже время правления императора Августа, время гражданского мира и экономической стабильности¹¹.

¹ Edwards D. R. First Century Urban/Rural Relations in Lower Galilee: Exploring the Archaeological and Literary Evidence // Society of Biblical Literature: Seminar Papers. 1988. Vol. 124. N 27. P. 174–176.

² Edwards D. R., Richardson P. Jesus and Palestinian Social Protest. P. 254.

³ Ibid. P. 254–255.

⁴ Ibid. P. 265.

⁵ Ibid. P. 255.

⁶ Edwards D. R. Identity and Social Location in Roman Galilean Villages // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg. Tübingen, 2007. P. P. 361–362.

⁷ Settlement Dynamics... P. 110–111. В период перехода от эллинистического к раннеримскому времени более четверти деревень Галилеи были оставлены жителями.

⁸ Edwards D. R. The Socio-Economic and Cultural Ethos. P. 63.

⁹ Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, Society, and Culture. Berkeley, 1987. P. 51.

¹⁰ Edwards D. R. The Socio-Economic and Cultural Ethos. P. 63.

¹¹ Ibid.

2. 3. 3. Опыт обобщения данных археологических исследований в рамках дискуссии о галилейском контексте служения Иисуса (Ш. Фрейн и Р. Хорсли)

В данном разделе мы практически без изменений повторяем сказанное соответствующей части статьи 2016 г.¹ Мы уже отмечали, что «важный этап дискуссии и истории попыток объяснения некоторых аспектов провозвестия Иисуса в галилейском контексте маркируют монографии и сборники статей ирландского исследователя Шона Фрейна и американского библеиста Ричарда Хорсли, уникальные по широте охвата проблематики и степени обобщения». Оставаясь в рамках принятого в нашем историографическом обзоре подхода с акцентом на вопросах социальной и этно-религиозной ситуации в Галилее как контексте проповеди Иисуса, при анализе многочисленных работ этих авторов мы ограничимся рассмотрением их позиции только по этим двум вопросам.

В 1980 году вышла первая после статей Альта обобщающая монография Фрейна о политической и культурной истории Галилеи греко-римского периода². Автор рассматривал ключевые вопросы, ставшие предметом дискуссий в последующие десятилетия. Многие из них он развивает в своих более поздних статьях.

Позиция по одному из центральных в дискуссии о социальном контексте вопросов об отношении галилейских городов и сельских территорий у Фрейна претерпела очевидную эволюцию³.

В статьях 90-х гг.⁴, когда уже были опубликованы некоторые результаты многолетних археологических исследований, он практически отказался от своего прежнего представления о

¹ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 146–152.

² Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*.

³ Вопрос об отношении городов и деревень Галилеи Фрейн ставит уже в своей ранней монографии о Галилее (Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*). Галилея Антипы рассматривается как сельская, изолированная еврейская область, связанная с Иерусалимом, и своего рода «буфер», служащий границей через которую не распространяется прямое римское правление (Ср.: Ibid. P. 69, 192). В монографии 1988 г. Фрейн, со ссылкой на работу социолога Т. Ф. Карни (Carney T. F. *The Shape of the Past: Models in Antiquity*. Lawrence, 1975; Freyne S. *Galilee, Jesus and the Gospels: Literary Approaches and Historical Investigations*. Philadelphia, 1988. P. 156. Note. 47), уже признает разрушительное влияние античных городов на жизнь в окрестных деревнях (Ibid. P. 146), но в случае Галилеи периода правления Антипы ничто не свидетельствует о таком влиянии (Ibid. P. 161–162, 152), нет свидетельств и о каком-то экономическом упадке в деревнях по причине их эксплуатации городами вплоть до начала первой антиримской войны. Эта тихая, не подверженная социальным потрясениям область и рассматривается как контекст для понимания провозвестия Иисуса.

⁴ Ср.: Freyne S. *Urban-Rural Relations in First-Century Galilee: Some Suggestions from the Literary Sources // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine*. New York; Jerusalem, 1992. P. 75–91; idem. *Jesus and the Urban Culture of Galilee // Texts and Contexts: Biblical Texts in Their Textual and Situational Contexts / Ed. D. Hellholm, T. Fornberg*. Oslo, Copenhagen, Stockholm, Boston, 1995. P. 597–622; idem. *Town and Country Once More: The Case of Roman*

Галилее периода Антипы как тихой, политически и социально стабильной области¹; свидетельства о немногих актах сопротивления иродианским властям² в целом, по его мнению, не давали оснований для противоположного вывода. Фрейн начинает проводить различие между «ортогенетическими» (orthogenetic), сохраняющими древние традиции поселениями и «гетерогенетическими» (heterogenetic) городами, в которых устанавливается новый тип экономики и формируется иное по отношению к традиционному мировоззрение³ (это Сепфорис и Тивериада). Оба типа поселений имели «собственные идентичность, ценности и нормы»⁴, а их противоречия стали причиной «глубинной и постоянной» вражды жителей деревень к городам⁵.

Основания для такого вывода дают не только письменные источники, но их интерпретация в рамках социологических моделей, предполагающих наличие разных систем ценностей в античных поселениях с различной культурой. Сепфорис и Тивериада были чужими (heterogenetical) для деревень, потому что галилейские крестьяне считали их не только языческими анклавами в еврейской земле, но источником «проникновения в традиционный образ жизни нового типа эллинизированного (или романизированного) еврея, готового стать лоббистом и сотрудничать с чуждой римской системой»⁶. Эту ситуацию социального конфликта Фрейн рассматривает в качестве контекста возникновения движения сторонников Иисуса с его социальной критикой⁷.

Выбор модели для интерпретации свидетельств источников, по Фрейну, принципиально важен, так как это с самого начала исключает альтернативные выводы на основании анализа одних и тех же источников и гарантирует недостающие звенья в реконструкции целостной картины социального положения в Галилее I в.⁸ Его, по убеждению Фрейна, хорошо описывает модель античного общества, предложенная Т. Ф. Карни⁹, согласно которой интенсивные общественные

Galilee // *Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / D. R. Edwards. Atlanta, 1997. P. 49–56.

¹ Freyne S. Galilee, Jesus and the Gospels. P. 5.

² Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian. P. 190–192.

³ См. таблицу: Freyne S. Urban-Rural Relations in First-Century Galilee. P. 77.

⁴ Ibid. P. 90.

⁵ Ibid. P. 83.

⁶ Freyne S. Town and Country Once More. P. 50.

⁷ Ibid. P. 90.

⁸ Freyne S. Herodian Economics in Galilee: Searching for a Suitable Model // Idem. *Galilee and Gospel: Collected Essay*. Tübingen, 2000. P. 86, 87–88. Многообразие моделей, от модели Финдли (города как паразитирующие на аграрных территориях за счет эксплуатации крестьян) (Ibid. P. 89) до модели Хопкинса (города как экономические центры с развивающимся классом торговцев, которые могли оплачивать крестьянам плоды их труда) (Ibid. P. 90), по Фрейну, свидетельствует о необходимости построения модели, «которая, с одной стороны, позволяла бы избежать возникновения жесткой оппозиции между городом и деревней, а с другой, не сводит различия между ними к «бессмысленной тавтологии»» (Ibidem).

⁹ Carney T. F. *The Shape of the Past*.

изменения в античности происходили в случае сочетания 3 факторов: специализации, монетаризации экономики, а также изменении отношений к традиционным ценностям¹.

Все они, по Фрейну, имеют место в Галилее в I в. (1) О специализации экономики² свидетельствуют сообщения: (а) о выращивании хлеба на экспорт и для продажи на рынке³; (б) об изменении типа землевладения (традиционный — одна еврейская семья владеет своим небольшим наделом, сменяется новым — концентрация сельскохозяйственных ресурсов в больших поместьях); (в) о распространении в I в. выращивания оливок и производства масла⁴; (г) о заготовке соленой рыбы в регионе озера⁵ и о (д) производстве определенных типов керамики в 2 гончарных центрах.

(2) На существование «денежной экономики, в которой доминировали экономические связи с Тиром», и на процветающую локальную торговлю⁶ указывают находки тирских монет и, не столь многочисленных, монет Антипы, а также сообщения Иосифа⁷ и евангелистов⁸, свидетельствующие об активном хождении монет.

(3) Изменение отношения к традиционным ценностям, неизбежное в эпоху экономического развития, также отражено у Иосифа Флавия в его свидетельствах об экономических последствиях потрясений 66–70 гг. (в том числе о «социальном бандитизме»)⁹.

Это еще раз должно подтвердить, что Сепфорис и Тивериада были городами, которые в «короткий промежуток времени ввели в сердцевину Нижней Галилеи людей, чьи ценности столкнулись непосредственно с теми, которые определяли жизнь деревенских евреев»¹⁰.

¹ Freyne S. Herodian Economics in Galilee. P. 91.

² Ibid. P. 95–103.

³ Ios. Flav. De bell. III 3.2–3 (41–44); idem. Vita. 235. Упоминаются запасы хлеба в деревнях Верхней Галилеи, которые конфисковал Иоанн Гисхальский (Ios. Flav. Vita. 71), склад в Бесаре (Нижняя Галилея), собранный в деревнях, принадлежавших жене Агриппы II царице Беренике; подтверждается археологическими данными: в Сепфорисе найдено несколько силосных ям, гирька с надписью AGORANOMOS, остракон с транслитерацией еврейскими буквами греческого слова EPIMELHYNS, домоправитель (Nagy R. M., Meyers C. L., Meyers E. M., Weiss Z. Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture. Raleigh, 1996. P. 170, 201), в Тивериаде также найдены две гирьки с надписями AGORANOMOI и именами Антипы и Агриппы II (Qedar S. Weights of Antipas and Agrippa II // INJ. 1986–1987. Vol. 9. P. 29–35).

⁴ Ср. история Иоанна Гисхальского о продаже масла кесарийским евреям (Ios. Flav. Vita 74–76). Этому соответствуют археологические находки: тип маслодавильни в Галилее близок к тому, что известен в Иудее.

⁵ Freyne S. Herodian Economics in Galilee. P. 100. Ср.: Ios. Flav. De bell. III 10. 7 (506–508); 8 (520). О высоком уровне коммерческой активности должны свидетельствовать найденные в ходе археологических разведок многочисленные остатки волноломов, якорных стоянок, гаваней, прудов для развода рыбы, а также «галилейская лодка» (Hanson K. C. The Galilean Fishing Economy. P. 99–111).

⁶ Freyne S. Herodian Economics in Galilee. P. 108.

⁷ В Ios. Flav. Vita. 62 говорится о «большой сумме денег», собранной коллегами Иосифа от принесенной галилеянами десятины.

⁸ В Мк 6. 36–38; Лк 6. 1–9, 38; 10. 35; Мф 7. 2. упоминаются мелкие бронзовые монеты.

⁹ См. Ios. Flav. Antiq. XX 8. 8 (181), 9.2 (206–207); idem. Vita 63.

¹⁰ Freyne S. Herodian Economics in Galilee. P. 111.

С особой ясностью Фрейн подчеркивает это в своей последней прижизненной монографии¹. Время урбанизации Антипы рассматривается им как период истощения ресурсов, когда ведущую социальную роль получила новая группа населения — «иродиане», политическая и экономическая элита и обслуживающий ее класс, писцы, военные и другие. Паразитирующая экономика городов имела следствием увеличение налогового бремени на крестьянство, уровня их бедности, числа нищих (все они упоминаются в притчах Иисуса) и, таким образом, — питательной среды для вспышки насилия и «социального бандитизма»².

Само «движение Иисуса» понимается им как реакция на происходившие при Антипе быстрые социальные изменения, в том числе базовых ценностей³. Этим он объясняет и тот факт, что Иисус не посещал иродианские города Галилеи (Сепфорис и Тивериада в Евангелиях не упоминаются) — не только потому, что Он разделял распространенное среди крестьян чувство отчуждения по отношению к ним, но прежде всего из-за того, что отвергал саму систему религиозных ценностей, на которой базировалась новая власть. Вместе с тем, Его движение, по Фрейну, не несло угрозы насильственного свержения этой власти (Фрейн выступает, таким образом, против зилотского контекста Его проповеди) и не имело своей целью предложить нравственное учение, которое могло бы помочь галилейским крестьянам справиться с царящими в стране несправедливостями, — некоторую «форму кинизма» (против гипотезы Кроссана). Первые последователи Иисуса слышали в Его провозвестии призыв к обновлению жизни, к вхождению в новую общину, в которой сохранялись и адаптировались ценности прежних традиций, разрушаемые в новом мире иродианских городов.

Что касается второго, важного для обсуждаемой темы вопроса об этно-религиозной ситуации в Галилее I в., то в работах 90-х гг. Фрейн корректирует распространенный тезис о Галилее как существенно эллинизированной территории. Признавая некоторое влияние язычества в Галилее, он подчеркивает, что оно никак не отразилось на строгости исполнения галилеянами предписаний Торы и их верности историческим религиозным традициям⁴.

¹ Freyne S. *Jesus, a Jewish Galilean: A New Reading of the Jesus-Story*. London, 2004.

² Ibid. P. 134–135, 136–139.

³ Ibid. P. 111–113.

⁴ Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*. P. 261–275. При этом результаты археологических работ в Галилее и ассирийские надписи VIII в. до Р.Х., свидетельствовавшие о перерыве в заселении Галилеи с VII по IV вв. до Р.Х., в целом убедили Фрейна отказаться от более ранней гипотезы, восходящей к А. Альту, о галилеянах раннеримского времени как потомках северных израильтян (Ibid. P. 23–26). Вывод о том, что в 1 Макк 5 сообщается не о полной эвакуации иудейского меньшинства из Галилеи, Фрейн, следуя Альту, делает уже в монографии 1980 г.: помимо архаизирующего стиля автора, объясняющего фразу «Галилея языческая» (Alt A. *Galiläische Probleme*. S. 414), и описания «многих сражений против язычников», Фрейн подчеркивает географическую локализацию событий. Военные действия в основном происходили в западной части Галилеи, в окрестностях Птолемаиды, которую Симоннепытался захватить.

Влияние Иерусалима на Галилею не ослабевало¹, хотя причины верности галилеян иерусалимскому храму Фрейн считает в первую очередь экономическими².

Полностью признавая важность материальных находок для дискуссии, Фрейн в то же время видит и невозможность окончательно убедительной аргументации в дискуссии по ряду вопросов. Так, находки, свидетельствующие о соблюдении в Галилее иудейских предписаний о чистоте (миквы, каменные сосуды и т.п., см. ниже), не позволяют, по Фрейну, сделать вывод о заметном присутствии здесь фарисеев³. В то же время многие находки позволяют увидеть создание новых путей выражения иудеями Галилеи своей этно-религиозной идентичности. К ним он относит: (1) находки микв в Сепфорисе и Керен-Нафтали, которые интерпретируются как указание на то, что обычай ритуального омовения стал способом выражения идентичности в ситуации плюралистической культуры иродианских городов⁴ (см. ниже); (2) использовании в поселениях региона озера бытовой керамики, отличающейся от той, которая использовалась в нееврейских местах — исчезает привозная греческая посуда, ей на смену приходит простая местная керамика⁵ (в этом Фрейн следует А. Берлин, см. ниже). Все это позволяет с большей чем раньше уверенностью говорить о еврейской среде, в которой проповедовал Иисус⁶.

С вопросом о знании галилеянами Торы, стоящим за обвинением Иисуса в ее неведении⁷, связана известная археологическая проблема — несмотря на упоминания в Евангелиях и у Иосифа⁸ — не было (до недавнего времени) однозначных свидетельств о существовании зданий синагог в Галилее I в. (в настоящее время они обнаружены в Гамле, Капернауме, Магдале и, возможно, в Хирбет-Кана)⁹ (см. ниже). Автор считает, что отсутствие следов зданий для обучения закону не исключает самого института такого образования в

¹ Freyne S. *Urban-Rural Relations in First-Century Galilee*. P. 81.

² Храм был «центром для их идентичности» и символом связи с «остатком верных» в ситуации языческого влияния (Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*. P. 287, 292). Особенностью этой лояльности является то, что она основана не на апокалиптических представлениях (Ibid. P. 293), а скорее на практических соображениях, на вере, что в то, что поддержка иерусалимского храма обеспечивает хорошие урожаи (ср.: Агг 1. 9–11; 2. 14–19 и Зах 14. 17). Именно этим Фрейн объясняет причину бунтов галилеян при императоре Калигуле: если установить статуи рядом с храмом, земля перестанет давать хороший урожай (Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*. P. 294). Поэтому храм для большинства галилеян был не центром, с которым связывались мессианские надежды, но лишь источником уверенности, что соблюдение ритуалов «гарантировало» нужный урожай (Ibid. P. 295).

³ Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian*. P. 330, 333.

⁴ Freyne S. *Jesus of Galilee*. P. 402. Самые ранние свидетельства о практике ритуальных омовений известны из документов еврейской диаспоры — в Книге Иудифь и в послании Аристея (Lawrence J. D. *Washing in Water: Trajectories of Ritual Bathing in the Hebrew Bible and Second Temple Literature*. Atlanta, 2006. P. 43–80).

⁵ Freyne S. *Jesus of Galilee*. P. 403.

⁶ Ibid. P. 403.

⁷ Мк 3. 22, ср. 7. 1–2; Ин 7. 15, 49.

⁸ Ios. Flav. *Vita* 280.

⁹ Freyne S. *Jesus and the Galilean Am ha Arets: Fact, Johannine Irony, or Both? // John, Jesus, and History / Ed. P. N. Anderson*. Atlanta, 2009. Vol. 2. P. 139–154.

еврейской семье. Археологический материал в целом должен поддерживать вывод о верности галилеян иерусалимскому культу (помимо находок микв и фрагментов каменных сосудов¹, в пользу этого говорит также находки в одном из жилых домов Сепфориса совочка для ладана (результат непосредственного паломничества в храм?²), и надпись на монете, отчеканенной в Гамле в период восстания, — «для искупления» и «Святой Иерусалим»³).

Вопрос о Галилее I в. как историческом бэкграунде движения первых последователей Иисуса Христа рассматривается в целом ряде статей и монографий американского новозаветника Ричарда Хорсли. Признавая роль археологического материала («совершенно нового источника информации»⁴) как особо важную⁵, в герменевтической дискуссии с археологами об интерпретации результатов галилейских раскопок он, однако, показывает себя активным сторонником диалектического использования социологических моделей Ленского и Каутского⁶. Но, как и в случае Кроссана, у Хорсли интерпретация исторических данных о социально-экономической, культурной и религиозной жизни прямо диктуется моделью, что в целом предвосхищает последующую интерпретацию свидетельств источников. Данные источников, противоречащие результатам моделирования, привлекаются им в целом очень редко.

Выводы археологов о социально-экономической жизни в Галилее он обычно отвергает потому, что они, по его мнению, основаны на анахронистических представлениях о механизмах общественных изменений в древности — по убеждению Хорсли, вся экономическая жизнь древних средиземноморских обществ со времени Птолемея и Селевкидов, регулировалась не рыночными механизмами, но была полностью под политическим контролем. Поэтому, согласно Хорсли (в этом он близок к Кроссану), нельзя принять объяснение факта находок большого числа монет тирского чекана во время исследования района хребта Мейрон (Верхняя Галилея), тем, что галилейские крестьяне могли продавать свои товары на городских рынках, точно так же как и вывод Адана-Баевича о распространении посуды из Кфар-Ханании через рынки Сепфориса⁷ и, как следствие, вывод о взаимовыгодных торговых связях городов Галилеи с

¹ Freyne S. Jesus in Jewish Galilee // *Redefining First-Century Jewish and Christian Identities: Essays in Honor of E. P. Sanders* / Ed. F. E. Udoh, S. Heschel, M. Chancey, G. Tatum. Notre Dame, 2008. P. 199.

² Rutgers L. V. Incense shovels at Sepphoris? // *Galilee through the centuries: Confluence of cultures* / Ed. E. M. Meyers. Winona Lake, 1999. P. 177–198.

³ Freyne S. Jesus in Jewish Galilee. P. 197.

⁴ Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee: The Social Context of Jesus and the Rabbis*. Valley Forge, 1996. P. VIII.

⁵ Ibid.

⁶ Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. Valley Forge, 1995. P. 9.

⁷ Horsley R. A. The Historical Jesus and Archaeology of the Galilee: Questions from Historical Jesus Research to Archaeologists // *SBL. SP.* / Ed. E. H. Lovering. Sheffield, 1994. P. 111; Crossan J. D. *The Birth of Christianity*. P. 22–30.

окрестными сельскими областями. Широкое распространение в Галилее и на Голанах керамики из Кфар-Ханани объясняется просто тем, что качественная глина была доступна только в немногих местах, поэтому, в целях экономической и политической стабильности, на государственном уровне давались предписания транспортировать эту посуду в другие поселения, где она не могла быть изготовлена¹. Что касается находок тирских монет, то, согласно Хорсли, на этом основании еще нельзя делать вывод о выгодной торговле между Тиром и Галилеей², так как эти монеты были основным платежным средством во всем Леванте, их принимали даже в Иерусалимском храме³.

Наиболее ясно Хорсли выражает свою позицию в отношении археологического материала при обосновании тезисов о происхождении галилеян раннеримского времени, галилейских деревенских общинах и урбанизации области при Антипе.

Его тезис о происхождении галилеян I в. является некоторой актуализацией гипотезы Альта. Хорсли также считал, что после ассирийского завоевания (северного) царства Израиля в 732–722 г. до Р.Х., депортировано было не все население, но лишь представители высшего класса и ремесленники⁴; при этом известные результаты археологических разведок в Галилее, позволяющие сделать вывод о запустении региона после ассирийского завоевания, Хорсли считает лишь предварительными и недостаточными для обобщающего заключения об истории заселения этой области⁵. Отсутствие в источниках упоминаний о каком-либо альтернативном по отношению к иерусалимскому культе в Галилее⁶ Хорсли объясняет не влиянием иерусалимского центра (такого влияния, по его мнению, не было), но только тем историческим обстоятельством, что галилеяне до хасмонейского завоевания были потомками «северных сельских израильтян»⁷, оставшихся в Галилее и сохранивших свои религиозные традиции, экономический уклад и образ жизни до самого прихода хасмонеев⁸.

Однако, несмотря на общую традицию, объединявшую галилеян и жителей Иудеи, влияние иерусалимского храма в дохасмонейский период в Галилее было минимальным⁹ даже

¹ Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. 72.

² Horsley R. A. *The Historical Jesus and Archaeology of the Galilee*. P. 105.

³ Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. 69.

⁴ *Ibid.* P.21–23.

⁵ *Ibid.* P. 23.

⁶ В отличие от Самарии (гора Гаризим) и Идумеи (культ Коса), где такая альтернатива упоминается — Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. P.42–45; Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. 25–28.

⁷ Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. P. 289.

⁸ Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. 24, 28.

⁹ Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. P. 48.

после принятия здесь «законов иудеев» при Аристовуле¹. Хорсли обосновывает это, по сути, 2 аргументами: (1) известным в исторической науке представлением о «большой» и «малой» культурных традициях, когда какая-то группа единого этноса, в целом принимая официальную традицию, может практиковать и другую, измененную ее форму², и (2) археологией: не найдено (на момент написания работ Хорсли) следов синагог I в., что должно указывать на отсутствие в Галилее I в. этих зданий³, и, следовательно, особого авторитета фарисеев.

Вывод Хорсли: в Галилее не было того, что хоть приблизительно могло быть «официальным иудаизмом», предполагающим связь с экономическими и политическими структурами иерусалимского храма⁴.

С учетом письменных источников и опубликованных на то время археологических материалов Хорсли делает вывод о том, что большинство галилеян I в. жило в автономных семейных хозяйствах, основанных на «традиционном праве на землю предков»⁵. Несмотря на бедность им все же удавалось «производить большую часть того, что было нужно для жизни» (виноград, оливки, зерно, одежду, средства переработки урожая — найдены прессы для отжима вина и масла и т.п.), и для оплаты налогов, собираемых «городской бюрократией»⁶.

¹ Хорсли не видит явных признаков интеграции галилейского общества в иудейскую храмовую общину I в. (Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. P. 45, 65). Говоря о «законах иудеев», автор допускает, что в эти «законы» включали не только «законы Моисея», но и другие традиции (Ibid. P. 147). Не ясно, предполагает ли принятие галилеянами «иудейских законов» их политическое подчинение Иудее и храму или, к чему Хорсли склоняется, речь идет о более общем понятии — о том, что они были приняты для адаптации местных обычаев к иудейским традициям (Ibid. P. 147–148).

² Ibid. P. 148. Устная «малая традиция», по словам Хорсли, «отражала и определяла жизнь сельских общин, подчеркивая локальные связи и сохраняя семьи на своих родовых землях, которые создавали основу для их существования и само место в деревенской общине», и, таким образом, однородное население в деревнях.

³ Хорсли учитывает и такие важные для вопроса о галилейском контексте проповеди Иисуса реалии как упоминание в Галилее синагог (не найденных археологами на момент написания работ Хорсли): j, обозначение «синагоги» указывает не на культовые постройки, но скорее отсылает к собранию людей, имеющих своей целью решение религиозных, социальных и политических вопросов (Ibid. P. 222–227). Что касается фарисеев, то они, как считает Хорсли, утратили свой былой авторитет уже при Ироде Великом. Он допускает, что фарисеи (в виде небольшой группы, как и другие религиозные партии) могли представлять в Галилее интересы Иерусалима, но так как никаких внебиблейских свидетельств об их деятельности здесь нет (Ibid. P. 58–151), то не может быть речи об их особом влиянии в галилейских синагогах и авторитете в народе в I в.

⁴ Ibid. P. 33–34.

⁵ Ibid. P. 40, 176–181, 218–219, 245, 278–279. Своими тезисами (о галилеянах как потомках северных израильтян и носителях древних традиций, с которыми гармонировали «малые» локальные традиции) Хорсли обосновывает гипотезу о значительных региональных различиях между Галилеей и Иудеей с ее священнической «большой» традицией Иерусалима (Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. VII, 95, 122). Несмотря на критику Рида (см. ниже) Хорсли, судя по публикациям, так и не отказался от данной гипотезы, хотя не привел никаких новых аргументов (см. Mattila Sh. L. *Jesus and the «Middle Peasants»? : Problematizing a Social-Scientific Concept // CBQ*. 2010. Vol. 72. N 2. P. 296). Строительство иродианских городов должно было поставить под угрозу традиционный образ деревенской жизни, ориентированный на ценности Моисеева завета. Строительные проекты Антипы имели своим следствием «драматические экономические и социальные последствия для галилейских деревень и домохозяйств» (Horsley R. A. *Jesus and Galilee*. P. 62–65).

⁶ Horsley R. A. *Archaeology, History, and Society in Galilee*. P. 74–75, 83, 88–89, 102–103, 119–121, 151.

Строительство новых городов, ставших центрами эллинистическо-римской культуры¹, затрагивало «центральный нерв» прежней традиционной жизни и несло с собой угрозу образу жизни галилеян, самой основе культуры их предков², что и стало причиной серьезных социальных волнений и религиозных движений, направленных против урбанизации, римских и иродианских властей³.

Однако движение Иисуса (как призыв к обновлению традиционной деревенской жизни (villagelife) в согласии с древними израильскими традициями), по Хорсли, нельзя понимать в рамках зилотского сопротивления, так как в 1-й половине I в. в Галилее его еще не было⁴. О какой-то объединяющей антиримской идеологии в Галилее этого времени источники молчат⁵, а народные мессианские движения ограничивались только Иудеей⁶. В Галилее же было только неорганизованное сопротивление крестьян — то, что Хорсли называет «социальным бандитизмом», «дополитической формой социального протеста против сложившегося несправедливого положения дел»⁷.

2. 3. 4. Основные тенденции современных дискуссий. Работы Дж. Рида, М. Ченци, М. Йенсена

Как нами уже отмечалось ранее, «дискуссии о Галилее получили свой новый импульс после первых предварительных публикаций раскопок Сепфориса в 80-е гг., на основании

¹ Horsley R. A., Draper J. A. Whoever Hears you Hears me: Prophets, Performance, and Tradition in Q. Harrisburg, 1999. P. 58.

² Horsley R. A., Silberman N. A. The Message and the Kingdom: How Jesus and Paul Ignited a Revolution and Transformed the Ancient World. Minneapolis, 1997. P. 26.

³ Horsley R. A. Galilee: History, Politics, People. P. 256–275.

⁴ Horsley R. A. The Sicarii: Ancient Jewish «Terrorists» // Journal of Religion. 1979. Vol. 59. P. 35–58; Horsley R. A., Hanson J. S. Bandits, Prophets, and Messiahs: Popular Movements in the Time of Jesus. Harrisburg, 1988.

⁵ Horsley R. A., Hanson J. S. Bandits, Prophets, and Messiahs. P. 87, 137.

⁶ Horsley R. A. Galilee: History, Politics, People. P. 70, 76–77.

⁷ Ibid. P. 259. Идею о «социальном бандитизме» как дополнительной форме социального протеста Хорсли воспринял у Хобсбауна (ср.: Hobsbawm E. Bandits, in the World, Robin Hood, Jesse James, Pancho Villa. New York, 1969), а само движение обосновывает прежде всего цитатами из Иосифа Флавия. В дальнейшем, его положение о том, что термин οἱ Γαλιλαῖοι, используемый Иосифом в «Жизни», должен интерпретироваться как технический, обозначающий «особую группу бунтовщиков», как показали исследования Фельдмана, Фрейна и Арменти, не выдержал критики: у Иосифа это указание на географическое происхождение, иногда на сельское население, противостоящее жителям Тивериады и Сепфориса (Freyne S. Galilee from Alexander the Great to Hadrian).

которых некоторые исследователи сформулировали свои обобщающие выводы о социально-экономической и этно-религиозной ситуации в Галилее I в. В частности много сторонников получило представление о существенной эллинизации и урбанизации Галилеи»¹. Отметим лишь нескольких авторов, использовавших аргументы от археологии.

В классическом виде эта позиция выражена у Дж. Овермана, считавшего, что экономика Нижней Галилеи развивалась во многом благодаря торговым контактам с прибрежными средиземноморскими городами и городами Десятиградия². Города рассматривались им как региональные центры римской культуры³. Степень урбанизации Галилеи уже в I в. (судя по результатам раскопок Сепфориса и принятым тогда датировкам его построек) ничем не отличалась от прочих регионов империи⁴ и это с необходимостью должно, по его мнению, свидетельствовать о заметном присутствии язычников в городах Галилеи времени Иисуса. Последний вывод делал также уже упомянутый Дж. Стрэйндж (к известным местам из Евангелий он добавляет Мф 5.48 и 6.7, сообщающие о язычниках на дорогах, в деревнях и городах)⁵, который допускал и размещение здесь римских войск (ср. историю со слугой центуриона (Мф 8.5–13)⁶, а также Х. К. Ки⁷. Во всех случаях это должно было следовать из общего представления археологов о Сепфорисе как культурном и административном центре со всеми особенностями эллинистического полиса, в том числе театром, ипподромом и храмами, а также о Тивериаде, основанной и названной в честь римского императора. О языческом климате Сепфориса говорил также Р. Бати, считавший, что Иисус, как τεκτων по профессии, мог участвовать даже в строительстве Сепфориса, посещать его театр⁸.

Далее с некоторыми дополнениями мы изложим аргументацию, уже опубликованную в статье 2016 г.⁹ В конце 1990-х—начале 2000-х гг. было опубликовано сразу несколько монографических исследований, авторы которых стремятся опровергнуть эти представления о галилейском мире. Логика и предпосылки для вывода об эллинизированной Галилее со смешанным населением и напряженной социальной ситуации периода правления Антипы стали предметом критики в работах таких исследователей как Дж. Рид, М. Ченси, М. Йенсен.

¹ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 152.

² Overman J. A. Who were the First Urban Christians. P. 161.

³ Ibid. P. 165.

⁴ Ibid. P. 168.

⁵ Strange J. F. Some Implications of Archaeology for New Testament Studies // What has Archaeology to Do With Faith? / Ed. J. H Charlesworth, W. P Weaver; Philadelphia, 1992. P. 43–44.

⁶ Strange J. F. First-Century Galilee. P. 89–90; см. также: Sawicki M. Crossing Galilee. P. 82–85, 88, 92–96, 178–179.

⁷ Kee H. C. Early Christianity in the Galilee. P. 14–15, 17.

⁸ Batey R. A. Is Not This the Carpenter? // NTS. 1984. Vol. 30. P. 249–258.

⁹ Неклюдов К. В. Проблема. Часть 2. С. 153–158.

Американский библеист Джонатан Л. Рид в конце 90-х гг. XX в. с учетом данных раскопок сделал вывод об истории заселения Галилеи в ассирийский период. Рид подверг критике методологию и выводы Хорсли, который, по его убеждению, необоснованно отвергает данные, свидетельствующие о заметном запустении Галилеи после ассирийского завоевания, о ее очень медленном последующем заселении¹ и о более интенсивном уже только в хасмонейское время. Этот вывод позволяют сделать результаты археологических разведок и раскопок экспедиции Цви Гала, опубликованные на рубеже 80-х и 90-х гг. В ходе анализа результатов работ была получена картина полного опустошения и запустения Галилеи после ассирийского завоевания 733–732 гг. в период VII–VI вв. до Р.Х.² (см. ниже). Она в целом подтверждается и более поздними раскопками группы М. Авиама: обнаружены свидетельства о начале ограниченного заселения Галилеи лишь в персидский период и о более интенсивном уже в эллинистическое время³. Таким образом, нет оснований говорить о преемственности галилейской культуры на протяжении нескольких столетий с момента ее завоевания древними израильтянами⁴. Таким образом галилеяне I в. по Р.Х. не могли быть потомками северных израильтян, живших здесь еще до плена. Скорее они были потомками еврейских иммигрантов из Иудеи, колонизировавших Галилею, начиная с I в. до Р.Х.⁵, и имели, таким образом, религиозные и родственные корни в Иудее⁶.

Согласно Риду, свидетельства о материальной культуре Галилеи I в. и данные раввинистических источников — все говорит в пользу того, что религиозная практика галилейских и иудейских евреев была очень близкой. Он выделил 4 маркера еврейской религиозной идентичности: наличие на объектах каменных сосудов (см. ниже), микв, вторичных захоронений⁷ и отсутствие свиных костей⁸. Все эти маркеры характерны для археологического материала I в. как в Иудее, так и в Галилее, и свидетельствуют, что галилеяне I в. были такими же евреями, как и жители Иудеи, и не менее строго соблюдали религиозные предписания.

¹ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 30–34; Хорсли не считает интерпретацию Ц. Гала (см. ниже) надежной. ср.: Horsley R. A. *Galilee: History, Politics, People*. P. 25–33.

² Reed J. L. *Galileans, «Israelite Village Communities», and the Sayings Gospel Q // Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures / Ed. E. M. Meyers. Winona Lake, 1999. P. 90–91. Ср.: Gal Z. Lower Galilee during the Iron Age. 1992. P. 82.*

³ Aviam M. *Galilee: The Hellenistic to Byzantine Periods // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 453–458.*

⁴ Reed J. L. *Galileans, «Israelite Village Communities»*. 1999. P. 93.

⁵ *Ibid.* P. 103–104.

⁶ *Ibid.* P. 104.

⁷ Вывод об этом маркере обоснован плохо, и не получил поддержки у коллег Рида, см. ниже.

⁸ Reed J. L. *Galileans, «Israelite Village Communities»*. 1999. P. 98–100.

Рид считает, что важная в дискуссии об этно-религиозной идентичности галилеян итурейская гипотеза, согласно которой галилеяне раннеримского времени были потомками обращенных при Аристокле итуреев (Э. Шюрер), также должна быть отвергнута, так как исследования 80-х гг. показали, что поселения, которые было принято идентифицировать как итурейские, не достигают Галилеи¹ (нынешнее состояние знаний в целом не опровергает вывод Рида, см. ниже).

Помимо указанных маркеров об этнической и религиозной идентичности галилеян времени Иисуса Христа, по Риду, говорит также рост новых поселений (в конце позднеэллинистического и в раннеримский период) с материальной культурой, имеющей параллели с культурой Иудеи² (засвидетельствован изменением ассамбляжа керамики и в нумизматической статистике — с начала I в. до Р.Х. увеличивается общее число монет, среди них доминируют хасмонейские, что указывает на экономическую и политическую ориентацию новых поселений Галилеи на хасмонейский Иерусалим³).

Таким образом, идея Хорсли о том, что Иисус и Его первые последователи стремились возродить в сельских общинах ценность древнеизраильской традиции завета, по Риду, не получает поддержки от археологии: «исторические корни» галилеян из Иудеи, о чем свидетельствуют общие для Галилеи и Иудеи религиозные практики⁴.

Рассматривая вопрос о социально-экономической ситуации в Галилее, Рид принимает в качестве интерпретационных социологические модели Я. Хопкинса (см. выше, ее использовал уже Эдуардс) и М. Финли⁵. Согласно последней модели, города снабжались продуктами сельского хозяйства из окрестных областей, а доходы от их реализации использовались в том числе для инвестирования в строительство и архитектурное оформление общественных построек. Таким образом размеры общественных построек зависели от размеров подвластных городам сельских областей. Город при этом не обязательно имел функцию паразита, но мог предоставлять для крестьян и выгодные рынки для сбыта их товаров⁶. Принимая в общем

¹ Ibid. P. 96.

² Ibid. P. 97. Капернаум, Гамла, Хаммат Тиверия, Хорват Арбел, Йодфат, Хирбет Шемак, Мейрон, Назарет, Кацрин и Сепфорис. Самая ранняя архитектурная структура в Сепофрисе — цитадель, где найдены монеты времени Александра Янная. Керамика Сепфориса показывает рост материальной культуры в позднеэллинистический и раннеримский периоды, почти нет керамики персидского и раннеэллинистического периодов, около 100 позднеэллинистических фрагментов сосудов и почти 3 тысячи раннеримских, соотношение, которое повторяется почти на всех поселениях Галилеи.

³ Reed J. L. Galileans, «Israelite Village Communities». P. 97.

⁴ Ibid. P. 107.

⁵ Finley M. The Ancient Economy. Berkeley, 1973.

⁶ Reed J. L. Population Numbers, Urbanization, and Exonomics... P. P. 207.

выводы Адана-Баевича, Рид рассматривает Сепфорис как «выгодный рынок, компенсирующий издержки длительной транспортировки товаров¹ из Шихина и Кфар-Ханани.

Важным для оценки экономической функции иродианских городов Галилеи является вопрос о численности их населения. И здесь у Рида очевидна определенная эволюция. Если в ранней статье 1994 г. он приходит к выводу, что Сепфорис и Тивериада имели по 24 тыс. жителей², исходя из оценки площади руин Сепфориса I в. в 100 га и Тивериады — около 80 га, и с учетом коэффициента 300 человек на 1 гектар внутри стен и 175 — за их пределами, то в монографии 2000 г. это уже 8–12 тыс. Пересмотр оценки численности населения, однако, в целом не повлиял на общий вывод о том, что города с таким населением становились потребительскими центрами, «замыкавшими» на себя экономику сельских территорий, где преимущественно теперь выращивались монокультуры для продажи и переработки в городе (найденны прессы для изготовления вина и масла, жернова, гумна, см. ниже), что позволяло инвестировать вырученные средства в строительные проекты³.

Капернаум — пример другого типа галилейского поселения, которое уже не могло быть центром, инвестирующим в строительство⁴. Численность его населения с учетом максимальной площади поселения I в. в 17 га (350x500 м) и коэффициента плотности населения (на основании сравнения типа жилых построек здесь и в таких античных городах как Остия и Помпеи) в 100 человек на 1 га, была 1700 человек⁵ (в других статьях еще меньше: 600–1500⁶ и 1000⁷). Оценка Рида не столь высокая, как у других исследователей⁸.

Сепфорис и Тивериада, согласно Риду, не могут рассматриваться как центры, враждебные по отношению к движению Иисуса или галилейской первоначальной общине, так как они не отвергаются Иисусом⁹, в отличие от Капернаума, Вифсаиды и Хоразина (Лк/Q 10. 11–14).

¹ Ibid. P. 218.

² Ibid. P. 213–214.

³ Ibid. P. 218.

⁴ Ibid. P. 212.

⁵ Ibid. P. 212.

⁶ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 152.

⁷ Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus Beneath the Stones*. P. 81.

⁸ Например, Мейерс и Стрэйндж считали, что в Капернауме жило 12–15 тыс. человек (Meyers E.M., Strange J. F. *Archaeology, the Rabbis, and Early Christianity*. Nashville, 1981), а К. Ки — 25 тыс. (ср.: Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 65).

⁹ Выводы Рида важны для понимания истории распространения первохристианской проповеди самого раннего времени. Он считает, что несмотря на то, что сами Сепфорис и Тивериада в Евангелиях не упоминаются, знакомство последователей Иисуса с реалиями иродианских городов можно видеть уже в Евангелии от Луки / Q: предполагается, что они должны были идти в города (Лк/Q 11:8,11), им известны царские дворцы (Q 7:25); торговые лавки (Q/Лк 7. 32; 11. 43), городские площади (Лк/Q 10:10, 13:26, 14:21), суды и тюрьмы (Лк/Q 12. 57–59), городские ворота (Лк/Q 13. 24), пиры (Лк/Q 14.16–24), лавкименял (Лк/Q 19. 23) (Reed J. L. *The Social Map of Q // Conflict and Invention: Literary, Rhetorical and Social Studies on the Sayings Gospel Q* / Ed. J. Kloppenborg. Philadelphia, 1995. P. 17–23). При этом ничего не сообщается о знакомстве с «языческими» реалиями греко-римских полисов (Reed J. L. *Population*

Использование метафор с городской образностью предполагает наличие контактов между городами и деревнями, поэтому контекст служения Иисуса — не только деревенский, ограниченный окрестностями Назарета или Капернаума, Рид вполне допускает и то, что Сам Иисус мог посещать Сепфорис и Тивериаду¹.

Такая же картина «еврейской Галилеи» получает обоснование в монографии 2002 г. Марка Ченси², который на основании комплексного анализа письменных и археологических (введенных в научный оборот на начало 2000-х гг.) источников предложил обзор «всего того, что известно о галилеянах I в.». Его образ Галилеи I в. во многом отличался от того, который восстанавливали исследователи предыдущих поколений, видевших эту область уже в I в. в значительной степени эллинизированной. Этот вывод с учетом результатов раскопок, согласно Ченси, не выдерживает критики.

(1) Завоевания Галилеи от ассирийского до селевкидского не имели своим следствием заселение этой области иноземцами. В эллинистическое время после длительного запустения с VII в. до Р.Х. регион начинает заселяться, по мнению Ченси, прежде всего финикийцами, и в меньшей степени итуреями и евреями. Ситуация резко изменилась при хасмонеях, когда многие язычники покинули эту землю, и на их место пришло много новых переселенцев с юга. Ченси в итоге принимает вывод М. Авиама: галилеяне I в. преимущественно были потомками этих хасмонейских колонистов.

(2) Против выводов о мультикультурной Галилее I в. с большими языческими диаспорами в городах (Оверман, Стрэйндж), согласно Ченси, свидетельствует тот факт, что языческая эпиграфика встречается только в пограничных областях Галилеи; очень редки статуэтки, а статуи встречаются уже только в слоях позднее I в. (например в Кедеше). Находки в Сепфорисе, которые интерпретировались как признаки влияния римской языческой культуры в большинстве своем относятся уже ко времени со II в. по Р.Х. (со времени размещения в Галилее римского *Legio VI Ferrata* в 120 г. в Кфар-Отнай³), в то время как еврейский материал

Numbers, Urbanization, and Exonomics... P. 219), что в целом соответствует тому, что известно об иродианских городах Галилеи.

¹ Reed J. L. Population Numbers, Urbanization, and Exonomics... P. 219; idem. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 99.

² Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee; idem. Greco-Roman Culture and the Galilee of Jesus. Cambridge, 2005; idem. The Epigraphic Habit of Hellenistic and Roman Galilee // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hrsg. J. Zangenberg. Tübingen, 2007. P. 83–98; idem. Archaeology, Ethnicity, and First-Century C.E. Galilee: The Limits of Evidence // A Wandering Galilean. Leiden, 2009. P. 205–218; idem. Disputed issues in the study of cities, villages, and the economy in Jesus' Galilee // The World of Jesus and the Early Church: Identity and Interpretation in Early Communities of Faith / Ed. C. A. Evans. Salt Lake City, 2011. P. 53–67; idem. The Ethnicities of Galileans // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis, 2014. Vol. 1. P. 112–127.

³ Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 58–60.

во множестве имеется уже в слое раннего римского периода. В слоях I в. нет остатков латинских надписей и следов почитания римских богов. Очень немногие римские архитектурные формы, найдены Сепфорисе и Тивериаде в слоях, датируемых довоенным временем. Но и после 120 г. они отличаются по архитектуре и эпиграфическому материалу от соседних греко-римских городов (Кесарии Приморской, Панады, Скифополя). В целом можно говорить о прослеживающейся культурной границе между «еврейской Галилеей» и окрестными землями языческих городов, хотя в этой ситуации не были исключены и культурные контакты в пограничных областях, например в регионе озера.

Признаки радикальной эллинизации очевидны уже позднее, во II и последующих веках, так как с этого времени здесь уже постоянно расположены римские войска и, не в последнюю очередь, новая волна еврейских беженцев после антиримских восстаний, которые принесли с собой иерусалимский вариант эллинистической культуры.

(3) О каком-то распространении греческого языка в Галилее I в., по Ченси, практически ничто не говорит. Корпус надписей этого времени здесь очень мал. Кроме надписей на монетах есть еще несколько надписей недалеко от Назарета, предостерегающих грабителей гробниц, и на рыночных гириках из Тивериады. Надписи на монетах отражают в целом стремление политической элиты использовать изображения на монетах для пропаганды своих идей и ничего не сообщают о разговорном языке простого населения. Знание греческого возможно для пограничных областей, а также для торговцев, путешествовавших в прибрежные города. В эпиграфике нет никаких следов, позволяющих допустить хоть какое-то знакомство населения с греческой философией типа кинизма.

(4) Межрегиональная сеть дорог действительно затрагивала Галилею, но, по мнению Ченси, нет достаточного археологического обоснования вывода о регулярности таких сообщений и о том, что Галилея была транзитным регионом, вовлеченным в международную торговлю. Найденные монеты могут указывать только на локальную торговлю. Основные торговые пути проходили восточнее Галилеи.

(5) Причины распространения в христианской литературе выражения «Галилея языческая», понимаемого многими как указание на этническое разнообразие ее населения Ченси объясняет широким признанием авторитета текста евангелиста Матфея (Мф 4. 15–16), процитировавшего Ис 8. 23, чтобы показать, что Иисус, придя в Капернаум, исполнил древнее пророчество. Евангелист не стремится сказать своим читателям что-либо о Галилее своего времени, эта фраза отражает веру в исполнение пророчества и начало миссии к язычникам. Во

внебиблейских источниках «Галилея» упоминается редко¹. В еврейских документах периода Второго храма сочетание «Галилея языческая» также редко. У Иосифа Флавия, несмотря на частое употребление термина «Галилея» (161 раз), нет ни одного случая употребления фразы «Галилея языческая». Это справедливо и для христианских псевдоэпиграфов².

В общем все свидетельства, письменные и археологические, поддерживают изображение евангелистами Иисуса как проповедующего преимущественно среди евреев.

Предметом исследования в ряде работ датского исследователя Мортена Хёринга Йенсена является вопрос о социально-экономическом и внутривластном положении Галилеи при Ироде Антипе³. Исходя из того предварительного заключения, что источники по истории Антипы слишком немногочисленны и тенденциозны и не позволяют получить целостный образ этого правителя, Йенсен ставит основной акцент не на историческом анализе отдельных событий правления тетрарха, но на описании внешних его параметров, социально-экономической перспективы на основании именно материальных остатков этого времени.

Анализ археологических данных на основании опубликованного на начало 2000-х гг. материалов позволяет ему сделать 4 основные заключения.

(1) Данные раскопок заставляют ученых проводить определенную границу в истории урбанизации Галилеи. Это дифференцирование между ранним материалом I в. и более поздними находками в городском контексте позволяют сделать самые общие выводы о степени урбанизации и ее влиянии на окрестные области. Общий вывод для иродианских городов Галилеи таков: по состоянию публикаций результатов раскопок о размере городов в I в. можно судить лишь предварительно; и Сепфорис, и Тивериада представляются очень небольшими городами с населением 6–12 тыс. человек; несмотря на некоторое время развития в

¹ Впервые, возможно, в списке Тутмоса III (XV в. до Р.Х.) (Simons J. J. *Handbook for the Study of Egyptian Topographical Lists Relating to Western Asia*. Leiden, 1937. List 1, № 80). Наиболее раннее использование в греческой и латинской литературе — в папирусах Зенона (около 259 г. до Р.Х.) (Tcherikover V. A., Fuks A., eds. *Corpus Papyrorum Judaicarum*. 3 vols. Jerusalem; Cambridge, 1957. Vol. 1. P. 124, № 2e). Немногие другие встречаются в географических источниках (Alexander Polyhistor. *Fragmenta*, 18, 24 // Müller C. *Fragmenta historicorum Graecorum*, 5 vols. Paris, 1853–1870. Vol. 3. P. 226, 229; Pliny. *Nat. Hist.* V 70. 2; и др.).

² Denis A.-M., ed. *Concordance Grecque des Pseud'épigraphes d'Ancien Testament*. Louvain-la-Neuve, 1987; idem. *Concordance Latine des Pseudépigraphes d'Ancien Testament*. Brepols-Turnhout, 1993.

³ Jensen H. M. *Herod Antipas in Galilee...*; idem. *Josephus and Antipas: A Case Study of Josephus' Narratives on Herod Antipas // Making History: Josephus and Historical Method / Hrsg. Z. Rodgers*. Leiden; Boston, 2007. P. 289–312; idem. *Message and Minting: The Coins of Herod Antipas in their Second Temple Context as a Source for Understanding the Religio-Political and Socio-Economic Dynamics of Early First Century Galilee // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hrsg. J. Zangenberg e. al. Tübingen, 2007. P. 277–313*; idem. *Herodes Antipas in Galiläa: Freund oder Feind des historischen Jesus? // Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008. S. 39–73*; idem. *Climate, Droughts, Wars, and Famines in Galilee as a Background for Understanding the Historical Jesus // JBL. 2012. Vol. 131/2. P. 307–324*; idem. *Rural Galilee and Rapid Changes: An Investigation of the Socio-Economic Dynamics and Developments in Roman Galilee // Biblica. 2012. Vol. 93/1. P. 43–67*; idem. *Purity and Politics in Herod Antipas's Galilee: The Case for Religious Motivation // JSHJ. 2013. Vol. 11/1. P. 3–34*.

хасмонеийский период в Сепфорисе, основные импульсы для дальнейшего развития эти города получили уже в послевоенное время, точнее даже в начале II в. в период правления императора Адриана¹. Эта же хронологическая особенность развития Галилеи находит отражение и в циркуляции монет — археологи отмечают большие изменения здесь до и уже после времени Антипы (со ссылкой на работу Д. Сиона).

(2) Оценить влияние программы урбанизации при Антипе на окрестные области позволяют археологические данные из 3 поселений Нижней Галилеи — Йодфата, Хирбет-Каны и Капернаума, и еще из Гамлы на Голанах. В целом Йенсен не видит оснований для вывода сторонников гипотезы социального конфликта в Галилее периода правления Антипы по причине, как считалось, значительного увеличения налогового бремени на крестьян. Наоборот, судя по опубликованным на момент написания Йенсеном своей работы материалам, нельзя говорить о каких-то признаках экономического упадка в этих поселениях в I в., очевидны следы их расширения и развития местной торговли. Археология, таким образом, скорее подтверждает позицию сторонников «гипотезы социальной гармонии» — политика Антипы была полезна для его подданных, открывая новые возможности для торговли и поддерживая местную экономику. Малые и большие поселения Галилеи развивались и росли до начала 1-го антиримского восстания 66–70/74 гг. Археологически никакого упадка галилейских деревень и городов не прослеживается². (См. ниже). О стабильности и благополучии региона косвенно может свидетельствовать и отсутствие укреплений (аргумент, использованный уже ранее).

(3) Вывод о скромных размерах иродианских городов Галилеи, но уже в трансрегиональной перспективе, позволяют сделать данные исследования городов Десятиградия: Гиппоса, Гадары и Скифополя, а также построенной Иродом Великий Кесарии Приморской. Хотя эти города, так же как Сепфорис с Тивериадой, достигают расцвета в более позднее римское время, в I в. по Р.Х. они уже были известны своими греко-римскими храмами, театрами и амфитеатрами и другими типично римскими постройками. В сравнении с ними Тивериада и Сепфорис не обладали какими-либо типично «римскими» градостроительными характеристиками. А в сравнении с Кесарией Приморской и Скифополем они были еще и очень небольшими городами³.

(4) Исследования циркуляции монет (со ссылкой на работу Д. Сиона, 2004) показывают, что Галилея в начале столетия была обеспечена монетами значительно меньше, чем в дальнейшем. Лишь в поздние годы своего правления Антипа начал чеканить монеты и только в

¹Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee... P. 135–161.

²Ibid. P. 162–178.

³Ibid. P. 179–184.

небольшом количестве. Иконография изображений на монетах, имевшая пропагандистскую функцию, показывает, что даже в трудной политической ситуации конкуренции за власть с Агриппой I Антипа чтит иудейские традиции запрета изображений живых существ¹.

Все это позволяет Йенсену заключить, что Галилея времени Антипы была в политическом, экономическом и социальном отношении стабильной, а сам Антипа был, хотя и не выдающимся, но адекватным правителем. Социально-экономические последствия его правления для региона не были такими заметными, как считают многие специалисты, а образ конфликта города и деревни, широко принятый новозаветниками, не подтверждается данными источников и археологии. Из того, что известно, таким образом, о галилейском контексте движения Иисуса, нет никаких оснований и рассматривать его как направленное на преодоление последствий правления Антипы².

2. 4. Заключение ко 2-й главе

Вопрос о возможном влиянии особенностей галилейского менталитета на провозвестие Христа становится одним из центральных в дискуссиях 2-й половине XIX в. В дальнейшем, несколько упрощая ситуацию, как при создании любых схем, в истории этой дискуссии в западной науке можно выделить несколько периодов. Романтическое направление с его очевидным интересом к галилейскому ландшафту (Эрнст Ренан, Георг Смит и др.) сосуществует с первым (либеральным) поиском исторического Иисуса, при котором галилейский контекст уже не воспринимается как важный. В 10-40-е гг. XX в. проблема (прежде всего в немецкой исторической и библейской науке) получает два основных варианта решения: в работах представителей «школы истории религий» (Вальтер Бауэр) и «германо-христианства», господствующего при нацистском режиме в Германии (Георг Бертрам, Вальтер Грундман) Галилея раннеримского времени рассматривалась как полуязыческая земля со смешанным населением (именно здесь очевидно стремление объяснить некоторые темы проповеди Иисуса особенностями галилейского контекста); альтернативная позиция была

¹ Ibid. P. 187–120.

² Jensen H. M. Herodes Antipas in Galiläa. S. 73.

представлена в статьях немецкого библеиста Альбрехта Альта, который пришел к выводу, что галилеяне этого времени были потомками древних израильтян, сохранившими древние религиозные традиции и верность иерусалимскому культу. Помимо этих противоположных точек зрения в вопросе о галилейском контексте, широкое признание получает позиция Р. Бульмана, исключавшего саму постановку этого вопроса и считавшего реконструкцию исторического Иисуса невозможной (по причине качества исторических источников) и ненужной для христианского богословия). Вопрос о галилейском социальном и религиозном контексте во «втором поиске исторического Иисуса» также не включался в ряд основных и, в общем, преобладал тезис об эллинистической Галилее (Гюнтер Борнхам, Мартин Дибелиус)¹. В качестве рубежа, завершающего этот этап дискуссий, в историографии в след за многими исследователями можно принять 70-80-е гг. XX в., когда возникает «третий поиск исторического Иисуса» с его особым акцентом на связи ряда тем проповеди Иисуса Христа с иудейскими религиозными традициями периода Второго храма. Поэтому и интересующий нас вопрос о роли археологии в реконструкции этого контекста у многих авторов выдвигается уже на передний план. Одновременно получает развитие социологический подход к изучению евангельских повествований; наконец, в эти годы получает становление современная археология Галилеи.

Дискуссии археологов и теологов-новозаветников в эти годы велись в основном вокруг следующих двух вопросов.

1. Предпринятая в 90-е гг. в рамках дискуссий о происхождении и этно-религиозной идентичности галилеян I в. попытка Р. Хорсли актуализировать гипотезу А. Альта, согласно которой галилеяне I в. были потомками северных израильтян, а проповедь Иисуса во многом — стремлением актуализировать ценности древней северной традиции завета Бога с Моисеем в ситуации культурных изменений, ставящих их под угрозу. Его гипотеза встретила критику со стороны археологов. Аргументы, приведенные М. Авиамом, Дж. Ридом и др., исключали какую-либо возможность прямой культурной преемственности между жителями Северного Израильского царства и населением Галилеи I в. Однако вопрос, могут ли археологические данные что-то сообщить об особенностях иудаизма Галилеи I в. или сила этого аргумента здесь ограничена (фактически речь идет о решении вопроса о смысле выражения «быть евреем» в Галилее I в., при том, что вера и практика даже жителей Иерусалима и самой Иудеи, как в случае большинства городских поселений и связанных с ними регионов с еврейской

¹ Об отношении различных «поисков» и изучении Галилеи — Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 4–22.

идентичностью, заметно различались¹). Существенным элементом современных дискуссий об этно-религиозной идентичности галилеян I в. остается вопрос о культурном влиянии на эту территорию греко-римских городов.

2. Современная дискуссия по вопросу о социально-экономической ситуации в Галилее времени Иисуса определена противостоянием 2 основных позиций: сторонников гипотезы социального конфликта и сторонников гипотезы социально-экономической стабильности. Из представленного историографического обзора видно, что заметную роль в определении позиции исследователей играет роль той или иной из социологических моделей античного общества, разработанных в исторической науке и принятых в новозаветных исследованиях для интерпретации свидетельств письменных и материальных источников, и вместе с этим определенность выводов исследования (о конфликте или стабильности) этим выбором. Среди исследователей, использующих такие модели, есть как сторонники гипотезы конфликта, так и сторонники гипотезы социальной стабильности.

С учетом сказанного, а также выводов 1-й главы о невозможности однозначного заключения о ситуации в Галилее только на основании свидетельств письменных источников сказанное еще раз ставит вопрос о роли и авторитете археологических данных в дискуссии по указанным темам контекста проповеди Иисуса. В 3-й главе мы ставим две задачи: (1) проанализировать археологические данные за и против гипотезы Альта-Хорсли о происхождении галилеян I в. от древнего населения Израильского царства. (2) Дать оценку социальной ситуации в Галилее I в. при допущении вторичной роли социологических моделей (или полного отказа от них). В обоих случаях учитываются данные, полученные уже после выхода основополагающих для современных дискуссий монографий рубежа веков.

¹Levine L. I. Jerusalem: Portrait of the City in the Second Temple Period (538 B.C.E.–70 C.E.). Philadelphia, 2002.

3. АРХЕОЛОГИЯ ГАЛИЛЕИ И СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОПОВЕДИ ИИСУСА

3. 1. Проблема галилейского иудаизма и этно-религиозной идентичности галилеян раннеримского времени в свете археологии¹

Начнем с констатации результатов раскопок, о которых мы уже говорили в другом месте². Как отмечалось, публикации материалов галилейских раскопок на 2012–2013 гг. позволяют сделать некоторые выводы о культурной ситуации в Галилее греко-римского времени, и, особенно, важного для нашего вопроса периода правления Ирода Антипы. Дискуссия в основном ведется вокруг тех же вопросов, которые обсуждались еще на «доархеологическом» этапе исследований галилейского контекста. При этом находки последнего времени позволили выделить в этой проблематике ряд новых дискуссионных точек. (1) В целом подтверждаются выводы Ц. Гала о запустении Галилеи после ассирийского нашествия и вплоть до персидского периода, а также (2) выводы об изменении этно-культурной ситуации в позднеэллинистическое и хасмонейское время. Введенные в научный оборот результаты голанских раскопок позволяют (3) по-новому оценить так называемую итурейскую гипотезу происхождения галилеян I в.; (4) благодаря последним раскопкам более ясные контуры в общем получила и картина присутствия иудеев в Галилее до прихода хасмонеев³.

Вместе с тем археологические исследования привели к постановке новых вопросов, не обсуждавшихся на прежнем этапе дискуссии: (а) (природа) маркеров идентичности иудейского населения и жителей урбанизированных территорий, (б) масштаб эллинистического влияния на повседневную жизнь галилеян хасмонейской и раннеримской эпохи, и связанный с этим (в) вопрос о существовании (галилейского варианта) императорского культа и о его влиянии на городскую архитектуру Галилеи. (г) Археологический материал на самых разных типах галилейских поселений проливает свет и на некоторые особенности галилейской религиозности и позволяет говорить о варианте хасмонейского эллинизированного иудаизма, допускающего принятие эллинистических представлений о красоте и роскошной жизни.

¹ В основу данного раздела положен текст статьи: Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность галилеян раннеримского периода в свете археологии: состояние вопроса на начало XXI в. // Христианское чтение. СПб., 2014. № 6. С. 21–79.

² Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 32–33.

³ Там же. С. 68–71.

3. 1. 1. Свидетельства о времени ассирийского господства

Ранее мы уже резюмировали, что «благодаря археологическим разведкам и стратиграфическим раскопкам, проведенным в Галилее в 70-90-гг. XX в., в научный оборот был введен большой массив материала, что позволило реконструировать самую общую картину этнической истории населения этой области, начиная с ассирийского завоевания Израильского царства в 733–732 гг. до Р.Х.»¹

Некоторый свет на ситуацию в Галилее непосредственно после ассирийского завоевания проливают исследования, проведенные израильским археологом Цви Галом (70–80-е гг. XX в.). Уже анализ керамики, собранной на поверхности в ходе разведок, показал, что 4 ее типа, характерные для доассирийского времени, с конца VIII в. до Р.Х. отсутствуют на 83 исследованных местах Нижней Галилеи. Результаты этих разведок в общем подтвердились стратиграфическими раскопками в Верхней и Нижней Галилее: на исследованных объектах есть непрерывные слои обживания с XII до VIII вв. до Р.Х. и далее начиная с V в. до Р.Х., но нет слоев VII–VI вв.² Это позволяет сделать вывод о полном разорении региона и его последующем запустении в результате событий 733–732 гг. до Р.Х.³

Судя по всему, находит подтверждение и молчание ассирийских источников о переселении в Галилею жителей из других провинций империи: в Нижней Галилее, в отличие от Самарии и прибрежного региона (населенных в VII–VI вв.), нет ассирийской керамики этого времени или ее местных имитаций, что, в случае заселения территории ассирийцами, можно было бы ожидать. Это позволяет специалистам сделать заключение о том, что коренное население оставило Галилею, и нового заселения завоевателями не последовало⁴.

Более поздние исследования в Верхней Галилее, судя по публикациям М. Авиама, в основном подтвердили выводы Гала, и свидетельствуют о начале ограниченного обживания этого субрегиона лишь в персидский период (VI–IV вв. до Р.Х.) и о более интенсивном — уже в

¹ Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 32.

² Слои пожара конца VIII в до Р.Х. имеются на многих поселениях в самой Галилее и вокруг нее. Большие города к югу от Галилеи—Мегиддо и Бет-Шеан—радикально уменьшаются в размерах (Mazar A. Beth-Shean // OEANE. 1997. Vol. 1. P. 308. Тель-Киннерет на северном берегу Галилейского моря на востоке Галилеи, и Хацор в долине Хула, также разрушены в конце VIII в. До Р.Х.: Fritz V. Kinneret: Ergebnisse der Ausgrabungen auf dem Teil el-'Oreme am See Gennesaret 1982-1985. Wiesbaden, 1990.S. 18).

³ Gal Z. Lower Galilee during the Iron Age. Winona Lake, 1992. P. 82.

⁴ Ibid. P. 82.

эллинистическое время¹. Исследования показали также определенные изменения в характере заселения региона в целом — радикальное уменьшение числа поселений в западной части Галилеи и некоторое их увеличение на прибрежной равнине и на восточной границе горной Галилеи (прежде мало заселенной). Это сокращение населения Галилеи и усиление финикийского присутствия на побережье специалисты также объясняют следствием ассирийского нашествия². Такая картина заселения региона сохраняется в течение всего персидского и большей части эллинистического периодов.

Данные изменения в числе поселений и их жителей могут указывать на этно-культурные изменения. Если этнический характер нового населения остается предметом дискуссий³, то о его религиозном элементе говорят уже с уверенностью — это были язычники⁴. Об этом речь пойдет несколько ниже.

3. 1. 2. Изменение этно-культурной ситуации в Галилее позднеэллинистического и хасмонейского времени

В несколько более расширенном по сравнению с публикацией 2014 г.⁵ варианте предложим здесь резюме данных раскопок о ***дахасмонейском периоде Галилеи в свете археологических исследований***⁶, можно отметить следующее. О жизни поселения эллинистического времени важную информацию дают раскопки на таких галилейских памятниках как Йодфат⁷, Эш-Шура¹, Тель-Кедеш² и Керен-Нафтали³. На всех объектах находят

¹ Aviam M. Galilee: The Hellenistic to Byzantine Periods // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 453–458.

² Для сравнения: в период ЖВ I на западных и на восточных холмах было значительное число поселений, на прибрежной равнине археологи группы Франкеля смогли найти только 2 поселения (всего 71 поселение ЖВ I). В ЖВ II происходит резкая депопуляция западных холмов, а население прибрежной равнины заметно возрастает. На восточных холмах увеличение числа поселений продолжается в персидский период: 28 из 36 (ЖВ II) (23 места специалисты относят к ЖВ вообще, без привязки к субпериоду) (Settlement Dynamics... 2001. P. 106; Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 30–39).

³ О присутствии иудеев в Галилее до хасмонейского завоевания см. ниже.

⁴ Settlement Dynamics... 2001. P. 107.

⁵ Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 33–35.

⁶ Aviam M. People, Land, Economy, and Belief in First Century Galilee and its Origins: A Comprehensive Archaeological Synthesis // The Galilean Economy in the Time of Jesus / Ed. D. Fiensy. Sheffield, 2013. P. 9–10.

⁷ В Йодфате (галилейском поселении, дающем важные сведения о жизни галилейской деревни времени Иисуса) найдены пифосы, импортные родосские амфоры (2-й половиной II в. до Р.Х.). Практически на материковой породе, вместе с этой керамикой обнаружены эллинистические светильники с эротическими изображениями.

археологические признаки смены населения на рубеже II–I вв. до Р.Х., что не обязательно должно исключать возможность присутствия в Галилее еврейской диаспоры еще до прихода хасмонеев.

Археология и вопрос о дохасмонейской иудейской диаспоре в Галилее. Посвторим уже сказанное в статье 2014 г. «Помимо известных свидетельств письменных источников, позволяющих заключить об определенном присутствии иудейского населения в Галилее в дохасмонейское время, некоторые археологические данные также могут быть интерпретированы как указание на это.»⁴

Как было сказано в 1-й главе, аргументами в пользу присутствия иудеев в Галилее до II в. до Р.Х. являются: сообщение о походе Симона Маккавея (около 164/163 г.) для спасения евреев от язычников (1 Макк 5. 14–23); поддержка местными жителями хасмонейского военачальника Ионафана (ок. 145 г.); отсылка в Галилею юного Александра Янная (приблизительно в кон. II в. до Р.Х.) для «воспитания»; сражение армии Птолемея (Латира) с евреями Шихина и Сепфориса ок. 103/2 г. до Р.Х.; проповедь здесь раввина Нитайи из Арбелы (II вв. до Р.Х.) (здесь же сообщается о том, что иудеи после плена нашли в Галилее города, о которых сообщается, что они были укрепленные еще Иисусом Навином (в том числе в Гамлу, Сепфорис, Йодфат и Гуш-Халав)).

Но, как и гипотеза Альта-Хорсли, предложение о сколько бы то ни было серьезном заселении Галилеи возвратившимися из вавилонского пленения иудеями не поддерживается археологами — против него свидетельствуют результаты исследования Йодфата и других городов, показывающие, что они возникли только в эллинистический период, а евреи

¹ Здесь раскрыта сельско-хозяйственная постройка, где обнаружен хорошо сохранившийся «грубый галилейский» пифос, многочисленные фрагменты керамики этого типа, монеты (некоторые уже хасмонейские) и наконечники стрел.

² В Тель-Кедеше раскрыт большой административный комплекс, построенный возможно в персидский период и заметно расширенный в эллинистический период. Здесь найдено более 2 тыс. булл, хозяйственные помещения, украшенные фресками, — все подчеркивает важность этого центра для всего региона (Herbert S. C., Berlin A. M. A New Administrative Center for Persian and Hellenistic Galilee: Preliminary Report of the University of Michigan/University of Minnesota excavations at Kedesh // BASOR. 2003. Vol. 329. P. 13–59). Буллы несут греческие и финикийские надписи, а также изображения божеств. Судя по всему, это был самый южный укрепленный форпост, маркировавший в Галилее область финикийского контроля и просуществовавший до хасмонейского завоевания. Найдено множество сосудов для хранения пищи (большая часть — «грубая галилейская керамика»). Комплекс был разрушен пожаром в середине II в. до Р.Х., возможно во время битвы хасмонейской и селевкидской армий на равнине Хацора.

³ Керен-Нафтали расположен в двух километрах восточнее Тель-Кедеша. Здесь найдены остатки хорошо сохранившейся крепости (Aviam M. Yodfat: A Test Case for the Development of Jewish Settlement in Galilee in the Second Temple Period: Diss. Bar-Ilan, 2005. P. 59–89), построенной во III–II вв. до Р.Х. теми же властями, которые управляли центром в Тель-Кедеше. Второй половиной II в. до Р.Х. здесь датируются постройки, говорящие о смене власти и этнических изменениях: типично иудейская миква в одной из комнат прежнего укрепления; несколько хасмонейских монет.

⁴ Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 33.

поселились здесь лишь при хасмонеях (см. ниже). Свидетельство о равнине Нитайте из Арбелы, в котором упоминаются укрепленные при Иисуса Навине города — «старая крепость Сепфориса, акра в Гисхале, старый Йодфат и Гамла»¹, может отражать не древнюю традицию, восходящую к периоду раннего Второго храма, но представление мишнаитского (римского) времени, когда в этих городах можно было видеть укрепления, построенные, как считалось, еще до вавилонского плена². То же, судя по всему, относится к Гуш-Халаву (Гисхале)³ и Сепфорису⁴.

О том, что иудеи все-таки могли селиться в языческих крепостях еще (незадолго) до распространения на них власти хасмонеев свидетельствуют некоторые данные из Гамлы⁵ и Керен-Нафтали⁶. В любом случае археология не поддерживает тезис о каком-то заметном процессе заселения Галилеи возвращающимися из плена иудеями.

¹М. Арахин. 9:6.

²Leibner U. *Settlement and History in Hellenistic, Roman, and Byzantine Galilee*. Tübingen, 2009. P. 190. По мнению Адана-Баевича, эти поселения названы укрепленными, потому что, когда после хасмонейского завоевания иудеи заселяли эту область, они нашли эти места уже укрепленными, то есть стены должны были быть построены уже в эллинистический период. Позиция М. Авиам аная: (1) стратиграфический анализ Йодфата показывает, что первое укрепление холма датируется хасмонейским временем, языческое поселение Йодфата стен не имело. (2) В Гамле не было эллинистического укрепления. Если круглая башня относится к эллинистическому времени (что можно предположить на основании ее конструкции - единственного «замкового» камня, что типично для эллинистических укреплений), это был единственный укрепленный элемент, и поэтому стены не было. Раскопки в Гуш-Халаве не дали укреплений эллинистического периода, только то, что было видимо земляной рампой, остатки укреплений Иоанна Гисхальского от I в. В Сепфорисе не было найдено следов эллинистического укрепления. Перечень городов, которые якобы были укреплены со времени Иисуса Навина, сохранил перечень хасмонейских укреплений или военных поселений, существовавших в раннеримское время (Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 11–12).

³Здесь найдены с одной стороны фрагменты галилейской посуды, с другой, хасмонейские монеты (*Settlement Dynamics*... P. 88, 110).

⁴Четкой информации о характере Сепфориса в ранний эллинистический период нет. На вершине холма, в остатках хасмонейского укрепления найдены две миквы поздне-эллинистического периода и многочисленные хасмонейские монеты, указывающие на то, что оно было использовано евреями — хасмонейской армией, согласно предположению археологов — уже в начале I в. до Р.Х. (Meyers E. M. *Sepphoris on the Eve of the Great Revolt (67–68 C.E.): Archaeology and Josephus // Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures*. Winona Lake, 1999. P. 109–122).

⁵Вопрос о времени и обстоятельствах начала иудейского заселения Гамлы остается спорным. Вывод о начале иудейского поселения в Гамле (и везде на Голанах) только после завоевания этого региона хасмонеями обычно делают на основании сообщения Иосифа Флавия о военной кампании Янны (ок. 103–83–гг. до Р.Х.), который в конце своего правления завоевал ряд мест Заиордания и Голан, а после этого «взял сильную крепость Гамлу» (Ios. Flav. *De bell.* I 4. 8 (105)). До этого Гамла была языческой крепостью (археологи датируют укрепления селевкидским временем — Syon D. *Gamla, City of Refuge // The First Jewish Revolt: Archaeology, History and Ideology / Ed. A. Berlin, J. A. Oveman*. London; New York, 2002. P. 139). Статистика найденных монет, делает, однако, возможным и другой вывод. В Гамле найдено 310 монет Иоанна Гиркана (135–104 г. до Р.Х.) и 30 монет Иуды Аристовула (104/103 г. до Р.Х.). Около 98 г. до Р.Х. эллинистические монеты почти полностью исчезают и единственными на следующие десятилетия остаются хасмонейские (Syon D. *Tyre and Gamla: A Study in the Monetary Influence of Southern Phoenicia on Galilee and the Golan in the Hellenistic and Roman Periods: Diss.* Jerusalem, 2004. P. 95, 107). На этом основании Д. Сион делает вывод, что большие этнические изменения, возникновение значительного иудейского поселения в Гамле имели место еще до кампании Янны.

⁶Aviam M. *The Hellenistic and Hasmonaean fortress and Herodian siege complex at Qeren Naftali // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods*. Rochester, 2004. P. 59–88.

Иудейское присутствие в Галилее до хасмонеев могло быть результатом сочетания ряда факторов: к уже жившим здесь иудеям присоединились обращенные из местного нееврейского населения, а также новые иммигранты из Иудеи. Но в большинстве исследованных мест маркеры культурных и, возможно, этнических изменений относятся уже к хасмонейскому времени, когда была оформлена северная граница царства и, возможно, этнические границы, о которых говорится в «барайте о границах»¹.

3.1.2.1 Дохасмонейская (языческая) Галилея и изменения в культуре, маркирующие этнические изменения

Керамика. Важную информацию об этно-культурном характере нового населения Галилеи с I в. до Р.Х. дает анализ керамики (работы Д. Адана-Баевича, М. Авиам и др.). Здесь начинает преобладать посуда 2 типов: финикийская и местная «галилейская грубая посуда» (Galilean Coarse Ware) (Рисунок 1), появившаяся в персидское время, но получившая широкое распространение именно в эллинистический период. Области распространения обоих типов посуды разделены четкой границей, хотя в некоторых местах на северо-западе они пересекаются². Степень распространения галилейской посуды, как в Верхней (например, Беэр-Шева), так и в Нижней Галилее (Йодфат, на вершине горы Ход)³, позволяет предположить и ее местное производство. Наличие финикийской посуды в западной части Галилеи должно свидетельствовать о влиянии финикийцев на этот регион.

Большое число дохасмонейских поселений Верхней Галилеи, где обнаружена грубая галилейская посуда (например, Тель-Кадеш и Мицпе-Йамим), было оставлено в период с рубежа II–I вв. до Р.Х. и до 70-го г. по Р.Х. Исчезла и сама эта посуда⁴. На данном основании исследователи (прежде других М. Авиам) делают вывод, что она производилась и использовалась языческим населением, изгнанным пришедшими в Галилею при хасмонеев евреями, а сам тип керамики — рассматривать как археологический маркер присутствия не-

¹ Т. Шевичит 4:14.

² Settlement Dynamics... 2001.

³ Ibid. P. 61–62, 107–110; ср. также Leibner U. Settlement and History. P. 327–328.

⁴ Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 7–8; idem. Distribution Maps of Archaeological Data from the Galilee: An Attempt to Establish Zones Indicative of Ethnicity and Religious Affiliation // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenber. Tübingen, 2007. P. 132; Settlement Dynamics... 2001. P. 62.

иудейского населения¹. В пользу смены населения в эту пору также говорит появление новых поселений с четко выраженным иудейским характером (например, в Керен-Нафтали, Гамле и Йодефате²).

Общие выводы Авиама подтверждаются и в исследовании Узи Лейбнера³, основанном на результатах археологических разведок и раскопок целого ряда мест в восточной Галилее (регион в 40 кв. км): (1) во многих поселениях здесь найдена керамика галилейского типа, но ее нет в Мигдале и Арбеле, галилейских городах, построенных приблизительно в конце II в. до Р. Х. и с самого начала заселенных евреями⁴; (2) ряд поселений (Эль-Айтех, Эйка, Беэр-Шева), где найдена галилейская керамика, импортная посуда «терра сигиллата» (серия А — ESA), ручки родосских сосудов, финикийские монеты, оставлены прежними жителями с приходом хасмонеев.

Храмы. Суть этих культурных изменений и идентичность жителей новых поселений, по мнению специалистов, позволяют понять результаты исследований храмов на горе Мицпе-Йамим и в галилейской Беэр-Шеве⁵ (Рисунок 2 и 3). На основании найденной votивной керамики и других приношений функционирование первого святилища датируется периодом от конца VI в. до 1-й половины IV в. до Р.Х. Но и после упадка храма в начале эллинистического времени некоторая память о священном месте остается, и единичные находки датируются также более поздним временем. Природа языческого культа в Мицпе-Йамим остается предметом споров.

Считалось, что на раннем этапе здесь почитались египетские боги, на это должны были указывать наиболее ценные приношения, такие как бронзовая ситула с изображением молящихся египетским богам (обозначены иероглифической надписью), на которую позже была нанесена финикийская надпись, делавшая ситулу приношением богине Астарте, бронзовые статуэтки быка Аписа, Осириса, тройная статуэтка Осириса, Исиды и Гора (Рисунок 4, 5, 6) из зеленого аспида, бронзовые фигурки льва и овена, сланцевая плитка из

¹ Aviam M. Distribution Maps. P. 132.

² Kamlah J. Zwei nordpalästinische 'Heiligtümer' der persischen Zeit und ihre epigraphischen Funde // ZDPV. 1999. Vol. 115. S. 163–187; Berlin A., Frankel R. The Sanctuary at Mizpe Yammin: Phoenician Cult and the Territory in the Upper Galilee during the Persian Period // BASOR. 2012. Vol. 366. P. 25–78.

³ Leibner U. Settlement and History.

⁴ Не исключается при этом помимо этнических изменений и хронологическое объяснение: к концу II в. до Р.Х. эта посуда могла выйти из употребления (Leibner U. Settlement and History. P. 328).

⁵ Berlin A., Frankel R. The Sanctuary at Mizpe Yammin.

древнего (додинастического) египетского захоронения¹. Наряду со статуэтками и египетскими предметами найдено большое количество грубой галилейской посуды².

Однако, происхождение и датировка подавляющего большинства вотивной керамики (финикийское побережье между Тиром и Акко, все время существования храма с конца VI до 1-й половины IV вв.) заставляют рассматривать вышеназванные ценности как единичный дар, а культ в Мицпе-Йамим идентифицировать с самого начала как финикийский, имевший, однако, заметные отличия по сравнению с известными по другим финикийским святилищам³.

Сам же комплекс рассматривается как финикийский форпост, маркировавший территорию, подконтрольную Тиру после реформы Дария I⁴. Последним (и наиболее важным для рассматриваемого вопроса), идентифицируемым археологами событием в истории этого святилища является его разрушение в конце II в. до Р.Х. (или позднее), что многие связывают с приходом хасмонеев⁵ (статуи языческих богов повержены, разбиты и брошены здесь же).

Подтверждения процесса этно-культурных изменений найдены и при исследовании языческого храма в Беэр-Шеве⁶, где также обнаружена галилейская керамика, поверженные и разбитые культовые объекты (три статуэтки: обломок прямоугольной статуэтки Аписа (5x3

¹ Существование египетского культа здесь предполагает Kamlah J. *Zwei nordpalästinische 'Heiligtümer' der persischen Zeit*; ср. Freyne S. *Galilee as Laboratory: Experiments for New Testament Historians and Theologians* // NTS. 2007. Vol. 53. N 2. P. 147–164.

² Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 6–7.

³ Наличие большого числа бутылей для благовоний, при том что нет бытовой керамики, и отсутствие терракотовых статуэток (во множестве найденных в других финикийских святилищах) позволяет сделать самые общие выводы о природе этого культа. Отсутствие фигурок жрецов, поклоняющихся Ваалу или Астарте, возможно говорит о том, что здесь не было такого рода культовых действий и церемоний, и поэтому данный культ не был связан с традиционными финикийскими божествами. Далее, о природе культа может свидетельствовать надпись на бронзовой ситуле (посвящение Астарте). Учитывая, что на найденной керамике для благовоний таких надписей нет, специалисты делают заключение, что здесь не было культа женской богини плодородия. Существование «неженского» культа, видимо, подтверждают найденные фибулы, которые носили финикийские мужчины. Эту особенность может объяснять стратегически важное положение храма (есть основания считать, что здесь на горе также стояла смотровая башня, возможно стоял гарнизон?). Наиболее ценные приношения (сланцевая зеленая пластина, сланцевые статуэтка, бронзовая ситула, бык Апис, фигурка Осириса) обнаруживают некоторую типологическую близость с находками, сделанными в Ашкелоне, где, как предполагают, была торговая лавка таких вотивных изделий. Финикийский офицер прежде чем отправиться на место службы, мог купить здесь эти предметы (Berlin A., Frankel R. *The Sanctuary at Mizpe Yammin*. P. 63–68). Подобные же эклектические коллекции египетских изделий персидского периода найдены на святилищах Тель-Дана и галилейской Беэр-Шевы (idem. 2012. P. 67–68). Такие лавки безусловно были в Тире и Акко. Источники, однако, не упоминают ни в одном из указанных мест почитания египетских богов (против Kamlah J. *Zwei nordpalästinische 'Heiligtümer' der persischen Zeit*. P. 187).

⁴ Его возникновение связывают с возникновением целой цепи небольших крепостей севернее Мицпе-Ямим на восточном плато Верхней Галилеи (Айелет, Керен-бет-Зимра, Кедеш и др.). В Кедеше приблизительно в 500 г. до Р.Х. построено большое административное и церемониальное здание, находки в котором указывают на связь комплекса с финикийским Тиром (Berlin A., Frankel R. *The Sanctuary at Mizpe Yammin*. P. 59–61).

⁵ Другие варианты объяснения этого разрушения: еще до завоевания Галилеи при Аристокле хасмонейские солдаты, возвращаясь после битвы с войском Деметрия у Кедеша в 144 г., могли разрушить храм; иудейские колонисты, пришедшие в Галилею в конце II – начале I вв. до Р.Х.; иудейские повстанцы при подготовке Галилеи к обороне против римлян в 60-е гг.; какой-то неидентифицируемый эпизод «культурной нетолерантности» (Berlin A., Frankel R. *The Sanctuary at Mizpe Yammin*. P. 69).

⁶ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 7.

см)¹, бронзовый женский торс (Афродиты?)² (Рисунок7), небольшой амулет «младенца Хора» (2 см)³). Разрушение обоих святилищ, наряду с оставлением поселений с галилейской керамикой, исследователи связывают с хасмонейским завоеванием, а этно-религиозную идентичность населения считают языческой.

О языческой идентичности жителей региона, помимо указанных святилищ, могут свидетельствовать также храмы эллинистического времени, расположенные на границах собственно Галилеи. На краю долины Хула, на склоне Хермона, где начинается Иордан, в Тель-Дан⁴, издревле стояло израильское святилище, которое было разрушено в VIII в. до Р.Х. В раннеэллинистическое время священный участок перестроили, сохранились остатки почти квадратного в плане сооружения из тесаного камня со ступенями, возможно алтаря или небольшого храма. В IV–III в. до Р.Х. храм вновь начинают посещать паломники, оставившие здесь много образцов вотивной керамики. Все эти керамические изделия изготовлены из местной глины, поэтому исследователи считают, что паломники приходили из окрестных селений⁵. На языческую идентичность посетителей указывают многочисленные антропо- и зооморфные керамические фигурки. Найдены монеты эллинистических царей Птолемея I, Птолемея II, Антиоха III. О природе культа в этом месте может свидетельствовать эпиграфическая находка (1977 г.) — плитка известняка (15,5x26,5 см) с посвятительной греко-арамейской надписью, палеографически датируемой кон. III–нач. II в. до Р.Х. Греческий текст повествует, что некий Зоил принес обет «богу, что среди данитов», то есть божеству настолько известному, что нет необходимости (или запрещено) указывать его имя⁶. Небольшое дополнение по-арамейски восстанавливается как близкое по значению: «Вот обет Зоила божеству Дана». Кем бы ни был этот Зоил, он знал место древнего культа и надеялся, что это

¹ Идентифицирована по переднему копыту быка. На базе 3 надписи на разных языках. Спереди арамейская qrb, или «жертва». Другая надпись — иероглифическая. Третья, нечитаемая, возможно результат копирования греческой надписи человеком, не знавшим языка. Изначально этот предмет, видимо имевший только иероглифическую надпись, был импортирован из Египта. Две другие надписи добавлены уже в Беэр-Шеве. Датировка, судя по греческим буквам, эллинистическая. Арамейская надпись говорит, что статуэтка была храмовым приношением.

² Также датируется эллинистическим временем, стилистически статуя не подходит для персидского времени. Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 7.

³ Статуэтка могла носиться как подвеска. Почти идентична с фигуркой Хора, найденной в Гамле, где нет персидской керамики. То есть также относится к эллинистическому времени. Фигурки указывают на наличие священного места в укрепленной эллинистической крепости.

⁴ Berlin A. M. *Identity Politics in Early Roman Galilee // The Jewish Revolt against Rome: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. M. Popović. Leiden, 2011. P. 69–106; Biran A. *Biblical Dan*. Jerusalem, 1994.

⁵ Berlin A. M. *Identity Politics in Early Roman Galilee*. P. 74.

⁶ Беляев Л. А. Дан, Тель // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 13. С. 723.

божество примет его обеты, сама же посвятельная надпись, типичная для греческих храмов, — свидетельство взаимопроникновения местной и эллинской культур¹.

Всего в 6,4 км от святилища в Тель-Дане, на склоне Хермона, над одним из источников Иордана, расположено другое известное языческое священное место — святилище Пана в Панеаде. Культ Пана был здесь учрежден, видимо в середине III в. до Р.Х. при Птолемах. Как и в Тель-Дане тип посуды (III–начало I вв. до Р.Х.) в здесь идентичен с тем, который встречается в окрестных поселениях, так что, судя по всему, паломники приходили из окрестностей².

Итак, в начале I в. до Р.Х. в Галилее присутствует ряд культовых практик: несмотря на то, что в упадок уже пришел культ в Мицпе-Ямим, паломники продолжают посещать храмы в Панеаде и Тель-Дане, оставляют здесь votivные предметы, посуду и светильники. В это время также был построен еще один языческий храм — «раннее святилище» в Хорбат-Омрите, недалеко от Панеады и Дана, в прямой видимости из поселения в Тель-Анафа. Спорным остается вопрос о том, кто построил это святилище, хотя выделяют некоторую близость с набатейской архитектурой.

Изменение в «характере совершения трапезы». О появлении новых поселенцев в конце II в. до Р.Х. свидетельствуют построенные преимущественно на холмах небольшие дома из грубо обработанного камня³. Израильский исследователь Андреа Берлин отметила, что помимо вышеуказанного изменения в типе керамики в начале I в. до Р.Х., здесь происходит изменение в «характере рынка» посуды. Если в долине Хула как прежде (в III–середине II вв. до Р.Х.) покупается финикийская импортная посуда (найдена на раскопках в Тель-Анафа), родосские амфоры, красно- и чернофигурные блюда⁴, то в поселениях вокруг Галилейского озера эта керамика исчезает, и преимущественно используется более грубая посуда, изготовленная из местной глины. По форме новые сосуды подобны тем, которые изготавливались в Иудее. Берлин объясняет это тем, что вместе с новыми поселенцами из Иудеи пришли и новые гончары⁵.

¹ Berlin A. M. Identity Politics in Early Roman Galilee. P. 74. В римский период языческое святилище в Дане было одним из наиболее почитаемых; вокруг священного участка вели активное строительство. У восточного подножия холма найдена статуя Афродиты (66 см). На западном склоне у источника возникло подобие нимфея или дома с фонтаном. По керамике и монетам постройки датируются ранним римским периодом (ок. I в. по Р. Х.), но строительство продолжалось и позже, когда возвели новые каменные стены и мощные платформы, оформили маленький атриум.

² Ibid. P. 71.

³ Ibid. P. 85.

⁴ Ibid. P. 77–85.

⁵ Ibid. P. 85–86.

В I в. до Р.Х. эти поселенцы еще покупали некоторые товары у финикийских поставщиков (о чем свидетельствует ассамбляж керамики из Гамлы — несколько импортных блюд и светильников, но в основном местная посуда¹). Результаты исследования керамики Гамлы и Тель-Анафа дают специалистам основание для вывода о постепенном изменении «характера трапезы» во всем регионе. Если в эллинистической вилле в Тель-Анафа (долина Хула) имел место «характера трапезы», характерный для эллинистического Восточного Средиземноморья (в доме имеется большая комната для пиров, по количеству фрагментов керамики делают вывод, что участники трапезы пользовались индивидуальной посудой, сама посуда импортная²), то иной «характер трапезы» видят в Гамле: в доме раскрыта небольшая комната для ограниченного числа участников трапезы, найдены фрагменты всего нескольких больших блюд, и большая часть кухонной посуды — местная.

Увеличение числа новых поселений после завоевания. Согласно исследованиям Лейбнера, важным свидетельством об этнических изменениях и идентичности населения Галилеи является документированное археологами увеличение числа новых поселений в Восточной Галилее и в Нижних Голанах после хасмонейского завоевания. До конца эллинистического периода общее население региона оставалось относительно малочисленным (число жителей и заселенная площадь в Галилее были приблизительно в 2 раза меньше, чем стало в раннеримский период), сконцентрированным в основном в крепостях по окраинам равнин³. Населили эти места, скорее всего, иммигранты, возможно пришедшие сюда во время хасмонейской колонизации⁴. Такое увеличение числа новых поселений, повлиявшее на иудаизацию региона, возможно стало причиной включения Галилеи в иудейскую территорию после завоевания римлянами (при реформе Габиния).

Данные нумизматики и эпиграфики. Вывод об этнических изменениях на рубеже II и I вв. до Р.Х., который во многих случаях делается на основании фиксируемых изменений в керамике, в других местах, где не было смены типа посуды, может быть обоснован нумизматическими данными. Например, жители Йодфата в конце эллинистического — начале римского времени продолжали пользоваться прежним типом керамики (финикийскими по происхождению масляными светильниками, украшенными купидонами, импортной посудой и

¹ Ibid. P. 90.

² Ibid.

³ Исследование Лейбнера подтверждает выводы других ученых: заметные остатки эллинистического материала найдены только на 5 местах в Нижней Галилее, в то время как в начале раннеримского периода их уже 33. Значительно более поселений возникает уже в раннеримское время. Это объясняется заселением на ранней фазе раннеримского периода, приблизительно в середине I в. до Р.Х. или даже немного ранее, в хасмонейский период (Leibner U. Settlement and History. P. 355–361).

⁴ Ibid. P. 336.

амфорами), но происходит резкое изменение в типе имевших здесь хождение монет: на смену селевкидским и финикийским (выпущенным в период 222–110/109 г.)¹ в I до Р.Х. приходят хасмонейские². Доминирование хасмонейских монет и резкое снижение числа бронзовых финикийских в восточной Галилее, на Голанских высотах и, в меньшей степени, в долине Бейт-Шеан исследователи объясняют как включением этих территорий в хасмонейское государство, так и простым предпочтением этих монет еврейскими жителями Галилеи³.

Далее, об этнических изменениях свидетельствует то, что со времени прихода хасмонеев практически исчезает языческая эпиграфика, лишь немногие ее образцы найдены на территориях, относящихся к окружающим языческим городам — Тиру, Сидону, Панаде и Скифополю⁴.

Как было уже сказано, указанные признаки этнических изменений исключают из списка возможных предложенные ранее гипотезы происхождения галилеян I в. (непрерывность проживания евреев в Галилее после ассирийского нашествия (гипотеза Альта-Хорсли); возвращение в Галилею из вавилонского плена). Это, судя по всему, относится и к предложенной еще в начале XX в. так называемой итурейской гипотезе (см. в 1-й главе). Рассмотрим этот вопрос в свете археологических данных

3.1.2.2 Итурейская гипотеза

Гипотеза, согласно которой галилеяне раннеримского времени были потомками насильственно обращенных в иудаизм при Иуде Аристокле итуреев⁵ (104–103 гг. до Р.Х.), о чем

¹ Adan-Bayewits D., Aviam M. Iotapata, Josephus and the Siege of 67: Preliminary Report on the 1992–1994 Seasons // JRA. 1997. Vol. 10. P. 155–161.

² Leibner U. Settlement and History. P. 323. Лейбнер полемизирует с Сионом, который допускает, что Йодфат был заселен иудеями еще до хасмонейского завоевания (предположение основано на находке 2 иерусалимских монет Антиоха VII (138–129 гг. доР.Х.), что должно говорить о «предпочтении» монет Тира перед монетами Акко, а также известными аргументами о присутствии евреев на западе Галилеи и в дохасмонейский период — Syon D. Tyre and Gamla. P. 219–222). Лейбнер возражает: число найденных монет, положенное в основу аргументации, слишком мало, они могли оказаться в Йодфате уже после установления хасмонейской власти, вскоре после их выпуска. Кроме того, напряженными у хасмонейского государства были не только отношения с Птолемаидой, но и с Тиром, и причин для отказа от одних монет в пользу других не было (о конфликте с Тиром см. 1 Макк 5. 14–23; 11. 63–74).

³ Syon D. Tyre and Gamla. P. 230.

⁴ Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 120–168.

⁵ Ios. Flav. Antiq. XIII 11. 3 (319).

сообщает Иосиф Флавий, до сих пор имеет некоторое число сторонников. Итуреи рассматривались как арабское (?) племя, пришедшее в район Хермона и северных Голан из южного Ливана после коллапса селевкидской власти в Палестине.

Впервые гипотезу сформулировал Э. Шюрер¹. Другие ученые (Кашер, Раппопорт) принимают сообщение Иосифа лишь частично и уточняют, что иудеизация итуреев (как и других семитов) в Верхней Галилее могла быть только добровольной². В любом случае, сторонники гипотезы не допускают какого-то длительного еврейского обживания Галилеи до ее инкорпорации в хасмонейское государство при Аристокле³.

Судя по публикациям, в настоящее время археологи не подтверждают и эту гипотезу. (1) Если ранее несколько поселений на хребте Хермон в Северной Галилее и на Голанах идентифицировались как «итурейские»⁴ на основании характерного, как считалось, типа поселения (отсутствие укреплений, особая «голанская» посуда, вертикально поставленными камнями, возможно, культовыми), то теперь от такого отождествления отказались⁵. (2) Не обнаружено археологических следов и обращения итуреев в иудаизм, а их территория — северные Голаны, нагорье Хермон, по которым проходила граница хасмонейского государства, была населена язычниками⁶. (3) Кроме того, обнаружены свидетельства, указывающие на то, что уже до завоевания Аристокла власть хасмонеев могла распространяться на область к востоку от Галилейского озера⁷.

¹ Schürer E. *The History of the Jewish People*. P.216–218.

² Kasher A. *Jews, Idumaeans, and Ancient Arabs: Relations of the Jews in Eretz-Israel with the Nations of the Frontier and the Desert during the Hellenistic and Roman Era (332 BCE-70CE)*. Tübingen. P. 79–85.

³ Bar-Kochva B. *Manpower, Economics, and Internal Strife in the Hasmonaean State // Armeesetfiscalité dans le monde antique: Actes de colloque national, Paris 14-16 Octobre 1976: Colloques nationaux du Centre National de la Recherche Scientifique 936*. Paris, 1977. P.167–196.

⁴ Как «итурейские» в ходе раскопок на горе Хермон были идентифицированы несколько поселений (Хирбет-Земель, Тель-Дан, Тель-Анафа, Хар-Сенаим), даже был выделен особый, «итурейский», тип керамики (*Dar Sh. Settlements and Cult Sites on Mount Hermon, Israel: Ituraean Culture in the Hellenistic and Roman Periods*. Oxford, 1993).

⁵ Новые археологические находки в последнее время позволили во многих отношениях уточнить представление об итуреях. Так, автор одной из последних монографий по вопросу, Мьерс подчеркивает опасность логической ошибки, при которой с итуреями связывают выделяемый прежними исследователями особый тип керамики («голанскую посуду») (Myers E. A. *The Ituraeans and the Roman Near East: Reassessing the Sources*. Cambridge, 2010. P. 50–57), а также описываемых как «типично итурейские», «деревенские» святилища на склоне Хермона и связываемые с деревнями (Хирбет-Земель (*Ibid.* P. 57–64), Хар-Зенаим (*Ibid.* P. 64–82)) — они рассматриваются как итурейские потому, что некоторые древние авторы связывают регион, в котором находятся эти объекты, с этим народом (*Ibid.* P. 57). В случае керамики, по Мьерсу, речь идет о региональном, а не этническом феномене, и итуреи должны рассматриваться как часть «древней ближневосточной и эллинистическо-римской традиции», в которой особую роль сыграли Сирия и Финикия. «Итуреи являются отдельной частью этой традиции, по-прежнему во многом остающейся в тени» (*Ibid.* P. 101). На основании свидетельств античных авторов и современных археологических данных можно лишь предположить, что эти территории входили в сферу экономических интересов итуреев, но не были местами их расселения.

⁶ Об эпиграфических подтверждениях идентификации этих мест как языческих и итурейских см. *Dar Sh., Kokkinos N. The Greek Inscriptions from Senaim on Mount Hermon // PEQ*. 1992. Vol. 124. P. 9–25.

⁷ Bar-Kochva B. *Manpower, Economics, and Internal Strife*. P. 191; Leibner U. *Settlement and History*. P. 321.

Повторим сказанное ранее: «представление, согласно которому Галилея в хасмонейское время становится еврейской землей, получает в современной археологии все большее признание. Но здесь необходимо отметить, что типично иудейские признаки этнической идентичности населения — оссуарии, миквы, каменные сосуды — в 1-й половине I в. до Р.Х., то есть до начала раннеримского времени, массово еще не встречаются. Очень заметным остается эллинистическое культурное присутствие»¹.

3.1.2.3 Примеры влияния эллинистической культуры

Несмотря на исчезновение галилейской керамики и очевидные примеры насильственного изгнания прежнего населения (в Тель-Анафе, Тель-Кедеше, Эт-Теле), во многих галилейских местах встречаются эллинистические предметы украшений. Поэтому вполне обоснованным представляется стремление некоторых исследователей скорректировать позицию Авиама указанием на то, что изменения в типе используемой посуды нельзя объяснить только сменой населения, которая после хасмонейского завоевания не могла быть полной. Нельзя исключить, что оставшаяся часть прежнего населения региона просто сменила свои обычаи потребления и начала ориентироваться на обычаи новых поселенцев, которые в I в. до Р.Х. стали доминировать именно в культурном отношении, принеся с собой элементы иудейско-иерусалимской культуры.

Кроме того, сохранение элементов материальной культуры, типичной для дохасмонейского населения Галилеи, иногда предлагают объяснять не только сохранением некоторой части этого населения, но прежде всего желанием жителей с иудейской идентичностью сохранить эти элементы в организации собственного быта². Так, во многих возникших в начале I в. до Р.Х. поселениях (иудейских), например, в Назарете, Гамле, Табге, Капернауме и Магдале, вплоть до I в. по Р.Х. использовалась керамика с характерными финикийскими мотивами, а также типично эллинистические формы украшений. Пример поселения с заметными следами дохасмонейской материальной культуры — Тель-Анафа, где

¹ Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 45.

² Avshalom-Gorni D., Getzov N. Phoenicians and Jews: A Ceramic Case-Study // *The First Jewish Revolt: Archaeology, History and Ideology* / Eds. A. M. Berlin, J. A. Overman. London; New York, 2002. P. 74–84.

раскрыта дворцовая постройка, датируемая ок. 150 г. до Р.Х. Это поселение могло иметь функцию торгового пункта недалеко от Тира, откуда распространялась керамика и другие товары (на этом месте, оставленном приблизительно в 80 г. до Р.Х., в начале I в. по Р.Х. вновь возникло поселение — теперь деревня с характерными квадратными домами из грубо обработанных камней и иной материальной культурой). Другой пример — Керен-Нафтали¹, где и после заселения новыми жителями сохранялись связи с прибрежными регионами (найден импортная керамика, изделия из стекла и т.п.), что объясняют «волной эллинизации» новых поселенцев или тем, что именно они и принесли с юга эти традиции, распространив, таким образом, их на север².

Раскопки в Магдале, на берегу Галилейского озера, предоставили исследователям важные свидетельства того, что хасмонейская экспансия на север не несла с собой полного подавления культуры эллинизированных областей. Кроме Гиппоса/Суситы Магдала — единственный в области город, имевший как семитское (Мигдал, в Новом Завете, у раввинов), так и греческое наименование (Тарихея, у Иосифа Флавия и других античных авторов), что вполне может указывать на этнически смешанное население³. С самого начала он строился по архитектурным канонам греческого полиса: раскрыта «гипподамова сетка» улиц (подобно Сепфорису, Гиппосу, Гадаре, Птолемаиде), типичные для таких городов постройки: «дом у источника», имеющий свои типологические параллели в Сагалассе (совр. Турция) (от идентификации его как «минисинагоги» в настоящее время ученые отказываются), термы, в которых, насколько можно судить по ряду находок, имела место эллинистическая практика омовений, палестра, порт.

Наконец, влияние эллинистической культуры заметно даже в небольшой деревне, существовавшей с 100 г. до Р.Х. на Эт-Теле⁴. Интересно, что здешние рыбаки, судя по всему, имели доступ к рынкам Средиземноморья. Наряду с обычной для региона керамикой найдено большое количество импортной лощеной посуды и амфор (импорт вина?), изделий из стекла и украшения (среди прочего 2 северогалльские фибулы). Следы постройки, идентифицируемой как римский храм, по-прежнему вызывают дискуссии. (О Магдале и Эт-Теле/Вифсаиде см. также ниже).

¹ Aviam M. The Hellenistic and Hasmonaean fortress. P. 59–88.

² Zangenberg J. Jesus–Galiläa–Archäologie: Neue Forschungen zu einer Region im Wandel // Jesus und die Archäologie Galiläas / Ed. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008. S. 30.

³ Zangenberg J. Magdala am See Gennesaret Überlegungen zur sogenannten «mini-sinagoga» und einige andere Beobachtungen zum kulturellen Profil des Ortes in neutestamentlicher Zeit. Waltrop, 2001. S. 63–66.

⁴ Savage C. Supporting Evidence for a First-Century Bethsaida // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg. Tübingen, 2007. P. 193–206.

Эти особенности процесса культурных изменений в Галилее хасмонейского периода не опровергают общего вывода о наступлении нового, хасмонейского этапа в ее истории. Смена керамики, оставление и разрушение языческих поселений и храмов, изменение характера трапезы (отказ от импортной посуды и ее производство из местной глины), отсутствие языческой эпиграфики — все свидетельствует о культурных и этнических изменениях в Галилее в I в. до Р.Х. На рубеже эр и в I в., при римлянах, эти тенденции получают еще более ясное выражение.

3. 1. 3. Раннеримский (50 г. до Р.Х.–70 г. по Р.Х.) и иродианский период

3.1.3.1. Маркеры иудейской культуры

Текст данного раздела был уже опубликован нами в 2014 г.¹ Приводим его здесь практически без изменений. Как отмечалось, важным для исследуемого вопроса фактором стало интенсивное, *заселение* Галилеи в период с конца II в. до Р.Х. до 1-й пол. I в. по Р.Х., свидетельства о которой представлены в монографии У. Лейбнера (2009). Площадь заселенной области увеличилась приблизительно на 50%². Эта волна, начавшаяся после включения Галилеи в хасмонейское царство, судя по всему, достигла пика в конце I в. до Р.Х. — начале I в. по Р.Х. и была связана с правлением Ирода Антипы³. В середине I в. северная граница еврейских поселений в Галилее сдвинулась немного южнее⁴. Нееврейское, видимо, финикийское, население начало вытеснять еврейское вдоль северной границы. М. Авиам связывает это сокращение числа еврейских поселений с введением прямого римского правления в Галилее⁵. Однако то обстоятельство, что лишь несколько небольших поселений

¹ Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 35–43, 45–63.

² Число поселений повысилось с 21 в эллинистический период до 36. В дополнение к Мигдалу, Арбелу и возможно Наср-эд-Дину, которые были основаны в хасмонейское время, в раннеримское время были заселены 16 новых мест (Leibner U. Settlement and History. P. 331). Скучные эллинистические находки — в основном немногие сосуды, дают основание считать, что эти места были основаны незадолго до римского периода, то есть, в хасмонейское время.

³ Leibner U. Settlement and History. P. 362–368.

⁴ Syon D. Tyre and Gamla. P. 148–149.

⁵ Археологические свидетельства предполагают, что еврейское население оставило поселения: Х. бет-Зенета и Керен-Нафтали в середине I в. по Р.Х. Вскоре после этого Керен-Нафтали похоже был заселен язычниками.

были оставлены, не могло оказать существенного влияния на общую плотность еврейского населения Галилеи¹.

О развитии процессов этно-культурных изменений, начавшихся в хасмонеийский период свидетельствует уже массовое появление в раннеримский период предметов быта и построек, интерпретируемых как маркеры иудейской идентичности галилеян.

Отмеченное А. Берлин изменение в *керамике* в регионе озера уже в I в. до Р.Х. (уменьшение количества импортной красной лощеной посуды («терра сигиллата, серия А», ESA) в смешанных поселениях с преобладанием язычников (видимо, за счет иудейского населения)² и практически полное исчезновение этой посуды в еврейских поселениях³ имеет, по ее мнению, религиозную мотивацию. Эта тенденция («антиримская», по словам Берлин) продолжается и в раннеримское время, и понимается как реакция на агрессивную романизацию региона при Антипе. Так как этот процесс отмечается не только в Галилее, но и в сельской Иудее, а также в еврейских поселениях на Голанах, то объясняется он, согласно Берлин, тем, что галилеяне, таким образом, соблюдали галахические предписания о чистоте⁴, рассматривая импортные изделия как ритуально нечистые.

Наряду с этим галилейские евреи, видимо, перестали пользоваться еще одним распространенным типом керамики — изготовленными по шаблону *масляными светильниками* с зоо- и антропоморфными изображениями. В отличие от Иерусалима, где в начале I в. такие светильники были распространены, в Галилее, сельской Иудее и на Голанах евреи предпочитают так называемые «*иродианские светильники*»⁵ (Рисунок 8 и 9) без каких-либо языческих символов; судя по всему, форма этих светильников была создана в последнее десятилетие I в. до Р.Х. в Иерусалиме⁶. Статистика находок светильников в Йодфате и Гамле позволяет сделать интересные выводы. Выделяются их 3 типа: «дисковые» с украшениями (характерные для языческих поселений, в Йодфате всего 5 — то есть 1,7%), местные, галилейские (19,6%), и «иродианские» («скобленные ножом» (knife-pared lamps)). Последние распространены по всей территории Палестины и датируются периодом 25 г. до Р.Х. — 125 г. по Р.Х., (в Йодфате их большинство). Петрографический анализ показал, что большая часть из них (78%) изготовлены в Иерусалиме (похожая статистика и в Гамле). Это объясняют

¹ Arbel Y. The Historical Impact and Archaeological Reflections. P. 230.

² Berlin A. M. Romanization and Anti-Romanization in Pre-Revolt Galilee // eadem, J. A. Overman, eds. The First Jewish Revolt: Archaeology, History, and Ideology. London; New York, 2002. P. 57–73.

³ Settlement Dynamics... 2001. P. 63, 113.

⁴ Adan-Bayewitz D. Common Pottery in Roman Galilee. P. 237.

⁵ Syon D. Tyre and Gamla. 2004. P. 105, 115, 155.

⁶ Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt: The Archaeological Evidence // JSJ. 2005. Vol. 36. P. 434.

скрупулезным соблюдением галилеянами галахических предписаний и тем, что они могли придавать свету масляных ламп мистическое значение, связывая его со святостью Иерусалима, светом храмовой меноры. Хотя галилейские гончары вполне могли делать такие светильники и из местной глины, галилеяне предпочитали импортировать их в большом количестве из Иерусалима. Распространение сделанных в Иерусалиме иродианских светильников в Иудее, Галилее и на Голанах приблизительно в одно и то же время указывает на связь религиозных традиций этих регионов¹. Берлин считает, что наличие или отсутствие изображений на светильнике не влияли на его стоимость, поэтому отказ от изображений в пользу простого «скобления ножом» возможно был сознательным². То есть евреи сделали выбор в пользу более простых светильников именно по религиозным мотивам. Вывод о религиозных мотивах этого импорта сделали Адан-Баевич³ (по его мнению, они должны были использоваться как свет «эрев шаббат» или для пятничного вечера) и М. Авиам, подчеркивавший, что импорт почти 80% светильников можно объяснить только их использованием в религиозных обрядах повседневной жизни⁴.

Как показал химический петрографический анализ, в том числе сделанный с помощью нейронно-активационного и рентгено-флуоресцентного методов, значительная часть посуды в еврейских поселениях Галилеи и примыкающих районов⁵ была произведена *в галилейской деревне Кфар-Ханания*⁶ (на местах раскопок еврейских поселений Голан она составляет приблизительно 10-20% от всей керамики⁷). Преобладание посуды данного типа и ее местные имитации⁸ в еврейских местах Галилеи и Голан свидетельствуют о том, что ее покупали прежде всего евреи, которые начинают предпочитать изделия, изготовленные гончарами-евреями, — это гарантировало ритуальную чистоту сосудов.

Этот тип посуды покупали не только евреи, во многих языческих поселениях в окрестностях Галилеи посуда из Кфар-Ханании составляет значительную, но все же меньшую часть керамики⁹. Ее наличие здесь объясняют либо существованием иудейских общин, либо

¹ Adan-Bayewitz D., Asaro F., Wieder M., Giauque R. D. Preferential Distribution of Lamps from the Jerusalem Area in the Late Second Temple Period (Late First Century B.C.E.–70C.E.) // BASOR. 2008. Vol. 350. P. 37–85.

² Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt. P. 436.

³ Preferential Distribution of Lamps.

⁴ Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 18–19; Aviam M. People, Land, Economy. P. 33–35.

⁵ Adan-Bayewitz D. Common Pottery in Roman Galilee. P. 219.

⁶ Термин «посуда из Кфар-Ханании» обозначает именно керамику, произведенную в деревне Кфар-Ханании, а не особую группу керамических форм. Однако в Галилее кухонная посуда такой же формы как и в Кфар-Ханании, но не произведенная в этой деревне, была найдена только в одном месте — в Йодфате; Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 18.

⁷ Adan-Bayewitz D. Common Pottery in Roman Galilee. P. 165,211–213.

⁸ Ibid. P. 165–189.

⁹ Ibid. P. 220.

признанием качества гончарного производства Кфар-Ханани¹. То, что в еврейских местах ее находят гораздо больше, чем в языческих, расположенных на том же самом расстоянии от Кфар-Ханани, что и еврейские, доказывает, что главными покупателями этого товара все же были именно евреи².

Несмотря на множество типов сосудов, производимых в Кфар-Ханани в раннеримский период, здесь производилось очень мало посуды для хранения пищи. Этот тип керамики в основном изготавливался в *другом центре производства керамики — в Шихине*, что также подтверждается результатами нейронно-активационного и рентгено-флуоресцентного анализов³. Производство сосудов в Шихине началось в эллинистическое время и продолжалось в течение всего раннеримского периода⁴. Очевидное предпочтение изделиям из Шихина перед сосудами, произведенными в ближайших языческих поселениях, вероятно также было обусловлено увеличением у галилейских евреев спроса на ритуально чистую посуду.

У. Лейбнер, исследовавший регион к северо-западу от Галилейского озера, в целом подтверждает эту картину: здесь нет находок, которые могли бы указывать на присутствие в раннеримское время (в отличие от предыдущего периода) языческого населения, однако обоснование вывода только результатами анализа керамики, найденной при разведках, он считает проблематичным — распространенная в регионе местная посуда в это время вполне могла использоваться не только евреями, но и язычниками⁵.

¹ Большинство археологов предпочитают последнее объяснение, так как глина в Кфар-Ханани очень хорошего качества. Химический состав почвы здесь позволяет производить более прочную посуду, легче ее обжигать, чем на других местах (Adan-Bayewitz D., Wieder M. *Ceramics From Roman Galilee: A Comparison of Several Techniques for Fabric Characterization* // *Journal of Field Archaeology*. 1992. Vol. 19. P. 193, 198, 201).

² Показательно, что единственной соседней с Галилеей областью, куда эта посуда не экспортировалась, была Самария. Этот факт еще раз подтверждает связь между посудой из Кфар-Ханани и еврейской идентичностью. При этом необходимо учитывать, что торговые контакты Галилеи и Самарии могли либо вообще отсутствовать, либо быть незначительными (Adan-Bayewitz D. *Common Pottery in Roman Galilee*. P. 213–220).

³ Adan-Bayewitz D., Asaro F., Giaque R. D., Wieder M., Shaked I., AvshalomGorni D., Gan D. *Pottery Manufacture in Roman Galilee: Distinguishing Similar Provenance Groups Using High-Precision X-Ray Fluorescence and Instrumental Neutron Activation Analysis* // *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics: Papers Presented at the 5th European Meeting on Ancient Ceramics, Athens 1999* / Ed. V. Kilikoglou, A. Rein, Y. Maniatis. Oxford, 2002. P. 363–364.

⁴ Syon D. *Tyre and Gamla*. P. 153.

⁵ Leibner U. *Settlement and History*. P. 337. Керамика из Кфар-Ханани присутствует и на языческих местах в северных Голанах и на Тель-Анафа. Данные разведок Лейбнера в общем подтверждают картину некоторого снижения числа найденных фрагментов привозной посуды (на чем в общем основывается вывод Берлин о том, что евреи в начале I в. на севере стали отказываться от использования красной привозной посуды (Berlin. 2002; 2005)), но сам вывод об отказе от нее в раннеримское время Лейбнер считает недостаточно обоснованным, так как уже в эллинистический период ее количество очень мало. Снижение этого типа находок, по Лейбнеру, могло быть обусловлено ростом таможенных налогов на товары на границе после образования провинции Иудея (ок. 6 г.), и сельское население просто более не могло себе позволить себе купить эти товары, в то время как более богатые жители Иерусалима, с которыми Берлин сравнивает жителей Галилеи, и далее ими пользовались (ср.: Syon D. *Tyre and Gamla*. P. 155). Кроме того кухонная посуда из Кефар-Ханани раннеримского времени была найдена в некоторых языческих поселениях.

Каменные сосуды. Примерно со 2-й половины I в. до Р.Х. в Галилее, как и в Иудее (а также в еврейских поселениях Голан), появляются и получают широкое распространение каменные сосуды, изготовленные из мягкого известняка¹. После разрушения Иерусалимского храма и подавления восстания Бар-Кохбы они исчезают. (Важно отметить, что они находятся почти исключительно в еврейских поселениях² и отсутствуют в Самарии, вдоль Побережья и в восточнее Иордана.) Сам материал использовался видимо потому, что, как считалось, он не может воспринимать ритуальную нечистоту. Мишна описывает камень как материал, непроницаемый для скверны³. Известно предписание о том, что открытые глиняные сосуды становятся нечистыми, однако, это можно предотвратить, покрыв их крышками, изготовленные из камня⁴. Именно этим, например, объясняют наличие в Сепфорисе (здесь найдено более 120 фрагментов этих сосудов) множества крышек и пробок, сделанных из камня⁵.

Десятки фрагментов такой посуды найдены в Йодфате и Гамле, большая часть из них чашки и кувшины, также полусферические миски. Больших сосудов для хранения продуктов в Гамле и Йодфате нет, но они найдены в Сепфорисе и Кфар-Отнаи (Легио)⁶.

Так как эти изделия не очень пригодны для хранения жидкостей, они редко встречаются в языческих поселениях. На изготовление каменного сосуда требовалось больше времени, чем на обычную керамику аналогичной формы, но, видимо, опасность оказаться ритуально нечистым считалась бóльшим злом, чем стоимость⁷. После разрушения храма иудеи перестали пользоваться каменными сосудами, их производство, однако, возобновилось во время восстания Бар Кохбы.

Некоторые сосуды, найденные в Галилее, вероятно, были импортированы из Иерусалима, но изготавливались они и в самой Галилее. Такая мастерская I в. найдена в Рейне (близ Назарета)⁸. Обнаружены также следы их изготовления в I в. в Капернауме, Сепфорисе, Набратене и Вифлееме⁹, в Гамле и Йодефате. Северо-восточнее Назарета найдена пещера, в которой были сотни заготовок для каменных сосудов¹⁰.

¹ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 44.

² Cahill J. *Chalk Vessel Assemblages of the Persian/Hellenistic and Early Roman Periods // Excavations at the City of David 1978–1985 / Ed. Y. Shiloh. Jerusalem, 1992. Vol. 3 / Ed. A. de Groot/ D. T. Ariel. 1992. P. 234.*

³ М. Келим 10:1; Пара 5:5.

⁴ Келим 2:5

⁵ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 128.

⁶ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 32.

⁷ Arbel Y. *The Historical Impact and Archaeological Reflections*. P. 431.

⁸ Edwards D. R. *Walking the Roman Landscape in Lower Galilee: Sepphoris, Jotapata and Khirbet Qana // A Wandering Galilean: Essays in Honour of S. Freyne. Leiden; Boston, 2009. P. 229.*

⁹ Magen Y. *Jerusalem Center*. P. 255.

¹⁰ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 32.

М. Авиам считает, что кружки использовались для омовения рук перед трапезой. Поскольку у таких кружек были узкие сливы, так что жидкость из них должна была выливаться медленно, они могли использоваться для наполнения светильников маслом, а каменные миски — для питья на религиозных трапезах (например, в Йодфате число глиняных и каменных мисок приблизительно одинаково)¹.

Адан-Баевич и др. предполагают, что частые находки иродианских светильников и каменных сосудов, сделанных в Иерусалиме, свидетельствуют не только о тесных торговых связях между Иудеей Галилеей в I в., но и о том, что преобладание этих изделий было обусловлено религиозными чувствами жителей этих областей (их общей религиозной идентичностью), предпочитавших товары из еврейской религиозной столицы². Вместе с тем это не исключало для жителей еврейских и смешанных поселений возможности пользоваться некоторыми импортными товарами, предметами роскоши (см. выше).

Миквы. Еще одна особенность материальной культуры Галилеи раннеримского времени, также отражающая отношение галилеян к ритуальной чистоте, — заключается в том, что в поселениях, удаленных от Галилейского моря, начинают сооружать миквы³. Появляются они после присоединения Галилеи к хасмонейскому государству — в Керен-Нафтали, Гамле и Сепфорисе. Миквы, датируемые I в., найдены в Сепфорисе, Гамле, Йодфате, (Хирбет-)Кана, Иблине, Назарете, Иафии, на склонах г. Арбела и даже в небольших деревнях и усадьбах, например, Бет-Зарзир, Суайед-Хумейра или усадьба на горе Камон⁴. Миквы также были обнаружены в Бейт-Йинам, Бет-Шеарим, Хоразине, Хирбет-Шема и Сусе⁵.

Хотя идентификация бассейнов в Сепфорисе как микв (всего на западном холме более 20 бассейнов, наибольшая концентрация в доме раннеримской эпохи (4)⁶) некоторыми исследователями оспаривается⁷, их сходство с миквами, найденными в Иудее, отсутствие такого сходства у бассейнов из нееврейских соседних поселений и тот факт, что эти бассейны

¹ Ibid. P. 33.

² Ср.: Адан-Баевич с соавторами утверждают, что ни соблюдения качества, ни административные барьеры не могут объяснить преобладание в Галилее сделанных в Иерусалиме (скобленных) светильников. Они считают, что наиболее вероятное объяснение то, что сделанный в Иерусалиме светильник мог иметь особое религиозное значение для галилейских евреев (Preferential Distribution of Lamps. P.72–77).

³ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 45–46. Хотя некоторые ученые понимают распространение микв как свидетельство того, что евреи Иудеи I в. в общем приняли предписания о ритуальной чистоте, известные из более поздних текстов раввинов, Андреа Берлин подчеркивает некоторое разнообразие в использовании микв в разных местах (что доказывают результаты раскопок), и, следовательно, разницу в локальных практиках соблюдения чистоты. См.: Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt. P. 451–453.

⁴ Aviam M. People, Land, Economy. P. 32.

⁵ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P.47–51.

⁶ Ibid. P. 127.

⁷ Eshel H. A Note on «Miqaot» At Sepphoris // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / Ed. D.R. Edwards, C. T. McCollough. Atlanta, 1997. P. 131–133.

слишком малы для использования в каких-то других целях, делает их идентификацию как микв убедительной.

Эти бассейны обычно связывают с производством продуктов питания, прежде всего жидких, масла или вина (часто находят рядом с соответствующими прессами). В ритуальные бассейны погружались перед началом работы, чтобы обеспечить чистоту производимых изделий. Такие вино и масло продавались группам, строго соблюдающим законы о чистоте или прямо в Иерусалимский храм. Широкое распространение микв свидетельствует о том, что в Галилее практика культовых омовений была не менее распространенной чем в Иудее. Их наличие также указывает на экономическое благополучие жителей, так как их постройка требовала значительных расходов¹.

Начало производства масла совпадает с началом волны иммиграции из Иудеи на север, так что иногда делают вывод об экспорте в Галилею навыков промышленного производства оливкового масла именно в это время. Тем не менее, наличие в Галилее прессов, не связанных с миквами, может предполагать существование различий в стандартах ритуальной чистоты от общины к общине в I в.² Часто миквы также сооружались рядом с гончарными мастерскими.

Кости животных. Еще одна особенность материальной культуры Галилеи I в., отражающая религиозные представления ее жителей, — заключается в том, что на исследованных местах практически отсутствуют свиные кости. Несмотря на то, что их находят на большинстве раскопанных языческих поселений на средиземноморском побережье, в Галилее и Десятиградии, они очень редки в тех галилейских поселениях, которые Иосиф считает еврейскими³ (см. ниже).

Синагоги. Вопрос о существовании в Галилее I в. синагог — одного из важнейших материальных маркеров иудаизма — до недавнего времени оставался предметом дискуссий археологов и историков. Синагоги упоминаются в Евангелиях и у Иосифа Флавия, но (до недавнего времени) остатков I в., которые с уверенностью можно было бы идентифицировать как синагоги, найдено не было. Вероятные причины этого — трудности идентификации остатков ранних синагог и недостаточный масштаб раскопок. Однозначно как синагога идентифицируется здание I в. в центральных Голанах, в Гамле.

¹ Aviam M. People, Land, Economy. P. 32.

² Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt. P. 451–453.

³ Например, более 450 фрагментов костей животных были найдены в одной только кухне раннего римского дома на акрополе в Сепфорисе, из которых только 4 возможно свиные (Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. С. 127). Материал этого типа очень мало опубликован. Но и то, что уже издано по раннеримской Галилее достаточно, чтобы сделать самые общие выводы об обычаях трапезы в регионе.

Наличие этой синагоги I в. делает вполне правдоподобным тезис о том, что синагоги могли быть в I в. и в Галилее¹, учитывая ее тесные связи с центральными Голанами. Предположительно фундаменты синагоги I в. были найдены в Капернауме под остатками синагоги византийского времени. Хотя большинство исследователей датирует строительство этой синагоги I в., эта датировка и идентификация здания остается дискуссионной².

Важное открытие сделано в 2009 г. при раскопках в Магдале — была найдена первая синагога Галилеи, датируемая до 70 г.³ Это прямоугольное здание со скамьями вдоль стен, сохранилась часть пола, покрытого мозаикой, и стен с фресками. Пол в центре основного помещения был из гальки, вероятно его покрывали ковриками. С запада располагалась еще одна комната со скамейками, которая могла использоваться как комната для обучения (бет мидраш), как и в синагоге Гамлы. В центре здания, на полу стоял прямоугольный камень (по углам у него были высечены 4 небольшие ножки), украшенный рельефными изображениями сверху и со всех 4-х сторон. Камень не имеет параллелей в археологии иудаизма. По мнению Авиама, он служил базой, на которую ставили стол для чтения Торы. Предполагается, что каменная база символизирует стол для хлебов предложения в храме и сам храм. На фасаде камня изображена 8-лучевая менора, стоящая на платформе, что также может свидетельствовать, что камень представлял храм с менорой. В любом случае, судя по расположению, камень играл важную роль в богослужении этой синагоги. Это несомненно отражает прочную духовную связь между галилейскими евреями и Иерусалимским храмом⁴.

Есть предположение о еще одной возможной синагоге I в. в Хирбет-Кана. Подробнее о синагогах в этих местах см. ниже.

Монеты. Важную информацию в вопросе об идентичности галилеян раннеримского времени дает нумизматический материал. Вывод Ричарда Хэнсона об экономическом доминировании Тира в Верхней Галилее в греко-римское время, сделанный на основании находок тирских монет в Хирбет-Шема, Мейрон и Гуш-Халав⁵ (места, исследованные в рамках проекта «Мейрон» в 1970-е гг.), позднее был скорректирован исследователями с учетом современных археологических данных⁶. Денни Сион (2004) показал, что в Галилее преобладали только серебряные тирские монеты, и это объясняется их ценностью использованием в 1-й

¹ Syon D. Tyre and Gamla. P. 21.

² Binder D. D. Into the Temple Courts: The Place of the Synagogues in the Second Temple Period. Atlanta. 1999. P. 161–162, 186–193.

³ Синагоге Магдалы см.: Zangenberg J. Archaeological News from the Galilee: Tiberias, Magdala and Rural Galilee // Early Christianity. 2010. Vol. 1. N 3. P. 471–484.

⁴ Aviam M. People, Land, Economy. P. 37–41.

⁵ Hanson R. S. Tyrian influence in the Upper Galilee. Cambridge (Mass.), 1980.

⁶ Syon D. Tyre and Gamla. P. 126.

половине I в. по Р.Х. в качестве платы в Иерусалимском храме¹. Важным обстоятельством для рассматриваемого вопроса является то, что большая часть серебряных монет раннеримского времени в Галилее обнаружена в кладах, а на такой статистике нельзя делать заключений о закономерностях их циркуляции². Свои выводы Сион обосновывает, прежде всего, результатами стратиграфических раскопок³: несмотря на то, что тирские монеты доминируют в Галилее в птолемеевский (300–200 гг. до Р.Х.) и селевкидский (200–125 гг. до Р.Х.) периоды, а затем — уже в среднеримское время (70–256 гг.), в хасмонейский (125–63 гг. до Р.Х.) и раннеримский (63 г. до Р.Х. – 70 г. по Р.Х.) периоды⁴ финикийские монеты используются значительно реже. Реже всего они встречаются в слоях раннеримского времени. Отмечается также, отсутствие какого-то заметного влияния в еврейских поселениях римской имперской монеты⁵ и монет из Декаполиса, что, возможно, объясняется тем, что галилеяне в это время использовали главным образом еврейские монеты местной чеканки (хасмонейские, иродианские)⁶. То, что хасмонейские монеты во множестве были найдены в жилых кварталах Йодфата и Гамлы, датируемых I в.⁷ (то есть эти старые монеты были в ходу и во время 1-го антиримского восстания), Сион объяснял тем, что они и воспринимались именно как иудейские монеты. Евреи таким образом не только сохраняли память о временах своей славы, но использовали монеты, которые ассоциировались у них со святостью Иерусалима, места, где они отчеканены. В легенде одной из монет, найденных в Гамле, ясно выражены религиозные мотивы. На одной ее стороне имелась надпись палеоеврейским письмом «для искупления» (*lg'lt*), на другой — *yršlm hq...* («св[ятой] Иерусалим»)⁸.

Использование еврейских монет в Галилее, на Голанах и Южной Сирии в хасмонейский и раннеримский периоды, объясняется, согласно Сиону, этнической идентичностью жителей этих регионов, которые в локальной галилейской торговле продолжали использовать свои монеты. Язычники, судя по всему, наоборот, их избегали, поэтому область распространения

¹ Ibid. 164.

² Ibid. 158, 159.

³ Ibid. 167.

⁴ Ibid. 18, 125, 237, 251.

⁵ Ibid. 18, 237, 250–251.

⁶ Хасмонейские монеты составляют почти 60 % из найденных как в Гамле, так и в Йодфате. Они обнаружены на уровне пола, в слоях разрушения зданий; находки сделаны не только на территориях, на которые хасмонейская власть распространилась уже ранее, но и на заселенных и развивающихся поселениях именно I в. (Aviam M. *First Century Jewish Galilee*. P. 21).

⁷ Syon D. *Tyre and Gamla*. P. 116–122.

⁸ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 35.

хасмонейских и иродианских монет имеет четкие (этнические) границы, в общем, соответствующие описанию Иосифа Флавия¹.

В серии монет, выпущенных при Антипе, отражено почтительное отношение к иудейской религиозной традиции. Они не имеют оскорбительных для евреев изображений, противоречивших иудейскому закону (в отличие от монет др. правителей иродианской династии Агриппы и Филиппа; в Гамле находят больше монет Ирода Антипы, чем монет Ирода Филиппа, что показывает самую тесную связь города с еврейской Галилеей, а не с языческой территорией тетрархии Филиппа). Так, отчеканенные в честь постройки Тивериады монеты на аверсе имели изображение тростника, что могло символизировать идею воды, плодородия и способности к восстановлению (гибкости). На других типах монет вместо тростника изображена пальмовая ветвь (символ, распространенный уже на хасмонейских и иродианских монетах)².

Эпиграфика. Надписи и другие эпиграфические материалы I в. из Галилеи по сравнению с остальным Средиземноморьем крайне редки (в основном на монетах). Марк Ченси объясняет эту редкость тем, что галилеяне отвергали греко-римский обычай делать надписи с целью демонстрации высокого статуса³. Наличие нескольких греческих надписей⁴ иногда интерпретировали как указание на то, что греческий был здесь разговорным языком, но ограниченное количество материала не позволяет сделать на этот счет каких-либо определенных выводов⁵.

Погребения. Одним из маркеров еврейской идентичности в раннеримский период считается наличие вторичных захоронений в оссуариях⁶. В Галилее до настоящего момента, судя по публикациям, не найдено захоронений с оссуариями, которые можно было бы надежно датировать I в. по Р.Х.⁷, поэтому считают, что данная практика здесь в I в. еще не была принята⁸. Джонатан Рид, ссылаясь на находку нескольких фрагментов оссуариев и керамики I

¹ Syon D. Tyre and Gamla. P. 244–251.

² На монетах последней серии 39 г. (возможно, выпущены в момент борьбы за власть с Агриппой с целью обрести благосклонность императора) имя Ирод на аверсе написано в именительном, а не в родительном падеже, на реверсе впервые появляется имя императора в дательном падеже: «Ирод тетрарх Гаю Цезарю Германику». То, что соблюдение запрета на изображения при чеканке монет было проявлением не личного благочестия, а заботы о подданных показывает тот факт, что в сфере частной жизни Антипа вполне мог нарушать запрет, напр., когда украсил свой дворец в Тивериаде статуями (Ios. Flav. Vita. 65).

³ Chancey M. A. The Epigraphic Habit of Hellenistic and Roman Galilee // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hrsg. J. Zangenber. Tübingen, 2007. P. 94.

⁴ Ibid. P.87.

⁵ Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 78.

⁶ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 47–49.

⁷ Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 21.

⁸ Ibid. По данным исследования Авиама, в скальных захоронениях в Галилее на традиционно еврейских территориях найдены некоторые артефакты I в., но большинство большая часть относится ко II–V вв. Для ответа на вопрос о захоронениях I в. материала недостаточно. Около 50 (на момент публикации 2004 г.) оссуариев обнаружено в рамках научных раскопок, они сильно отличаются от найденных в Иерусалиме, поэтому датируются

в., утверждает, что такая практика все-таки была¹. Но, судя по всему, этот аргумент не принят большинством специалистов. Большой некрополь раннеримского времени найден в Хирбет-Кана (см. ниже), однако в нем нет оссуариев.

Важный вывод о погребальных обычаях в Галилее археологи все же делают: до 1-го антиримского восстания в регионе не было «демонстрационных могил», известных в Иудее в течение всего раннеримского времени². Андреа Берлин видит в этом свидетельство того, что «еврейская аристократия Галилеи не разделяла со своими коллегами из Иерусалима убеждение, что похороны были подходящим случаем для демонстрации авторитета семьи...»³.

Интересную информацию об практике погребения в Галилее дают раскопки Йодфата. Здесь найдены 2 цистерны с многочисленными костными останками людей, мужчин, женщин и детей. Одна из цистерн завалена руинами не позднее I в. по Р.Х. Все свидетельствует в пользу того, что это останки жителей Йодфата или беженцев из ближайших поселений, убитых во время осады Йодфата в 67 г. и похороненных позже в цистерне. Кости находили также в жилых домах, например в «доме с фресками» (см. ниже). Так как ни в цистернах, ни в разрушенных домах нет целых скелетов, но собраны кости разных людей, судя по оставшимся следам, погибших насильственной смертью, то делается вывод, что римляне после взятия города и устроенной ими резни, не позволили оставшимся похоронить павших. Это было сделано с целью посеять ужас среди галилеян еще не взятых крепостей, так как римляне, судя по всему, знали о важности обряда погребения в представлениях иудеев (М. Авиам). О том, что обряд действительно считался важным, свидетельствует и сам факт вторичного погребения костей (одна из цистерн окружена небольшой стенкой, указывающей на захоронение): кто-то вернулся спустя время (год-два?) и все-таки предал кости земле⁴.

II в. Вторичное захоронение в оссуариях в период Второго храма в Галилее не встречаются, обычай перенесен сюда после 1-го или 2-го антиримского восстания.

¹ Reed J. L. Galileans, «Israelite Village Communities». P. 87–108.

² Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt. P. 465–466.

³ Ibid. Так как эти гробницы строились именно с целью демонстрации, вряд ли археологи могли просто не обнаружить их.

⁴ Aviam M. People, Land, Economy. P. 36–37.

3.1.3.2. Признаки эллинизации соседних территорий. Сравнение с Галилеей (городские контексты, функции эллинистических построек)

Влияние эллинистической культуры в Галилее раннеримского времени наиболее очевидно именно в городских контекстах, хотя, как будет показано ниже, оно могло проникать и в дальние деревни. Однако галилейский вариант городской культуры с очевидными следами эллинизации существенным образом отличается от культуры близлежащих греко-римских городов рядом особенностей (они нашли отражение в изображениях на монетах, в эпиграфике, общественной архитектуре), обусловленных именно религиозной идентичностью большинства населения Галилеи. Так, на монетах Скифополя (город Десятиградия), несмотря на то, что здесь была заметная иудейская община, сразу после завоевания Иудеи Помпеем в 63 г. до Р.Х. начали изображать римского проконсула Габиния, который провел известную административную реформу¹. Сам город, согласно легенде на монетах, получил название «Габиния-Ниса» в честь проконсула и нимфы, спутницы Диониса, гробница которой, согласно мифу, была недалеко от Скифополя. Изображение Нисы присутствует на монетах Скифополя и более позднего чекана. При выпуске первых монет в типично греческой Кесарии Приморской в правление Ирода Великого учитывали то, что Ирод был «царем иудеев» — на них не было изображений живых существ, основные символы, представленные на легендах, — это галеры и якоря. Но уже при Агриппе I на монетах появилось изображение богини Тюхе, державшей корабельный руль. В правление императора Нерона, во время иудейской войны, Кесария выпускала монеты с изображением полководца Веспасиана, а после войны, когда статус города был поднят до статуса колонии, на них появилась надпись: «Colonia Prima Flavia Augusta Caesarea». На многих монетах Кесарии были изображены языческие божества: Тюхе, Серапис, Минерва, Дионис, Посейдон и Ника.

О языческом характере большинства жителей этих городов свидетельствует и местная эпиграфика. Уже само число надписей говорит о высоком уровне грамотности и широком участии жителей в строительстве и реконструкции городов. В Скифополе надписи датируются раннеримским временем, на них часто прославляется покровитель какого-либо строительства. Надписи из Кесарии свидетельствуют о том, что греческий был языком общения, но иногда здесь пользовались и латынью. Многие из них эвергетические, примером такой является

¹ Ios. Flav. Antiq. XIV 5. 4 (91); idem. De bell. I 8. 5 (170).

«надпись Пилата», найденная на обломке плиты на территории театра Кесарии. В целом эпиграфика демонстрирует высокую роль правящей элиты в общественной жизни горожан и очевидную конкуренцию между ее представителями за знаки почета.

Богатство городских элит в окрестных по отношению к Галилее областях нашло отражение в архитектуре общественных зданий. При раскопках обнаружены многочисленные мраморные колонны, строительные элементы из импортных материалов: из малоазиатского и греческого белого мрамора и из цветного гранита, добытого в Египте. Эти постройки превосходили здания Сепфориса и Тивериады размерами и качеством кладки. Найдено много языческих объектов: храмы, статуи, декоративные предметы. Кесария явно строилась как римский город, с огромным храмом императору в самом ее центре (Augusteum). Храм, украшенный статуями Августа и богини Румы, занимал площадь 23x7 м., здесь помимо многочисленных фрагментов статуй и саркофагов, украшенных изображениями на мифологические сюжеты, была обнаружена мраморная ступня длиной 1 м. Театр Кесарии, вмещавший более 5 тыс. зрителей, был облицован цветным мрамором. Здесь во время раскопок найдены тысячи фрагментов колонн из розового гранита, добытого в Асуане. Амфитеатр Кесарии по размерам был больше римского Колизея. В городе были также большие общественные термы для богатых граждан.

Скифополь также значительно превосходит галилейские города размерами общественной архитектуры, и отличается своим явным языческим характером. Здесь был построен один из самых больших в Палестине театров. Наличие в городе храма Диониса свидетельствует о принятии жителями Скифополя греческого пантеона. В ходе раскопок были найдены свидетельства того, что местное семитское божество в культе Скифополя могло принимать имя и форму греческого бога (так, Баалшамем стал Зевсом Акреем). Никаких следов языческих культов, известных по раскопкам Кесарии и Скифополя, в галилейских городах не обнаружено.

Об архитектуре и размерах Сепфориса в I в. речь пойдет ниже. Пока следует отметить, что по сравнению со Скифополем и Кесарией архитектура общественных зданий Сепфориса была на более низком уровне. Здесь не было колонн из импортного мрамора, строители были очень осторожны в выборе элементов греко-римской архитектуры. Хотя Антипа начал строить в Галилее в греко-римском стиле, Сепфорис очевидно сохранил свой еврейский характер, при Антипе, судя по всему, не было статуй и языческих храмов. Местные элиты отказались принять чужую веру и были полны решимости сохранить свои религиозные убеждения, хотя и пытались получить социально-экономические выгоды от римской урбанизации.

Вопросы о функции эллинистических построек в городах Антипы и об императорском культе в Галилее. Существенный элемент романизации, затрагивающий религиозные аспекты местной культуры, выражен в эллинистических постройках Сепфориса и Тивериады, которые иногда связывают с развитием культа императора.

Хотя ни стадион, ни ипподром Тивериады не названы Иосифом среди построек Антипы¹, строительство стадиона в Тивериаде обычно не связывают с каким-либо другим представителем иродианской династии².

Немецкий историк М. Бернет, исследовавшая вопрос о существовании культа императора в иродианских Иудее и Галилее, относит к Антипе строительство не только тивериадского стадиона, но и упомянутого Иосифом (в связи с более поздними событиями иудейской войны) ипподрома в Тарихее (6 км севернее)³; как стадион, так и ипподром иногда использовались для общественных собраний⁴. Оба типа построек в греко-римских представлениях об играх (агонистике) неразрывно связаны. Должна быть понятна (так Лэммер и Бернет) и цель постройки стадиона Антипой — во избежание введения культа во всей «языческой» форме надо было учредить в Тивериаде, как и в других местах римского мира, периодические соревнования в честь императора⁵ (или в честь Ливии, если вспомнить, что ранее в честь матери императора был построен город Ливиада/Юлиада (Бетарамфа)⁶), состоящие из эстетических и атлетических соревнований, а также скачек⁷, но при этом удалить из них все религиозные элементы, связанные с культом императора⁸, в том числе римскую государственную символику. Никаких свидетельств о гладиаторских боях в Галилее I в. нет⁹,

¹ Иосиф упоминает здания как места собраний только в связи с событиями 67 г., но не в истории о основании Тивериады (ср.: Ios. Flav. De bell. II 9. 1 (168); idem. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38)).

² Можно было бы предположить Агриппу I, к территории которого Тивериада отошла между 40 и 44 гг., или Агриппу II, которому город принадлежал ок. 55 г. Оба правителя действовали в основном в других местах (Агриппа I прежде всего в Бейруте, затем в Иерусалиме, Агриппа II также в Бейруте и на строительстве его столицы Кесарии Филипповой).

³ О стадионе в Тивериаде см. особенно Ios. Flav. De bell. II 21.6 (618–619)). Об ипподроме Тарихеи см. Ios. Flav. De bell. II 21.3 (599).

⁴ Ios. Flav. De bell. II 21.3 (599).

⁵ Lämmer M. Griechische Wettkämpfe in Galiläa unter der Herrschaft des Herodes Antipas // Kölner Beiträge zur Sportwissenschaft. 1976. Bd. 5. S. 51–53.

⁶ Bernett M. Der Kaiserkult in Judäa unter den Herodiern und Römern: Untersuch. zur politischen und religiösen Geschichte Judäas von 30 v. bis 66 n. Chr. Tübingen, 2007. S. 227–228, 235.

⁷ Вайсс приводит свидетельства о различных атлетических событиях (гонки, метания диска или копья) в Ашкелоне, Скифополе, Герасе и Кесарии Филипповой, но ничего не упоминает в Галилее (Weiss Z. Adopting a Novelty: The Jews and the Roman Games in Palestine // The Roman and Byzantine Near East, / Ed. J. H. Humphrey.; Portsmouth, 1999. Vol. 2. P. 38).

⁸ Lämmer M. Griechische Wettkämpfe in Galiläa. S. 53; с этим согласна и М. Бернетт

⁹ Города Галилеи не упоминаются в тех немногих надписях, в которых перечисляются города Палестины, где такие зрелища имели место. Соревнования засвидетельствованы во II–III вв. в Ашкелоне, Дамаске, Кесарии Приморской, Неаполе, Скифополе, Кесарии Филипповой и др. местах (Weiss Z. Adopting a Novelty. P. 38).

как нет и остатков амфитеатра — типа здания, где обычно устраивались такие кровавые зрелища¹.

Театр в Сепфорисе, как и другие постройки времени Антипы, возможно свидетельствует о целой строительной программе тетрарха, подобно той, которая проводилась Иродом Великим². Строительство двух театров (в Сепфорисе и в Тивериаде) вполне укладывается в рамки большой региональной тенденции³. В конце I—начале II вв. театры римского стиля были построены в Герасе, Босре и Пелле. В сравнении с другими театрами региона, театры Сепфориса и Тивериады были среднего размера (ок. 4,5 тыс. зрителей) — больше театра в Хаттат-Гадере (вместимость 1,5–2 тыс. чел.), но значительно меньше театров в Кесарии Палестинской и в Скифополе (оба по 6–8 тыс. зрителей).

В основном в палестинских, как и в других театрах этого времени ставились пантомимы, выступали музыканты, поэты, жонглеры, хотя трагедии и комедии классического периода также иногда могли ставиться⁴.

3. 1. 4. Выводы к разделу 3.1

Из всего сказанного в разделе о проблеме происхождения и этно-религиозной идентичности галилеян I в. вырисовывается следующая картина состояния современного этапа дискуссий.

¹ Chancey M. A. *Greco-Roman Culture and the Galilee of Jesus*. P. 115. Ченси отмечает также характерное отсутствие в Галилее определенных форм греко-римской городской архитектуры, таких как: (1) храмы, обычные для городов империи; (2) нимфеумы, хотя они найдены в соседних городах — Скифополе, Гадаре (ср. нимфеумы в Герасе, Босре, Филадельфии, и Петре; они изображены на монетах Птолемаиды и Пеллы; ранняя интерпретация монументального здания в Гиппосе-Сусите как нимфеум; (3) тетрапилоны на перекрестках галилейских городских улиц, если большой квадратный столб в Тивериаде не был частью этой структуры (Ср. тетрапилоны в Филипполе, Босре, Герасе, Антипадриде).

² Великолепие новой столицы Галилеи можно себе представить (если согласиться с ранними датировками этих построек): перистильная базилика с остатками иродианского пола — дворец Антипы (расположенный приблизительно в 200 м северо-восточнее театра), монументальные южные ворота. Реализация этой «строительной программы» (включая и то, что он построил в Сепфорисе) должна была оказать заметное влияние на жизнь региона вокруг Галилейского озера.

³ Segal A. *Theatres in Roman Palestine and Provincia Arabia*. Leiden, 1995.

⁴ Вайс приводит ссылки на письменные и эпиграфические источники, где сообщается о мимах в Тире, Бейруте, Кесарии Приморской, Босре и Газе и о пантомимах в Кесарии и Хаммат-Гадере (Weiss Z. *Adopting a Novelty*. P. 31–33).

(1) На дискуссию об этно-культурной принадлежности населения Галилеи раннеримского времени напрямую повлияли результаты исследования памятников ЖВ I и ЖВ II, показавшие резкую депопуляцию Галилеи в ЖВ II (В общепринятой терминологии ЖВ I в Палестине это ок. 1200-1000 гг., а ЖВ II — 1000-600) и этнические изменения (другой образец поселения, указывающий на постепенную смену культуры в ЖВ II)). Основной тезис гипотезы Альта-Хорсли¹, согласно которой израильтяне, не депортированные ассирийцами, остались в Галилее и сохранили свои уникальные североизраильские традиции вплоть до раннеримского времени, не получил археологического подтверждения. Кроме этого, не поддерживается и итурейская гипотеза происхождения галилеян I в. (Э. Шюрер). Длительный процесс образования смешанного иудео-языческого населения Галилеи (В. Бауэр, В. Грундман и др.) также исключается. Итогом ассирийского разгрома было полное запустение региона, а не начало процесса смешения прежнего и новоприбывшего населения².

(2) На смену прежним пришла 3-я гипотеза, принятая большинством специалистов: данные о Галилее железного века, полученные экспедициями Цви Гала, и о дальнейшей истории ее заселения в позднеэллинистический и раннеримский период (раскопки Мардехая Авиам³, Узи Лейбнера⁴) позволили сделать вывод, что в основном они были потомками переселенцев из Иудеи, переместившихся сюда незадолго до хасмонейского завоевания, уже при хасмонеях или в более позднее время, при римлянах⁵.

Еще раз приведем их аргументы:

А) К началу I в. до Р.Х. относятся археологически зафиксированные следы разрушений и изменения в образе жизни населения Галилеи и на Голанах (некоторые небольшие поселения, где ранее присутствовала «галилейская грубая посуда», оставлены прежними жителями⁶, возникают новые поселения со своей структурой (характерные иудейские дома) и посудой южного типа из местной глины); разрушены и оставлены финикийский административный центр в Кедеше и храм в Мицпе-Яммим, некоторые его священные предметы десакрализованы, та же участь постигла храм в Беэр-Шеве, открыт слой разрушения в Йодфате, над ним возведена хасмонейская стена. Отмечаются изменения в «характере трапез» (отказ от определенного типа импортной посуды, означающий, что эллинистических традиций

¹ Alt A. Galiläische Probleme. P. 363–435.

² Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 34–36.

³ Aviam M. Galilee. 1993.

⁴ Leibner U. Settlement and History.

⁵ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 6; Leibner U. Settlement and History. P. 336.

⁶ Приблизительно в конце II – начале I вв. до Р.Х., были заселены самые большие крепости региона — Мигдал и Арбел. К этому времени относится начало новой волны заселения, сильно изменившее регион в I в. до Р.Х.

на трапезах более не придерживались), по всей территории Галилеи появляются хасмонейские монеты¹. Все это интерпретируется как указания на иудейскую этническую идентичность новых жителей², появление которых связывается с хасмонейским завоеванием³. Галилеяне раннеримского времени считаются, таким образом, потомками этих иудейских переселенцев⁴.

Б) Выделено несколько археологических маркеров еврейской идентичности населения Галилеи I в., указывающих на его отношение к храму и Иерусалиму. Это: (а) ступенчатые бассейны для ритуальных омовений (миквы), появившиеся непосредственно после хасмонейского завоевания; (б) широкое использование каменных сосудов, которые начали производиться в Галилее, вскоре после того, как их стали делать в Иерусалиме; (в) отсутствие свиных костей. Найдено много предметов и следов обрядов с очевидной религиозной функцией, например: (г) совочки для ладана; (д) следы обряда погребений с использованием типично иудейских локулов (кохим). Именно религиозной мотивацией может быть объяснено (е) широкое распространение хасмонейских и иродианских монет из Иерусалима, без изображения живых существ⁵, и масляных «иродианских» светильников, а также предпочтение в некоторых местах местной посуды перед импортной. О близости религиозных традиций Галилеи и Иерусалима свидетельствуют находки остатков синагоги и украшенного рельефом камня в Магдале⁶.

Авиам также прослеживает археологическую (возможно не всегда четкую) границу между территорией, населенной преимущественно евреями, и языческими сильно романизованными и высоко урбанизированными областями⁷. Степень урбанизации при этом не сравнима с ближайшими к Галилее эллинистическими центрами, Кесарией Приморской и Скифополем (это же относится и к другим городам Десятиградия, см. ниже).

В) Введенные в последние годы в научный оборот многочисленные находки заставили (без фундаментальной коррекции) несколько дифференцировать образ еврейской Галилеи. При том, что, как было сказано, намечается консенсус в вопросе о еврейской идентичности галилеян, очевидна разница в мнениях по некоторым аспектам процесса эллинизации,

¹ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 42–43.

² Berlin A. M. *Identity Politics in Early Roman Galilee*. Берлин подчеркивает, что какой-то культурной сепарации новых поселенцев на начальном этапе этого процесса, видимо, не было, так как есть свидетельства о продолжении торговли, хотя менее интенсивной, с побережьем, (использовались привозные блюда, сделанные по шаблону светильники). Торговые пути по-прежнему пересекали территории расселения адептов разных культов.

³ Aviam M. *First Century Jewish Galilee*.

⁴ Лейбнер считает, что эти новые поселенцы могли быть участниками хасмонейского движения и военные поселенцы (Leibner U. *Settlement and History*. P. 336).

⁵ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 100–138.

⁶ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 45.

⁷ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 123–131.

несомненно имевшей место в Галилее. Так, А. Берлин, анализирувшая изменения в повседневной жизни галилейских иудеев этого времени, видит признаки их религиозной мотивации — сопротивление эллинизации, воспринимаемой как угроза прежним религиозным традициям. Для описания религиозного феномена раннеримского времени (отказ от предметов и обычаев, связанных с греко-римской культурой), возникшего одновременно в Галилее и в сельской Иудее, но отсутствующего в богатых кварталах Иерусалима, Берлин ввела термин «домашний иудаизм» (household judaism)¹, а сами различия между культурами иудейской элиты и сельских иудеев и галилеян, объясняются, по ее мнению, тем, что простые евреи в том, что касается ритуальной чистоты, воспринимали выработанные священниками религиозные обряды и некоторые аспекты практики в более строгих, чем рекомендовала священническая элита, формах², так как связывали Иерусалим священников с романизацией³.

В то же время находки в ряде городских и деревенских контекстов типичных построек и предметов эллинистической культуры указывают на то, что некоторые социальные группы галилеян вполне могли воспринимать эллинистические представления о роскоши, не отказываясь при этом от ценностей своих религиозных традиций (типичная для хасмонейского варианта эллинизма черта).

На этом основании также делают заключение о том, что археология играет заметную роль в преодолении прежних представлений об эллинизации как процессе, ведущем к подавлению прежней идентичности жителей Иудеи, и о хасмонейском завоевании как антиэллинистическом движении. Эллинизм и иудаизм не воспринимаются в современных дискуссиях как альтернативы, но эллинизм понимается как новая возможность для выражения собственной идентичности, хотя не всегда свободная от конфликтов. Хасмонеи импортировали в Галилею сложившийся в Иудее смешанный вариант местной иудейской и эллинистической культуры⁴, что и определило направление эллинизации Галилеи: с 100 г. до Р.Х. она более не подвержена влиянию финикийской культуры с севера и запада или греко-сирийской формы эллинизма с востока, здесь начинает доминировать (южная) иудейско-иерусалимская форма эллинизации.

С учетом новых археологических данных к описанию ситуации в Галилее вполне применимы понятия урбанизации и связи со средиземноморской культурой или с культурой все более эллинизирующегося еврейского высшего класса. Чтобы определить степень

¹ Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt. P. 420, 425, 466–468.

² Ibid. P. 466–468.

³ Berlin A. M. Romanization and Anti-Romanization.

⁴ Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie: Beobachtungen zur Bedeutung der Archäologie für die historische Jesusforschung // Münchener Theologische Zeitschrift. 2013. Bd. 64. N. 2. S. 123–156.

эллинистического влияния в Галилее более не нужно искать четких следов «языческой» идентичности, стремиться проводить границу между эллинизированной и еврейской частями населения. Выраженное в характерных постройках языческое присутствие в Галилее I в. до Р.Х. и I в. по Р.Х. действительно очень маргинально¹, что, однако, не означает, что галилейское общество было менее эллинизировано, чем население соседних регионов.

3. 2. Социально-экономическая ситуация в Галилее I в. в свете археологических данных

Время Иисуса в Галилее — время строительных проектов Антипы, которые имели очевидные социальные последствия для всего региона. Были ли эти последствия разрушительными или вели к улучшению благосостояния жителей? Состояние публикаций материалов раскопок позволяет оценить степень урбанизации Галилеи этого времени и ее влияния на экономику. Выводы основываются на полученных данных о размерах иродианских городов начала I в. в сравнение с ближайшими греческими городами. С учетом уже проделанной работы (М. Йенсен (2006)) и новейшие публикации материалов раскопок в Магдале, Тивериаде (область театра) и в городах Десятиградия) можно несколько уточнить более ранние выводы.

3.2.1. Урбанизация и ее социально-экономические последствия

3.2.1.1. Магдала²

¹ См. Ovadiah A.; Tumheim Y. Roman Temples, Shrines and Temples in Israel. Rom, 2011.

² Материал данного раздела в сокращенном виде опубликован в статье: Неклюдов К. В., Тарханова С. В. Магдала // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42. С. 268–271, а также послужил основой для соответствующего раздела в статье: Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность. С. 64–68.

Раскопки последнего времени и предварительные публикации их результатов позволяют утверждать, что в Галилее наряду с Сепфорисом в начале I в. был еще один большой город — Магдала/Тарихея¹. То, что этот город, единственный в области имевший наряду с Гиппосом/Суситой как семитское (Мигдал/Магдала, в Новом Завете и у раввинов), так и греческое (Тарихея, у Иосифа Флавия и других греческих и латинских авторов) наименование, вполне может указывать на этнически смешанное население². До основания Тивериады приблизительно в 20 г. по Р.Х. Магдала была единственным городским центром на западном берегу Галилейского моря и, наряду с Сепфорисом, уже со времени хасмонеев осуществляла важные для Галилеи политические, военные, экономические и социальные функции.

С момента возобновления францисканских раскопок в центре древней Магдалы, в 1971, 1973–1975 и 1977 гг., а позднее и в 2007 г. под руководством Стефано де Лука совместно с Анной Леной, после открытия в 2009 г. синагоги на северо-западном участке (Д. Авшалом-Горни, А. Наджар) и расширения раскопок в жилом районе на север экспедицией мексиканского университета Анауак-Мехико Сур (Anahuac-Mexico Sur) под рук. Марселя Сапата Меха в 2010 г. Магдала стала одним из самых интересных мест археологии Галилеи³. Стало очевидным, что город относился к той же категории населенных пунктов, что и Сепфорис (а позднее и Тивериада). Как францисканские, так и мексиканские раскопки подтверждают, что Магдала, занимавшая территорию площадью приблизительно в 9-10 га (вдоль берега озера до равнины к западу от современного шоссе № 90), была основана в период хасмонеической колонизации региона при Александре Яннае (103–76 гг.) и имела с момента возникновения «гипподамову сетку» улиц с лежащими между ними жилыми и хозяйственными постройками (подобная городская структура типична также для Сепфориса, Гиппоса, Гадары, Птолемаиды).

Из письменных источников об этом периоде истории города известно следующее. В 53 г. до Р.Х. римский полководец Гай Кассий Лонгин совершил поход из Тира в Магдалу (Тарихею) и поставил здесь военный лагерь⁴. Помпей также разбивал здесь лагерь. От 43 г. до Р. Х. сохранилось «письмо из лагеря Тарихейского» от Кассия к Цицерону⁵, город служил столицей

¹ Предварительные публикации францисканских раскопок в Магдале см.: DeLuca S. La città ellenistico-romana de Magdala/Taricheae: Gli scavi del Magdala Project 2007 e 2008: Relazione preliminare e prospettive de indagine // SBFLA. 2009. Vol. 49. P. 343–562; Zapata Meza M. Neue mexikanische Ausgrabungen in Magdala: Das Magdala Archaeological Project // Bauern, Fischer und Propheten: Galiläa zur Zeit Jesu / Hg. J. K. Zangenberg, J. Schröter. Darmstadt, 2012. S. 85–98.

² Zangenberg J. Magdala am See Gennesaret. S. 63–66.

³ Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie. S. 139.

⁴ Ios. Flav. De bell. I 8. 9 (180); idem. Antiq. XIV 7. 3 (120).

⁵ Cicero. Ad familiars. 12. 11.

топархии, а согласно Плинию Старшему, озеро было даже названо по имени этого города¹. Как в письменных, так и в археологических источниках обнаруживается четкий городской «средиземноморский» характер поселения с момента его основания. Так, Иосиф Флавий в I в. упоминает здесь ипподром, который использовался и для общественных собраний² — признак монументальной городской архитектуры³. Следы этого ипподрома, однако, пока не найдены.

Несколько археологических открытий играют важную роль для нашего вопроса о галилейском контексте проповеди Иисуса.

«Минисинагога». Повторное исследование обнаруженной еще в 1970-х гг. архитектурной структуры, идентифицированной как «минисинагога», показало, что на самом деле это эллинистическая постройка, типологически восходящая к «дому у источника» (ближайшая параллель в Салагассе, совр. Турция). Получила подтверждение датировка этого здания временем начала строительства города. Магдала, таким образом, с самого своего возникновения демонстрирует ту же городскую культуру, как и великие эллинистические города Малой Азии.

Дороги, каналы. Де Лука раскрыл также большую часть кардо максимум и некоторые перпендикулярные ей декуманусы. С ними оказались связанными сложные системы каналов для пресной воды и для канализации, подводящие воду к многочисленным фонтанам и бассейнам. Ближайшие параллели системе водоснабжения Магдалы есть только в Скифополе, городе Десятиградия, и в резиденции Ирода в Кесарии Приморской.

Термы. Еще одной сенсацией стало полное раскрытие общественных терм, совершенно неожиданных для Галилеи. Здесь имелись все удобства, которые можно было бы ожидать в средиземноморских роскошных постройках: парная с печью (praefurnium), различные прохладные и холодные комнаты, бассейны, ступенчатые водоемы. Множество небольших сосудов для масла (арибалов) показывает, что посетители следовали эллинистической практике омовений. Де Лука выделил два этапа строительства этого комплекса: после начальной фазы постройки в I в. по Р.Х. бани были существенно перестроены в III/IV вв. и разрушены во время землетрясения 363 г.

Уже в 70-х гг. XX в. к югу от комплекса терм францисканцами была раскрыта обширная (32x32 м²) площадь, которая служила не только палестрой для бань, но, и форумом города — на это указывают остатки колоннады и торговых лавок с западной стороны и непосредственная

¹ Plin. Sen. Natur. Hist. 5.71.

² Ios. Flav. De bell. II 21.3 (599); idem. Vita. 132–138.

³ Zangenberg J. Magdala am See Gennesaret. S. 64–65.

близость с гаванью на востоке. Площадь также датируется временем основания города, и с самого начала служила экономическим и общественным центром города.

Порт. Однако главное открытие археологов в Магдале — порт, размеры и сложность которого сближают город со средиземноморскими центрами морской торговли, но совершенно неожиданны для порта на небольшом Галилейском озере. Исследователи выделяют 3 этапа его истории: позднеэллинистический с начала I в. до Р.Х., раннеримский периода Антипы и поздневизантийский-раннеисламский, когда порт получил совершенно иную структуру.

Уже на начальной фазе на берегу был вырыт портовый водоем и оштукатурены его стенки, построены массивные, прямоугольные и казематные башни с лестницами и пандусами для швартовки и разгрузки судов. С учетом направлений потоков воздуха и водных течений порт имел оптимальное расположение. Волнолом с выступающими квадратами, к которым швартовались корабли, закрывал гавань со стороны суши и примыкал непосредственно к площади (Рисунок10).

Порт служил не только стоянкой для судов, но и местом хранения товаров, центром торговли и культурного обмена. Вполне возможно, что, так же как в Остии и других портовых городах, на форуме Магдалы были торговые места купцов из городов Десятиградия, средиземноморского побережья, то есть сирийцев, греков и финикийцев. Как экономический центр порт был не только местом торговли, но мог использоваться в качестве опорного пункта для целого рыболовного флота. Прямые инвестиции властей (хасмонеи, затем Антипы), а также доходы от торговых операций, хранения и транспортировки товаров способствовали развитию собственной экономической элиты (судовладельцев, сдававших корабли субподрядчикам)¹.

Такой проект можно представить только при условии крупных инвестиций со стороны властей в контексте хасмонеи колонизации региона. Строить такой большой порт лишь для контроля над регионом необходимости не было. Порт Магдалы имеет смысл только как часть межрегионального инфраструктурного проекта, с помощью которого хасмонеи и их преемники при Антипе стремились включиться в торговые отношения между Средиземным морем и Десятиградием/Сирией. Магдала, таким образом, образовывала конечный, восточный пункт на торговом пути от Побережья до Галилейского моря. Очевидно, что функция порта Магдалы не ограничивалась только обслуживанием рыболовных судов — для этого его размеры слишком велики, — скорее, он использовался в качестве центра межрегиональной торговли между городами средиземноморского побережья и Десятиградием. Основание Магдалы, таким

¹ Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie. S. 141.

образом, отражает ситуацию, с одной стороны, конкуренции, с другой — сотрудничества хасмонейской власти с эллинистическими городами на восточном берегу озера или на средиземноморском побережье. В общем Магдала не только в отношении городской архитектуры, но и с точки зрения состава населения, была частью «средиземноморского мира на Галилейском море». Так что если где-то в Галилее времени Иисуса можно было встретить неевреев, то скорее всего — в Магдале¹.

В том, что Магдала имела функцию связующего элемента между Средиземным морем и Десятиградием, ничего не меняет тот факт, что во время раскопок найдены известные маркеры еврейского населения, такие как ритуальные бассейны в северном жилом районе, многочисленные фрагменты каменных сосудов, а также *синагога*, первая в Галилее датируемая временем до 70 г² (Рисунок11). Речь идет о почти квадратном здании площадью около 120 м², с каменными скамьями вдоль стен и стенами, украшенными мозаиками и обмазанными цветной штукатуркой. На основании раскопок первый этап синагоги можно датировать концом I в. до Р.Х., позднее здание несколько раз реконструировалось вплоть до его разрушения в начале 1-го антиримского восстания. Найденный в этом контексте камень, украшенный рельефами, один из которых изображает менору, остается на настоящий момент единственным в археологии иудаизма и несет самое древнее изображение меноры (Рисунок12). Итоговой публикации результатов этих раскопок пока нет.

3.2.1.2. Сепфорис

По данным источников. Сепфорис был важным городом уже в эллинистическое время³, в конце II в. до Р.Х. наряду с другими территориями включен в состав Иудейского государства хасмонеев. После римского завоевания наместник Габиний в 57 г. до Р.Х. превратил его в региональную столицу⁴. О городе времени Ирода Великого никакой информации нет (упоминается только дворец царя). Но бунты, вспыхнувшие по всей стране

¹ Ibid. S. 142.

² Осинагоге Магдалы см.: Zangenberg J. Archaeological News from the Galilee. P. 32–33.

³ История города наиболее подробно рассматривается в работе Miller S. S. Studies in the history and traditions of Sephoris. Leiden, 1984.

⁴ Ios. Flav. Antiq. XIV 5. 2–4 (82–87).

после смерти царя, когда Иудея «была полна разбойничьих шаек»¹, затронули и Галилею. При подавлении беспорядков солдаты римского военачальника Гая, посланные сирийским легатом Варом, разрушили и сожгли Сепфорис в 4 г. до Р.Х., а его жителей продали в рабство². Новое время для Сепфориса началось при Ироде Антипе, когда стены столицы были восстановлены, а сам он, по словам Иосифа, стал «украшением Галилеи» и был переименован в честь императора в Автократиду³.

По данным археологии. Интерес историков и археологов к Сепфорису римского времени (особенно I в.) возник давно. Во многом это связано с тем, что древний город располагался на расстоянии 5–6 км от Назарета. Уже в 1931 г. американская экспедиция Мичиганского университета под руководством Л. Ватермана провела здесь 1 рабочий сезон⁴. Начиная с 80-х гг. XX в. город одновременно исследовался двумя группами археологов. В 1983 г. начала работать экспедиция университета Южной Флориды (USF, рук. Джеймс Ф. Стрэйндж), в 1985 г. — совместная американо-израильская экспедиция, объединявшая специалистов из Еврейского университета (HU), американских университетов Дьюка и Северной Каролины («Совместный проект исследования Сепфориса» (Joint Sepphoris Project, JSP)), позднее — «Региональный проект исследования Сепфориса» (Regional Sepphoris Project)). Работы последней группы преимущественно проводились на западном холме (акрополе) (см. Рисунок 14). Результаты именно этих исследований могут пролить свет на историю развития города времени Антипы, но состояние публикаций позволяет во многих вопросах сделать лишь самые предварительные выводы⁵ (издан только первый том итогового отчета работы экспедиции Дж. Стрэйнджа (2006) в районе цитадели и на римской вилле («базилике» Ватермана)). Наиболее интересный для рассматриваемого вопроса материал открыт здесь в районе жилого квартала (Рисунок 15), цитадели, театра, нижней (на восточном склоне) базилики, кардо, акведука и в некоторых других местах. Более поздним временем от среднеримского до ранневизантийского датируются ряд известных, музеефицированных памятников: римская вилла с мозаикой бога Диониса, кардо и декуманус, здание с мозаичным изображением Нильской сцены, синагога с мозаичным полом и другие. Западный холм, таким образом, представляет собой «старый город» времени Антипы. Максимального размера город достиг уже позднее.

¹ Ibid. XVII 10. 8 (285).

² Ios. Flav. De bell. II 5.1 (68); idem. Antiq. XVII 10. 9 (289).

³ Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 1.

⁴ Waterman L. Preliminary Report of the University of Michigan Excavations At Sepphoris, Palestine in 1931. Ann Arbor, 1937.

⁵ Meyers E. M., Netzer E., Meyers C. L. Sepphoris. Winona Lake, 1992.

Западный холм (акрополь). Раскопки здесь проводились в рамках «Совместного (объединенного) проекта Сепфориса» (JSP, позже SRP). Был обнаружен и исследован ранний жилой квартал, который образовывали большие дома от 100 до 250 м², римская дорога (направление восток–запад) 2,2 м шириной, множество цистерн и микв¹. Первой половиной I в. до Р.Х. датируются следы расширения города: область, судя по всему, впервые получает систематическую городскую планировку, строится большое здание, при этом сносятся ряд ранних эллинистических построек. Несмотря на следы пожара в этом здании исследователи единодушны в том, что между поздним эллинистическим и раннеримским периодами сохраняется преемственность — археологическая (миквы поставлены непосредственно на позднеэллинистический материал) и в населении, которое, хотя бы частично, соблюдало галахические предписания о чистоте².

Здание (инсула II) в западном жилом квартале акрополя построено в начале раннеримского периода как часть проекта Антипы³. Состоявшее из нескольких комнат во 2-й половине I в. до Р.Х. оно частично было разрушено пожаром. Постройка рассматривается как репрезентативное жилище «вполне состоятельных жителей I в.»⁴ Это типичный для богатых семей городов римской Палестины дом с внутренним двором, площадью 150 кв. м⁵. Он был построен умелыми мастерами на материковой породе и фундаментах из валунов, нижние ряды кладки образованы одинаковыми, правильных размеров камнями из обтесанного известняка. Вполне мог быть второй этаж, но колонн не найдено. Стены комнат были украшены фресками в технике «ал секко» (al secco, выполнена по высохшей штукатурке), с простым растительным или геометрическим орнаментом (зеленые и красные прямоугольники, имитирующие мраморную облицовку в технике al daddo)⁶.

Ряд артефактов свидетельствует о богатстве и социальном статусе жителей дома, при этом керамика в доме исключительно местная (Шихин, Кфар-Ханания), очень мало привозной лощеной посуды, совершенно отсутствует дорогая столовая посуда *terra sigillata*, а также импортные амфоры с печатями.

¹ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 152.

² Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris. P. 346–347.

³ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 125.

⁴ Ibid. P. 126.

⁵ ПоклассификацийИ. Хиршфельда: Hirschfeld Y. The Palestinian Dwelling in the Roman-Byzantine Period. Jerusalem, 1995. P. 57–97, 109.

⁶ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 126. Фреска очень близка ко второму помпеянскому стилю, очень похода на фреску дворца в иродианском квартале Иерусалима; похожие фрески найдены также в богатых домах Йодфата и Гамлы. См. ниже.

Инсула II и здания на западной стороне акрополя, таким образом, показывают, с одной стороны, знакомство строителей с римскими архитектурными стилями и стандартами жизни, распространенными во всем средиземноморском мире, с другой — то, что они не были полностью восприняты местной социальной элитой.

При обилии жилых структур в раннеримский период на акрополе пока не найдено ясных свидетельств о существовании большого общественного здания в I в.¹ (Не обнаружен и упоминаемый Иосифом дворец Ирода). В заполнении, связанном с «виллой Диониса» (рубеж II–III вв.), найдены фрагменты фресок с геометрическим орнаментом и мраморной облицовки раннеримского времени, так что исследователи предполагают, что в I в. по Р.Х. недалеко могло быть здание дворцового типа, большое общественное здание или рыночная площадь². Укреплений и стен на акрополе, как вообще в Сепфорисе, пока не найдено, что отличает его от других, даже небольших городов Галилеи³.

Раннеримский материал на вершине западного холма (экспедиция университета Южной Флориды) найден также *в районе цитадели* и римской виллы («базилики» Ватермана)⁴. Рядом с цитаделью обнаружены остатки, по крайней мере, одного дома с оштукатуренным бассейном и цистерной (квадрат I.3)⁵. После разрушения, в конце I в. до Р.Х. (возможно солдатами Вара) дом был восстановлен. В одной из связанных с ним камер-подклетей (202) найдены фрагменты раннеримских каменных сосудов, масляных светильников и не менее 3 керамических совочков для благовоний.

Еще одно свидетельство об иродианском времени города — камни характерной кладки, вторично использованные в IV в. при постройке башни⁶ и бассейна в квадрате I.3.⁷ На иудейский контекст могут указывать также остатки раннеримского времени (в квадрате I.4) недалеко от материковой породы, одна из найденных здесь цистерн могла быть миквой⁸.

В начале I в. происходит реконструкция и расширение еще одного объекта на акрополе — *виллы*, исследованной еще группой Л. Ватермана. В первой фазе существования, в начале I в., она представляла собой небольшой дом, позднее к нему пристроили лестницу на второй

¹ Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris. P. 347.

² Ibid.

³ Weiss Z., Netzer E. Hellenistic and Roman Sepphoris: the Archaeological Evidence // Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture / Ed. R. M. Nagy, C. L. Meyers, E. M. Meyers, Z. Weiss. Winona Lake, 1996. P. 31.

⁴ Strange J. F., Groh D. E., Longstaff Th. R. W. Excavations At Sepphoris: Volume 1: University of Florida Probes in the Citadel and Villa. Leiden, 2006.

⁵ Ibid. P. 56.

⁶ Камни в районе цитадели обнаружены еще экспедицией Ватермана в 1931 г., с учетом находки в этом контексте одного иродианского светильника он сделал вывод, что нашел дворец Ирода — Ibid. P. 32.

⁷ Ibid. P. 63.

⁸ Ibid. P. 70.

этаж, основной двор покрыли мозаикой, добавили несколько комнат, перестали использовать раннюю микву (эта фаза продолжалась до начала II в.).

Материальная культура города этого времени, в целом, вполне сходна с римской культурой Восточного Средиземноморья, однако, по ряду признаков она ориентирована на еврейскую культуру Восточного Средиземноморья вообще и Иудеи в частности¹. Об этнической и религиозной идентичности жителей на вершине западного холма («старого города» Антипы) в I в. свидетельствуют известные маркеры: (1) ступенчатые бассейны, идентифицированные как миквы (Рисунок 16) (в квартале всего 4, 2, возможно, построены в среднеримский период, когда ранние 2 перестали использоваться; всего на холме более 20 ступенчатых бассейнов); (2) фрагменты каменных сосудов (более 120); (3) фрагменты иродианских светильников, (4) по крайней мере, 3 керамических совочка для благовоний² (Рисунок 17), подобные тем, которые изображаются на мозаиках синагоги Сепфориса; (5) почти полное отсутствие свинных костей (появляются не ранее византийского времени); (6) абсолютно неиконический внутренний декор домов в I в. (инсула II). Хотя изображения живых существ отсутствуют во всей области акрополя, было открыто несколько предметов, показательных для язычества, такие как миниатюрные статуи Прометея и Пана в среднеримском контексте, и маленький медальон, с изображением дионисийской сцены в позднеэллинистическом. Предметы могли принадлежать евреям, хотя первые два были найдены в поврежденных слоях, а последний уже за пределами жилого дома.

Эта картина прослеживается по всему жилому кварталу³, что позволяет сделать вывод о том, что город в I в. был населен преимущественно евреями.

Акведук. К 1-й половине I в. относят также один акведук, по которому вода подавалась на акрополь от источников Амитай и Геона на северном склоне горы Йедайа⁴.

Театр. Дискуссии по-прежнему вызывает важный для понимания роли Антипы в урбанизации и романизации региона (а также исторической реконструкции контекста жизни и проповеди Иисуса) вопрос о датировке римского театра, построенного на северо-восточном склоне холма акрополя. В своем позднем варианте он имел диаметр около 74 м. и мог вмещать примерно 4,5 тыс. зрителей. У театра была строго полукруглая *scenae frons* (место аудитории), 3

¹ Ibid. P. 122.

² Ibid. P. 61-62.

³ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 127.

⁴ Систематические раскопки системы акведуков Сепфориса в 1975–1990 гг. проводил израильский археолог Цвика Цук. Стало ясно, что в I в. был построен первый акведук, по которому подавалась вода из источников Амитай и Геон, во II в., когда население города заметно увеличилось, был построен второй акведук для подачи воды из источника Эль-Кана. Объем подаваемой воды, таким образом, увеличился в 9 раз.

арочных входа (vomitoriae) по 2, 2 м., 2 боковых входа (paradoi) с доступом к оркестре и scaena, имеющая размеры 31х 6 м. со стеной позади сцены (scaenae frons).

Уже Л. Ватерман в 1931 г. нашел в районе оркестры хасмонейские монеты чекана Александра Янная и другие артефакты, на основании чего сделал вывод о том, что театр мог воздвигнуть Ирод Великий, а Антипа позже его расширил (при обоих правителях хасмонейские монеты были еще в ходу; правление Ирода Великого образует *terminus post quem*, поскольку хасмонеи не потерпели бы театра в Сепфорисе)¹. Однако вскоре У. Ф. Олбрайт (1938) передатировал постройку II в. на основании анализа кладки внешней стены, ее архитектурного плана, типологически с близавшего здания с большинством других театров Палестины, воздвигнутых именно в это время².

Все археологические экспедиции, исследовавшие Сепфорис в 80–90-х гг. XX в., копали разные части театра с целью установить время его строительства. По состоянию публикаций можно заключить, что консенсуса в этом вопросе не было достигнуто. Уже в самых первых публикациях 80-х гг. XX в. предложены 2 конфликтующих датировки.

(1) Дж. Стрэйндж (USF) в 1983 г. заложил шурф через забутовку ниже сидений театра (восточнее траншеи Ватермана 1931 г.). Самая ранняя обнаруженная здесь керамика датировалась II в., к этому времени Стрэйндж отнес и постройку (или существенную перестройку) театра³ (ср.: не более 8% материала датируется среднеримским периодом⁴). Результаты работ на северо-западной стороне сцены (всего 7 раскопов, 1985–1987 гг.), позволили сделать некоторые обобщения и скорректировать даты строительства и перестройки: (а) театр построен в I в., возможно в иродианское время (аргументы: остатки массивных стен, сложенных из хорошо обработанных в иродианском стиле камней и стоящих на материковой породе; дренаж под стеной с керамикой I и II вв., в строительном мусоре преимущественно раннеримская керамика; самая высокая концентрация этой керамики на материковой породе)⁵; (б) использовался и возможно перестраивался в среднеримское время, между 70 и 180 гг., есть свидетельства по меньшей мере двух капитальных ремонтов в позднеримское время, возможно

¹ Waterman L. Preliminary Report of the University of Michigan Excavations At Sepphoris, Palestine in 1931. Ann Arbor, 1937. P. 29.

² Albright W. F. Preliminary Report of the University of Michigan Excavations at Sepphoris, Palestine, in 1931 // Classical Weekly. 1938. Vol. 31. P. 148.

³ Strange J. F., Longstaff T. R. W. Sepphoris, 1983 // IEJ. 1984. Vol. 34. P. 52. Иначе выглядит интерпретация Стрэйнджем результатов работ 1983 г в статье 1992 г. (Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris. P. 342): уже на этом основании можно было с уверенностью говорить, что строительство основной внутренней стены имело место в первой половине раннеримского периода, и ничто не указывает на то, что строительство произошло позднее времени Ирода Антипы.

⁴ Batey R. A. Jesus and the Theatre // NTS. 1984. Vol. 30. N 4. P. 573.

⁵ Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris. P. 343.

конце III или начале IV в.; (в) в середине IV в. театр был заброшен¹; (г) самые поздние остатки — редкая керамика и монеты V в.

(2) Если в ранних публикациях о датировке театра (Рисунок 18) исследователи «Совместного проекта исследования Сепфориса» и «Университета Южной Флориды» (JSP/HU и USF) в общем были единодушны — театр был построен в начале I в. по Р.Х., то позднее археологи «Совместного проекта...» и «Еврейского университета» (JSP и HU) изменили свою позицию. Итоговую публикацию раскопок театра готовит группа исследователей Университета Южной Флориды (USF).

В 1985–1986 гг. Е. Нэцер и Э. М. Мейерс (JSP) исследовали субструктуры фундамента и в 1987 г. — восточный вход на сцену. Здесь была найдена керамика позднеэллинистического и раннеримского времени, на основании которой строительство театра отнесли ко времени правления Ирода Антипы, однако, с оговоркой о невозможности окончательного вывода по причине разрушения «театра вглубь вплоть до материковой породы»². О раннеримском материале сообщается в отчете о раскопках в восточном коридоре (*vomitorium*) (квадрат 86.6, 1986 г.).

В дальнейшем они скорректировали прежние выводы. На основании керамики, материалов шурфов, сделанных в фундаментах и субструктурах, они пришли к заключению, что начало строительства театра можно отнести к одному из 3 периодов: началу I в., возможно при Антипе; концу I в., при Феликсе, когда Сепфорис вновь стал региональной столицей (с 52 г.); или II в., когда увеличилось языческое население города. Более вероятными признавались 2 последних варианта.

Аргументом в пользу этой поздней датировки театра стала находка сосудов с оттисками 2-й половины I в. в цистерне, по которой прошла полукруглая внешняя стена театра, для чего над цистерной возвели несущую арку, запечатав во время этого строительства цистерну и ее содержимое. Несколько подобных цистерн найдено под другими частями театра. На конец I — начало II в. должны указывать также раскрытые недалеко от сцены архитектурные элементы, стилистически близкие известным из других театров, датированных II в.³

Обе группы археологов согласны только в вопросе о времени, когда театр перестал использоваться — это конец римского или начало византийского периода (окончательно заброшен в начале V в.).

¹ Ibid.

² Meyers E. M., Netzer E., Meyers C. L. Sippori, 1985 // *Excavations and Surveys in Israel*. 1986. Vol. 5. P. 103.

³ Netzer E., Weiss Z. *Architectural Development of Sepphoris During the Roman and Byzantine Periods* // *Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / Ed. D. R. Edwards, C. Th. McCollough. Atlanta, 1997. P. 117–129.

Попыткой найти некоторый компромисс в этой ситуации можно считать предложение Р. А. Бэйти о 2-этапном строительстве театра, которое позволяет согласовать материалы раскопок в области сцены, оркестры и восточного входа, дающие датировку временем Антипы, и результаты работ на 3-м ярусе cavea, на фундаменте внешней полукруглой стены и верхнем ярусе сидений, которые поддерживают датировку здания концом I или началом II в. Причину этой разногласия Бэйти видит в том, что строительными работами по возведению сводчатого коридора, соединяющего внешнюю стену первоначального театра Антипы и стену его нового яруса, были проведены в конце I в. Таким образом, первоначально (при Антипе) небольшой театр должен был состоять из сцены, оркестры, первых 2 ярусов (1–12 и 13–24 ряды, приблизительно 3 тыс. мест)¹. Позднее был достроен еще один ярус, театр стал вмещать 4,5 тыс. чел. Добавленную позже внешнюю стену Олбрайт датировал II в. Антипа, получивший воспитание в Риме, любивший жизнь, связанную с театрами и этой культурой, вполне мог, по убеждению Бэйти, построить театр и в столице своей тетрархии².

В качестве косвенного аргумента в пользу ранней датировки иногда рассматривают результаты раскопок театра в Тивериаде, другом городе, построенном Антипой (см. ниже). Оба здания в таком случае считаются свидетельством особой строительной программы Антипы, подобной программе Ирода Великого³. Предвосхищая итоговые публикации раскопок театра, некоторые исследователи ссылаются на устные сообщения о том, что в итоговых отчетах (Стрэйнджа) будет обосновываться датировка 1-й половиной I в.⁴

Пока же, в качестве промежуточного заключения, можно сказать, что вопрос о датировке театра Сепфориса, как и в случае других объектов, строительство которых может быть отнесено ко времени Антипы, остается открытым, и только итоговые публикации результатов работ всех археологических экспедиций, исследовавших эту территорию, позволит решить его с необходимой надежностью. С учетом этого, соглашаясь с Йенсенем⁵, пока можно ограничиться предварительными выводами о том, что театр в Сепфорисе строился в раннеримское время (без уточнения, хотя, судя по всему, исключить, что импульс строительства мог исходить и от Антипы, нельзя).

Восточный склон западного холма. С 1990г. Е.Нэцер и З.Вайс работали на восточном склоне западного холма. Были открыты: хорошо спланированный городской квартал,

¹ Batey R. A. Did Antipas Build the Sephoris Theater? // Jesus and Archaeology / Ed. J. H. Charlesworth. Grand Rapids, 2006. P. 118.

² Ibid. P. 119.

³ Zangenberg J. Archaeological News from the Galilee. P. 473.

⁴ Aviam M. People, Land, Economy. P. 18.

⁵ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 161.

фрагменты ортогональной системы дорог, *cardo* 13,7 м шириной, шедшая с севера на юг, мощенная известковыми плитами со следами многолетнего использования, с фрагментами мозаик и обрамленная колоннами (Рисунок 19). Перпендикулярная ей улица *decumanus* (Рисунок 20, 21), также с портиком по сторонам, и другие дороги, формируют 3 больших инсулы: западную, центральную и восточную. Здесь также найдены остатки 2 общественных терм, здание с мозаикой, известной как «Нильская сцена», 2 церкви, синагога (к северу от этих 3 инсул), рыночная площадь и большая базилика. Все эти постройки в раскрытом виде относятся уже к периодам от среднеримского до византийского.

Раннеримским временем с осторожностью датируют ранние строительные фазы здания, идентифицируемого как базилика, а также раннюю *кардо*.

Базилика на восточном склоне. С 1987 г. работы экспедиции университета Южной Флориды (USF) проводились на месте большой базилики на восточном склоне и в ее внутреннем дворе¹. Было установлено, что базилика в III в. занимала целый квартал площадью 40x60 м., от подножия холма и до места пересечения *кардо* и *декумануса*, и, судя по всему, выполняла функцию агоры (рыночной площади, найдено несколько сот монет²) и/или места собраний аристократии Сепфориса. Область сильно перестраивалась в более позднее время (в восточной части, например, в византийский период пристроен бассейн), поэтому этапы строительства здания восстанавливаются с большим трудом. Исследователи лишь примерно определили дату, когда базилику перестали использовать — 2-я половина III в. или IV в. (после восстания при Констанции Галле 351 г. или землетрясения 363 г.)³.

Что касается вопроса о материале раннеримского времени (обнаружен в области V), то состояние публикаций, к сожалению, не позволяет сделать каких-то определенных выводов. Стрэйндж упоминает следующие находки, дающие основание для датировки начала строительства здания раннеримским временем: (1) раннеримская структура в шурфе под мозаичным покрытием (сама мозаика датируется приблизительно 300 г.)⁴; (2) камни нижнего ряда кладки восточной стены на основном фасаде с типичной иродианской формой, которые должны были сохраниться от раннеримской кладки (Рисунок 22, 23); (3) остатки бассейна, стены, и раннеримский материал в связи с ними.

В общем, это все, на чем Стрэйндж основывает свой вывод о том, что «строительство здания могло начаться при Ироде Антипе» или «в начале I в. по Р.Х., возможно даже на рубеже

¹ О реконструкции см.: Strange J. F. The Eastern Basilical Building. P.118.

² Ibid. P.119.

³ Ibid. P. 117.

⁴ Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris: The University of South Florida Excavations, 1983–1989 // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine. N. Y.; Jerusalem, 1992. P. 351.

веков»¹. В более поздних публикациях дополнительных доказательств раннеримской датировки не приводится. В то же время в других, коллективных отчетах о работах таких однозначных выводов не делается и речь идет вообще о ранне- и среднеримском периоде².

Ранняя кардо. Есть основания считать, что монументальная кардо была проложена по более ранней дороге. По сообщению К.Т. Макколло и Д.Р. Эдуардса, в 2 местах (квадраты 77 и 59) под камнями брусчатки были найдены следы нескольких слоев утрамбованной земли с известковой каменной крошкой, сохранившихся от прежней дороги или нескольких более ранних дорог. На основании найденной здесь раннеримской керамики и одной монеты Ирода Архелая (4 г. до Р.Х.–6 г. по Р.Х.) самая ранняя дорога, проходящая по ландшафту материка, может быть датирована началом I в. и, возможно, была построена с целью спланированного расширения города на восток уже при Антипе³. Для характеристики города I в. очень важно то обстоятельство, что были найдены следы еще одной грунтовой дороги севернее нынешней кардо (она также имела несколько слоев и шла с северо-запада на юго-восток), в древности они, возможно, пересекались⁴. Авторы исследования предполагают, что грунтовка под кардо была частью целой сети таких дорог, деливших пространство согласно строительному плану по расширению города в восточном направлении на прежде не заселенную территорию, возможно, уже при Ироде Антипе.

Найденная монета 119/120 г. (квадрат 59), выпущенная в Тивериаде в правление императора Адриана, позволяет датировать каменное покрытие видимой ныне кардо 20-ми гг. II в. Это подтверждается также отсутствием здесь среднеримской керамики.

Здесь, однако, нужно также отметить, что исследования под кладкой декумануса подобных результатов не дали.

Вывод о городе времени Антипы. Так как ранние слои полностью разрушены в результате последующего строительства, хронология расширения города восстанавливается только в самых общих чертах. Хотя эллинистического или хасмонейского слоев в Сепфорисе не обнаружено, в заполнениях находят хасмонейский, позднеэллинистический и немногочисленный персидский материал, позволяющий предположить, что район был заселен в хасмонейский период или даже ранее.

Доримский материал встречается преимущественно на западном холме: керамика персидского времени, эллинистические архитектурные структуры (цистерны, камеры для

¹ Strange J. F. The Eastern Basilical Building. P. 117.

² Strange J. F., Groh D. E., Longstaff Th. R. W. Zippori, 1991 // Excavations and Surveys in Israel. 1993. Vol. 13. P. 29–31.

³ McCollough C. Th., Edwards D. R. Transformations of Space: The Roman Road at Sepphoris // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine periods / Ed. D. R. Edwards. Atlanta, 1997. P. 139–140.

⁴ Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris. P. 349.

хранения продуктов). Это фаза интенсивной строительной активности, когда возникает жилой квартал, параллельно и перпендикулярно домам закладываются узкие улицы, улица 2 м шириной проходит по северному краю акрополя, возможно параллельная — по южному (найлены следы дренажного канала, который, видимо, шел под ней¹). Обнаружены остатки монументальной постройки с толстыми (до 2 м) стенами (возможно военной цитадели или барака²), и около 100 хасмонейских монет Александра Янная (104–78 гг. до Р.Х.). В I в. до Р.Х. Сепфорис, таким образом, был небольшой хасмонейской крепостью, занимавшей вершину холма, около 2,5 га³, с населением до 1 тыс.чел., однако хорошо спланированной городской структуры не было⁴.

Самые ранние фазы раннеримского периода наиболее сохранились также на западной вершине. Полная картина станет ясной только после итоговых публикаций материалов раскопок, пока же приходится констатировать отсутствие консенсуса специалистов в оценке Сепфориса времени Антипы.

(А) Израильские археологи Э. Нэцер и З. Вайс, американский Э. М. Мейерс, выделяют в истории раннего Сепфориса 2 этапа⁵. До 1-й половины II в., по их мнению, границы города не выходили за пределы западного холма, а площадь города составляла не более 4 га. Положение меняется в 1-й половине II в.: город расширяется в восточном направлении, возникает прямоугольная сеть дорог и большие общественные здания; площадь Сепфориса увеличивается до 4,9 га. Именно в это время прокладываются *cardo* и *decumanus*, окончательно достраивается базилика, возможно, ставшая «нижним рынком». К этому периоду (рубеж I и II вв.) Нэцер и Вайс относят и строительство театра⁶.

К периоду расширения (со 2-й половины II в.) относятся и другие, видимые ныне постройки: второй акведук, две общественные термы, римская вилла с мозаикой Диониса и другие. Эта фаза интенсивного строительства на восточном плато закончилась в 363 г., когда город был разрушен мощным землетрясением, следы которого археологи также зафиксировали⁷.

¹ Weiss Z., Netzer E. Hellenistic and Roman Sepphoris. P. P. 29.

² Høglund K. G., Meyers, E. M. The Residential Quarter on the Western Summit // *Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture* / Ed. R. M. Nagy, C. L. Meyers, E. M. Meyers, Z. Weiss. Winona Lake, 1996. P. 39;

³ Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris. P. 345.

⁴ Weiss Z., Netzer E. Hellenistic and Roman Sepphoris. P. 29.

⁵ Netzer E., Weiss Z. Architectural Development of Sepphoris During the Roman and Byzantine Periods // *Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / Ed. D. R. Edwards, C. Th. McCollough. Atlanta, 1997. P. 117–129.

⁶ Ibid. P. 121–122.

⁷ Второй период интенсивного строительства начинается после этого землетрясения. Некоторые прежние здания восстановлены, на освободившихся после расчистки площадях построены новые (Netzer E., Weiss Z.

В целом, эти ученые считают город начала I в., когда его восстановил Антипа, очень небольшим по сравнению с периодом его расширения во II–III вв.

(Б) Мейерс¹, в общем согласный с основными выводами Нэцера и Вайса о Сепфорисе как небольшом раннеримском городе (по его мнению, не более 2,5 га), считает, однако, что в правление Антипы все-таки имели место «заметные изменения» (упомянутый выше материал в заполнении, связанной с «виллой Диониса», свидетельствует о существовании дворцовой постройки)². Однако территория города заметно увеличивается только в период с 68 и до 135 гг. (приблизительно до 5 га)³ вследствие роста населения в начале II в. приблизительно до 12–15 тыс. чел. (по оценке специалистов Еврейского университета, до 10–12 тыс. чел.), когда город стал элементом стратегической оборонительной системы римлян и их войска были размещены в Галилее. Его существенное расширение началось уже в конце I в., когда город был вознагражден за его лояльность Риму во время антиримского восстания 70 г.⁴

(В) В то же время ряд открытий в Сепфорисе позволяет некоторым историкам делать вывод об интенсивном развитии города уже в начале I в., при Антипе (Дж. Рид, с ним, в общем, соглашается М. Йенсен). Население города на западном холме в это время оценивается Ридом приблизительно 8–12 тыс. чел.⁵ К правлению Антипы в таком случае относят постройки на акрополе, раннюю дорогу под кардо на восточном плато⁶, а также раннюю стадию римской базилики⁷.

В итоге, с учетом информации о Сепфорисе времени Антипы, представленной в предварительных публикациях, можно, в целом соглашаясь с Йенсеном, ограничиться следующими обобщающими заключениями: (1) максимальных размеров Сепфорис достиг только после иудейской войны 66–70 гг.; (2) расположенный на западном холме город (ок. 4 га) был важным центром, контролирующим внутренние торговые пути; (3) спорным остается

Architectural Development of Sepphoris. P. 123). Наиболее известное из них — «Дом с Нильской сценой». Кроме того, на восточном плато построены 2 церкви, когда в византийское время выросло христианское население. Тогда же строится синагога с красивым мозаичным полом.

¹ Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris. P. 345. Он предлагает разделить раннеримский период (ER) на подпериоды: А (ок. 50 г. до Р.Х.—до рубежа эр), В (начиная с этого рубежа (времени разрушений легата Вара и чуть позже) до 68 г.) и С (68–135 гг.), хотя признает, что это деление искусственно и было бы достаточно 2 периодов (50 г. до Р.Х.—50 г. по Р.Х. и 50–135 гг.).

² Ibid. P. 348–349.

³ Meyers E. M. The early Roman period at Sepphoris. P. 350–351. Период увеличения римского присутствия в Галилее между 1-м и 2-м восстаниями (70–135 гг.) и после подавления последнего, с одной стороны, и радикального увеличения еврейского присутствия в Галилее после восстания Бар Кохбы — с другой.

⁴ Meyers E. M. Aspects of Everyday Life in Roman Palestine with Special Reference to Private Domiciles and Ritual Baths // Jews in the Hellenistic and Roman Cities / Ed. J. R. Bartlett. New York, 2002. P. 110–120.

⁵ Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 77–80, 117.

⁶ Ibid. P. 118.

⁷ Ibid.

вопрос о датировке театра и нижней базилики, нельзя исключить возможность того, что они были построены при Антипе¹.

3.2.1.3. Тивериада

Город согласно Иосифу Флавию. Тивериада построена Антипой ок. 20 г. по Р.Х. на западном берегу Галилейского озера в качестве столицы тетрархии². Место для города было выбрано на берегу озера, недалеко от горячего источника в деревне Хаммат. Новая столица была названа тетрархом в честь наследника Августа императора Тиверия. (Об обстоятельствах основания Тивериады согласно Иосифу, см. 1-ю главу). Иосиф дает важную информацию, по которой можно судить о городе I в. Так, он сообщает о существовании в Тивериаде I в. стадиона³ и дворца правителя (судя по всему, мог принадлежать только Антипе), украшенного изображениями живых существ⁴; дворец был разрушен во время восстания, так как его убранство оскорбляло религиозные чувства иудеев. Известны также важные детали административного устройства города. При описании Галилеи периода восстания 66–70 гг. упоминаются 10 старейшин⁵, совет 600⁶ и общественные собрания для решения важнейших вопросов. Упоминаются собрания в *προσευχή* (доме молитвы, синагоге?)⁷, на стадионе⁸, в последнем случае в них могли участвовать тысячи людей⁹.

В Тивериаде, как и в других эллинистических городах Палестины и Восточного Средиземноморья, существовала должность смотрителя за рынком (*avgorano, moj*)¹⁰. Археологи нашли 2 свинцовых гирьки, одна из которых относится ко времени Антипы (ок. 31 г.), а другая — Агриппы II (53–92 гг.), обе несут надпись с названием этой должности.

¹ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 162.

² Ios. Flav. Antiq. XVIII 2. 3 (36–38).

³ Ios. Flav. Vita. 331; idem. De bell. II 21. 6 (618).

⁴ Ios. Flav. Vita. 65, 68.

⁵ Ibid. 69, 296.

⁶ Ios. Flav. De bell. II 21. 9 (639, 641); idem. Vita. 64, 169, 279, 284.

⁷ Ios. Flav. Vita. 277–280.

⁸ Ios. Flav. Vita. 92, 331; idem. De bell. II 21. 6 (618); III 10. 10 (539–542).

⁹ Ios. Flav. Vita. 92, 331.

¹⁰ Ios. Flav. Antiq. XVIII 6. 2 (149).

Археологический материал I в. Встречается редко, так как город достиг своего расцвета в период между правлением императора Адриана и началом византийской эпохи, когда ранние постройки были уничтожены большими строительными проектами (Рисунок 24). Началом I в. датируют: (а) монументальные южные ворота с круглыми башнями по их сторонам, стоящие вне города (Рисунок 25), и части *cardo*, (б) театр в первой стадии строительства, (в) части мраморного пола в базилике позднего времени, (г) остатки стадиона, (д) материал стены постройки начала II в. (Адреанеум). К археологическому материалу, не связанному со строительством в Галилее I в., относятся уже упомянутые (е) 2 свинцовые гири с надписями¹ и (ж) монеты Антипы с легендой «ΤΙΒΕΡΙΑΣ» (Рисунок 26).

Результаты исследования этих находок и памятников отражены в работах археологов и историков Й. Хиршфельда, Э. Мейерса, Дж. Стрэнджа, К. Галор, М. Хартала, Ю. Цангенберга, М. Ченси, Дж. Рида и М. Х. Йенсена.

Южные ворота города и часть кардо. В ходе работ, проводившихся в 1973–1974 гг. под рук. Г. Фёрстера, были раскрыты 2 монументальные круглые башни ворот диаметром 7 м., обрамлявшие арочный вход шириной 4–5 м., а также смежные комнаты и дорога, ведущая через ворота на север. Раскопки между башнями и под кладкой этой части дороги² дали керамику I в. (их *terminus post quem*), однако, никаких материалов, которые позволили бы говорить о точном *terminus ante quem*, не было обнаружено³. Несмотря на это, в статье 1993 г. (NEAENH) Фёрстер говорит о точном времени постройки: «судя по стратиграфии и архитектуре, ворота были построены тогда, когда основан сам город»⁴. Кроме того, так как работы возле смежных стен и комнат не дали материалов ранее VI–VII вв., стали считать, что комплекс мог быть автономной монументальной структурой, типа арки *extra muros*⁵,

¹ Две свинцовые гири хранятся в частной коллекции, и не были найдены при раскопках в стратиграфическом контексте. Считается, что они были найдены на поверхности в Тивериаде или около нее. На одной из гирек есть надпись, упоминающая Антипу: ΕΠΙ ΗΡΩΔΟΥ/ΤΕΤΡΑΧΟΥ/ΛΔΛ ΑΓΟΡΑ/ΝΟΜΟΥ ΓΑΙ/ΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ/ΕΤΑΛΕΝΤΟ («На 34-ом году Ирода Тетрарха как агоранома Гая Юлия»). Хотя Тивериада не упомянута в легенде, вполне вероятно, что гирька происходит из Тивериады и таким образом подтверждает существование в городе рыночного инспектора. Та же самая должность упомянута в надписи на другой гирьке времени Агриппы II. Обе они свидетельствуют о существовании в Тивериаде рынка с назначенным инспектором, как о том сообщает Флавий (Ios. Flav. Antiq. XVIII 6.2 (149)).

² Другие части кардо I в. не найдены, однако остатки кардо позднего римского или византийского периодов найдены к западу от комплекса бань.

³ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 139; Foerster G. Tiberias: Excavation in the South of the City // NEAENH / Ed. E. Stern. Jerusalem, 1993. Vol. 4. P. 1470–1473.

⁴ Foerster G. Tiberias. P. 1471. Йенсен в монографии 2006 г. со ссылкой на личное сообщение Дэвида Стенси, издателя раннеисламского материала, полученного Фёрстером, сообщает, что вывод о постройке временем Антипы сделан на основании очень немногочисленного материала керамики (собрана только в 2 местах под брусчаткой) (Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 140).

⁵ Chancey M. A. Greco-Roman Culture. P. 87.

подчеркивавшей статус города, и лишь в византийский период интегрированной со стенами города.

Итоговые отчеты о работах Фёрстера не были опубликованы, и его датировка ворот I в.¹ в научной литературе была оспорена. В пользу вывода о строительстве ворот только во II в. указывали на их типологическое сходство с другими подобными памятниками: в Герасе (датируются 130г. по Р.Х., построены в честь имп. Адриана), западнее Скифополя, в Гадаре и Гиппосе².

Однако результаты исследований последнего времени позволяют усомниться в поздней датировке. (1) Раскопки 2008 г., проводившиеся в рамках работ по созданию археологического парка древней Тивериады, подтверждают датировку ворот I в. — к этому времени относится найденная в траншеях рядом с воротами и по периметру каменных баз арки (Рисунок 27) керамика; раннеримский материал также обнаружен при работах над дренажной системой и в сводчатом подвале. Ворота могли быть, таким образом, построены рядом с дренажным (?) каналом (рвом?³) с целью его интеграции в оборонительную систему, что может подтверждать сообщение Иосифа о существовании здесь стены уже в I в.⁴(2) Аргументом в пользу этого вывода может быть и то, что круглые башни, защищавшие вход в город, строились еще до Антипы, его отцом Иродом Великим — в Севастии и Кесарии Приморской⁵. Но даже данные новых раскопок недостаточны для однозначного отнесения времени постройки ворот к правлению Антипы и точная датировка памятника остается предметом споров. Большинство специалистов склоняется к общей датировке I в.

Остатки постройки дворцового типа с мраморным полом. Во время раскопок 2004–2005 гг. под рук. Й. Хиршфельда была открыта постройка дворцового типа I в. в пределах раскопанной ранее структуры, идентифицированной как базилика (Рисунок 28, 29).

¹ Была распространена в литературе достаточно долго, ср., например: Hirschfeld Y. A Guide to Antiquity Sites in Tiberias. Jerusalem, 1992; 1997². P. 25–26.

² Bernett M. Der Kaiserkult in Judäa. S. 229–230; о Гадаресм. Weber T. M. Gadara — Umm Qes: Gadara Decapolitana: Untersuchungen zur Topographie, Geschichte, Architektur und der Bildenden Kunst einer «Polis Hellenis» im Ostjordanland. Wiesbaden, 2002 S. 107 («августинско-иродианскиеиливероятнофлавианские» — S. 114); о Гиппосе — Segal A. et al. 7th Season of Excavations (July 2006). Haifa, 2006. P. 47. Вывод о более поздней датировке ворот Моника Бернет обосновывает также ссылкой на сообщение Иосифаотом, что Веспасиан приказал снести часть стены Тивериады, чтобы армия с боевыми машинами смогла войти в город с юга (Ios. Flav. De bell. III 9. 8 (460)) — при наличии ворот 4–5м. шириной этого не потребовалось бы (Bernett M. Der Kaiserkult in Judäa. S. 202). В опубликованной в 2007 г. монографии этот аргумент снят (ср.: Ibid. S. 229). При определенной убедительности аргумента Бернет нельзя исключить, что Иосиф неверно понял причину разрушения Веспасианом тивериадской стены. Например, он сообщает, что Веспасиан снес часть стены в Гисхале, как символ завоевания города (была и прагматическая цель — лишить город возможности сопротивляться). Вполне возможно, что стена Тивериады была разрушена по тем же причинам.

³ Aviam M. People, Land, Economy. P. 18.

⁴ Ios. Flav. De bell. III 9. 8 (460).

⁵ Segal A. From Function to Monument.Oxford, 1997. P. 83–86, 88–89; Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 140.

Хиршфельду удалось реконструировать план, архитектурный стиль и этапы строительства этой постройки (что касается базилики, то на основании керамики и монет она датирована IV в.)¹. В исследованной области (С и F) был найден раннеримский материал (stratum VII²): 2 водных канала, стены и связанные с ними полы. Были открыты фрагменты мраморного пола (Рисунок30, 31), *in situ* (фрагментарные, но достаточные, чтобы определить его технику как *opus sectile*), вместе с раннеримской керамикой, найденной выше него и давшей *terminus ante quem* I–II вв., найдены также несколько фрагментов расписной штукатурки³.

На то, что раскрытая структура относится к категории дворцовой архитектуры, по мнению Хиршфельда, указывает ее расположение на берегу с открывающейся перспективой на озеро. Сама структура отождествлена исследователем с дворцом Антипы⁴. Типично иродианская кладка из обработанного камня, основы колонн, покрытые мраморной облицовкой, полы в стиле *opus sectile*, фрагменты фресок ярко красных тонов, — все по стилю и качеству работы соответствует иродианским дворцам в Масаде, Иерихоне, Кипросе и Кесарии⁵. Использованный здесь импортный мрамор был дорог, поэтому применялся только в дворцовых постройках, широко он начал использоваться не раньше среднеримского периода⁶. На то, что базилика IV в. была построена на руинах иродианского дворца, указывает тонкий, но вполне ясный слой золы (Рисунок32) чуть выше уровня мраморного пола, оставшийся после разрушения дворца Антипы в период 1-го антиримского восстания. Идентификация Хоршфельда нашла многих сторонников, несмотря на трудности с точной датировкой найденной структуры. Стена I в., раскрытая археологами в последующие 2 сезона, также может соотноситься с этим зданием.

Остатки стадиона. В ходе раскопок 2002 и 2005 гг.(подрук. М. Харталла) обнаружены фрагменты структуры, которую интерпретировали как остатки стадиона I в.⁷, упомянутого Иосифом Флавием⁸. В 2002 г. на территории отеля Галей Киннерет раскрыты остатки стены толщиной 9 м., сохранившейся на 2 м. в высоту. Найденная глиняная посуда I в. Может

¹ Hirschfeld Y., Galor K. M. *New Excavations in Roman, Byzantine, and Early Islamic Tiberias // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hg. J. Zangenberg. Tübingen, 2007. P. 223.*

² *Ibid.* P. 214.

³ Jensen H. M. *Herod Antipas in Galilee. P. 141–144.*

⁴ Hirschfeld Y., Galor K. M. *New Excavations. P. 223.*

⁵ *Ibid.* P. 224.

⁶ Jensen H. M. *Herod Antipas in Galilee. P. 142.*

⁷ Jensen H. M. *Josephus and Antipas. P. 144–145.*

⁸ *Ios. Flav. De bell. II 21. 6 (618).*

указывать на время постройки — I в., без уточнения, к какому периоду I в. ее можно отнести¹ (Рисунок 33, 34).

Раскопки 2005 г. в 120 м. к северу от отеля Галей Киннерет, рядом с Оттоманской городской стеной на берегу Галилейского озера, открыли еще одну массивную стену², которая, по мнению Хартала, архитектурно связана с ранее обнаруженной стеной и должна быть частью западной стены стадиона, в то время как найденные в 2002 г. остатки — частью его южной стены. Стадион, таким образом, располагался в древности уже за пределами города, с севера на самом берегу озера.

Итак, археологический материал позволяет датировать строительство стадиона только I в. вообще, без ограничения его временем Антипы. Стадион мог быть построен и во время римского правления в 44–55/60 гг., после смерти Агриппы I³.

Театр. У восточного склона горы Береники, между ее подножием и кардо в 1990 г. раскопаны остатки римского театра, датированного Хиршфельдом предварительно II–III вв. Раскопки 2009 г. полностью раскрыли памятник, что позволило уточнить датировку театра, выделив 3 этапа его строительства. Самая ранняя относится к раннеримскому времени (stratum V; I в. по Р.Х.; основание города при Антипе)⁴; вторая стадия относится к среднему и позднему римскому времени (stratum IV; II–III вв.); и последняя датируется уже византийским временем (stratum III; IV–VI вв.) (Рисунок 35, 36, 37).

Стена Адрианеума (материал I в.). Весной 2004 г. экспедицией Хиршфельда были раскрыты несколько остатков стен, стратиграфически датируемых I–II в. (stratum VI). Найденная под каменным полом, связанным с одной из стен (шириной 2,75 м., ведущая с востока на запад через область С) керамика начала I в. устанавливает *terminus post quem* для этой стены. Керамика выше остатков этой стены относится ко II в. (*terminus ante quem*)⁵. Эта датировка дает основания для того, чтобы идентифицировать стену с теменосом недостроенного храма в честь императора Адриана⁶.

¹ Стена имеет красивый изгиб, ее расположение и тот факт, что постройка располагалась на берегу, а не в самом озере, указывает на то, что эта структура представляет собой остатки общественной постройкой, а не гавани. Структура в какое-то время оказалась также покрытой грязью в результате схода селя в Галилейское озеро. В ней найдена керамика III в., что позволило датировать время, когда здание перестало функционировать.

² Фрагмент 1, 2 м. в длину, приблизительно 1 м. в ширину, сохранился в высоту всего 0,9 м., сложен из аккуратно отесанных камней 0,4 x 0,3 м.

³ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 144.

⁴ Выводы археологов — еще один повод для переоценки времени строительства знаменитого театра в Сепфорисе, датируемого многими временем после 70-го г. (Zangenberg J. Archaeological News from the Galilee. P. 474).

⁵ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 140–141.

⁶ Hirschfeld Y., Galor K. M. New Excavations. P. 214–215. Ср., однако, Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 141: «На этом основании стену нужно датировать I в., возможно временем основания города».

Материал I в. в этой области был получен и другим способом. Стало ясно, что во II в. во время строительных работ в качестве забутовки вторично использовался материал более ранних построек I в. Было найдено большое количество фрагментов белой и (реже) расписной штукатурки, несколько обломков красивых мраморных плиток красной и белой окраски¹ (Рисунок 38). С осторожностью (по причине небольшого количества материала) делают вывод о стиле городских построек I в.: они были обмазаны белой штукатуркой, в интерьере иногда имели цветные фрески, возможно с небольшим количеством импортного мрамора. (Йенсен видит здесь параллели с фресками в жилых постройках Иодфата и Гамлы)².

Вывод о городе времени Антипы. Итак, предварительные публикации отчетов уже обозначают проблемы. 1) Ясно, что временем Антипы и вообще I в. датируются немногие объекты. Большая часть того, что можно видеть сегодня, относится к более позднему периоду. Это относится к комплексу терм, театру в его нынешнем виде, городской «базилике», постройкам на горе Беренике и др. Как и в случае Сепфориса, усиленные строительные работы в Тивериаде происходили в основном в период между обоими антиримскими восстаниями и уже после них.

Обзор находок I в. показывает, что иудейские лидеры Галилеи (как хасмонеи, так и иродианские, за исключением Ирода Великого) начинали свое правление с широких инвестиций в развитие региона. Подобные строительные проекты могли создавать рабочие места, стимулировать развитие торговли и в общем увеличивать уровень благосостояния жителей всей Галилеи³.

Степень урбанизации Галилеи и вклад собственно проектов Антипы можно понять, сравнив описанные города тетрарха с ближайшими к ним греко-римскими городами.

3.2.1.4. Ближайшие города Десятиградия (Гиппос, Гадара, Скифополь)

¹ Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee. P. 141.

² Ibid.

³ Aviam M. People, Land, Economy. P. 20.

Гиппос — эллинистический город, хора которого граничила с Галилеей¹, располагался на восточном берегу Галилейского озера, в стратегически важном месте пересечения дорог, ведущих с юга на север по восточному берегу озера и далее на Голанское плато. Раскопки здесь проводились в 50-х гг. XX в., с 2000 г. на объекте работает экспедиция из университета Хайфы².

История Гиппоса как полиса начинается в эллинистическое время: ок. 300 г. до Р.Х. здесь была основана военная колония македонян на месте более раннего поселения железного века III (персидский период)³, собственно эллинистический город начинает строиться во II в. до Р.Х., когда эти земли вошли в состав государства Селевкидов. Исследователи полагают, что город изначально служил крепостью, контролировавшей селения хоры⁴, в том числе целый ряд иудейских. История города греко-римского периода в основных ее этапах не сильно отличается от истории других городов Десятиградия⁵.

Большая часть следов найденных археологами общественных зданий датируется среднеримским и византийским периодами, находок эллинистического и раннеримского времени мало. К эллинистическому относятся «эллинистический компаунд» с площадкой, покрытой штукатуркой, и структура на подиуме (участок (*temenos*), обнесенный стеной из базальта и известняка) к северу от главной дороги (напротив форума), интерпретируемая как основание эллинистического храма, — оба объекта датируются концом II в. до Р.Х. и связываются со строительными проектами Селевкидов⁶. По керамике из заполнения перекопов

¹ Хора охватывала значительную часть южных Голан. На западе территория доходила до берега озера (Иосиф сообщает, что Гиппос граничил с Галилеей), где обнаружены порты Гиппоса. На северо-востоке граница видимо, проходила по вади Эс-Самах. На юге хора Гиппоса граничила с хорой Гадары, при этом весь берег, как считают исследователи (Lichtenberger A. *Kulte und Kultur der Dekapolis: Untersuchungen zu numismatischen, archäologischen und epigraphischen Zeugnissen*. Wiesbaden, 2003. S. 29) принадлежал Гиппосу.

² Thiel W. M. *Studien zum hellenistischen Siedlungswesen in Palästina und Transjordanien: historische und archäologische Untersuchungen zur städtebaulichen Entwicklung ausgewählter Siedlungen unter den Ptolemäern und Seleukiden*. München, 2007. S. 245–274; Беляев Л. А., Григорян С. Д., Тарханова С. В. Иппос (Сусита) // *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 26. С. 224–229.

³ Thiel W. M. *Studien zum hellenistischen Siedlungswesen*. S. 246. К 300 г. до Р. Х. Начало эллинистического поселения относит Ю. Цангенберг (Zangenberg J. *Jesus–Galiläa–Archäologie*. S. 17).

⁴ Отношения жителей Гиппоса и иудейских деревень были напряженными, что не раз приводило к кровавым столкновениям, особенно во время антиримского восстания. Так, в 66 г. еврейские мародеры напали на владения Гиппоса и сожгли несколько деревень его хоры. Жители Гиппоса в отместку изгнали, а частично уничтожили еврейское население своего города (Ios. Flav. *De bell.* II 18. 1 (459); 18. 5 (478)). В иудейских источниках Гиппос изображается обычно как языческий анклав в иудейском окружении.

⁵ Гиппос, как и другие города Заиордания, был захвачен во время военных походов Иуды Маккавея. После завоевания Александром Яннаем заиорданских территорий (между 83 и 80 гг. до Р.Х.) Гиппос перешел под власть хасмонеев (Ios. Flav. *Antiq.* XIV 4. 4 (75)). В 63 г. до Р. Х., после завоевания Сирии Помпеем, Гиппос перешел под римское управление в составе провинции Сирия. Помпеем восстановил суверенитет города как одного из городов Десятиградия, к этому времени относится установление в городах Декаполиса помпейанской эры летосчисления (idem. *De bell.* I 7. 7; II 6. 3; III 3. 1). Решением императора Августа в 31/30 г. до Р.Х. город временно переведен под управление иудейского царя Ирода Великого (Ios. Flav. *Antiq.* XVII 11. 4 (320); idem. *De bell.* II 2. 3 (97)), после его смерти в 4 г. до Р.Х. вновь подчинен римской власти (Epstein C. *Hippus*. 1993).

⁶ См. сообщение в Segal A. et al. *5th Season of Excavations (Sept.—Oct., 2004) and Summary of All 5 Seasons (2000—2004)*. Haifa, 2004. P. 26–27. Храм был разрушен Александром Яннаем (ок. 83 г. до Р. Х.) и восстановлен в I

в нижних слоях самое раннее поселение датируется концом IV–III вв. до Р.Х., однако никаких архитектурных остатков этой ранней стадии не найдено.

Однако реконструируемый археологами на нынешний момент городской план восходит к строительству времени Помпея. Улицы были проложены, судя по всему, по гипподамовой сетке, и образовывали инсулы. Главная улица (*decumanus maximus*) пересекала город с запада на восток (650 м) и была вымощена крупными базальтовыми квадратами.

Можно сделать вывод, что, несмотря на неясность плана раннего эллинистического города, к I в. он, очевидно, был полисом, с характерными институтами, известным храмом, обладал правом чеканки монет и контролировал (в том числе экономически¹) хору из ближайших деревень².

Гадара — еще один город Десятиградия, хора³ которого имела общие границы с Галилеей⁴. Раскопки на памятнике начались в 70-80-х гг. XX в., продолжаются под рук. Т. Вебера. По состоянию публикаций выводы о состоянии города к I в. сделать трудно⁵.

После запустения региона на рубеже персидского времени, приблизительно к 300 г. до Р.Х. на плодородном плато восточнее Генисаретского озера возникло большое поселение, возможно военная колония, основанная ветеранами македонянами. Однако семитское название (ср. евр. *הַרְגָּמָה* стена, укрепление; вероятнее, впрочем, арабская этимология) свидетельствует о преимущественно местном населении города⁶. Вплоть до 200 г. до Р.Х. территория, на которой

в. по Р. Х., позже на его месте построили христ. церковь (базилика на северо-западе). Остатки городской (раннеримской) стены с 2 воротами (главными восточными и западными) и башнями. К I в. по Р.Х. относятся ворота с круглой и квадратной башнями (на основании сходной архитектурной типологии с южными воротами в Тивериаде и «тивериадскими воротами» в Гадаре). Найдены также следы системы акведуков, по одному из которых, шедшему через восточные ворота, вода поступала из источника в вадии Эс-Самах (более 20 км к северу) в сторону «Нимфеума». У Гиппоса было 2 порта на Тивериадском озере (их возможные остатки исследованы на территории киббуца Эн-Гев), которые имели большое значение для экономики и связей города с другими поселениями региона.

¹ В плодородной равнине хоры, судя по находкам прессов, выращивали оливковые деревья и виноград, экспортировались в основном продукты маслодавлен. В Талмуде сообщается, что Тивериада зависела от импорта пшеницы из Гиппоса (ИТ. Шевиит. 8:3). Таким образом, Гиппос был важным центром производства пшеницы. Иосиф писал, что города на противоположных берегах были связаны тесной торговлей (Ios. Flav. Vita. 42, 153, 349).

² Ios. Flav. Vita. 42.

³ Несмотря на новозаветную локализацию чуда изгнания демонов на восточном берегу Генисаретского озера в регионе Гадары (Мф 8. 28), точные границы хоры Гадары остаются предметом споров. Не ясно, доходила ли ее территория до берега озера, так как вадии Эс-Самах на южном берегу озера принадлежала хоре Гиппоса (об отдельных местах хоры см. Weber T.M. Gadara. 2002. 2002). Долина Ярмука образовывала северную границу. На востоке хора граничила с хорой Авилы (Ibidem). С учетом сообщения Иосифа о том, что Гадара граничила с Галилеей (Ios. Flav. De bell. III 3.1 (37)) или с территорией Тивериады (Ios. Flav. Vita 42), можно считать, что граница между ними проходила по Иордану. На юге Гадара граничила с Пеллой.

⁴ Ios. Flav. Vita. 42, 349.

⁵ Наиболее подробно результаты исследований описаны в: Weber T. M. Gadara.

⁶ О Гадаре см.: Zangenberg J., Busch P. Hippos und Gadara — Ein Hauch von Welt am See // Leben am See Gennesaret: Kulturgeschichtliche Entdeckungen in einer biblischen Region / Hrsg. G. Fassbeck. Mainz am Rhein, 2003. S. 117–129; Weber T. M. Gadara.

располагался город, была пограничной между птолемеевским и селевкидским царствами. После победы Селевкидов ок. 200 г. до Р.Х. город начал быстро развиваться; события его истории связаны с политической историей региона. Гадара прославилась как центр развитой эллинистической культуры¹, связанный с основными торговыми портами региона².

В эллинистический период город занимал лишь холм акрополя. Восточнее плато найдены остатки эллинистического храма, строительство которого на основании керамики датируют 1-й половиной II в. до Р.Х. Судя по всему, он погиб в пожаре в середине I в. по Р.Х. Здесь найдена позднеримская мраморная статуя Зевса, которая часто изображается на монетах Гадары. Типологические параллели с другими языческими храмами Палестины указывают на его связь с культом императора.

В раннеримское время город расширяется на запад и север вдоль межрегиональной дороги, строится городская стена, на западе (со стороны дороги на Тивериаду) — монументальные городские ворота, не связанные со стеной. Они датируются флавианским временем (возможно юлианским, от датировки иродианским периодом отказываются), приблизительно после строительства раннеримской городской стены³. Типологически близки южным воротам в Тивериаде.

Наконец, со стороны Десятиградия с Галилеей также граничила хора *Скифополя*⁴ (ок. 25 км южнее озера). Эллинистический город возник в птолемеевское время на месте более раннего города (Бейт-Шеан). Раскопки здесь начались в 20-х гг. XX в, но только в 1980-х гг. под теллем раскрыты остатки города римского и византийского периодов⁵. Однако остается неясным, где

¹ Большую известность Гадаре принесли греческие ученые: киник Менипп (III в. до Р. Х.) (Strab. XVI 2. 29; Diog. Laert. 6. 99–100), поэт Мелеагр (Strab. XVI 2. 29; Anth. Pal. 7.416–419), эпикуреец Филодем (Strab. XVI 2. 29) (1-я пол. I в. до Р. Х.), оратор Теодор, учитель имп. Тиберия (кон. I в. до Р. Х.) (Strab. XVI 2. 29), а также киник Эномай и софист Апсинес (III в. до Р. Х.).

² Дорога через Филотирию, Тивериаду и Сепфорис к Акко; другая вела на юго-запад, связывая Гадару через Скифополь и Легио Капаротна с Кесарией Приморской, 2 основными портами Восточного Средиземноморья. Этими путями Нижняя Галилея связывалась с провинциальными столицами—Кесарией на западе и Босрой на востоке; расширяла торговые связи со всем Левантом. По дорогам связывались Египет, Малая Азия, Атика. Гадара и Гераса через Галилею связаны с побережьем и Александрией.

³ Hoffman A. Topographie und Stadtgeschichte von Gadara/Umm Qais // Gadara – Gerasa und die Dekapolis / Ed. A. Hoffmann, S. Kemer. Mainz, 2002. P. 114.

⁴ Величина хоры может приблизительно быть оценена. Что касается эллинистического времени, то важно прежде всего указание Полибия, который в связи с завоеванием селевкидом Антиохом III в 218 г. до Р.Х. сообщает, что хоры Филотерии и Скифополя предоставили армии Антиоха достаточно продовольствия (Polyb. V 70. 4-5). Можно считать, что хора была достаточно большой. Для римского времени есть сообщение Иосифа Флавия о том, что Скифополь был самым большим городом Десятиградия (Ios. Flav. De bell. III 9. 7 (447)), при этом, видимо, имеется в виду и размер хоры. Предположительно восточная граница проходила по Иордану. На севере хора граничила с хорой Тивериады, на западе — с Легио, на юге — с Неаполем (Lichtenberger A. Kultur und Kultur der Dekapolis. S. 134).

⁵ Римский город расположился в основном в долине. Городской план восходит преимущественно ко II в. Здесь открыты улица с колоннами, ипподром, вилла с мозаичными полами II-III вв. и с термами, театр эпохи Северов (146–211), несколько храмов, торговые ряды с многочисленными лавками, нимфеум, амфитеатр (Lichtenberger A.

точно находился эллинистический город. Есть лишь немного находок этого времени севернее Телль-Бейт-Шеана на Телль-Истаба. На телле (Бейт-Шеан) найден храм, отнесенный археологами к III в. до Р.Х.¹, но с уверенностью датируемые находки относятся только ко II в. по Р.Х. В долине под холмом Телль-Бейт-Шеан археологи нашли следы построек, восходящие к I в. по Р.Х., в том числе раннего театра, датируемого этим временем. В I в. на Телль-Бейт-Шеане по-прежнему стоял монументальный храм Зевса², кроме того, «один из храмов был построен в I в. также на нижней площадке»³. Использование храма и в это время подтверждается монетами I в. по Р.Х. с изображением богинь Тюхе и Ники⁴.

Очевидно, что в I в. Скифополь уже был типичным полисом, обладавшим всеми необходимыми для его функционирования институтами.

3.2.1.5. Выводы

Данные раскопок последнего времени позволяют предполагать, что строительство новых городов и заселение прежних при хасмонеях во многом стало следствием государственных инвестиций⁵. Так, в это время в Галилею из Иудеи были перенесены знания по производству оливкового масла, в Иудее оно было давно развито (десятки таких прессов найдены в Мареше). Другим свидетельством таких инвестиций можно рассматривать обнаружение в построенной при хасмонеях Магдале большой гавани с выступающими камнями для швартовки судов. Таким образом, фиксируется серия правительственных инициатив по развитию прибрежного региона Галилейского озера. Экономические интересы властей в новом еврейском регионе продемонстрированы хасмонеями и просто самим фактом строительства новой столицы Галилеи Магдалы вместо Геннесара, который был главным ее городом непосредственно после

Kulte und Kultur der Dekapolis. S. 133). Об истории и археологии Скифополя в эллинистическое время см. Thiel W. M. Studien zum hellenistischen Siedlungswesen. P. 193–242.

¹Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. P. 140; Thiel W. M. Studien zum hellenistischen Siedlungswesen. S. 229.

²Applebaum S. The Roman Villa. P. 5.

³Tsafrir Y. More Evidence for the Cult of Zeus Akraios at Beth-She'an // Eretz-Israel. Jerusalem, 1987. Vol. 19. P. 81.

⁴Chancey M. A. The Myth of a Gentile Galilee. P. 141.

⁵Aviam M. People, Land, Economy. P. 15–16.

завоевания в конце II в. до Р.Х. О новом импульсе экономического развития региона свидетельствует также начало широкого распространения хасмонейских монет.

Описанное положение с публикациями материалов раскопок иродианских городов Галилеи показывает, что на относительно небольшой территории Галилеи в период правления Ирода Антипы существовало 3 города. В то же время сами эти города в сравнении с ближайшими греческими полисами представляется сравнительно небольшими, их общественная архитектура значительно уступает архитектуре греческих и иродианских городов Палестины и Десятиградия. В I в. Гиппос, Гадара и Скифополь были известны своими греко-римскими храмами, а Скифополь еще и своим театром. За исключением храмов Тивериада и Сепфорис обладали практически теми же градостроительными характеристиками, которые были в окружающих городах. По сравнению со Скифополем они были небольшими городами.

Несмотря на скромность размеров и небольшое население городов Галилеи (Сепфорис 8–12 тыс. чел., Тивериада 6–12 тыс. чел.¹) новое строительство при Антипе не могло не отразиться на жизни приозерного региона. Можно представить, что, например, строительство театра в Тивериаде требовало постоянных больших инвестиций и привлечения квалифицированных и неквалифицированных рабочих рук в течение длительного времени. Это вряд ли можно допустить без такого же длительного периода политической и социальной стабильности. Так как строительные проекты Антипы были долговременными (после реконструкции Сепфориса вскоре начинается строительство Тивериады), смена правления в Галилее после Антипы не могла привести к росту безработицы². Помимо Магалы, и Сепфорис, и Тивериада могли служить центрами торговли для сбыта товаров местными земледельцами и ремесленниками, оба города привлекали обедневшее население, приходившее сюда в поисках работы.

Необходимо также отметить, что города Десятиградия в рамках интересующего нас вопроса о контексте неправомочно рассматривать как центры эллинистического языческого влияния на Галилею, места, где трудились кинические философы, по мнению ряда исследователей, оказавшие влияние на возникающее движение Иисуса. Археологически это доказать невозможно. Гадара и Гиппос имели важное значение как торговые города, где происходило перераспределение товаров со всего средиземноморского региона и как места пересечения торговых путей, связывающих Сирию, восточное Заиорданье и средиземноморское побережье. Галилея, таким образом, была открытой для внешних влияний областью, на которую распространялись импульсы экономического развития, возникшие за ее пределами.

¹ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 79–81.

² Edwards D. R. *The Socio-Economic and Cultural Ethos*. P. 62–65.

3.2.2. Небольшие галилейские города и деревни

Раскопки небольших галилейских городов и деревень позволяют оценить степень социально-экономического влияния строительной политики Антипы на жизнь Галилеи. Достаточно хорошо раскопаны 4 небольших города, значительная часть их материалов представлена в итоговых публикациях; это: Капернаум, Хирбет-Кана, Йодфат и Гамла (последняя уже за пределами Галилеи, на Голанах), а также небольшая деревня Эт-Телль. Результаты, полученные в ходе широкомасштабных разведок и раскопок 80-90-х гг., особенно в регионе Галилейского озера свидетельствуют об интенсивном росте населения Галилеи в хасмонейский и раннеримский период — процессе, изучение которого принципиально для понимания галилейского контекста проповеди Иисуса.

Публикации широкомасштабных разведок и раскопок 80-90-х гг., особенно в регионе Галилейского озера указывают на такой важнейший для нашей темы процесс, как интенсивный рост населения Галилеи в хасмонейский и раннеримский период.

3.2.2.1. Демографические тенденции раннеримского времени в сельской Галилее

Согласно У. Лейбнеру, на протяжении всего периода с конца II в. до Р.Х. и до 1-й пол. I в. по Р.Х. происходило масштабное заселение Галилеи¹. Площадь заселенной области увеличилась приблизительно на 50% (в исследованном Лейбнером районе региона озера в раннеримское время появляются 15 новых поселений², большая их часть по данным керамики заселена в самом начале раннеримского времени³). Волна заселения Галилеи евреями,

¹ Число поселений увеличилось с 21 в эллинистический период до 36.

² Leibner U. Settlement and History. P. 331.

³ Ibid. P. 332, со ссылкой на данные исследования Д. Сиона, который показал, что хасмонейские монеты широко использовались вплоть до I в. по Р.Х., возможно до первого антиримского восстания (Syon D. Tyre and Gamla. P. 116–122). Таким образом, находки хасмонейских монет не могут рассматриваться как абсолютное обоснование заселения какого-то места только в хасмонейский период.

начавшаяся после ее включения в хасмонейское царство, судя по всему, достигла пика приблизительно в конце I в. до Р.Х. — начале I в. по Р.Х., вероятно в правление Ирода Антипы¹. В это время основываются много новых поселений; заселяются прежде мало обжитые области, с ограниченным сельскохозяйственным потенциалом; площадь заселенной области удвоилась по сравнению с эллинистическим временем, а число поселений в Галилее достигло своего пика. В сельских областях возникает много неукрепленных поселений, чему, по убеждению Лейбнера, способствовала внутренняя стабильность региона в это время².

Увеличение числа и расширение сельских поселений рассматривают как положительный результат осуществления строительных проектов Антипы, так как на начальном этапе сельские поселения на территориях, исследованных Лейбнером, развивались приблизительно одновременно со строительством городов. Этот рост можно связывать и с общей ситуацией, обусловившей существенное расширение сельских поселений во многих регионах Римской империи вообще, ставшей результатом изменений в налогообложении, гарантии безопасности, широкой имперской урбанизации и т.п.

Вместе с тем, в середине I в. северная граница территории еврейских поселений в Галилее сдвинулась немного южнее³. Нееврейское, видимо, финикийское, население начало вытеснять местное еврейское по северной границе Галилеи. Авиам связывает сокращение числа этих поселений с введением прямого римского правления в Галилее⁴. Однако поскольку в это время было оставлено лишь несколько небольших поселений, изменения не могли оказать существенного влияния на общую плотность населения Галилеи⁵.

Как было показано в историографической главе, последствия программы урбанизации, проводимой Антипой, для социально-экономической ситуации в Галилее времени Иисуса вызывают дискуссии. Если согласиться с противниками использования социологических моделей при решении этой проблемы, то оценить степень влияния городского строительства на экономическую жизнь небольших галилейских поселений возможно только путем анализа обнаруженных при их раскопках материальных следов этого влияния. Строительство городских центров, требовавшее привлечения больших финансовых и человеческих ресурсов, должно

¹ Leibner U. Settlement and History. P. 332.

² Ibid. P. 333. В общем, по Лейбнеру, складывается следующая картина: к серии укрепленных поселений, возникших уже в эллинистическое время в римское время добавляются несколько крупных неукрепленных и множество небольших поселений. Последние часто располагаются в отдаленных и мало пригодных для сельского хозяйства областях.

³ Syon D. Tyre and Gamla. P.148–149.

⁴ Aviam M. The Beginning of Mass Production of Olive Oil. P.14. Полученные данные позволяют предполагать, что еврейское население оставило поселения Бет Зенета и Керен-Нафтали в середине I в. Вскоре после этого Керен-Нафтали, видимо, было вновь заселено уже языческим населением.

⁵ Arbel Y. The Historical Impact and Archaeological Reflections. P. 230.

было отразиться на сельских районах, ближайших к галилейским полисам. Результаты раскопок небольших галилейских городов и деревень позволяют получить общую картину экономического положения и динамики развития поселений такого типа, и, в целом, сформулировать новые идеи, имеющие значение для понимания контекста служения Иисуса.

Помимо относительно хорошо изученных мест, Гамлы, Капернаума, Хирбет-Каны и Йодфата, к этой категории относят также Гисхалу (Гуш-Халав)¹, Мерон², Габару³, Беэр-Шеву в Галилее⁴ и Вифлеем в Галилее. Результаты археологических исследований последних поселений, однако, еще недостаточны, чтобы на их основании делать выводы об интересующем нас вопросе. Ясно только, что волна их заселения начинается приблизительно в 100 г. до Р.Х., то есть во время хасмонейского завоевания Галилеи, строительства Сепфориса и прежде всего Магдалы⁵.

В это разделе мы рассмотрим данные из Капернаума, Йодфата, Хирбет-Каны, Гамлы и Эт-Теля (Вифсаиды). Кроме последней данные поселения можно отнести к категории небольших городов, сочетающих в себе архитектурные элементы столичных центров и малых деревень⁶. В сравнении с известными галилейскими городами это обычно поселения среднего размера, но все же слишком большого, чтобы называться деревнями. При этом здесь очевидно отсутствие таких элементов городской архитектуры как прямоугольная сетка улиц, терм, театров, городских ворот и т.п. В этом они скорее сближаются с галилейскими деревнями, развивавшимися под воздействием иных импульсов. Границы между этими типами поселений нечеткие, но оба они и дают нам прежде всего тот материал, который позволяет более детально представить мир Галилеи времени Иисуса⁷.

¹ Ios. Flav. De bell. II 20.6–21. 1 (575–585); IV 2.1–5 (84–120); Vita 43–45 и др.; см.: Tabula Imperii Romani 136.

² Ios. Flav. De bell. II 20.6 (573); III 3.1 (40); Vita 188.

³ Ios. Flav. De bell. II 21. 7 (629); III 7. 1 (132); Vita 123, 242–243 и др. См.: Tabula Imperii Romani 126.

⁴ Ios. Flav. De bell. II 19.5 (537); III 3.1 (39); Vita 188.

⁵ Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie. S. 145.

⁶ Ibid.

⁷ Richardson P. Khirbet Qana (and Other Villages) as a Context for Jesus // Idem. Building Jewish in the Roman East. Waco, 2004. P. 55–72.

3.2.2.2. Йодфат

Раскопки в Йодфате начались в 1992 г. (7 сезонов под рук. Д. Эдвардса, М. Авиама и Д. Адана-Баевича¹).

После разрушения римлянами Йодфат более не заселялся, поэтому материал I в. сохранился хорошо, слои не были нарушены более поздним строительством и работы позволяют понять, как это еврейское поселение развивалось в I в. (площадь приблизительно 12 тыс. м², население оценивается в 2 тыс. жителей)².

В эллинистический период поселение (ок. 5,7 га) располагалось на вершине холма³; в раннеримское время расширилось вдоль южного склона⁴ (Рисунок39). По керамике и монетам установлена дата разрушения поселения — 60-е гг. по Р.Х. (последняя найденная в этой области монета относится к правлению имп. Нерона)⁵. На то, что поселение разрушено во время событий, описанных Иосифом⁶, указывают множество ядер от баллист и наконечников стрел⁷.

Раскрыты несколько жилых кварталов, обнаружены жилые постройки с цистернами, миквами, хранилищами, гончарными горнами, найдено множество пряслиц, глиняная и каменная посуда и монеты⁸.

Основная часть жилых кварталов — на восточном и северо-восточном стороне холма. Большая часть построек здесь — простые палестинские жилые дома с земляными утрамбованными полами и стенами из необработанного камня⁹.

Северо-восточный квартал (раскопки 1997 г.) более богатый по сравнению с другими. Дома в 2-3 этажа стояли на 3 мощных террасах, имели широкие стены из хорошо обработанных камней. Обнаружены остатки большой виллы, на 3-х стенах которой сохранились фрагменты фресок (в

¹ Edwards D. R. Jotapata // *OEANE*. 1997. Vol. P. 251; Aviam M. Yodefata/Jotapata: The Archaeology of the First Battle // *The First Jewish Revolt: Archaeology, History, and Ideology* / Ed. A. M. Berlin, J. A. Overman. London, New York, 2002. P. 121.

² Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 22.

³ Aviam M. *Yodefata/Jotapata*. P. 121.

⁴ Richardson P. *First-Century Houses and Q's Setting* // *Christology, Controversy and Community: New Testament Essays in Honour of D. R. Catchpole* / Ed. D. G. Horrell, Chr. M. Tuckett. Leiden, 2000. P. 67.

⁵ Aviam M. *Yodefata/Jotapata*. P. 121.

⁶ *Ios. Flav. De bell.* III 7.1–36.

⁷ Исследователи выделяют 2 фазы строительства укреплений. В эллинистическое время были построены огромная башня и стена, охватывающая верхнюю часть холма. В раннеримское время стена расширена и охватила в том числе область южного склона. В некоторых местах это мощная казематная стена, в других — сплошная. По мнению Авиама, это результат неожиданно наступившего кризиса (Aviam M. *Yodefata/Jotapata*. P. 126–127).

⁸ *Ibid.* P. 121.

⁹ Richardson P. *First-Century Houses*. P. 68.

высоту на 1.6 м. от пола), судя по всему, второго помпеянского стиля: красные и охристые панели, обрамленные черными, красными и зелеными полосами, имитирующими мраморную облицовку¹. Полы дома также украшены фресками в виде красной и черной плитки², имитирующими технику *opus sectile*³. Эта особенность интерьера уникальна для палестинских домов раннеримского периода (Рисунок 40). Среди фрагментов штукатурки с фресками обнаружены также красиво оформленные куски стукко, датируемые иродианским временем⁴. Для галилейской деревни существование такой виллы явление совершенно неожиданное. Подобный интерьер (полы с фресками) характерен для иродианских дворцов и богатых домов на западном холме Иерусалима⁵, в Кесарии, Доре, Иродионе и Масаде, аналоги есть в оркестрах театров I в. — в Кесарии и в *Leptis Magna* (в совр. Ливии). Предполагают, что подобные дома могли быть и в обеих столицах Галилеи, Сепфорисе и Тивериаде. Эти столичные дома принадлежали представителям высшего слоя социальной и экономической элиты, хозяева же дома в Йодфате очевидно относились к более низкому классу, но все же очень высокому в локальной шкале социальной стратификации⁶.

В 2 богатых домах этого квартала найдено по микве (Рисунок 41), также свидетельствующие о состоятельности жителей, так как строительство таких бассейнов было недешевым предприятием, предполагавшим несколько этапов: высечка в скале, архитектурное оформление, обмазка штукатуркой, подвод воды. Некоторые находки также указывают на богатство жителей этих домов: фрагменты масляного многофитильного светильника, очень редкого в архелогическом материале и считающегося предметом роскоши; остатки прямоугольного каменного стола. В другом контексте найдены дверной железный ключ и пара бронзовых пластинок (диаметром 8 см), покрытых цинком и используемых, видимо, для измерения веса дорогих сыпучих веществ⁷. Обнаружены также две декорированные геммы и одно золотое кольцо.

На восточном склоне, недалеко от простых жилых домов (в области IX), в пещере открыт пресс для отжима оливкового масла (использовался во 2-й пол. I в. по Р.Х.) рядом с миквой диаметром 1.6 м.⁸). Так как доступ к этому месту был наиболее удобен со стороны домов, то предполагают, что в них жили хозяева пресса⁹, занимавшиеся производством ритуально чистого масла.

¹ Aviam M. *Socio-Economic Hierarchy*. P. 31.

² Aviam M. *Yodfat // NEAEHL*. 2008. Vol. 5. P. 2077.

³ Aviam M. *First Century Jewish Galilee*. P. 17.

⁴ Aviam M. *Socio-Economic Hierarchy*. P. 31.

⁵ Richardson P. *First-Century Houses*. P. 69.

⁶ Aviam M. *Socio-Economic Hierarchy*. P. 31.

⁷ Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 23–26.

⁸ Aviam M. *An Early Roman Oil Press in a Cave at Yodfat*. P. 89.

⁹ *Ibid.*

В Йодфате не найдено следов какой-либо общественной постройки, но на то, что такое здание могло быть, указывают находки нескольких барабанов колонн, капителей, монументального дверного косяка и частей архитрава¹.

В южной части города открыт «квартал гончаров»²: здесь обнаружены 3 горна, один из них в последний год существования поселения был разрушен во время спешного строительства новой стены (Рисунок 42). Рядом устроили новую (4-ю) печь, и, судя по сохранности камней, это произошло непосредственно перед разрушением поселения³. Около печей найдены бракованные изделия, на основании чего можно заключить, что в Йодфате производилась посуда тех же типов, что и в Кфар-Ханани⁴.

Жители Йодфата выращивали виноград и производили вино, но оно в локальной экономике не было основным продуктом. В ходе разведок сельско-хозяйственных территорий поселения найден всего один винный пресс (в то время как в других областях Галилеи их десятки), еще один был датирован византийским временем.

Лишь 40% сельскохозяйственной территории Йодфата (15 км²) были пригодны для земледелия, остальная, каменистая, использовалась для выпаса скота. Идентифицировано более 25 цистерн для сбора дождевой воды, что значительно больше, чем в других разведанных регионах Галилеи⁵. На то, что основной частью экономики Йодфата было животноводство, указывают данные остеологического анализа: из 3075 идентифицированных фрагментов 80% — кости крупного и мелкого (преимущественно овец) рогатого скота. Все овцы, кости которых идентифицированы, были взрослыми животными: это говорит о том, что они разводились для получения шерсти и молока. Найденные цистерны видимо использовались, чтобы поить скот⁶.

Большую роль производства шерсти и тканей в экономике Йодфата доказывает находка более 250 глиняных пряслиц от ткацких станков⁷ (больше чем в других галилейских местах, например, в Гамле, где раскопанная площадь в 2 раза больше, чем в Йодфате, их найдено только 60).

Упомянутые выше находки человеческих останков (мужчин, женщин и детей), погребенных в цистернах и под развалинами домов Йодфата (см. в разделе 3.13.1 «Маркеры иудейской культуры») и точно датируемые I в., по мнению исследователей, позволяют сделать некоторые

¹ Richardson P. *First-Century Houses*. P. 68; Richardson P. *Khirbet Qana (and Other Villages) as a Context for Jesus // Idem. Building Jewish in the Roman East*. Waco, 2004. P. 67.

² Ibid. P. 18.

³ Aviam M. *Yodefata/Jotapata*. P. 125; Aviam M. *People, Land, Economy*. P. 27.

⁴ Aviam M. *Socio-Economic Hierarchy*. P. 35.

⁵ Aviam M. *Socio-Economic Hierarchy*. P. 34.

⁶ Ibid. P. 35.

⁷ Aviam M. *First Century Jewish Galilee*. P. 17.

заклучения и об экономической ситуации в Галилее. Некоторые из них несут следы ранений, поэтому считают, что это останки жертв войны 67 г. (общее число погибших в Йодфате оценивается в 2500 чел.). Так как вполне возможно, что среди них были как горожане, так и беженцы из окрестных поселений, то результаты остеологического анализа останков могут характеризовать население Нижней Галилеи в целом. Так, М. Авиам подчеркивает, что все погибшие до своей насильственной смерти были вполне здоровыми людьми, жили в нормальных санитарных условиях, не страдали от голода, недоедания или от каких-либо тяжелых болезней¹. Однако на основании небольшого количества исследованных образцов едва ли возможно делать какие-то окончательные выводы о жизненных стандартах в Галилее. Ясно, при этом, что полученные данные, судя по всему, не подтверждают мнение о тяжелой экономической ситуации в регионе в I в.

Итак, данные раскопок позволяют сделать надежные выводы о жизни Йодфата в I в. В истории поселения, как и в истории Галилеи вообще, выделяется ранний период II в. до Р.Х., когда его жизнь была ориентирована на прибрежные финикийские города, и период, когда эти контакты практически прекратились, и стали доминировать связи с хасмонейским царством. Раскопки показывают, что поселение до хасмонейского завоевания процветало, приблизительно в начале I в. оно значительно расширило свою территорию по южному склону. Это развитие связывают с длительным (почти 40 лет) и относительно спокойным периодом правления Ирода Антипы². Расширение поселения по времени совпадает со строительством Сепфориса и Тивериады (возможно, оно вызвано развитием торговли и сельского хозяйства³). Свидетельств экономического упадка Йодфата I в. нет⁴.

Общую археологическую картину жизни Йодфата дополняют данные, свидетельствующие о нем как об иудейском (с I в. до Р.Х.) поселении, имевшем прочные торговые связи с Иерусалимом и Иудеей. В пользу этого говорят находки (а) 2 микв и (б) большого количества обломков сосудов из известняка; а также (в) почти полное отсутствие импортной столовой посуды, такой как terra sigillata (A)⁵; (г) почти полное отсутствие изображений живых существ на предметах искусства⁶; (д) наконец, смена преобладающего типа монет приблизительно в последнее

¹ Aviam M. Socio-Economic Hierarchy. P. 36.

² Aviam M. First Century Jewish Galilee. P. 21–23.

³ Richardson P. First-Century Houses.

⁴ Richardson P., Edwards D. R. Jesus and Palestinian Social Protest: Archaeological and Literary Perspectives // Handbook of Early Christianity: Social Science Approaches / Ed. A. J. Blasi, J. Duhaime, P.-A. Turcotte. Walnut Creek, 2002. P. 255.

⁵ Adan-Bayewits D., Aviam M. Iotapata, Josephus and the Siege of 67. P. 165.

⁶ Ibid.

десятилетие II в. до Р.Х. — исчезают нумизматические свидетельства о контактах Йодфата с городами финикийского побережья и в большом количестве появляются хасмонейские монеты¹.

3.2.2.3. Гамла

Город расположен в Гавланитиде, в тетрархии Филиппа, уже за пределами границ тетрархии Антипы. С Галилеей его, однако, связывают, во-первых, найденные монеты, указывающие на торговлю между этими областями (монет Антипы в Гамле найдено больше, чем других²), и во-вторых, то, что Гамла была еврейским городом, с синагогой и бассейном для ритуальных омовений. В ходе исследований стало ясно, что жители Гамлы в основном были иудеями того же происхождения, что и жители Йодфата³.

Гамла занимала ок. 15 га. Сохранность слоев и материала I в. очень хорошая⁴, так как поселение не восстанавливалось после разрушения 67 г. и памятник признается очень важным для реконструкции галилейского мира времени Иисуса (Рисунок 43). В ходе раскопок 1976–1989 гг. под руководством С. Гудмана были раскрыты синагога (Рисунок 44), жилые кварталы, названные «хасмонейским» и «богатым» (в последнем найден пресс для отжима масла)⁵; позднее (работы 1997–2000 гг. под руководством Д. Сиона и З. Явора) — большой дом (область К), общественное здание (область С), предварительно идентифицированное как базилика.

С точки зрения социально-экономической ситуации особенно интересны несколько открытий.

Найдено большое количество монет (6314)⁶, преимущественно бронзовые и медные (обнаружен также клад из 27 серебряных монет, из них 20 тирских шекелей и 7 тетрадрахм Нерона) (Рисунок 45, 46). Из всех монет Гамлы примерно 3900 — хасмонейские, которые

¹ Ibid. P. 160.

² Найдена 61 монета Антипы, при этом только 36 монет Филиппа (Syon D. Tyre and Gamla. P. 49). Для сравнения: только 14 монет Антипы найдено в Йодфате и в Тивериаде.

³ Aviam M. People, Land, Economy. P. 28.

⁴ См. Gutman S. Gamla // NEAENL. 1993. Vol. 2. P. 459.

⁵ Ibid.

⁶ Syon D. Tyre and Gamla. P. 27.

сменили здесь селевкидские¹. Иными словами, в том, что касается монетаризации экономики, Гамла была прочно связана с хасмонейским, а позднее с иродианским царством.

Как и Йодфат Гамла имела «богатый квартал», в котором найдены следы развивающихся торговли и ремесленного производства. В богатых домах в западном квартале (область С и R) в каждой комнате найдены остатки цветной и белой штукатурки столь же высокого качества, как и в дворцах Масады². Здесь раскрыта целая торговая улица с мельницей и прессом для отжима оливкового масла, а также 2 ремесленные мастерские: одна (под сводчатой крышей) по производству масла, рядом со зданием устроена миква, высеченная в скальной породе, к которой примыкала постройка; другая — мельница с большими жерновами (Рисунок47). Близость обеих мастерских к частным домам с фресками предполагает, что их хозяева жили неподалеку, а богатство домов — что они относились к высокому социально-экономическому классу³. В Гамле было найдено также несколько предметов роскоши: декорированные геммы, дверной ключ, фрагменты многофитильного светильника и золотые украшения⁴.

Большой интерес вызывает миква со смежной цистерной для хранения воды⁵. По мнению Гутмана, это доказывает то, что жители Гамлы в раннеримское время стремились «гарантировать, что масло будет произведено людьми, чистыми в ритуальном отношении»⁶. Размеры зданий с оштукатуренными стенами в этом квартале свидетельствуют о доходности этого производства⁷.

В 1997–2000 гг. найден еще один комплекс зданий, подтверждающий вывод об экономическом благополучии поселения. В новой области К, между синагогой и западным кварталом, был раскрыт дом с несколькими комнатами и фасадом, кладка которого превосходила по качеству все, что прежде было открыто в Гамле. Предполагают, что доходы от торговли оливковым маслом позволили построить новые, более богатые дома в еще незастроенных местах этого квартала.

Обнаружены остатки 2 общественных зданий, что свидетельствует о развитой экономической инфраструктуре поселения. Самое известное из них — синагога около городской стены, размером 20x16 м, включавшая в себя пристройку, нишу, возможно для хранения свитка Торы. Обнаружены по меньшей мере 4 ряда колонн с красивыми сдвоенными

¹ Syon D. Tyre and Gamla. P. 14.

² Gutman S. Gamla. 1993. P. 462.

³ Aviam M. Socio-Economic Hierarchy. P. 30.

⁴ Aviam M. People, Land, Economy. P. 29.

⁵ Syon D., Nemlich Sh. Gamla. P. 19.

⁶ Gutman S. Gamla. 1993. P. 463.

⁷ Syon D., Nemlich Sh. Gamla. P. 19.

базами для угловых колонн, смежная миква и примыкающее помещение, скорее всего служившее как бет-мидраш. Датировка всего комплекса остается предметом споров, но находки ниже пола относятся ко времени начала правления тетрарха Филиппа.

Другое общественное здание найдено в богатом квартале и предварительно идентифицировано как базилика, возможно оно выполняло какую-то «административную функцию»¹. В здании, размером 16x15 (почти таким же как синагога), было 3 входа. Большая часть стен оштукатурена, найденный недалеко от здания декорированный архитрав возможно располагался над главным входом. По мнению археологов, «это совершенно новый тип религиозного и/или светского еврейского общественного здания периода Второго храма», напоминающий по своей архитектуре римскую базилику, здесь могли происходить судебные разбирательства.

В целом, в случае с Гамлой возникает картина, близкая к той же, что уже известна по раскопкам в Йодфате. Поселение связано с хасмонеями, а позднее с иродианскими царствами, нет признаков экономического спада в I в. по Р.Х. Напротив, Гамла процветала, ее жители могли позволить себе построить и содержать 2 общественных здания и относились в своем большинстве к среднему или высокому социальному классам².

3.2.2.4. Хирбет-Кана

Хирбет-Кана (Кенет-эль-Джалиль) — один из основных претендентов на идентификацию с евангельской Каной Галилейской, расположен в долине Бейт-Нетофа 9 км севернее Кафр-Канна (которую традиция, сложившаяся еще в византийскую эпоху, отождествляет с упомянутой в Евангелии Каной) и приблизительно в 2 км южнее Йодфата..

Систематические археологические исследования, проведенные в 1997–2001 гг. под рук. Д. Р. Эдуардса³, показали, что поселение на этом месте непрерывно существовало с каменного

¹ Syon D., Nemlich Sh. Gamla. P. 18.

² Aviam M. Socio-Economic Hierarchy. P. 29–38.

³ Наиболее подробные отчеты о раскопках можно найти: Edwards D. R. Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrim Site // The Roman and Byzantine Near East: Some Recent Archaeological Research / Ed. J. H. Humphrey. Portsmouth, 2002. Vol. 3. P. 101–132; Richardson P. Khirbet Qana.

века. В отличие от соседних городов Хирбет-Кана не пострадал во время войны 67 г., жизнь раннеримской деревни в ее развитии может быть реконструирована с большой достоверностью. Именно поэтому результаты раскопок этого памятника важны для нашего вопроса о галилейском контексте проповеди Иисуса, вне зависимости от его идентификации с евангельской Каной.

Здание в северо-восточной части акрополя состоит из большой комнаты (12x8 м) и пристроек. В центральной комнате обнаружена роскошно декорированная пилястра, стоящая на полу *in situ*. Рядом с этим местом в заполнении перекопа найдены куски мрамора¹. Большая часть здания датируется раннеримским периодом² (на уровне фундамента найдена раннеримская керамика, просматривается сходство с качеством штукатурки другого общественного здания (из области 2), однозначно датируемого раннеримским временем³). Среди исследователей нет согласия в вопросе о функции постройки: в нем видят либо общественное здание⁴, либо «очень богатый дом»⁵.

В юго-западной части акрополя (область 2) обнаружены остатки прямоугольного здания с каменной кладкой высокого качества. С восточной стороны здания раскрыта пристроенная (?) комната меньшего размера (3x4 м) со скамьями вдоль 3 стен (возможно и по 4-й) и оштукатуренными полами. Исследования керамики и результаты радиоуглеродного анализа позволили датировать комплекс раннеримским временем⁶, а архитектурные особенности (сходства с синагогами в Бет-Шеариме и Гамле, где также использовались ионические капители) — идентифицировать (в качестве рабочей гипотезы) здание с синагогой, к которой пристроен «бет мидраш». В качестве аргументов в пользу этого указывают на находки фрагментов изящной черепицы, оштукатуренных скамей, баз колонн и капители⁷.

Здесь нужно, однако, сделать оговорку: найденная черепица датируется уже более поздним, среднеримским временем. Именно в это время, после того, как ок. 120 г. в Палестине были стационарованы римские легионы (VI и X), такое покрытие начинает распространяться⁸. Остальная аргументация в пользу раннеримской датировки здания в целом принимается исследователями.

¹ Edwards D. R. Khirbet Qana. P. 111.

² Richardson P. What has Cana to do with Capernaum? // NTS. 2002. Vol. 48. N 3. P. 328.

³ Edwards D. R. Khirbet Qana. P. 111.

⁴ Ibid.

⁵ Richardson P. What has Cana to do with Capernaum. P. 328.

⁶ Edwards D. R. Khirbet Qana. P. 113–114.

⁷ Edwards D. R. Khirbet Qana. P. 113–114. См. Тарханова С. В. Лисовой В. Н. Кана Галилейская.

⁸ Edwards D. R. Walking the Roman Landscape in Lower Galilee: Sepphoris, Jotapata and Khirbet Qana // *A Wandering Galilean: Essays in Honour of S. Freyne*. Leiden; Boston, 2009. P. 226–227.

В дискуссиях о галилейском мире времени Иисуса Хирбет-Кана рассматривается как пример деревенской общины раннеримского периода. В начале I в. здесь нет заметных изменений, поселение живет сельским хозяйством и ремесленным производством, что стало предпосылкой для выделения среди местного населения группы преуспевающих земледельцев и ремесленников, т.е. для появления своего рода элиты. Хотя здесь не найдено фресок в помпеянском стиле, которые встречаются в общественных постройках и богатых жилых домах в других галилейских поселениях, в Хирбет-Кана обнаружены 2 больших здания, одно из которых возможно было центром местной общины (синагога?), а другое — общественным зданием, точная функция которого пока не ясна¹.

Следы ремесленных построек позволяют ответить на вопрос, как община такой небольшой деревни могла позволить себе постройку и содержание одного или 2 общественных зданий². С большой вероятностью к раннеримскому времени относят: (1) остатки «небольшой стеклодувной мастерской»³ на вершине акрополя (найлены бракованные изделия из стекла); (2) ремесленный комплекс на юго-восточной стороне холма — 2 комнаты с 4 или 5 высеченными в породе, оштукатуренными бассейнами в каждой, видимо, использовавшимися для окраски шерсти или дубления кожи (рядом найдена цистерна)⁴; (3) пресс для отжима оливкового масла в пещере к востоку от трапециевидной стены (такие остатки предполагают и в некоторых других пещерах, и, возможно, в жилом квартале)⁵; (4) остатки колумбариев на восточном склоне⁶; (5) отдельные бракованные гончарные изделия, упоминаемые в отчетах⁷.

Данные разведок и стратиграфических раскопок некрополя в Хирбет-Кана также дают некоторую информацию о жизни этой галилейской деревни и численности ее населения. Некрополь окружает холм со всех сторон, кроме западной. Некрополь еще недостаточно исследован, поэтому точную хронологию его развития установить пока невозможно. Археологически большинство гробниц датируются раннеримским временем (конец I в. до Р.Х. — начало II в. по Р.Х.) и лишь некоторые из них — эллинистическим и среднеримским⁸.

Сравнительно небольшие размеры поселения и его несоразмерно большого некрополя дают основания для предположения о числе жителей Хирбет-Кана в раннеримский период (на пике заселения). Максимальное число — около 3 тыс. (приблизительно 100 *loculi* при

¹ Jensen H. M. *Herod Antipas in Galilee*. P. 169.

² Edwards D. R. *Khirbet Qana*. P. 112.

³ Richardson P. *Khirbet Qana*. P. 62.

⁴ Edwards D. R. *Khirbet Qana*. P. 117.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 263.

средней продолжительности жизни людей в 30-35 лет), но более реальное, соответствующее размеру поселения — 750–1200/1400 (исходя из плотности 150–200 чел. на 1 га)¹.

В целом, исследователи приходят к выводу, что в Хирбет-Кана I в., где найдены следы 2 общественных построек, развивающегося сельского хозяйства и ремесленного производства, а также признаки роста населения, такие же как и при раскопках в других местах, нет следов упадка.

3.2.2.5. Капернаум²

Раскопки показали, что место это было заселено с эпохи ранней бронзы (ок. 2000 г. до Р.Х.), поселение существовало в среднем и позднем бронзовом веке и, после перерыва с 1200 до 500 гг. до Р.Х., новое поселение, вероятно, было основано уже при персах. Греко-римская эпоха для Капернаума — время расцвета, продолжавшееся до арабского завоевания в VII в. и позднее³.

Во время раскопок были раскрыты несколько жилых кварталов, образованных «жилищами большого клана», замкнутыми, с окнами только во внутренний двор, из которого на улицу вела единственная дверь. На крышу дома можно было попасть по каменной лестнице. Дома строились в основном из местного базальта, без фундамента и без раствора. Легкие плоские крыши сооружались из деревянных балок, которые обмазывались слоем глины, смешанной с соломой.

Ряд важных выводов о месте Капернаума в региональном и межрегиональном экономическом контексте, о его внутренней планировке и о численности населения сделал американский библеист и археолог Дж. Л. Рид. Широко распространенное мнение, что благодаря своему местоположению недалеко от разветвления международной «дороги моря» (Via Maris) Капернаум стал центром интенсивной торговли и местом пересечения «потоков

¹ Richardson P. Khirbet Qana's Necropolis. P. 264. См. Тарханова С. В., Лисовой В. Н. Кана Галилейская.

² Материал данного раздела в сокращенном виде частично опубликован в раздел «Локализация и археологические исследования» статьи: Неклюдов К. В., Тарханова С. В., Коротков П. А. Капернаум // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 533–543.

³ Loffreda. Capernaum. P. 292.

идей и информации»¹, Рид отвергает. Оснований для такого заключения, по его мнению, нет, так как в этой области не найдено милевых камней раннего римского периода (такие находки датируются только началом строительных проектов, связанных с императором Адрианом (117–138 гг.)).

И все же, если рассматривать местоположение Капернаума в узкой региональной перспективе, оно благоприятное по сравнению с другими галилейскими поселениями. Расположенный на границе между тетрархиями Филиппа и Антипы Капернаум имел гавань на берегу озера и был связан таким образом с главными городами региона: Тивериадой, Магдалой, Гиппосом и Гадарой.²

Что касается численности населения Капернаума I в., то в отличие от многих других исследователей, Рид считал, что она была сравнительно небольшой³. В своих расчетах он исходил из уточненных размеров заселенной территории I в. в 6-10 га (значительно меньшей, чем предполагал Ч. У. Уилсон в 1871 г., согласно которому она достигала 30 га, а численность жителей Капернаума определялась в 12-15 тысяч), а плотность населения приравнивал к той, которая устанавливалась для хорошо исследованной Остии (Рим). Численность населения оценивается Ридом несколько раз по-разному: в 1700 жителей⁴, 600–1500⁵ и 1000⁶. В любом случае ясно, что Капернаум по числу жителей значительно уступал соседним городам.

Общий план Капернаума не позволяет обозначить его как «полис», так как нельзя с уверенностью говорить о какой-то централизованной планировке, ортогональной сетке улиц, украшенных колоннами и портиками, не найдено каналов с проточной водой, общественных зданий, расположенных вокруг агоры⁷. В отличие от построек иродианских городов для домов Капернаума характерны грубая кладка стен и дверных косяков⁸. В жилых постройках I в. не обнаружено цветной штукатурки, фресок, архитектурных элементов из гранита и мрамора, красной черепицы⁹. В отличие от Йодфата и Хирбет-Каны здесь нет археологических свидетельств наличия городской элиты, «несущей свою гражданскую ответственность ...

¹ Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris. P. 42.

² Ibid. P. 148.

³ Например, Э. М. Мейерс и Стрендж считали, что в Капернауме жило 12-15 тыс. чел. (Meyers E.M., Strange J. F. *Archaeology, the Rabbis, and Early Christianity*), а К. Ки — 25 тыс. (ср.: Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 65).

⁴ Reed J. L. *Population Numbers, Urbanization, and Exonemics: Galilean Archaeology and the Historical Jesus* // *Society of Biblical Literature: Seminar Papers* / Ed. E. Lovering, Jr. Atlanta, 1994. Vol. 33. P. 212.

⁵ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 152.

⁶ Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus*. P. 81.

⁷ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 152–155.

⁸ Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus*. P. 83.

⁹ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 157.

пожертвованиями на строительство общественных зданий»¹. Некоторые семьи, судя по всему, все же имели довольно большие дома, архитектурно связанные с причалами, к которым могли приставать лодки. Общий вывод Рида таков: Капернаум был одной из наиболее крупных деревень Галилеи, но не полисом.

Благоприятное для экономического развития местоположение Капернаума, с одной стороны, обуславливало относительное благосостояние местных крестьян и рыбаков, при этом не было резкой имущественной дифференциации². С другой стороны, есть свидетельства об использовании здесь наемного труда (Мк 1:20), что указывает на то, что некоторые окрестные крестьяне должны были в поисках работы оставлять свои хозяйства. Рид приходит к заключению, что жители Капернаума были богаче, чем, например, жители Назарета, но, в то же время, благоприятные условия, привлекали сюда и много нищих, калек, блудниц, которые упоминаются в евангельских повествованиях³.

Для понимания социально-экономической ситуации в Капернауме периода правления Антипы важен вопрос о датировке начальной фазы строительства белой синагоги, которая в нынешнем виде относится уже к византийскому периоду (Рисунок 48, 49).

Как отмечает Д. Д. Биндер, Лоффреда и Корбо изначально не датировали ни одну из ее фаз I в. М. Ави-Йона был первым, кто предположил, что базальтовый пол под белой синагогой принадлежал более ранней синагоге⁴ (Рисунок 50). Последующие раскопки убедили их, что первая страта синагоги должна быть датирована I в. Хотя датировка некоторыми отклоняется, она, судя по всему, принята большинством специалистов. Так, Биндер пишет: «весь комплекс археологических свидетельств и данных письменных источников делает вероятным то, что базальтовые каменные стены и каменный пол составляют остатки синагоги, построенной в первом веке по Р.Х. Если принять эту идентификацию, то капернаумская синагога представляет собой самую большую из открытых до настоящего времени синагог периода Второго храма. По своим размерам 24,5 на 18,7 метров по внешнему периметру (и 22 x 16,5 м по внутреннему) она несколько больше синагоги Гамлы»⁵.

Еще одна общественная постройка Капернаума — «дом ап. Петра». Он относится уже к более позднему времени и может рассматриваться как объект истории одной из раннехристианских общин, а не контекста проповеди Иисуса. Поэтому анализ этапов

¹ Ibid. P. 165.

² Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 164–165.

³ Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus*. P. 165.

⁴ Ср.: Binder D. D. *Into the Temple Courts: The Place of the Synagogues in the Second Temple Period*: Diss. 1987. P. 189, Прим. 61.

⁵ Ibid. P. 192; ср. также Runesson A. *The Origins of the Synagogue: A Socio-Historical Study*. Stockholm, 2001. P. 182.

перестроек этого здания выходит за рамки нашей темы. Отметим лишь то, что известно о самой ранней истории этого здания.

Францисканский свящ. Г. Орфали, производивший раскопки Капернаума в 1921–1926 гг., раскрыл в 30 м южнее синагоги большую часть 8-угольного здания с мозаичным полом (Рисунок 51), которое он сначала принял за баптистерий. Впоследствии, в результате работ Корбо и Лофредо, были открыты 3 основных уровня застройки этого места.

Первый уровень образовывали бытовые постройки позднего эллинистического периода (I в. до Р.Х.), среди которых было идентифицировано здание (5.8 x 6.45 м), почитавшееся в первые века христианства как «дом ап. Петра». Весь архитектурный комплекс принято называть *insula sacra* — священный квартал. Дом построен из местного черного базальта, имел несколько небольших комнат, 2 внутренних двора и большую комнату, площадью 12 м². На момент постройки дом ничем не отличался от окружающих его зданий. Археологические данные свидетельствуют о том, что большая комната в этом доме еще в середине I в. по Р.Х. стала использоваться только для общественных собраний.

3.2.2.6. Эт-Телль (Вифсаида?)

От многочисленных, оставшихся по большей части безымянными галилейских деревень в научный оборот введено сравнительно мало археологического материала¹. Данные исследований Назарета фрагментарны, так как поселение часто перестраивалось, и, кроме того, по мнению специалистов², многие публикации материалов раскопок не отвечают современным научным требованиям³. Относительно хорошо изучена только небольшая деревня, существовавшая с 100 г. до Р.Х. на Эт-Телле⁴. Достаточно обширную историографию имеет

¹ Zangenberg J. Das Galiläa des Josephus und das Galiläa der Archäologie: Tendenzen und Probleme der neueren Forschung // Josephus und das Neue Testament: Wechselseitige Wahrnehmungen. II. Internationales Symposium zum Corpus Judaico-Hellenisticum, 25.-28. Mai 2006 / Hrsg. Chr. Böttrich. Greifswald, 2007. P. 285–290.

² Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie..

³ О Назарете времени Иисуса см. Reed J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 131–132.

⁴ Savage C. Supporting Evidence for a First-Century Bethsaida // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg. Tübingen, 2007. P. 193–206. Вопросы идентификации: Kuhn H.-W. Wo wirkte Jesus in der Golanitis?: Archäologische und historische Feststellungen zur Gleichsetzung von Betsaida/Julias mit et-Tell

вопрос об идентичности Эт-Телля с античной Вифсаидой/Юлиадой. Однако результаты археологических работ (ведутся ежегодно начиная с 1987 г.) важны для нашей темы даже независимо от решения этого вопроса, так как дают яркую картину жизни галилейской рыбацкой деревни I в. во многих интересных деталях¹.

На основании изучения керамики в общем стала ясной динамика развития поселения. Заметное увеличение числа керамики и других мелких находок в раскрытых домах с середины III в. до середины I в. до Р.Х. указывает на определенный достаток их жителей. Однако со 2-й половины I в. до Р.Х. эти дома более не используются. Находки 50 г. до Р.Х. — 50 г. по Р.Х. очень редки. С середины I в. по Р.Х. количество керамики вновь увеличивается.

На некоторую степень эллинизации населения и интенсивную торговлю с финикийским побережьем указывают многочисленные фрагменты эллинистической керамики III–II вв. до Р.Х. различных типов, масляные светильники с украшениями, лампы с изображением Эроса и другие, произведенные в восточном Средиземноморье, в Иерусалиме или Финикии. О широком импорте предметов роскоши III–II вв. до Р.Х. говорят десятки фрагментов родосских и книдских амфор для вина, мегарские кубки, другие типы эллинистической посуды финикийского производства², фрагменты терракотовых статуэток, предметы туалета и медицинские инструменты. Эт-Телль оставался цветущим поселением до I в.

В хасмонеиско-римский/иродианский период (I в. до Р.Х.—I в. по Р.Х.) ясно прослеживается смена в типе используемой посуды: вместо импортной распространяется региональная керамика, в том числе из Кфар-Ханани и Шихина, датируемая концом I в. до Р.Х. — I в. по Р.Х.³ и свидетельствующая о существовании еврейской общины в Вифсаиде. Найдены также фрагменты иродианских масляных светильников I в. (не менее 19)⁴, которые появляются здесь приблизительно с 37 г. до Р.Х. и используются до 70 г.⁵ и фрагменты сосудов из известняка (не менее 16; большая часть ручной работы). Все говорит о том, что значительная часть населения Эт-Телля до разрушения Иерусалима в 70 г. была еврейским⁶.

in frühromischer Zeit // Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008. S. 149–183. S. 179–183.

¹ Об Эт-Телле вообще: Strickert F. M. Bethsaida: Home of the Apostles. Collegeville, 1998. P. 47–75; Kuhn H.-W. Wo wirkte Jesus in der Gaulanitis. P. 160–179; об Эт-Телле как Вифсаиде см.: Savage C. Supporting Evidence for a First-Century Bethsaida; Savage C. Biblical Bethsaida: An Archaeological Study of the First Century. Lanham, 2011.

² Savage C. Supporting Evidence for a First-Century Bethsaida. P. 205.

³ Adan-Bayewitz D. Common Pottery. P. 148.

⁴ Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit: Historische, archäologische und philologische Probleme einer als Wirkungsstätte Jesu angenommenen Ortslage: Teil 2 // ZNW. 2010. Bd. 101. N 2. S. 179.

⁵ Savage C. Biblical Bethsaida. P. 114.

⁶ Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit: Teil 2. S. 184.

О развитии ремесле, сельском хозяйстве, производстве оливкового масла, рыбной ловле и текстильном производстве в эллинистическо-римское время свидетельствуют находки топоров, серпов, ножей различного типа, ткацких пряслиц и других орудий труда, а также крючков, базальтовых и свинцовых грузил для сетей и т.п.

После некоторого упадка в конце эллинистического периода поселение I в. на Эт-Телле вновь расширяется, включив в себя элементы большого эллинистического поселения. Однако Эт-Телль I в. был более бедным поселением, менее, чем раннее эллинистическое поселение, ориентированным на финикийское побережье и более на еврейскую Галилею. При этом нет свидетельств прерывания заселения (нет следов разрушений и нарушения нумизматического ряда).

Небольшое, по сравнению с эллинистическими, число иродианских монет, найденных на Эт-Теле (всего 8 на 2010 г.), не противоречит представлению об Эт-Телле I в. как о еврейской деревне. С одной стороны, их вообще было немного отчеканено, с другой — в самом поселении после его возведения в статус полиса (если верна идентификация с Вифсаидой/Юлией) в первые десятилетия I в. активного строительства вряд ли можно было ожидать, так как Филипп после возведения Вифсаиды в статус города правил всего лишь около 3 лет.

Есть находки фрагментов изделий из стекла раннего римского времени (опубликовано около 10 примеров¹), три фрагмента чаш датированы дофлавианским², а еще 3 клавдианско-флавианским временем³. С учетом фрагментов изделий из стекла эти данные подтверждают непрерывность заселения Эт-Телля греко-римского времени.

Две важные для реконструкции жизни галилейской деревни римского времени находки: красивые римские бронзовые фибулы для плаща 1-й половины I в. по Р.Х.⁴ и хорошо сохранившийся совочек для ладана, датируемый на основании типологии раннеримским периодом.

Из архитектурных построек греко-римского времени раскрыты два больших эллинистических дома с дворами, использовавшиеся еще в начале римского периода, а также небольшой римский дом, пристроенный к городской стене железного века. Найден базальтовый

¹ Rottloff A. Pre-Roman, Roman and Islamic Glass from Bethsaida // Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee. Kirksville, 2009. Vol. 4. P. 214–215.

² Kuhn H.-W. Betsaida und das Neue Testament // Leben am See Gennesaret / Hrsg. G. Faßbeck e.a. Mainz, 2003. S. 166.

³ Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit: Teil 2. S. 186.

⁴ Подробно см. Kuhn H.-W. Wo wirkte Jesus in der Golanitis. S. 177–178.

дверной архитрав, который на основании рисунка его орнамента также относят к 1-й половине I в. по Р.Х.¹.

Заметное место в научных дискуссиях об Эт-Телле/Вифсаиде времени Иисуса занимает вопрос о существовании здесь эллинистическо-римского храма. В 1999-2000 гг. польские археологи раскопали остатки постройки, которую они идентифицировали как раннеримский храм с несколькими эллинистическими фазами строительства². Ранее (в 1989 г.) на этой же территории была обнаружена эллинистическая терракотовая статуэтка танцующей женщины, возможно жрицы. Поскольку подобные статуэтки иногда встречаются в переднеазиатских храмах, связанных с культом женщин – членов императорской семьи (как вариант императорского культа), было высказано предположение, что римский храм в Эт-Телле также имел отношение к этому культу (судя по датировке, это был культ Юлии/Ливии, матери императора Августа)³. Мнение о существовании храма эллинистического, домаккавейского времени, пережившего к 30 г. 26 реконструкций, получило в науке широкое признание. Какой-то альтернативной идентификации пока не представлено⁴, хотя отмечаются некоторые проблемы и указанной идентификации. Так, с восточной узкой стороны, где располагались колонны, не было бы достаточно места для широкого входа, высота стены между 2 северными камерами городских ворот железного века исключает возможность наличия здесь какого-то двора (впрочем, польские ученые пришли к выводу, что основной вход был на северной стороне). Датировка здания в окончательном виде приблизительно 30 г. по Р.Х. в основном определяется по эллинистической статуэтке, раннеримскому архитраву и монетам⁵. Многочисленные этапы реконструкции здания определяются по наложенным друг на друга слоям пола⁶.

В итоге можно отметить, что хотя жизнь в деревне Эт-Телля в I до Р.Х. была в целом традиционной, жители были по-прежнему открыты для участия в торговле иностранными товарами, привлекаемыми в этот регион из других районов империи. Остается заметным влияние эллинистической культуры. Здешние рыбаки, судя по всему, имели доступ и к рынкам Средиземноморья.

¹ Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit. S. 22.

² Skupinska-Løvset I. The Temple Area of Betsaida: Polish Excavations on Et-Tell in the Years 1998–2000. Łódź, 2006.

³ Kuhn H.-W. Jesu Hinwendung zu den Heiden im Markusevangelium im Verhältnis zu Jesu historischem Wirken in Betsaida: mit einem Zwischenbericht zur Ausgrabung eines vermuteten heidnischen Tempels auf et-Tell (Betsaida) // Die Weite des Mysteriums: Christliche Identität im Dialog: Für Horst Bürkle. Freiburg [im Breisgau], 2000. S. 222–229.

⁴ Arav R. The Archaeology of Betsaida and the Historical Jesus Quest // The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers. Boston, 2007. P. 325–327.

⁵ В 1990 г. в контексте этого здания (квадрат G 51) найдены 4 монеты времени Филиппа.

⁶ Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit. S. 28.

3.2.2.7. Выводы. Сельская экономика региона

Описанная выше археологическая картина жизни галилейских поселений (а в случае Гамлы и голанских) и городов в целом показывает, что уровень жизни среднего галилеянина не был низким. Остатки богатых жилых домов, предметы домашнего хозяйства, средства производства в сельском хозяйстве, скотоводстве и следы развитой локальной торговли — все это предполагает, что жители Галилеи имели достаточно ресурсов, чтобы не провалиться в нищету, вопреки мнению некоторых ученых. Раскопки показали, что жители могли позволить себе приобретать даже предметы роскоши.

Климат в регионе позволял развивать такие важные элементы местной экономики как производство оливкового масла и вина. Находки раннеримских виноградо- и маслодавильных прессов в нескольких поселениях Галилеи подтверждают важную роль этих товаров в экономике Галилеи. Галилеяне вполне могли удовлетворить местный спрос на эти товары, а также экспортировать их в ближайшие еврейские общины¹. Кроме того развивались такие отрасли ремесленного производства как текстильное и гончарное. Остатки мельниц в небольших поселениях и городах Галилеи говорят о том, что жители могли быть участниками рыночного обмена между поселениями. «В целом, археология не подтверждает образ галилеянина как полуголодного крестьянина»².

Важнейшим элементом экономики региона озера в I в. была рыбная ловля³. Два открытия сыграли существенную роль для его понимания. Прежде всего, это обнаружение в 1986 г. к югу от киббуца Гиносар хорошо сохранившейся лодки I в.⁴ (размер приблизительно 8,8 x 2,5 м., глубина 1,25 м.). Исследователи пришли к заключению, что это типичный для региона образец большой лодки, которые использовались для ловли рыбы сетью. Судя по найденной в Магдале мозаике I в. с изображением подобной лодки, ею могли управлять не менее 5 человек⁵. Иосиф Флавий и евангелисты сообщают, что такие суда могли вмещать от 5

¹ Aviam M. Socio-Economic Hierarchy.

² Aviam M. People, Land, Economy. P. 29.

³ Так, Страбон отмечает, что Тарихея (Магдала) была известна своей соленой рыбой (Strabo. Geogr. XVI 2. 45).

⁴ Wachsmann Sh. The Sea of Galilee Boat: An Extraordinary 2000 Year Old Discovery. New York, 1995. Время ее постройки с помощью радиоуглеродного анализа определяется как 40 г. до Р.Х. (плюс-минус 80 лет).

⁵ Zangenberg J. Magdala am See Gennesaret. S. 50–56.

до 12 человек¹ и использовались для перевозок или ловли рыбы с помощью сетей. При этом хозяева могли привлекать для этого и наемных работников (Мк 1:20). Рыболовство, таким образом, позволяло рыбаку не только прокормить свою семью, но и, как показывают раскопки в Эт-Телле, приносить большой доход.

Кроме находки «галилейской лодки» ряд интересных выводов позволила сделать реконструкция античной практики ловли рыбы на озере, проведенная М. Нуном, рыбаком с многолетним стажем из киббуца Эйн-Гев. Нун обнаружил остатки приблизительно 17 древних гаваней и якорных стоянок, древние волнорезы, множество каменных якорей и грузиков для утяжеления сетей². Точная датировка гаваней затруднена; историки предпочитают говорить о раннеримском периоде вообще, без уточнения, к какому десятилетию их можно отнести. Нун также исследовал остатки рыбацких сетей и реконструировал методы ловли рыбы на Галилейском озере в античности³.

Говоря об особенностях экономической ситуации в Галилее времени Иисуса, нельзя не указать на археологические свидетельства развития локальной и межрегиональной торговли. Наличие посуды из Кфар-Ханании в Десятиградии Финикии, например, дает доказательства того, что по крайней мере некоторые ремесленники в галилейских селах сбывали свои товары за пределами Галилеи.

Важную информацию для этой проблемы дают археологические исследования системы римских дорог в Галилее. Стало ясно, что дорог, которые могли бы способствовать развитию межрегиональной торговли здесь не было до 1-го антиримского восстания. Самый ранний найденный мильевой камень на дороге Легио–Скифополь датирован 69 г.⁴ Дороги, пригодные для транспортировки грузов в другие регионы, здесь начали строить только после прихода римской армии⁵. Качество более ранних локальных дорог в Галилее этого не позволяло⁶. Строительство дороги Легио–Скифополь уже после восстания⁷ заметно меняет ситуацию и приводит к ускорению экономического развития и эллинизации региона в конце I в.

Торговля с Иудеей в I в. по Р.Х., видимо, стала более интенсивной, о чем свидетельствуют, в частности, упомянутые многочисленные находки иродианских светильников и каменных сосудов, сделанных в Иерусалиме. Причину развития торговых

¹ Ios. Flav. Vita 164; Мк 1.20; Ин 21.2–3.

² Nun M. Ancient Stone Anchors and Net Sinkers From the Sea of Galilee. Ein Gev, 1993. P. 7; фотографии: Ibid. P. 39–53.

³ Nun M. The Sea of Galilee and Its Fishermen in the New Testament. Ein Gev, 1989.

⁴ Isaac B. Roman Roads in Judaea. Oxford, 1982. Vol. 1. P.9.

⁵ Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1990. P.111.

⁶ Isaac B. Roman Roads in Judaea. P.7–9.

⁷ Ibid.

отношений с Иудеей можно видеть в общей религиозной идентичности жителей обоих регионов. Большая часть найденных в Галилее иродианских светильников и каменных сосудов была изготовлена в Иерусалиме, хотя эти предметы могли производиться и галилейскими ремесленниками.

Заметное присутствие посуды из Кфар-Ханании и Шихина в других городах Галилеи, в том числе ближайших, расположенных уже за ее пределами, ставит вопросы о развитии и ее локальной торговли. Учитывая низкое качество дорог Галилеи до 1-го антиримского восстания, можно предположить, что большие затраты на транспортировку по дорогам могли создавать трудности для ремесленников, которые развозили свой товар по окрестным поселениям. Единственным приемлемым объяснением того факта, что произведенная здесь керамика стала доминировать на рынках по всей Галилее, остается предложение Д.Адана-Байевича, который пришел к выводу, что это произошло потому, что рыночными распределительными центрами, где гончары из Кфар-Ханании и Шихина могли продавать свой товар всем приходившим сюда галилеянам, служили Сепфорис и Тивериада¹ (этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что ни одно изделие из Кфар-Ханании не датируется временем ранее основания Сепфориса и Тивериады). Именно так, несмотря на плохие дороги, эта посуда могла распространяться по всему региону. Купленные в городах (немногочисленные) товары потребители везли домой не имея тех проблем, которые вставали бы перед гончарами, если бы они попытались самостоятельно развезти свою продукцию по окрестным деревням.

Если согласиться с выводами Адана-Байевича, то торговля керамикой в Галилее демонстрирует наличие развитых экономических связей между большими городами и другими поселениями и свидетельствует о том, что продолжающаяся при Антипе урбанизация Галилеи могла иметь заметные экономические выгоды для сельских ремесленников и крестьян.

Как археолог Адан-Баевич не видит оснований для распространенного в литературе конца XX в. представления о галилейских крестьянах как о людях, задавленных экономической эксплуатацией со стороны городских властей. Против этого говорит само количество и широкая область распространения произведенной в Кфар-Ханании и Шихине посуды. Возникновение иродианских городов, таким образом, было выгодно крестьянам, давая им возможность для расширения торговли и освоения более крупных рынков. Кроме того, в свете полученных данных не выдерживает критики и тезис ранней историографии о Галилее I в. как исключительно аграрной области.

¹ Adan-Bayewitz D. Common Pottery. P. 233–234.

В завершение нельзя не отметить влияния на экономическую ситуацию Галилеи времени Иисуса такого фактора как выпуск монет при тетрархе Антипе.

Ряд ученых утверждает, что локальный выпуск монет в иудейской Галилее при Антипе отражал его попытку монетаризировать экономику региона, что, по их мнению, оказало заметное негативное влияние на экономическое благосостояние многих галилейских крестьян¹. Нумизматическая статистика, однако, не подтверждает тезиса о заметной монетаризации экономики Галилеи в I в.² Во-первых, при Антипе было выпущено очень немного монет, и общее их количество в обороте существенно не изменилось³. Во-вторых нерегулярность выпусков монет Антипой предполагают, что он чеканил их для решения своих конкретных политических или пропагандистских целей, а не по экономическим причинам⁴.

3.2.3. Выводы к разделу 3.2

Итак, данные археологических исследований галилейских поселений позволяют сделать некоторые выводы о социально-экономической ситуации в Галилее в период между смертью Ирода Великого и началом 1-го антиримского восстания. Для этого и более раннего хасмонеяского периодов археологически просматривается забота иудейских властей об организации государственной жизни в регионе, проявившаяся прежде всего в строительстве городов — Магдалы хасмонеями, Сепфориса и Тивериады при иродианском правителе Антипе, которые не влекли за собой негативных экономических последствий. Новыми публикациями в целом подтверждаются основные выводы Стрэйнджа, Эдвардса и Йенсена. Результаты раскопок Йодфата, Хирбет-Каны, Капернаума и Гамлы с ясностью свидетельствуют о благосостоянии галилейских поселений I в., в которых могли строиться общественные здания, развивалось ремесленное производство, появлялись богатые кварталы, а сама занимаемая

¹ Reed.J. L. Archaeology and the Galilean Jesus. P. 83–89.

²Так утверждает: Arnal W. E. The Parable of the Tenants and the Class Consciousness of the Peasantry // Text and Artifact: Religions in Mediterranean Antiquity: Essays in Honour of P. Richardson / Ed.S.G.Wilson, M.Desjardins. Waterloo, 2000. P.138.

³ Meshorer Y. Ancient Jewish Coinage. P. 41.

⁴ Jensen H. M. Josephus and Antipas. P. 214–215.

поселениями площадь заметно увеличивалась. Эти процессы происходят на фоне также археологически фиксируемого роста населения Галилеи, начавшегося еще в I в. до Р.Х.¹

Реконструируемая картина процветания исследованных поселений в довоенный период I в. свидетельствует о том, что 2 важных процесса, повлиявших на галилейский мир I в., — рост сельского населения и урбанизация Антипы — не имели своим следствием заметного снижения уровня жизни галилейских крестьян и напряженных отношений с развивающимися городами. Наоборот, в ближайшей перспективе эти изменения скорее имели позитивные последствия для крестьян². Можно с определенной уверенностью предполагать, что, хотя бы частично, ресурсы для развития небольших галилейских поселений черпались в возможностях, которые предоставляла урбанизация Галилеи, открывшая крестьянам и деревенским ремесленникам новые рынки.

Материалы раскопок вышеуказанных поселений позволили сделать выводы о социально-экономических последствиях урбанизации Антипы. Какие-либо признаки упадка экономической жизни в таких поселениях (как следствие эксплуатации городами окружающих территорий, на чем, например, настаивал Кроссан) отсутствуют, наоборот наблюдается расширение поселений и увеличение их общин. Об их росте, а также о некотором влиянии эллинистических представлений о жизни говорят находки богатых частных домов (в Йодфате: стены некоторых домов украшены фресками, цветной штукатуркой) и общественных построек (в Гамле: базилика и синагога; в Капернауме: остатки синагоги I в., остатки общественного здания на православном участке современного Капернаума, жилые инсулы, сближающие поселение с Сепфорисом и Тивериадой; в Хирбет-Кана: различные жилые и производственные зоны), а также предметов бытовой роскоши (например, в Йодфате многофитильный светильник и фрагменты прямоугольного стола из известняка и др.).

Что касается деревень Галилеи I в., то найденного археологического материала по-прежнему недостаточно для характеристики их социально-экономического положения. Из многочисленных поселений этого типа хорошо раскопан только Эт-Телль, где также найдено какое-то количество импортной керамики и изделий из стекла, так что деревенский мир озера также был открыт для импорта эллинистических товаров.

Результаты раскопок позволяют также заключить, что экономика «сельских городов» и деревень была ориентирована не только на поддержание минимального уровня жизни крестьян,

¹ Leibner U. Settlement and History.

² Не противоречит этому и факт увеличения населения Галилеи. Отрицательные для уровня жизни последствия увеличения населения — истощение ресурсов и распространение болезней — начинают чувствоваться только через одно или несколько поколений. Кроме того, увеличение населения в I в. на фоне низкой заселенности Галилеи в предшествующий период не могло еще оказать большого влияния на экономику.

но и, как уже было отмечено, на городские рынки. Раскопки в Кфар-Ханании, показали, что это был деревенский производственный центр, откуда керамика распространялась во многие другие места, в том числе по городским рынкам Галилеи (прежде всего в Сепфорисе и Тивериаде) и оттуда — в окрестные поселения. Широкое распространение керамических изделий из Кфар-Ханании и Шихина свидетельствует об интенсивном экономическом взаимодействии городских рынков и потребителей товаров в деревнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная археология проливает новый свет на ряд проблемных точек в дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса Христа, поставленных в библеистике XIX-XX вв. Это прежде всего вопросы об этно-религиозной идентичности и о социально-экономической ситуации в Галилее этого времени, которые, с одной стороны, становятся важной предпосылкой того или иного ответа на вопрос о восприятии первыми (галилейскими) слушателями универсалистской проповеди Иисуса и Его интерпретации иудейского закона, с другой — для понимания социального контекста и учения, адресованного преимущественно галилейским беднякам.

Приведенный в 1-й главе анализ свидетельств письменных источников, которые в научных дискуссиях использовались в качестве аргументов в пользу того или иного представления о религии галилеян I в. и о социальной ситуации в этом регионе, показывает, что исследования, выполненные только на основании данных источников не могли дать однозначных результатов. Свидетельства древних письменных памятников об истории Галилеи и религиозно-культурной ситуации в данном регионе могут использоваться в пользу альтернативных позиций.

С одной стороны, исследователи делали вывод о галилеянах II-I вв. до Р.Х. как евреях, оставшихся верными хасмонеям и оказывавших сопротивление иродианским властям (это отражено в реформе Габиния, когда Галилея была признана одним из еврейских регионов; ситуация также видимо была учтена при разделении территории царства Ирода Великого после его смерти). Засвидетельствованные в источниках особенности правления тетрарха Ирода Антипы в целом также позволяют говорить о галилеянах как об иудеях, верных религиозным традициям Иерусалима (раздел 1.1.2), в пользу чего можно привести свидетельства об общих с жителями Иудеи чертах благочестия (раздел 1.2.3) — о выплате десятины, паломничествах в Иерусалим, наличии учителей закона в Галилее до 70 г., о том, что галилеяне избегали некошерной пищи, производили ритуально чистое масло, а мужчины были обрезаны. В то же время в равнинистических источниках (в основном в пренебрежительных сообщениях мудрецов, которые начинают переселяться в Галилею со II в.) сохранились указания на некоторые особенности религиозного менталитета галилеян I в., проявившегося прежде всего в области семейных отношений, погребальных обрядов, соблюдении праздников и обетов. Все это равнины объясняют преимущественно тем, что здесь отсутствовало необходимое

религиозное образование. Кроме того с жителями Галилеи (согласно Иосифу, с представителями одной галилейской семьи) связывается особый религиозный радикализм, эсхатологическую идеологию, обосновывающую возможность восстания против иродиан и римлян. Галилейским радикализмом объясняют и свидетельства о конфликтах с язычниками. Наконец, известной чертой религиозности галилеян I в. было распространение здесь учителей-харизматиков, для которых характерно более свободное отношение к предписаниям Торы и акцентирование нравственного наставления, а не культа.

Наряду с этим образом «еврейской Галилеи» некоторые свидетельства источников позволяют говорить о присутствии и влиянии здесь язычников. В качестве аргументов в пользу представления о Галилее как о полуязыческой земле со смешанным населением привлекаются классические свидетельства Ис 8:23 и 1 Макк 5:15, где Галилея названа «языческой». В итоге целостной картины этно-религиозной ситуации в Галилее времени Иисуса не возникает.

То же самое можно сказать о свидетельствах источников о социально-экономической и социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса (раздел 1.2.1). Опираясь на данные свидетельства, исследователи не пришли к однозначному выводу по этим вопросам. В пользу того, что социальные отношения в рассматриваемый период были напряженными говорят данные о развитии здесь крупного землевладения и, как следствие, заметного социального расслоения. Напротив, о стабильности положения могут свидетельствовать сохранившиеся у Евсевия сообщения Гегезипа о галилейских крестьянах (внуках Иуды, брата Господня) как вполне зажиточных людей; отсутствие сообщений о голоде в Галилее времени Иисуса, и сам факт реализации строительных проектов тетрарха Антипы, вполне вероятно, за счет достаточных внутренних ресурсов.

Письменные источники в общем не позволяют также с уверенностью описать картину социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса. О нестабильности могут говорить свидетельства о «разбойничьей войне», когда был разрушен Сепфорис, а его жители проданы в рабство, о восстании Иуды Галилеянина и движении зилотов, пророчество о недолгом правлении сыновей Ирода Великого в «Вознесении Моисея». Противоположный вывод о стабильном правлении Антипы подтверждается самим фактом правления в Галилее царей-клиентов, без прямого римского вмешательства; отсутствием упоминания в Галилее времени Иисуса каких-либо войн и восстаний (описание Иосифом движения зилотов как связанного с представителями одной галилейской семьи объясняется апологетической интенцией автора; но даже если принять его описание, все равно с 4 г. до Р.Х. никто из лидеров партии зилотов не действовал в Галилее).

Эта неоднозначность данных источников по интересующим нас вопросам определила в европейской библеистике многолетнюю научную дискуссию. Ее анализу посвящается 2-я глава «Проблема Галилеи как религиозного и социально-экономического контекста проповеди Иисуса в библеистике XIX-XX вв.», в которой рассматривается историография вопроса начиная с «доархеологического» периода новозаветной науки и до работ последнего десятилетия, выделяются основные этапы и направления дискуссии, систематизируются аргументы представителей альтернативных позиций. Было показано, что в ней прослеживается определенная эволюция в степени интереса к галилейскому контексту проповеди Иисуса. Так, во 2-й половине XIX в. очевиден интерес к галилейскому ландшафту в романтическом направлении (Эрнст Ренан, Георг Смит, считавшие возможным искать объяснения событий жизни и отдельных тем проповеди Иисуса в особенностях менталитета галилеян, обусловленного природой и географией региона).

Современные дискуссии о контексте определены сложившимися уже в 1-й половине XX в. в немецкой библеистике двумя альтернативными образами Галилеи. С одной стороны, была предложена гипотеза «Галилеи языческой» (В. Бауэр, Г. Бертрам, В. Грундман, Э. Шюрер), в рамках которой универсалистские черты проповеди Иисуса во многом объяснялись особенностями галилейского контекста, недостаточным знанием галилеянами Торы и влиянием на них эллинистической культуры. С другой стороны, свою аргументацию получила гипотеза «еврейской Галилеи» (А. Альт), ставшая предпосылкой для вывода о том, что Иисус проповедовал среди галилеян, потомков древних израильтян, сохранивших свои религиозные традиции. Сравнение аргументации сторонников альтернативных позиций в историографии вопроса о контексте иллюстрирует сложность проблемы.

Благодаря введению в научный оборот археологических данных дискуссии о контексте проповеди Иисуса приняли новые направления. С одной стороны, некоторые вопросы, считавшиеся неразрешимыми, были закрыты, с другой стороны, ряд проблем получил новые варианты решения.

1) К числу получивших окончательное решение относятся вопросы:

(а) о происхождении населения раннеримской Галилеи (о преемственности (этнической и/или религиозной) Галилеи и северного Израильского царства и о возможном происхождении галилеян от итуреев, обращенных в иудаизм хасмонеями);

(б) о присутствии в Галилее иудейского типа религиозности;

(в) о социально-экономической стабильности в Галилее времени Иисуса Христа.

Современные археологические данные в целом не подтвердили распространенные еще во 2-й половине XX в. гипотезы о полуязыческой Галилее, с одной стороны, и о религиозно-

культурной преемственности населения Галилеи времени Иисуса с населением древнего Израильского царства, с другой. Учитывая опубликованные на начало 2000-х гг. материалы галилейских раскопок можно с уверенностью утверждать, что итогом ассирийского разгрома было полное запустение региона, а не начало длительного процесса смешения прежнего израильского и новоприбывшего языческого населения (как полагали В. Бауэр, В. Грундман и другие). Данные археологии лишают также всякой предпосылки и предпринятую в 90-х гг. XX в. попытку Р. Хорсли актуализировать гипотезу А. Альта, согласно которой галилеяне I в. были потомками северных израильтян, не депортированных ассирийцами, а проповедь Иисуса во многом — попыткой актуализировать ценности древней израильской традиции завета Бога с Моисеем, которые в ситуации культурных изменений иродианского времени оказывались под угрозой.

Обе гипотезы не выдерживают критики ввиду того, что выводы археолога Ц. Гала о разорении Галилеи ассирийцами и последующем ее запустении в VIII в. до Р.Х. нашли подтверждение в более поздних исследованиях. Отвергнутые еще Хорсли как предварительные и основанные преимущественно на разведках, они в общем поддерживаются результатами работ, проведенных в рамках широкомасштабных раскопок и разведок под руководством М. Авиам и группы Р. Франкеля. Основные тезисы обеих гипотез (о смешанном полуязыческом населении Галилеи и о культурном и религиозном континуитете от времени заселения ее израильтянами до иродианского периода) лишаются своих предпосылок уже потому, что исследования поселений Железного века I (1200–1000 гг. до Р.Х.) и Железного века II (1000–600 гг. до Р.Х.) показывают резкую депопуляцию Галилеи в ЖВ II (после ассирийского завоевания) и постепенное становление другого «образца поселения» в ЖВ II, свидетельствующего о начале этнических изменений.

Кроме того, не поддерживается и итурейская гипотеза происхождения галилеян I в. (Э. Шюрер), которая также использовалась для объяснения галилейского менталитета («поверхностный иудаизм» недавно обращенного итурейского населения). В настоящее время ученые отказываются от однозначного соотнесения поселений с особым («итурейским», как считалось) типом керамики с итуреями.

Археологические данные позволили выдвинуть и обосновать новую гипотезу происхождения населения Галилеи раннеримского времени, которая в настоящее время является общепринятой. Помимо дополнительного подтверждения выводов Гала о запустении региона археологи (М. Авиам, Р. Франкель, У. Лейбнер и др.) восстановили дальнейшую историю его заселения в позднеэллинистический и раннеримский период. Это позволило сделать вывод о том, что в основном галилеяне времени Иисуса были потомками переселенцев

из Иудеи, переместившихся сюда незадолго до хасмонейского завоевания, уже при хасмонеях или в более позднее время, при римлянах.

В пользу этого вывода свидетельствуют следующие данные. Следы постепенного нового заселения региона прослеживаются только в конце персидского периода и, более явно, уже в эллинистическое время, а с хасмонейского периода и в течение в I в. до Р.Х. – I в. по Р.Х. появляется много новых поселений, во всей области заметен значительный рост населения (заселенная площадь увеличивается на 50%, а население — в 2 раза).

В начале I в. до Р.Х. археологически фиксируются изменения в образе жизни населения Галилеи и на Голанах (некоторые небольшие поселения, где ранее присутствовала «галилейская грубая посуда», оставлены прежними жителями, возникают новые поселения со своей структурой (характерные иудейские дома) и посудой южного типа из местной глины и следы разрушений языческих поселений (разрушены и оставлены финикийский административный центр в Кедеше и храм в Мицпе-Яммим, некоторые его священные предметы десакрализованы, та же участь постигла храм в Беэр-Шебе). В Йодфате открыт слой разрушения, над ним возведена хасмонейская стена. Все эти изменения объясняются приходом новых еврейских поселенцев после хасмонейского завоевания Галилеи.

Отмечаются изменения в «обычаях трапез» (отказ от определенного типа импортной посуды и, соответственно, самого образа трапезы), по всей территории Галилеи появляются хасмонейские монеты.

(б) Вывод о заселении Галилеи иудейскими колонистами в хасмонейско-иродианский период поддерживается несколькими археологическими маркерами идентичности нового населения, указывающих на его отношение к иудейскому типу религиозности. Это: (1) ступенчатые бассейны для ритуальных омовений (миквы), появившиеся непосредственно после хасмонейского завоевания; (2) широкое использование каменных сосудов, которые начали производиться в Галилее, вскоре после того, как их стали делать в Иерусалиме; (3) отсутствие свиных костей. Найдено много предметов и следов обрядов с очевидной религиозной функцией, например: (4) совочки для ладана; (5) следы обряда погребений с использованием типично иудейских локулов (кохим). Именно религиозной мотивацией может быть объяснено (б) широкое распространение хасмонейских и иродианских монет из Иерусалима, без изображения живых существ, и масляных «иродианских» светильников, а также предпочтение в некоторых местах местной посуды перед импортной. О близости религиозных традиций Галилеи и Иерусалима свидетельствуют находки остатков синагоги и украшенного рельефом камня в Магдале.

(в) Археологические исследования позволяют с уверенностью делать заключение о социально-экономических отношениях в раннеримской Галилее, о которых на основании письменных источников возникает лишь двойственное впечатление. Современная дискуссия по этому вопросу определена противостоянием 2 основных позиций: сторонников гипотезы социального конфликта и сторонников гипотезы социально-экономической стабильности. Позиции исследователей во многом зависят от той или иной социологической модели античного общества, разработанной в исторической науке и принятой в новозаветных исследованиях для интерпретации свидетельств письменных и материальных источников. Несмотря на широкое применение этого подхода в исследовании исторического контекста проповеди Иисуса, критика социологического метода противниками этого подхода (прежде всего М. Савицки) продемонстрировала его недостаточную ценность для нашего исследования [раздел 2.2.3]. Выделенные в рамках этой критики признаки ограниченности социологического подхода позволяют отказаться от попытки реконструировать детали социального галилейского контекста проповеди Иисуса с помощью одной из распространенных социологических моделей, как поступали некоторые исследователи. К ним относят то, что используемые библеистами социологические модели (возникшие в 60-70-х гг. XX в.) преимущественно основаны на европоцентричных категориях, упускающих уникальные черты исследуемых обществ; модели не сообщают новых данных, а экстраполируют уже известную информацию, не принимая во внимание особенности исследуемого общества. Принимая аргументы критиков социологического подхода, рассмотренные во 2-й главе, мы исходим из того, что вопросы социально-экономической ситуации в Галилее I в. получают вполне приемлемое разрешение на основании только археологического материала без привлечения социологических моделей.

Вопрос о степени урбанизации Галилеи периода Антипы на примере построенных им Сепфориса и Тивериады рассмотрен в последнем разделе 3-й главы (в дополнение к известному из более ранних публикаций приводится также опубликованный материал из последних раскопок Магдалы, расширяется список эллинистических городов, с которыми сравниваются города Антипы).

Анализ отчетов, статей и в некоторых случаях итоговых монографий позволяет сделать общие выводы о степени урбанизации, типах поселений и о социально-экономических последствиях строительных проектов Антипы для окружающих сельских территорий, а также несколько дифференцировать прежний (существовавший в работах 80-90-х гг.) образ галилейского крестьянина.

Наиболее исследованы 3 больших города — столичные Сепфорис и Тивериада, и построенная еще при хасмонеях Магдала.

С учетом последних раскопок в Магдале можно говорить о необходимости пересмотра вопроса о степени урбанизации и, в целом, эллинизации региона в иродианский период. В это время на относительно небольшой площади Галилеи существовали три города, построенные согласно принципам эллинистического градостроительства. Из них Магдала существовала еще до Антипы и уже на этом этапе имела архитектурные особенности, соответствующие эллинистическим центрам Малой Азии и Сиро-Палестинского региона. Строительство Магдалы с ее огромным портом (что предполагало большие государственные инвестиции) — пример стремления новой хасмонеийской власти в регионе к развитию существующих экономических связей и включению в межрегиональную торговлю. Больших размеров порт на берегу озера позволяет предположить, что Магдала была перевалочным пунктом для дальнейшей транспортировки товаров из городов Восточного Средиземноморья в Сирию и Десятиградие и должна была оказывать заметное влияние на жизнь региона Галилейского озера. Этот вывод, а также сам факт существования 3 городов на сравнительно небольшой территории Галилеи лишает достаточной аргументации вывод об относительной замкнутости Галилеи I в. по отношению к влиянию извне. Ясно, что их строительство (по крайней мере, столиц) требовало больших инвестиций и привлечения рабочих рук в течение длительного времени. Это вряд ли можно допустить без такого же длительного периода политической и социальной стабильности. Опубликованные материалы раскопок небольших галилейских поселений позволяют считать время Антипы именно таким и, в целом, согласиться с выводами Эдуардса и Йенсена.

Роль строительных проектов тетрарха Антипы в урбанизации Галилеи очевидна. При том, что нет консенсуса в оценке вклада Антипы в развитие Сепфориса (город не выходил за пределы западного холма (до 4 га) и был очень небольшим по сравнению со временем его расширения во II-III в. (Вейс, Нэцер), археологи фиксируют следы вклада Антипы в его строительство (материал дворцовой постройки (Мейерс), заметные следы целого плана строительства города: постройки на акрополе, ранняя кардо, ранний этап римской базилики на восточном склоне акрополя (Рид, Йенсен)).

Оба столичных города по своим размерам и архитектуре были очень скромными. Слои I в. в Сепфорисе сохранились очень плохо, этим временем датируются лишь немногие объекты (остатки дома с миквами на западном холме, театр (датировка спорная), акведук и некоторые другие объекты). Основным импульсом развития и эллинизации город получил уже в начале II в.

В Тивериаде I в. датируются немногие объекты, но в целом можно говорить о ясной программе строительства тетрарха. Здесь I в. датируют монументальные ворота, помещение с мозаичным полом в иродианском стиле, возможно оставшееся от дворца Антипы, остатки

стадиона, начальная стадия строительства театра и некоторые другие объекты. Сравнение размеров и архитектуры галилейских столиц I в. с эллинистическими центрами ближайшего окружения позволяют сделать вывод о достаточно небольших размерах этих галилейских городов в I в.

Это в целом не меняет основных положений Эдуардса и Йенсена об отсутствии признаков отрицательного влияния строительных проектов Антипы на социально-экономическую жизнь Галилеи. Как показывает анализ публикаций раскопок Капернаума, Йодфата, Хирбет-Каны и Гамлы, здесь не находят заметных следов экономического упадка поселений в результате эксплуатации (как, например, настаивал Кроссан) развивающимися городами ресурсов окружающих территорий. Наоборот, наблюдаются признаки экономического развития и расширения территорий этих поселений. Антипа проводил политику романизации подвластной территории не за счет экономического угнетения их населения.

Некоторые новые детали этой ситуации получены в ходе раскопок в Эт-Телле, где найдено какое-то количество импортной керамики и изделий из стекла. Все это свидетельствует о том, что деревенский мир озерного региона также был открыт для импорта эллинистических товаров.

Есть основания для пересмотра прежнего представления о «крестьянах» Галилеи как о единой социальной группе, которую образовывали люди, находящиеся на грани нищеты и, в то же время, сохраняющие традиционные израильские представления о справедливой жизни. Археологические данные, на основании которых можно судить о развитии торговли и производстве керамики в сельских центрах, а также находки предметов роскоши позволяют видеть в галилейских крестьянах уже не однородную группу угнетаемых городской элитой (как, например, считал Кроссан, Оверман и другие), но рассматривать ее как уже социально дифференцированную в границах одного поселения.

Наконец, ясно, что экономика «сельских городов» и деревень ориентирована не только на поддержание минимального уровня жизни крестьян, но и на городские рынки. Раскопки в Кфар-Ханании, показали, что это был деревенский производственный центр керамики, откуда она распространялась во многие другие места, в том числе в Сепфорис и окрестные поселения. Ни одно изделие из Кфар-Ханании не датируется временем ранее основания Сепфориса и Тивериады, что указывает на функцию этих городов в качестве рынков, а распространение изделий — на интенсивные экономические взаимодействия городских рынков и потребителей товаров в деревнях. С уверенностью можно говорить, что экономика Галилеи помимо

удовлетворения прожиточного уровня была также ориентирована на рынок и торговый обмен, что тесно связывало города и небольшие поселения.

2) Остались открытыми, но получили новые варианты решения в свете археологических данных вопросы, связанные с проблемой эллинизации Галилеи хасмонейского и иродианского периодов. Хотя Галилея времени Иисуса в соответствии с данными археологии представляется областью, заселенной преимущественно иудейским населением, результаты новейших раскопок заставляют несколько дифференцировать сложившийся в 90-е гг. XX в. образ еврейской Галилеи и скорректировать представление о степени эллинизации региона (без фундаментальной коррекции).

Как было отмечено, А. Берлин, анализирувшая изменения в повседневной жизни галилейских иудеев этого времени, видит признаки их религиозной мотивации — отказ от импортной керамики, предметов и обычаев, связанных с греко-римской культурой как выражение сопротивления эллинизации, воспринимаемой как угроза прежним религиозным традициям. В свете последних раскопок становится ясно, что эти процессы, не исключают влияния эллинистической материальной культуры: обнаружены археологические следы распространения предметов, отражающих эллинистические представления о красоте и роскоши даже в деревенском контексте. Находки в ряде городских и деревенских контекстов типичных построек и предметов эллинистической культуры указывают на то, что некоторые социальные группы галилеян вполне могли воспринимать эллинистические представления о роскоши, не отказываясь при этом от ценностей своих религиозных традиций (типичная для хасмонейского варианта эллинизма черта).

На этом основании также можно с уверенностью сделать заключение о том, что археология играет заметную роль в преодолении прежних представлений об эллинизации как процессе, ведущем к подавлению прежней идентичности жителей Иудеи, и о хасмонейском завоевании как антиэллинистическом движении. Эллинизация давала особую возможность для выражения собственной иудейской идентичности, хотя в истории это не всегда происходило бесконфликтно. Хасмонеи импортировали в Галилею сложившийся в Иудее смешанный вариант местной иудейской и западной эллинистической культуры, что и определило направление эллинизации Галилеи.

Так, Магдала, судя по находкам, город иудейский (найлены миквы, фрагменты каменных сосудов, остатки по крайней мере одной синагоги, каменная база, украшенная рельефами, один из которых с изображением меноры) с самого начала строился по канонам эллинистического градостроительного искусства. Здесь были распространены некоторые эллинистические практики, например, греческих омовений в общественных термах. Учитывая

наличие порта, служившего, судя по его размерам, пунктом для переправы товаров из средиземноморских портов в города Сирии и Десятиградия, Магдала должна была включена в межрегиональную средиземноморскую торговлю.

Найденные в Сепфорисе фрагменты изделий из стекла, импортная керамика указывают на то, что у местной аристократии эллинистические представления о роскоши не вступали в противоречие с иудейской идентичностью.

О еврейском населении Тивериады также свидетельствуют находки фрагментов каменных сосудов, но в отношении архитектуры город был похож на эллинистические (найлены: монументальные ворота, помещение с мозаичным полом в иродианском стиле, возможно оставшееся от дворца Антипы, остатки стадиона, начальная стадия строительства театра и некоторые другие), в источниках также упоминаются некоторые типичные для эллинистических городов институты и должности.

О некотором влиянии эллинистических представлений о красоте и роскоши говорят находки богатых частных домов и общественных построек (в Йодфате, Гамле, Капернауме, и в Хирбет-Кана), предметов бытовой роскоши (в Йодфате). В Эт-Телле найдено какое-то количество импортной керамики и изделий из стекла, так что деревенский мир Галилейского озера также был открыт для импорта эллинистических товаров.

Чтобы определить степень эллинистического влияния в Галилее более не нужно искать четких следов «языческой» идентичности, имеющих соответствия в ближайших к Галилее эллинистических центрах (Кесария, Скифополь). Языческое (религиозное) присутствие в Галилее I в. до Р.Х. и I в. по Р.Х. очень маргинально (в буквальном смысле — храмы обнаруживаются только уже на границах собственно Галилеи), что, однако, не означает, что галилейское общество в культурном отношении было менее эллинизировано, чем население соседних регионов. В Галилее складывается иудейская форма эллинизма, введенная хасмонеями, поддержанная и развитая строительством при Антипе.

Однако эта эллинизация, не предполагающая возникновения какой-либо формы религиозного синкретизма и, судя по материальным находкам, ограничивающаяся принятием эллинистических представлений о красоте и роскошной жизни, исключает также возможность рассматривать культурную ситуацию в Галилее как предпосылку для распространения здесь эллинистических философских течений, таких, как, например, кинизм. Археологических предпосылок для кинической гипотезы, таким образом, нет.

Следует также отметить, что археологические данные не могут существенным образом повлиять на обсуждение ряда дискуссионных тем, напрямую связанных с реконструкцией галилейского контекста проповеди Иисуса. Так, для нашей проблематики важно, что выводы о

наличии в Галилее иродианского времени особого варианта культа императора не имеет достаточных археологических оснований. Свои аргументы сторонники этой позиции по-прежнему обосновывают свидетельствами античных письменных источников, преимущественно Иосифа Флавия.

Еще один вопрос, который, в общем, выходит за пределы компетенции археологии, — о своеобразии отдельных религиозных практик в галилейском иудаизме I в. Как было показано выше, общепринятым стало мнение о том, что галилейский иудаизм восходит к хасмонейскому иерусалимскому. Тем не менее даже иерусалимскому иудаизму была присуща определенная степень вариативности. Можно предположить, что и галилейский иудаизм выработал свои частные особенности, о которых свидетельствуют данные письменных источников. На нынешнем этапе дискуссии археология не может подтвердить или опровергнуть наличие таких особенностей.

Исходя из сказанного можно констатировать очевидное влияние публикаций археологических исследований на дискуссии об галилейском контексте в рамках исторических реконструкций проповеди Иисуса. С одной стороны, ряд принятых ранее гипотез, описывающих этно-религиозную, экономическую и социальную ситуацию времени Иисуса, фактически отсекается, другие наоборот включаются в круг обсуждаемых как получившие подтверждение от археологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения в ссылках на Священное Писание и античные греко-римские и иудейские источники оформлены согласно принятой в научной традиции системе, отраженной, например, в Православной энциклопедии.

ANET. — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament;

Zen. — Zenon Papyri;

Ios. Flav. — Flavii Iosephi

Antiq. — Antiquitates Iudaicae

De bell. — De bello Iudaico

Vita. — Iosephi vita

Strabo. — Strabonis Geographica

Diog. Laert. — Diogenes Laertius.

Polyb. — Polybius. Historiae

Tac. — Tacitus

Plin. — Plinius Secundus.

Сокращения в библиографии (в списке литературы и в подстрочных сносках).

ANRW. — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt

BAR. — Biblical Archaeology Review

BASOR. — Bulletin of the American Schools of Oriental Research

CBQ. — The Catholic Biblical Quarterly

ESI. — Excavation and Surveys in Israel

HA. — Hadashot Arkheologiyot

IEJ. — Israel Exploration Journal

JBL. — Journal of Biblical Literature

JQR. — Jewish Quarterly Review

JRA. — Journal of Roman Archaeology

JSHJ. — Journal for the Study of the Historical Jesus

JSJ. — Journal of the study of Judaism in the Persian, Hellenistic and Roman period

NEAEHL. — New Encyclopedia of Archaeological Excavation in the Holy Land

NT. — Novum Testamentum

NTS. — New Testament Studies

OEANE. — Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East

PEQ. — Palestine Exploration Quarterly

SBFLA. — Studii Biblici Franciscan Liber Annuus

SBLSP. — Society of Biblical Literature Seminar Papers

ZDPV. — Zeitschrift des deutschen Palaestina-Vereins

ZNW. — Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Äteren Kirche

ВДИ. — Вестник древней истории

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Древние источники¹

1. Антология кинизма: Фрагменты сочинений кинических мыслителей / Пер., Ред. А. А. Тахо-Годи, И. М. Нахова. М., 1984.
2. Вознесение Моисея / Пер.: В. Витковский // Апокрифические сказания: Патриархи, пророки и апостолы. СПб., 2007. С. 202–212.
3. Гай Светоний Транквилл. Гай Калигула // Жизнь двенадцати цезарей / Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1966.
4. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / введ. и комм. М. Штерна; ред. Н. В. Брагинская. М.; Иерусалим, 1997. Т. 1.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1995.
6. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
7. Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1999².
8. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. 2 т.
9. Иосиф Флавий. Моя жизнь / Пер.: Д. Е. Афиногенова; вступ. ст.: Л. В. Семенченко // ВДИ. 2006. № 4. С. 216-229; 2007. № 1. С. 272-283; № 2. С. 235-251.
10. Иосиф Флавий. О древности иудейского народа: Против Апиона. СПб., 1895.
11. Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. М., 1969. СПб., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Пер.: А. С. Бобович; Авт. ст. о Таците: И. М. Тронский).
12. Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2: История / Пер. Г. С. Кнабе. М., 1969. СПб., 1993.
13. Памятники отреченной рус. лит-ры / Собр. и изд.: Н. С. Тихонравов. СПб., 1863. 2 тт.
14. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и примеч.: Г. А. Таронян. М., 1994.
15. Страбон. География, в 17 кн. / Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1964, 1994^Р.

¹ Библиографическое описание использованных античных источников дано согласно правилам, принятым в "Православной энциклопедии".

16. Филон Александрийский. Против Флакка; О посольстве к Гаю; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа; Против Апиона. Москва – Иерусалим, 1994.
17. 1 Enoch: A New transl. / Ed. G. W. E. Nickelsburg, J. C. VanderKam. Minneapolis, 2004.
18. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament / Ed. J. B. Pritchard. Princeton, 1969³.
19. Biblia Hebraica Stuttgartensia: quae antea cooperantibus A. Alt, O. Eissfeldt, P. Kahle ediderat R. Kittel. Stuttgart, 1967/77.
20. C. Suetoni Tranquilli Opera / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1907. Vol. 1: De vita Caesarum.
21. Charles R. H. The Ethiopic Version of the Book of Enoch. Oxford, 1906. Charles R. H. Book of Enoch // Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament. Oxford, 1913. Vol 2. P. 163–281.
22. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1960. T. 1.
23. Danby H. The Mishnah: Translated from the Hebrew with Introduction and Brief Explanatory Notes. Oxford, 1933.
24. Dillmann A. Liber Enoch, aethiopice, ad quinque codicum fidem editus, cum variis lectionibus. Leipzig, 1851.
25. Diogenes Laertius. Vitae philosophorum / Ed. H. S. Long: In 2 vol. Oxford, 1964, 1966^t.
26. Dionis Cassii Historia Romana / Curavit L. Dindorf. Lipsiae, 1890–1894. 2 vol.
27. Donner H., Roellig W., eds. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 1962-1964, 1966-1969². 3 Bde.
28. Eusebius. Historia ecclesiastica, libri I–X // PG. 20. Col. 45–906.
29. Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi Opera / Ed. B. Niese. B., 1887, 1885, 1892, 1890. T. 1-4. 1955^t.
30. Flavii Iosephi Opera / Ed. B. Niese. B., 1895, 1955^t. T. 6.
31. Flavii Iosephi Opera / Hrsg. B. Niese. B., 1890, 1955 (repr.). T. 4.
32. Flavius Josephus. Judean War / Translation and commentary / Ed. by Steve Mason. Leiden, 2009.
33. Flavius Josephus. Life of Josephus / Transl., Comm. Steve Mason. Leiden, 2001.
34. Flavius Josephus. Life of Josephus / Translation and commentary / Ed. by Steve Mason. Vol. 9.
35. Isaak E. 1 (Ethiopic Apocalypse of) Enoch: A new transl. and introd. // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. J. H. Charlesworth. Garden City (N. Y.), 1983. Vol. 1. P. 5–89.

36. Itinerarium Anonimi Placentini: Un viaggio in Terra Santa del 560-570 d.C. / Ed. C. Milani. Milano, 1977.
37. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. B., 1926. Bd. 2A.
38. Neusner J. The Mishnah: A New Translation. New Haven, 1988.
39. Novum Testamentum Graece / Hrsg. E. Nestle, K. Aland. Stuttg., 1993²⁷.
40. Philoni Alexandrini Legatio ad Gaium / Ed. with an Introd., Transl., Comment. E. M. Smallwood. Leiden, 1961.
41. Plinius Secundus der Ältere. Naturalis historia / Hrsg. R. Koenig. Munch., 1973-1996. 37 Bde.
42. Polybius. Historiae / Hrsg. T. Büttner-Wobst. Lpz., 1905. Bd. 1; 1889. Bd. 2; 1893. Bd. 3; 1904. Bd. 4 (repr.: Stuttg., 1962. Bd. 1; 1965. Bd. 2–3; 1967. Bd. 4).
43. Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglat-Pilezers III nach den Papierabklatschen und Originalen des britischen Museums. Leipzig, 1893. Bd. 1.
44. Septuaginta: id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Stuttgart, 1979.
45. Strabonis Geographica/ Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969^f.
46. Tadmor H. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria: Critical Edition, with Introductions, Translations, and Commentary. Jerusalem, 1994.
47. ZenonPapyri. Volume 1 / Ed. E. Campbell Cowan. Hildesheim; NewYork, 1971.

Использованная литература

48. Бабкина С. В. Зилоты // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 124–127;
49. Бабкина С. В. Израиль древний (раздел: эллинистическо-римский период) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 651–657;
50. Бабкина С. В. Итурья // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 28. С. 356–358;
51. Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. М.: Алетейя, 1998. - 575 с.;
52. Беляев Л. А. Дан, Тель // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 13. С. 719–723;
53. Беляев Л. А., Григорян С. Д., Тарханова С. В. Иппос (Сусита) // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 224–229;
54. Беляев Л. А., Мерперт Н. Я. От библейских древностей к христианским: Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 391 с.;
55. Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Одесса, 1907. Т. 4;

56. Ианнуарий (Ивлиев), архим. Исагогика // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 62–64;
57. Ианнуарий (Ивлиев), архим. Истории религий школа // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 721–723;
58. Лёзов С. В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. М.: Издательская фирма "Восточная лит-ра" РАН, 1995. - 375 с.; (=Он же. Попытка понимания: Избранные работы. М.; СПб. Университетская Книга, 1999. С. 353–563);
59. Неклюдов К. В. Рец.: Texte-Fakten-Artefakte: Beiträge zur Bedeutung der Archäologie für die neutestamentliche Forschung / Hrsg. M. Küchler, K. M. Schmidt, Freiburg, 2006 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (25). М., 2009, С. 82–86;
60. Неклюдов К. В. Рец.: Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (29) М., 2010. С. 131–137;
61. Неклюдов К. В. Ирод Антипа // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 634–639;
62. Неклюдов К. В. Иродиане // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 654–655;
63. Неклюдов К. В. Период правления тетрарха Галилеи Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. М., 2011. Т. 5. С. 31–59;
64. Неклюдов К. В. Галилейский контекст служения Иисуса Христа: История и современные проблемы // Сборник трудов Кафедры библеистики МПДА. Сергиев Посад, 2013. № 1. С. 283–292;
65. Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 1 // Христианское чтение. СПб., 2013. Т. 2. С. 133–169;
66. Неклюдов К. В. Этно-религиозная идентичность галилеян раннеримского периода в свете археологии: состояние вопроса на начало XXI в. // Христианское чтение. СПб., 2014. № 6. С. 21–79;
67. Неклюдов К. В. Книжники // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 36. С. 134–138;
68. Неклюдов К. В. Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса» // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской

конференции Русской Православной Церкви Москва, 26–28 ноября 2013 г. / Под ред. митр. Илариона (Алфеева). М., 2016. С. 199–214.

69. Неклюдов К. В. Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса Христа (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 2 // Христианское чтение. СПб., 2016. Т. 2. С. 123–166;

70. Неклюдов К. В. Ситуация в Галилее начала I в. как исторический контекст проповеди Иисуса по данным современной археологии // Вестник Российской Христианской Гуманитарной Академии. СПб., 2018. Т. 3 С. 1–12.

71. Неклюдов К. В., Тарханова С. В. Магдала // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42. С. 268–271.

72. Неклюдов К. В., Тарханова С. В., Коротков П. А. Капернаум // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 533–543;

73. Пономарёв А. В., ахим. Ианнуарий (Ивлиев). Кеземан Э. // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 32. С. 320–322;

74. Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер.: Е. В. Святловский. СПб., 1906; М., 1991. – 283 с.;

75. Свенцицкая И. С. Новые подходы к возникновению христианства — работы Дж. Д. Кроссана // ВДИ. 2001. № 1. С. 88–97;

76. Тарханова С. В., Лисовой Н. Н. Кана Галилейская // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 121–128;

77. Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб.: Гуманитарная Академия, 2010. – 639 с.;

78. Чехановец Я., Попов И. Н. Кесария Приморская // Православная энциклопедия. М., Т. 32. С. 547–557;

79. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. 468 с.;

80. Ястребов Г. Г. «Третий поиск исторического Иисуса»: Кризис критериев достоверности // Страницы: Богословие. Культура. Образование. М., 2012. Т. 16. Вып. 4/2012. С. 494–503.

81. Adan-Bayewitz D. The Pottery // Wachsmann S. The Excavations of an Ancient Boat in the Sea of Galilee. Jerusalem, 1990. P. 89–96;

82. Adan-Bayewitz D. Common Pottery in Roman Galilee: A Study of Local Trade. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 1993. – 303 p.;

83. Adan-Bayewitz D. On the Chronology of the Common Pottery of Northern Roman Judaea/Palestine // *One Land, Many Cultures: Archaeological Studies in Honour of Stanislaw Loffreda OFM* / Ed. G. C. Bottini, L. D. Segni, L. D. Chrupcala. Jerusalem, 2003. P. 5–32;
84. Adan-Bayewitz D., Asaro F., Giauque R. D. Determining Pottery Provenance: Application of a New High-Precision X-Ray Fluorescence Method and Comparison with Instrumental Neutron Activation Analysis // *Archaeometry*. 1999. Vol. 41. P. 1–24;
85. Adan-Bayewitz D., Asaro F., Giauque R. D., Wieder M., Shaked I., Avshalom-Gomi D., Gan D. Pottery Manufacture in Roman Galilee: Distinguishing Similar Provenance Groups Using High-Precision X-Ray Fluorescence and Instrumental Neutron Activation Analysis // *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics: Papers Presented at the 5th European Meeting on Ancient Ceramics, Athens 1999* / Ed. V. Kilikoglou, A. Rein, Y. Maniatis. Oxford: Archaeopress, 2002;
86. Adan-Bayewitz D., Aviam M. Iotapata, Josephus and the Siege of 67: Preliminary Report on the 1992–1994 Seasons // *JRA*. 1997. Vol. 10. P. 131–165;
87. Adan-Bayewitz D., Wieder M. Ceramics From Roman Galilee: A Comparison of Several Techniques for Fabric Characterization // *Journal of Field Archaeology*. 1992. Vol. 19. P. 189–205;
88. Albright W. F. Preliminary Report of the University of Michigan Excavations at Sepphoris, Palestine, in 1931 // *Classical Weekly*. 1938. Vol. 31. P. 148;
89. Alkier S., Zangenberg J. Zeichen aus Text und Stein—Einladung zu einem interdisziplinären Gespräch // *Zeichen aus Text und Stein: Studien auf dem Weg zu einer Archäologie des Neuen Testaments*. Tübingen: Francke Verlag, 2003. S. X–XVI;
90. Alkier S., Zangenberg J. Zeichen aus Text und Stein: Ein semiotisches Konzept zur Verhältnisbestimmung von Archäologie und Exegese // *Zeichen aus Text und Stein: Studien auf dem Weg zu einer Archäologie des Neuen Testaments*. Tübingen: Francke Verlag, 2003. S. 21–62;
91. Alt A. Die Stätten des Wirkens Jesu in Galiläa territorialgeschichtlich betrachtet // *Beiträge zur biblischen Landes- und Altertumskunde*. 1949. Bd. 68. S. 51–72 (=Idem. *Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel*. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. Bd. 3. S. 436–455);
92. Alt A. Galiläische Probleme // *Palästina-Jahrbuch des Deutschen Evangelischen Instituts für Altertumswissenschaft des Heiligen Landes zu Jerusalem*. 1937. Vol. 33. S. 52–88; 1938. Vol. 34. S. 80–93; 1939. Vol. 35. S. 64–82; 1940. 36. S. 78–92 (= Idem. *Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel*. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1953. Bd. 2. S. 363–435);
93. Applebaum S. The Roman Villa in Judaea: A Problem // *Judaea in Hellenistic and Roman Times: Historical and Archaeological Essays*. Leiden: E.J. Brill, 1989. P. 124–131;

94. Arav R. The Archaeology of Bethsaida and the Historical Jesus Quest // The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers. Boston: American Schools of Oriental Research, 2007. P. 317–331;
95. Arav R., Freund R. A., eds. Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee. Kirksville: Truman State University Press, 1995-2004. 3 vols.;
96. Arbel Y. The Historical Impact and Archaeological Reflections of Intense Religious Movements: Diss. San Diego, 2005. – 289 p.;
97. Ariel D. T. Stamped Amphora Handles from Bethsaida // Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee / Ed. R. Arav, R. A. Freund. Kirksville: Truman State University Press, 2009. Vol. 4. P. 267–292;
98. Ariel D. T., Finkielsztejn G. Stamped Amphora Handles // Tel Anafa I, i: Final Report on Ten Years of Excavation at a Hellenistic and Roman Settlement in Northern Israel / Ed. S. C. Herbert. Ann Arbor: Kelsey Museum of the University of Michigan, 1994. P. 183–240;
99. Arnal W. E. Jesus and the Village Scribes: Galilean Conflicts and the Setting of Q. Minneapolis: Fortress Press, 2000. – 291 p.;
100. Arnold. Ceramic Theory and Cultural Process. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - 271 p.;
101. Aviam M. Galilee: The Hellenistic to Byzantine Periods // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 453–458;
102. Aviam M. Yodefat/Jotapata: The Archaeology of the First Battle // The First Jewish Revolt: Archaeology, History, and Ideology / Ed. A. M. Berlin, J. A. Overman. London, New York: Routledge, 2002. P. 121–133;
103. Aviam M. First Century Jewish Galilee: An Archaeological Perspective // Religion and Society in Roman Palestine: Old Questions, New Approaches / Ed. D. R. Edwards. New York: Routledge, 2004. P. 7–27;
104. Aviam M. The Archaeology of the Battle at Yodefat // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: University of Rochester Press, 2004. P. 110–122;
105. Aviam M. The Beginning of Mass Production of Olive Oil in the Galilee // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 51–58;
106. Aviam M. An Early Roman Oil Press in a Cave at Yodefat // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 89–91;

107. Aviam M. Epilogue //Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 314-318;
108. Aviam M. The Hasmonaean Dynasty's Activities in the Galilee // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 41–50;
109. Aviam M. The Hellenistic and Hasmonaean fortress and Herodian siege complex at Qeren Naftali// Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 59–88;
110. Aviam M. Hellenistic Fortifications in the «Hinterland» of 'Akko-Ptolemais // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 22–30;
111. Aviam M. The Identification and Function of Josephus Flavius' Fortifications in the Galilee // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 92–105;
112. Aviam M. Introduction: Borders between Jews and Gentiles in the Galilee // Idem. Jews, Pagans and Christians in the Galilee: 25 Years of Archaeological Excavations and Surveys: Hellenistic to Byzantine Periods. Rochester: :University of Rochester Press, 2004. P. 9–21;
113. Aviam M. Yodfat: A Test Case for the Development of Jewish Settlement in Galilee in the Second Temple Period: Diss. Bar-Ilan University, 2005. – 305 p.;
114. Aviam M. Distribution Maps of Archaeological Data from the Galilee: An Attempt to Establish Zones Indicative of Ethnicity and Religious Affiliation // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 115–132;
115. Aviam M. Yodfat // NEAEHL. 2008. Vol. 5. P. 2076–2078;
116. Aviam M. Socio-Economic Hierarchy and Its Economic Foundations in 1. Cent. Galilee: The Evidence from Yodefath and Gamla // Josephus Flavius: Interpretation and History / Ed. M. Mor, P. Stern, J. Pastor. Leiden: Brill, 2011. P. 29–38;
117. Aviam M. Zwischen Meer und See: Geschichte und Kultur Galiläas von Simon Makkabäus bis zu Flavius Josephus // Bauern, Fischer und Propheten: Galiläa zur Zeit Jesu / Hg. J. K. Zangenberg, J. Schröter. Darmstadt: Philipp Von Zabern Verlag, 2012. S. 13–38;

118. Aviam M. The Decorated Stone from the Synagogue at Migdal: A Holistic Interpretation and a Glimpse into the Life of Galilean Jews at the Time of Jesus // NT. 2013. Vol. 55. N 3. P. 205–220;
119. Aviam M. People, Land, Economy, and Belief in First Century Galilee and its Origins: A Comprehensive Archaeological Synthesis // The Galilean Economy in the Time of Jesus / Ed. D. Fiensy. Sheffield: Society of Biblical Literature, 2013. P. 5–48;
120. Aviam M., Richardson P. Appendix A: Josephus' Galilee in Archaeological Perspective // Flavius Josephus: Translation and Commentary / Ed. S. Mason. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. Vol. 9: Life of Josephus. P. 177–209;
121. Aviam M., Syon D. Jewish Ossilegium in Galilee // What Has Athens to Do With Jerusalem: Essays on Classical, Jewish, and Early Christian Art and Archaeology in Honor of Gideon Foerster / Ed. L.V. Rutgers. Leuven: University of Michigan Press, 2002. P. 151–185;
122. Avshalom-Gorni D., Getzov N. Phoenicians and Jews: A Ceramic Case-Study // The First Jewish Revolt: Archaeology, History and Ideology / Eds. A. M. Berlin, J. A. Overman. London; New York: Routledge, 2002. P. 74–84;
123. Bagatti B. Excavations in Nazareth. Vol. 1: From the Beginning till the XII Century. Jerusalem: Franciscan printing Press, 1969. – 283 p.;
124. Ball W. Rome in the East: The Transformation of an Empire. London: Routledge, 2000. - 523 p.;
125. Bar-Kochva B. Manpower, Economics, and Internal Strife in the Hasmonaeon State // Armeesetfiscalité dans le monde antique: Actes de colloque national, Paris 14-16 Octobre 1976: Colloques nationaux du Centre National de la Recherche Scientifique 936. Paris, 1977. P.167–196;
126. Bar-Kochva B. The Conquest of Samaria by John Hyrcanus: The Pretext for the Siege, Jewish Settlement in the Akra District, and the Destruction of the City of Samaria // Cathedra. 2002. Vol.106. P. 7–34 (Hebrew);
127. Batey R. A. Is Not This the Carpenter? // NTS. 1984. Vol. 30. P. 249–258;
128. Batey R. A. Jesus and the Theatre // NTS. 1984. Vol. 30. N 4. P. 563–574;
129. Batey R. A. Sepphoris: An Urban Portrait of Jesus // BAR. 1992. Vol. 18. N 3. P. 50–62;
130. Batey R. A. Did Antipas Build the Sepphoris Theater? // Jesus and Archaeology / Ed. J. H. Charlesworth. Grand Rapids: Eerdmans, 2006. P. 111–119;
131. Bauer W. Jesus der Galiläer // Festgabe für Adolf Jülicher. Tübingen, 1927. S. 16–34 (=Idem. Aufsätze und kleine Schriften/ Hrsg. G. Strecker. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1967. S. 91–108);

132. Ben David Ch. Were there 204 settlements in Galilee at the time of Josephus Flavius? // *Journal of Jewish Studies*. 2011. Vol. 62. N 1. P. 21–36;
133. Ben-Tor A. Hazor // *OEANE*. 1997. Vol. 3. P. 4–5;
134. Berlin A. M. The Plain Wares // *Tel Anafa. Pt 2/1: The Hellenistic and Roman Pottery* / Ed. S. C. Herbert, A. Berlin e.a.: Ann Arbor, 1997;
135. Berlin A. M. The Archaeology of Ritual: the Sanctuary of Pan at Baniyas/Caesarea Philippi // *BASOR*. 1999. Vol.315. P. 27–46;
136. Berlin A. M. Romanization and Anti-Romanization in Pre-Revolt Galilee // eadem, J. A. Overman, eds. *The First Jewish Revolt: Archaeology, History, and Ideology*. London; New York: Routledge, 2002. P. 57–73; *
137. Berlin A. M. Jewish Life before the Revolt: The Archaeological Evidence // *JSJ*. 2005. Vol. 36. P. 417–470;
138. Berlin A. Gamla. Vol. 1: The Pottery of the Second Temple Period: The Shmarya Gutmann Excavations, 1976–1989. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2006. – 180 p.;
139. Berlin A. M. Identity Politics in Early Roman Galilee // *The Jewish Revolt against Rome: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. M. Popović. Leiden: Brill, 2011. P. 69–106;
140. Berlin A. M. Manifest Identity: From Ioudaios to Jew: Household Judaism as Hellenization in the Late Hasmonean Era // *Between Cooperation and Hostility: Multiple Identities in Ancient Judaism and the Interaction with Foreign Powers* / Ed. R. Albertz, J. Wöhrle. Gött.:Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 157–160;
141. Berlin A. M. Household Judaism in Galilee // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods* / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P. 202–209;
142. Berlin A., Frankel R. The Sanctuary at Mizpe Yammin: Phoenician Cult and the Territory in the Upper Galilee during the Persian Period // *BASOR*. 2012. Vol. 366. P. 25–78;
143. Bernett M. *Der Kaiserkult in Judäa unter den Herodiern und Römern: Untersuch. zur politischen und religiösen Geschichte Judäas von 30 v. bis 66 n. Chr.* Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. – 455 S.;
144. Bernett M. Roman Imperial Cult in the Galilee: Structures, Functions, and Dynamics // *Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition* / Ed. J. Zangenberg. Tübingen: :Mohr Siebeck, 2007. P. 337–356;
145. Bertram G. *Der Hellenismus in der Urheimat des Evangeliums* // *Archiv für Religionswissenschaft*. Leipzig; Berlin, 1935. Bd. 32. S. 265–281;
146. Binder D. D. *Into the Temple Courts: The Place of the Synagogues in the Second Temple Period*: Diss. 1987. - 309 p.;

147. Binder D.D. *Into the Temple Courts: The Place of the Synagogues in the Second Temple Period*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 1999. - 569 p.;
148. Biran A. *Biblical Dan*. Jerusalem: Israel Exploration Society : Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 1994. - 280 p.;
149. Bösen W. *Galiläa als Lebensraum und Wirkungsfeld Jesu: Eine zeitgeschichtliche und theologische Untersuchung*. Freiburg: Herder, 1985. - 287 S.;
150. Böttrich Chr. *Was kann aus Nazaret Gutes kommen?: Galiläa im Spiegel der Jesusüberlieferung und bei Josephus // Josephus und das Neue Testament: Wechselseitige Wahrnehmungen. II. Internationales Symposium zum Corpus Judaeo-Hellenisticum, 25.-28. Mai 2006*. Greifswald, 2007: Mohr Siebeck. S. 295–333;
151. Bonnie R., Richard J. *Building D1 at Magdala Revisited in the Light of Public Fountain Architecture in the Late Hellenistic East // IEJ. 2012. Vol. 62. P. 71–88*;
152. Bornkamm G. *Jesus von Nazareth*. Stuttgart: Kohlhammer, 1956. - 185 S.;
153. Büchler A. *Dergaliläische'Am-ha'Aretz deszweitenJahrhunderts*. Vienna: Olms,1906. - 244 S.;
154. Bultmann R. *Die liberale Theologie und die jüngste theologische Bewegung // Idem. Glauben und Verstehen. Bd. 1. Tübingen, 1980⁸. S. 1–25*;
155. Cahill J. *Chalk Vessel Assemblages of the Persian/Hellenistic and Early Roman Periods // Excavations at the City of David 1978–1985 / Ed. Y. Shiloh. Jerusalem, 1992. Bd. 3: Stratigraphical, Environmental, and other Reports / Ed. A. de Groot/ D. T. Ariel*;
156. Carney T. F. *The Shape of the Past: Models in Antiquity*. Lawrence, 1975. – 386 p.;
157. Chamberlain H. S. *Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts*. Stuttgart: F. Bruckmann K.-G., 1899–1900. 2 Bde.;
158. Chancey M. A. *The Myth of a Gentile Galilee*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 236 p.;
159. Chancey M. A. *Greco-Roman Culture and the Galilee of Jesus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 286 p.;
160. Chancey M. A. *The Epigraphic Habit of Hellenistic and Roman Galilee // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hrsg. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 83–98*;
161. Chancey M. A. *Archaeology, Ethnicity, and First-Century C.E. Galilee: The Limits of Evidence // A Wandering Galilean. Leiden: Brill, 2009. P. 205–218*;

162. Chancey M. A. Disputed issues in the study of cities, villages, and the economy in Jesus' Galilee // *The World of Jesus and the Early Church: Identity and Interpretation in Early Communities of Faith* / Ed. C. A. Evans. Salt Lake City: Hendrickson Publishers, 2011. P. 53–67;
163. Chancey M. A. The Ethnicities of Galileans // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods* / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P. 112–127;
164. Charlesworth J. H. Research on the Historical Jesus Today: Jesus and the Pseudepigrapha, the Dead Sea Scrolls, the Nag Hammadi Codices, Josephus, and Archaeology // *The Princeton Seminary Bulletin*. 1985. Vol. 6. P. 98–115;
165. Claußen C. Synagogen Palästinas in neutestamentlicher Zeit // *Zeichen aus Text und Stein: Studien auf dem Weg zu einer Archäologie des Neuen Testaments*. Tübingen : Francke Verlag. 2003 P. 351–380;
166. Collins J. J. Cult and Culture: The Limits of Hellenization in Judea // *Hellenism in the Land of Israel* / Ed. J. J. Collins, G. E. Sterling. Notre Dame: Univ. of Notre Dame Press, 2001. P. 38–61;
167. Corbo V. Cafarnao 1: Gli edifici della città. Jerusalem: Franciscan printing Press, 1975. – 224 p.;
168. Crossan J. D. Materials and Methods in Historical Jesus Research // *Forum*. 1988. Vol. 4. P. 3–24;
169. Crossan J. D. *The Historical Jesus: The Life of a Mediterranean Jewish Peasant*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1991. – 507 p.;
170. Crossan J. D. *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately After the Execution of Jesus*. Edinburgh: Harper, 1999. – 653 p.;
171. Crossan J. D. The Relationship between Galilean Archaeology and Historical Jesus Research // *The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers*. Boston: American Schools of Oriental Research, 2007. P. 151–162;
172. Crossan J. D. Context and Text in Historical Jesus Methodology // *Handbook for the Study of the Historical Jesus*. Vol. 1: How to Study the Historical Jesus / Ed. Holmén T., Porter, Stanley E. Leiden; Boston: Brill, 2011. P.159–181;
173. Crossan J. D., Reed J. L. *Excavating Jesus Beneath the Stones, Behind the Texts*. L.: HarperCollins , 2001. – 320 p.;
174. Dalman G. *Orte und Wege Jesu: Arbeit und Sitte in Palästina*. Gütersloh, 1919; 1921²;
175. Dar Sh. The History of the Hermon Settlements // *PEQ*. 1988. Vol.120. P. 26–44;
176. Dar Sh. *Settlements and Cult Sites on Mount Herman, Israel: Ituraean Culture in the Hellenistic and Roman Periods*. Oxford: British Archaeological Reports, 1993. – 325 p.;

177. Dar Sh., Kokkinos N. The Greek Inscriptions from Senaim on Mount Hermon // PEQ. 1992. Vol.124. P. 9–25;
178. Dark K. The Roman-Period and Byzantine Landscape between Sepphoris and Nazareth // PEQ. 2008. Vol. 140. N 2. P. 87–102;
179. Dark K. R. Nazareth // The Oxford Encyclopedia of the Bible and Archaeology / Ed. D. M. Master. Oxford, 2013. Vol. 2;
180. Deines R. Jesus der Galiläer: Traditionsgeschichte und Genese eines antisemitischen Konstrukts bei W. Grundmann // Walter Grundmann: Ein Neutestamentler im Dritten Reich / Hrsg. R. Deines, V. Leppin, K.-W. Niebuhr. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2007. S. 43–131;
181. Deines R. Galiläa und Jesus: Anfragen zur Funktion der Herkunftsbezeichnung «Galiläa» in der neueren Jesusforschung // Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. Carsten Claußen. Neukirchen-Vlujn, 2008: Neukirchener Verlag. S. 271–320;
182. Deines R. Galilee and the Historical Jesus in Recent Research // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P. 9–46;
183. DeLuca S. La citta ellenistico-romana de Magdala/Taricheae: Gli scavi del Magdala Project 2007 e 2008: Relazione preliminare e prospettive de indagine // SBFLA. 2009. Vol. 49. P. 343–562;
184. DeLuca S., Lena A. The Harbour of the City of Magdala/Tarichae on the Shores of the Sea of Galilee from the Hellenistic to the Byzantine: New Discoveries and Preliminary Results // Proceedings of the International Symposium «Harbors and Harbor Cities-In the Eastern Mediterranean from Antiquity to Byzantium», Istanbul, 30.05.-01. 06. 2011, Istanbul, 2017;
185. Derfler S. The Hellenistic Temple at Tel Beersheva. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1993. – 321 p.;
186. Dibelius M. Die Botschaft von Jesus Christus. Tübingen: Mohr, 1935. – 169 S.;
187. Downing F.G. CynicsandChristians //NTS. 1984. Vol.30. P. 584–593;
188. Downing F.G. The SocialContextsofJesus theTeacher:Constructionor Reconstruction // NTS. 1987. Vol. 33. P. 439–451;
189. Downing F.G. The Jewish Cynic Jesus // Jesus, Mark and Q: The Teaching of Jesus and Its Earliest Records / Ed. M. Labahn.Sheffield:Academic Press2001. P. 184–214;
190. Downing F.G. In Quest of First-Century Galilee // CBQ. 2004. Vol. 66. P. 78–97;
191. Downing F.G. Jesus and Cynicism // Handbook for the Study of the Historical Jesus / Ed. T. Holmén. Leiden: Brill. 2011. Vol. 2. P. 1105–1136;

192. Dunn J. D. G. *Christianity in the Making*. Vol. 1: *Jesus Remembered*. Grand Rapids; Cambridge: Eerdmans, 2003. – 1023 p.;
193. Edwards D. R. *First Century Urban/Rural Relations in Lower Galilee: Exploring the Archaeological and Literary Evidence // Society of Biblical Literature: Seminar Papers*. 1988. Vol. 124. N 27. P. 169–182;
194. Edwards D. R. *The Socio-Economic and Cultural Ethos of the Lower Galilee in the First Century: Implications of the Nascent Jesus Movement // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine*. New York; Jerusalem: Harvard U.P., 1992. P. 53–73;
195. Edwards D. R. *Jotapata // OEANE*. 1997. Vol. P. 250–251;
196. Edwards D. R. *Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrim Site // The Roman and Byzantine Near East: Some Recent Archaeological Research / Ed. J. H. Humphrey*. Portsmouth: Cushing-Malloy, 2002. Vol. 3. P. 101–132;
197. Edwards D. R. *Constructing Kings — from the Ptolemies to the Herodians: The Archaeological Evidence // Jewish Perspectives on Hellenistic Rulers*. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 283–293;
198. Edwards D. R. *Identity and Social Location in Roman Galilean Villages // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Ed. J. Zangenberg*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 357–374;
199. Edwards D. R. *Walking the Roman Landscape in Lower Galilee: Sepphoris, Jotapata and Khirbet Qana // A Wandering Galilean: Essays in Honour of S. Freyne*. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 219–236;
200. Edwards D. R., Richardson P. *Jesus and Palestinian Social Protest: Archaeological and Literary Perspective // Handbook of Early Christianity: Social Science Approaches / Ed. A. J. Blasi, J. Duhaime, P. Turcotte*. Walnut Creek: Alta Mira Press, 2002. P. 247–266;
201. Elliott J. H. *What Is Social-Scientific Criticism?* Minneapolis, 1993. – 174 p.;
202. Emberling G. *Ethnicity in Complex Societies: Archaeological Perspectives // Journal of Archaeological Research*. 1997. Vol. 5. N 4. P. 295–344;
203. Epstein C. *Hippos (Sussita) // NEAEHL*. 1993. Vol. 2. P. 634–636;
204. Eshel H. *A Note on «Miqvaot» At Sepphoris // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / Ed. D.R. Edwards, C.T. McCollough*. Atlanta: Scholars Press, 1997. P. 131–133;
205. Evans C. A. *Authenticating the Activities of Jesus // Authenticating the Activities of Jesus / Ed. Chilton B., Evans C. A*. Leiden: Brill, 1999. 3—29;

206. Feldman L. H. The Term «Galileans» in Josephus // *idem*. *Studies in Hellenistic Judaism*. Leiden: Brill, 1996. P. 111–113;
207. Finley M. *The Ancient Economy*. Berkeley: University of California Press, 1973. – 298 p.;
208. Fiensy D. A. *Jesus the Galilean: Soundings in a First Century Life*. Piscataway: Gorgias Press, 2007. – 270 p.;
209. Fiensy D. A. Did Large Estates Exist in Lower Galilee in the First Half of the First Century CE? // *JSHJ*. 2012. Vol. 10. N 2. P. 133–153;
210. Fiensy D. A. Assessing the Economy of Galilee in the Late Second Temple Period: Five Considerations // *The Galilean Economy in the Time of Jesus* / Ed. D. Fiensy. Sheffield: Society of Biblical Literature, 2013. P. 165–186;
211. Fiensy D. A. The Galilean Village in the Late Second Temple and Mishnaic Periods // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods* / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P. 171–201;
212. Fiensy D. A., R. K. Hawkins, eds. *The Galilean Economy in the Time of Jesus*. Sheffield: Society of Biblical Literature, 2013. – 197 p.;
213. Fine S. *Art and Judaism in the Greco-Roman World: Toward a New Jewish Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 267 p.;
214. Finegan J. *The Archaeology of the New Testament: The Life of Jesus and the Beginning of the Early Church*. Princeton: Princeton University Press, 1992. – 273 p.;
215. Foerster G., Tsafirir Y. Bet Shean Project // *ESI*. 1987/1988. Vol. 6. P. 10–43;
216. Foster G. M. Introduction: What is a Peasant? // *Peasant Society: A Reader* / Ed. J. M. Potter, M. N. Diaz, G. M. Foster. Boston: Little, Brown and Company, 1967. P. 2–14;
217. Fortner S. Hellenistic and Roman Fineware from Bethsaida // *Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee* / Ed. R. Arav, R. A. Freund. Kirkville: Truman State University Press, 1995. Vol. 1. P. 99–126;
218. Fortner S., Rottloff A. Signale aus der Vergangenheit: Die Rekonstruktion des täglichen Lebens am See in hellenistisch-römischer Zeit am Beispiel der archäologischen Funde aus Betsaida // *Leben am See Gennesaret* / Ed. Faßbeck, S. Fortner, A. Rottloff, J. Zangenberg. Mainz am Rhein: Von Zabern, 2003. S. 138–146;
219. Frankel R. Mizpe Yammim, Mount // *NEAEHL*. 1993. Vol. 3. P. 1061–1063;
220. Frankel R., Getzov N., Aviam M., Degani A., eds. *Settlement Dynamics and Regional Diversity in Ancient Upper Galilee: Archaeological Survey of Upper Galilee*. Jerusalem: Israel antiquities authority, 2001. – 175 p.;

221. Frankel R., Ventura R. The Mispay Yamim Bronzes // *BASOR*. 1998. Vol. 311. P. 39–56;
222. Freyne S. *Galilee from Alexander the Great to Hadrian, 323 B. C.E to 135 CE: A Study of Second Temple Judaism*. Wilmington, 1980; Edinburgh: T & T Clark, 1998². - 491 p.;
223. Freyne S. *Bandits in Galilee: A Contribution to the Study of Social Conditions in First Century Palestine // The Social World of Formative Christianity and Judaism: Essays in Tribute of H. C. Kee / Ed. J. Neusner et al.* Philadelphia: Fortress, 1988a. P. 50–68;
224. Freyne S. *Galilee, Jesus and the Gospels: Literary Approaches and Historical Investigations*. Philadelphia: Fortress Press, 1988. – 311 p.;
225. Freyne S. *Urban-Rural Relations in First-Century Galilee: Some Suggestions from the Literary Sources // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine*. New York; Jerusalem: Harvard U.P., 1992. P. 75–91 (= *Galilee and Gospel: Collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. P. 45–58);
226. Freyne S. *The Geography, Politics, and Economics of Galilee and the Quest for the Historical Jesus // Studying the Historical Jesus: Evaluations of the State of Current Research / Ed. B. Chilton*. Leiden: Brill, 1994. P. 75–121;
227. Freyne S. *Jesus and the Urban Culture of Galilee // Texts and Contexts: Biblical Texts in Their Textual and Situational Contexts / Ed. D. Hellholm, T. Fornberg*. Oslo, Copenhagen, Stockholm, Boston: Scandinavian Univ. Press, 1995. P. 597–622 (= *Galilee and Gospel: Collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. P. 183–207);
228. Freyne S. *Galilean Questions to Crossan Mediterranean Jesus // Whose Historical Jesus? / Ed. W. E. Arnal, M. Desjardins*. Waterloo: Canadian Corp. for Studies in Religion, 1997. P. 63–91 (= *idem. Galilee and Gospel: Collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. P. 208–229);
229. Freyne S. *Town and Country Once More: The Case of Roman Galilee // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / D. R. Edwards*. Atlanta: Scholars Press, 1997. P. 49–56 (= *Galilee and Gospel: Collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. P. 59–72);
230. Freyne S. *Archaeology and the Historical Jesus // Archaeology and Biblical Interpretation / Ed. J. R. Bartlett*. London ; New York : Routledge 1997. P. 117–144 (= *Galilee and Gospel: Collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. P. 160–182);
231. Freyne S. *Herodian Economics in Galilee: Searching for a Suitable Model // idem. Galilee and Gospel: Collected Essay*. Tübingen, 2000d. P. 86–113;
232. Freyne S. *Archaeology and the Historical Jesus // Jesus and Archaeology/ Ed. J. H. Charlesworth*. Grand Rapids: Eerdmans, 2006. P. 64–83;

233. Freyne S. Galilee as Laboratory: Experiments for New Testament Historians and Theologians // NTS. 2007. Vol. 53. N 2. P. 147–164;
234. Freyne S. Galilean Studies: Old Issues and New Questions // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hrsg. J. Zangenberg e.a. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 13–29;
235. Freyne S. Jesus in Galiläa // Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2008. S. 209–226;
236. Freyne S. Jesus in Jewish Galilee // Redefining First-Century Jewish and Christian Identities: Essays in Honor of E. P. Sanders / Ed. F. E. Udoh, S. Heschel, M. Chancey, G. Tatum. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008. P. 197–212;
237. Freyne S. Jesus and the Galilean Am ha Arets: Fact, Johannine Irony, or Both? // John, Jesus, and History / Ed. P. N. Anderson. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. Vol. 2. P. 139–154;
238. Freyne S. Jesus of Galilee: Implications and Possibilities // Early Christianity. 2010. Vol. 1. N 3. P. 372–405;
239. Freyne S. Jesus of History vs. Jesus of Tradition, BAR Interviews Sean Freyne // BAR. 2010. Vol. 36. N. 6. P. 36; 38–47;
240. Fritz V. Kinneret: Ergebnisse der Ausgrabungen auf dem Teil el-'Oreme am See Gennesaret 1982-1985. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1990. – 390 S.;
241. Gal Z. The Lower Galilee in the Iron Age II: Analysis of Survey Material and its Historical Interpretation // Tel Aviv. 1988–1989. Vol.15-16. P. 56–64;
242. Gal Z. Lower Galilee during the Iron Age. Winona Lake: Eisenbrauns, 1992. – 119 p.;
243. Gal Z. Galilee: Chalcolithic to Persian Periods // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 450–453;
244. Gal Z. Galilee in the Bronze and Iron Ages // OEANE. 1997. Vol. 2. P. 369–370;
245. Galor K. The Stepped Water Installations of Sepphoris // The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class, and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers / Ed. D. Edwards, Th. McCollough. Boston: American Schools of Oriental Research, 2007. P. 203–215;
246. Garnsey P. The Land // Bowman A. K., Garnsey P., Rathbone D., eds. The Cambridge Ancient History. Vol. 11: The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge, 2000². P. 679–709;
247. Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, Society, and Culture. Berkeley: University of California Press, 1987. - 231 p.;
248. Georgi D. Jüdischer Synkretismus // Die Griechen und das antike Israel: Interdisziplinäre Studien zur Religions- und Kulturgeschichte des Heiligen Landes / Hrsg. S. Alkier, M. Witte. Fribourg; Göttingen: Academic Press Fribourg, 2004. S. 155–183;

249. Gibson S. *Stone Vessels of the Early Roman Period From Jerusalem and Palestine: A Reassessment // One Land — Many Cultures: Archaeological Studies in Honour of S. Loffreda / Ed. G. C. Bottini, L. Di Segni, L. D. Chrupcala. Jerusalem: Red Brick Learning, 2003. P. 287–308;*
250. Golvin J.-C. *L' amphitheatre romain: essai sur la theorization de sa forme et des fonctions. Paris, 1988. 2 vols.*
251. Golvin J.-C., *Landes Chr. Amphithéâtres & Gladiateurs. Paris: CNRS, 1990. – 238 p.;*
252. Goodman M. *Galilean Judaism and Judaeon Judaism // The Cambridge history of Judaism / Ed. W. Horbury. Cambridge, 1999. Vol. 3: The early Roman period. P. 596–617;*
253. Gretz H. *Geschichte der Juden: Von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1905⁵. Bd. 3 (русский перевод: Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Одесса, 1907. Т. 4);*
254. Grantham B. J. *Butchers of Sepphoris: Archaeological Evidence of Ethnic Variability // Archaeology of Difference. Boston, MA : American Schools of Oriental Research, 2007. P. 279–289;*
255. Grundmann W. *Jesus der Galiläer und das Judentum. Leipzig: Georg Wigand, 1940, 1941². – 245 S.;*
256. Gutman S. *Gamla // NEAEHL. 1993. Vol. 2. P. 459–463;*
257. Gutman S. Segal A., Wagner D., Yavor Z. *Gamla — 1987/1988 // Excavations and Surveys in Israel. 1990. Vol. 9. P. 9–13*
258. Hachlili R. *Ancient Synagogues: Archaeology and Art: New Discoveries and Current Research. Leiden: Brill, 2013. – 737 p.;*
259. Hanson R. S. *Tyrian influence in the Upper Galilee. Cambridge (Mass.): American schools of Oriental research, 1980. – 89 p.;*
260. Hanson K. C. *The Galilean Fishing Economy and the Jesus Tradition // Biblical Theology Bulletin. 1997. Vol. 27. P. 99–111;*
261. Hanson K. C., Oakman D. E. *Palestine in the Time of Jesus: Social Structures and Social Conflicts. Minneapolis: Fortress, 1998. - 235 p.;*
262. Hartal M. *Khirbet Zemel 1985–1986 // IEJ. 1987. Vol.37. P. 270–272;*
263. Hartal M., Amos E., Hillman A. *Tiberias: Preliminary Report // Hadashot Arkheologiyot: ESI. 2010. Vol. 122. http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=1574&mag_id=117;*
264. Hengel M. *Judentum und Hellenismus: Studien zu ihrer Begegnung unter besonderer Berücksichtigung Palästinas bis zur Mitte des 2. Jh. v. Chr. Tübingen: Mohr, 1969. 1988³. – 693 S.;*

265. Hengel M. The «Hellenization» of Judaea in the First Century After Christ. London: SCM, 1989. – 113 p.;
266. Herbert S. C. Tel Anafa I, i/ii. Final Report on Ten Years of Excavation at a Hellenistic and Roman Settlement in Northern Israel. Ann Arbor, 1994. - 194 p.;
267. Herbert S. C., Berlin A. M. A New Administrative Center for Persian and Hellenistic Galilee: Preliminary Report of the University of Michigan/University of Minnesota excavations at Kedesh // BASOR. 2003. Vol. 329. P. 13–59;
268. Hirsch E. Das Wesen des Christentums. Weimar, 1939;
269. Hirschfeld Y. Tiberias: Preview of Coming Attractions // BAR. 1991. Vol. 17. N 2 (March/April). P. 44–55;
270. Hirschfeld Y. A Guide to Antiquity Sites in Tiberias. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1992; 1997². – 59 p.;
271. Hirschfeld Y. The Palestinian Dwelling in the Roman-Byzantine Period. Jerusalem: Franciscan Printing Press : Israel Exploration Society, 1995. – 318 p.;
272. Hirschfeld Y. Tiberias // OEANE. 1997b. Vol. 5. P. 204
273. Hirschfeld Y., Galor K. M. New Excavations in Roman, Byzantine, and Early Islamic Tiberias // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition / Hg. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. S. 207–229;
274. Hoffman A. Topographie und Stadgeschichte von Gadara/Umm Qais // Gadara – Gerasa und die Dekapolis / Ed. A. Hoffmann, S. Kemer. Mainz: Philipp von Zabern, 2002. P. 98–124;
275. Hoglund K. G., Meyers, E. M. The Residential Quarter on the Western Summit // Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture / Ed. R. M. Nagy, C. L. Meyers, E. M. Meyers, Z. Weiss. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. P. 39–43;
276. Hopkins I. W. J. The City Region in Roman Palestine // PEQ. 1980. Vol. 112. P. 19–32;
277. Horsley R. A. Josephus and the Bandits // JSJ. 1979. Vol. 10. N 1. P. 37–63;
278. Horsley R. A. The Sicarii: Ancient Jewish «Terrorists» // Journal of Religion. 1979. Vol. 59. P. 35–58
279. Horsley R. A. The Historical Jesus and Archaeology of the Galilee: Questions from Historical Jesus Research to Archaeologists // SBL. SP. / Ed. E. H. Lovering. Sheffield, 1994. P. 91–135;
280. Horsley R. A. Galilee: History, Politics, People. Valley Forge: Trinity Press International, 1995. – 357 p.;
281. Horsley R. A. Archaeology, History, and Society in Galilee: The Social Context of Jesus and the Rabbis. Valley Forge: Bloomsbury, 1996. – 272 p.;

282. Horsley R. A. What has Galilee to do with Jerusalem?: Political Aspects of the Jesus Movement // *Hervormde Theologiese Studies*. 1996. Vol. 52. N 1. P. 88–104;
283. Horsley R. A. Jesus and Galilee: The Contingencies of a Renewal Movement // *Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures* / Ed. E. M. Meyers. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 1999. P. 57–74;
284. Horsley R. A. Jesus and Empire: The Kingdom of God and the New World Disorder. Minneapolis: TPB, 2003;
285. Horsley R. A., Draper J. A. Whoever Hears you Hears me: Prophets, Performance, and Tradition in Q: Trinity Press International. Harrisburg, 1999. – 326 p.;
286. Horsley R. A., Silberman N. A. The Message and the Kingdom: How Jesus and Paul Ignited a Revolution and Transformed the Ancient World. Minneapolis: Fortress, 1997. – 290 p.;
287. Humphrey J. H. Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing. London: University of California Press, 1986. – 703 p.;
288. Ilan A. Meroth // *NEAEHL*. 1993. Vol. 3. P. 1028–1031;
289. Isaac B. Roman Roads in Judaea. Vol. 1: The Legio-Scythopolis Road. Oxford: B.A.R., 1982. – 142 p.;
290. Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: ACLS History E-Book Project, 1990. – 510 p.;
291. Jensen H. M. Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeol. Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck., 2006, 2010². – 331 p.;
292. Jensen H. M. Josephus and Antipas: A Case Study of Josephus' Narratives on Herod Antipas // *Making History: Josephus and Historical Method* / Hrsg. Z. Rodgers. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 289–312;
293. Jensen H. M. Message and Minting: The Coins of Herod Antipas in their Second Temple Context as a Source for Understanding the Religio-Political and Socio-Economic Dynamics of Early First Century Galilee // *Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition* / Hrsg. J. Zangenberg e. al. Tübingen: Mohr Siebeck., 2007. P. 277–313;
294. Jensen H. M. Herodes Antipas in Galiläa: Freund oder Feind des historischen Jesus? // *Jesus und die Archäologie Galiläas* / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn: Neukirchner Verlag, 2008. S. 39–73;

295. Jensen H. M. Climate, Droughts, Wars, and Famines in Galilee as a Background for Understanding the Historical Jesus // *JBL*. 2012. Vol. 131/2. P. 307–324;
296. Jensen H. M. Rural Galilee and Rapid Changes: An Investigation of the Socio-Economic Dynamics and Developments in Roman Galilee // *Biblica*. 2012. Vol. 93/1. P. 43–67;
297. Jensen H. M. Purity and Politics in Herod Antipas's Galilee: The Case for Religious Motivation // *JSHJ*. 2013. Vol. 11/1. P. 3-34;
298. Jeremias J. *Jerusalem zur Zeit Jesu: Eine kulturgeschichtliche Untersuchung zur neutestamentlichen Zeitgeschichte*. Leipzig: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923–1929. 2 Bde. – 426 S.;
299. Jones C. P. *Greek Drama in the Roman Empire // Theater and Society in the Classical World* / Ed. R. Scodel. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. P. 39–52.
300. Kamlah J. Zwei nordpalästinische ‘Heiligtümer’ der persischen Zeit und ihre epigraphischen Funde // *ZDPV*. 1999. Vol. 115. S. 163–187;
301. Kasher A. *Jews, Idumaeans, and Ancient Arabs: Relations of the Jews in Eretz-Israel with the Nations of the Frontier and the Desert during the Hellenistic and Roman Era (332 BCE-70CE)*. Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. – 264 p.;
302. Kautsky J. H. *The Politics of Aristocratic Empires*. Chapel Hill: Routledge, 1982. – 302 p.;
303. Kee H. C. *Early Christianity in the Galilee: Reassessing the Evidence from the Gospels // The Galilee in Late Antiquity* / Ed. L. I. Levine. New York; Jerusalem: Harvard U.P., 1992. P.3–22;
304. Klausner J. *Jesus of Nazareth: His Life, Times, and Teaching*. New York: Beacon Press, 1926. - 434 p.;
305. Kloppenborg J. S. *The Formation of Q: Trajectories in Ancient Wisdom Collections*. Philadelphia: Fortress Press, 1987, 1989². – 317 p.;
306. Kloppenborg J.S. *Excavating Q: The History and Setting of the Sayings Gospel*. Edinburgh: Fortress Press, 2000. – 546 p.;
307. Kuhn H.-W. *Jesu Hinwendung zu den Heiden im Markusevangelium im Verhältnis zu Jesu historischem Wirken in Betsaida: mit einem Zwischenbericht zur Ausgrabung eines vermuteten heidnischen Tempels auf et-Tell (Betsaida) // Die Weite des Mysteriums: Christliche Identität im Dialog: Für Horst Bürkle*. Freiburg [im Breisgau]: Herder, 2000. S. 204–240;
308. Kuhn H.-W. *Betsaida und das Neue Testament // Leben am See Gennesaret* / Hrsg. G. Faßbeck e.a. Mainz: Von Zabern, 2003. S. 164–167;

309. Kuhn H.-W. Wo wirkte Jesus in der Gaulanitis?: Archäologische und historische Feststellungen zur Gleichsetzung von Betsaida/Julias mit et-Tell in frühromischer Zeit // Jesus und die Archäologie Galiläas / Hrsg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2008. S. 149–183;
310. Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit: Historische, archäologische und philologische Probleme einer als Wirkungsstätte Jesu angenommenen Ortslage // ZNW. 2010. Bd. 101. N 1. S. 1–32;
311. Kuhn H.-W. Betsaida und et-Tell in frühromischer Zeit: Historische, archäologische und philologische Probleme einer als Wirkungsstätte Jesu angenommenen Ortslage: Teil 2 // ZNW. 2010. Bd. 101. N 2. S. 174–203;
312. Lämmer M. Griechische Wettkämpfe in Galiläa unter der Herrschaft des Herodes Antipas // Kölner Beiträge zur Sportwissenschaft. Schorndorf: Hofmann-Verlag 1976. Bd. 5. S. 37–67;
313. Lawrence J. D. Washing in Water: Trajectories of Ritual Bathing in the Hebrew Bible and Second Temple Literature. Leiden: Brill, 2006. – 294 p.;
314. Leersen J. National Thought in Europe: A Cultural History. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. – 311 p.;
315. Lena A. The 2007 Magdala Project Excavations: Preliminary Report // Hadashot Arkheologiyot: Excavations and Surveys in Israel. 2013a. Vol. 125. http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.aspx?id=4342&mag_id=120;
316. Lena A. The 2008 Magdala Project Excavations: Preliminary Report // Hadashot Arkheologiyot: Excavations and Surveys in Israel. 2013b. Vol. 125. http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.aspx?id=5433&mag_id=120;
317. Lenski G. E. Power and Privilege: A Theory of Social Stratification. New York: University of North Carolina Press, 1966. – 298 p.;
318. Leibner U. Settlement and History in Hellenistic, Roman, and Byzantine Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. – 479 p.;
319. Levine L. I., ed. The Galilee in Late Antiquity. New York: Harvard U.P., 1992. – 410 p.
320. Levine L. I. Judaism and Hellenism in antiquity: conflict or confluence? Seattle: University of Washington Press, 1998. – 226 p.;
321. Levine L. I. Jerusalem: Portrait of the City in the Second Temple Period (538 B.C.E.–70 C.E.). Philadelphia: The Jewish Publication Society, 2002. – 486 p.;
322. Levine L. The Ancient Synagogue: The First Thousand Years. New Haven: The Jewish Publication Society of America, 2005. – 796 p.;
323. Lichtenberger A. Kulte und Kultur der Dekapolis: Untersuchungen zu numismatischen, archäologischen und epigraphischen Zeugnissen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. – 455 S.;

324. Loffreda S. Scavi di et-Tabgha: Relazione finale della campagna di scavi 25 marzo - 20 giugno 1969. Jerusalem: Typ. dei PP. Francescani, 1970. – 184 p.;
325. Loffreda S. Documentazione preliminare degli oggetti della XIV campagna di scavia Cafarnao // LA. 1982. Vol.32. P. 409–426;
326. Loffreda S. Recovering Capharnaum. Jerusalem: Typ. dei PP. Francescani, 1993. – 86 p.;
327. Lohmeyer E. Galiläa und Jerusalem. Göttingen: Vandenhoeck, 1936. – 104 S.;
328. Lubinetzki V. Von der Knechtsgestalt des Neuen Testaments: Beobachtungen zu seiner Verwendung und Auslegung in Deutschland vor dem sowie im Kontext des Dritten Reichs. Leipzig, 2000. – 512 S.;
329. Mack B. L. A Myth of Innocence: Mark and Christian Origins. Philadelphia: Fortress Press, 1988. – 432 p.;
330. Mack B. L. The Lost Gospel: The Book of Q and Christian Origins. San Francisco, 1993. – 277 p.;
331. MacMullen R. Market-Days in the Roman Empire // Phoenix. 1970. Vol.24. P. 333–341;
332. Magen Y. Jerusalem as a Center of the Stone Vessel Industry During the Second Temple Period // Ancient Jerusalem Revealed. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1994. P. 252–255;
333. Malina B. The New Testament World: Insights From Cultural Anthropology. Louisville, Ky. Westminster John Knox Press, 2001³. 257 p.;
334. Mattila Sh. L. Jesus and the «Middle Peasants»: Challenging a Model of this Socioeconomic Context: Diss. Chicago, 2006;
335. Mattila Sh. L. Jesus and the «Middle Peasants»? : Problematizing a Social-Scientific Concept // CBQ. 2010. Vol. 72. N 2. P. 291–313;
336. Mattila Sh. L. Revisiting Jesus' Capernaum: A Village of Only Subsistence-Level Fishers and Farmers? // The Galilean Economy in the Time of Jesus / Ed. D. Fiensy. Sheffield: Society of Biblical Literature, 2013. P. 75–138;
337. Matilla Sh. L. Inner Village Life in Galilee: A Diverse and Complex Phenomenon // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1: Life, Culture, and Society. P. 304–337;
338. Mazar A. Beth-Shean // OEANE. 1997. Vol.1. P. 308;
339. McCane B. R. Roll Back the Stone: Death and Burial in the World of Jesus. Harrisburg: Trinity Press International, 2003. – 169 p.;

340. McCollough C. Th. *Monumental Changes: Architecture and Culture in Late Roman and Early Byzantine Sepphoris* // *The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of Eric M. Meyers*. Boston: American Schools of Oriental Research, 2007. P. 267–277;
341. McCollough C. Th., Edwards D. R. *Transformations of Space: The Roman Road at Sepphoris* // *Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine periods* / Ed. D. R. Edwards. Atlanta: Trinity Press International, 1997. P. 135–142;
342. Meshorer Y. *Ancient Jewish Coinage*. Dix Hills, 1982. Vol. 2: Herod the Great Through Bar Kochba. – 295 p.;
343. Meshorer Y. *City-Coins of Eretz-Israel and the Dekapolis in the Roman Period*. Jerusalem, 1985. – 123 p.;
344. Meyers E. M. *Jesus and His Galilean Context* // *Archaeology and the Galilee: texts and contexts in the Graeco-Roman and Byzantine periods* / Ed. D. R. Edwards. Atlanta: Trinity Press International, 1997. P. 57–66;
345. Meyers E. M. *The early Roman period at Sepphoris: chronological, archaeological, literary, and social considerations* // *Hesed ve-emet: Studies in Honor of Ernest S. Frerichs* / Ed. J. Magness, S. Gitin. Atlanta, 1998. P. 343–355;
346. Meyers E., Meyers C. *Sepphoris* // *OAENE*. 1997. Vol. 4. P. 527–536;
347. Meyers E. M. *The Cultural Setting of Galilee: The Case of Regionalism and Early Judaism* // *ANRW* 2. Bd. 19. Tl. 1. 1979. S. 686–701;
348. Meyers E. M. *Sepphoris on the Eve of the Great Revolt (67-68 C.E.): Archaeology and Josephus* // *Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures*. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 1999. P. 109–122;
349. Meyers E. M., ed. *Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures*. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 1999. – 435 p.;
350. Meyers E. M. *Aspects of Every day Life in Roman Palestine with Special Reference to Private Domiciles and Ritual Baths* // *Jews in the Hellenistic and Roman Cities* / Ed. J. R. Bartlett. New York, 2002. P. 193–220;
351. Meyers E. M. *Sepphoris, City of Peace* // *The First Revolt: Archaeology, History, and Ideology* / Ed. A. Berlin, A. Overman. London, 2002. P. 110–120;
352. Meyers, E. M., Meyers C. L., Netzer E. *Notes and News: Sepphoris* // *IEJ*. 1985. Vol. 35. P. 29;
353. Meyers E. M., Netzer E., Meyers C. L. *Sippori*, 1985 // *Excavations and Surveys in Israel*. 1986. Vol.5. P. 101–104;

354. Meyers E. M., Netzer E., Meyers C. L. *Sepphoris*. Winona Lake, Ind., 1992. – 63 p.;
355. Meyers E. M., Strange J. F. *Archaeology, the Rabbis, and Early Christianity*. Nashville, 1981. – 207 p.;
356. Miller S. S. *Studies in the history and traditions of Sepphoris*. Leiden: Brill, 1984. – 159 p.;
357. Miller S. S. *Sepphoris: The Well Remembered City* // BA. 1992. Vol. 55. P. 74–83
358. Miller S. S. Stepped pools, stone vessels, and other identity markers of «Complex Common Judaism» // JSJ. 2010. Vol. 41. N 2. P. 214–243;
359. Miller S. S. *At the Intersection of Texts and Material Finds: Stepped Pools, Stone Vessels, and Ritual Purity Among the Jews of Roman Galilee*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. – 422 p.;
360. Moreland M. C. *The Inhabitants of Galilee in the Hellenistic and Early Roman Periods: Probes into the Archaeological and Literary Evidence // Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition* / Ed. J. Zangenberg. 2007. Tübingen: Mohr Siebeck, P. 133–159;
361. Moxnes H. *The Construction of Galilee as a Place for the Historical Jesus: Part 1* // *Biblical Theology Bulletin*. 2001. Vol. 31. N 1. P. 26–37;
362. Moxnes H. *The Construction of Galilee as a Place for the Historical Jesus: Part 2* // *Biblical Theology Bulletin*. 2001. Vol. 31. N 2. P. 64–77;
363. Moxnes H. *Constructing the Galilee of Jesus in an Age of Ethnic Identity // The Making of Christianity: Conflicts, Contacts, and Constructions: Essays in Honor of Bengt Holmberg*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2012. P. 147–170;
364. Myers E. A. *The Ituraeans and the Roman Near East: Reassessing the Sources*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 215 p.;
365. Nagy R. M., Meyers C. L., Meyers E. M., Weiss Z., ed. *Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture*. Raleigh: Eisenbrauns, 1996. – 240 p.;
366. Nelson M. C., Overman A. J., Schowalter D. *Horbat 'Omrit—2007 // Hadashot Arkheologiyot-Excavations and Surveys in Israel*. 2008. Vol. 120: hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=729&mag_id=114;
367. Netzer E., Weiss Z. *Zippori*. Jerusalem, 1994. – 71 p.;
368. Netzer E., Weiss Z. *Architectural Development of Sepphoris During the Roman and Byzantine Periods // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods* / Ed. D. R. Edwards, C. Th. McCollough. Atlanta: Trinity Press International, 1997. P. 117–129;

369. Neusner J. *A Life of Rabban Yohanan ben Zakkai* Ca. 1–80 C. E. Leiden: Brill, 1970². - 200 p.;
370. Nodet É. *Jewish Galilee // Handbook for the Study of the Historical Jesus*. Leiden: Brill. 2010. Vol. 4. P. 3221–3243;
371. Nun M. *Ancient Anchorages and Harbours Around the Sea of Galilee*. Ein Gev: Kinnereth Sailing Co., 1988. - 31 p.;
372. Nun M. *The Sea of Galilee and Its Fishermen in the New Testament*. Ein Gev: Kinnereth Sailing Co., 1989. – 64 p.;
373. Oakman D. E. *Jesus and the Economic Questions of His Day*. Lewiston: E. Mellen Press, 1986. – 319 p.;
374. Oakman D. E. *The Archaeology of First-Century Galilee and the Social Interpretation of the Historical Jesus // SBLSP / Ed. E. H. Lovering*. Atlanta, 1994. P. 220–251;
375. Oakman D. E. *Models and archaeology in the social interpretation of Jesus // Social scientific models for interpreting the bible: Essays by the context group in honour of B. J. Malina*. Leiden: Brill, 2001. P. 102–131;
376. Oakman D. E. *Jesus and the Peasants*. Eugene: Cascade, 2008. – 335 p.;
377. Oakman D. E. *The political aims of Jesus*. Johanneshov : MTM, 2012. – 192 p.;
378. Oakman D. E. *Late Second Temple Galilee: Socio-Archaeology and Dimensions of Exploitation in First-Century Palestine // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange*. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P.346–356;
379. Osiek C. *The New Handmaid: The Bible and Social Sciences // Theological Studies*. 1989. Vol.50. N. 2. P. 260–278;
380. Ostmeyer K.-H. *Armenhaus und Räuberhöhle?: Galiläa zur Zeit Jesu // ZNW*. 2005. Bd. 96. S. 147–170;
381. Oswalt J. N. *The Book of Isaiah: Chapters 1–39*. Grand Rapids (Mich.): Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1986. – 759 p.;
382. Ovadiah A.; Tumheim Y. *Roman Temples, Shrines and Temples in Israel*. Rom: Giorgio Bretschneider, 2011. – 128 p.;
383. Overman J. A. *Who were the First Urban Christians?: Urbanization in Galilee in the First Century / Ed. J. A. Overman // SBLSP*. 1988. Vol. 124. N 27. P. 160–168;
384. Overman J. A. *Jesus of Galilee and the Historical Peasant // Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / Ed. D. R. Edwards*. Atlanta: Trinity Press International, 1997. P. 67–73;

385. Patterson J. R. Settlement, City, and Elite in Samnium and Lycia // *City and Country in the Ancient World* / Ed. J. Rich, A. Wallace-Hadrill. London; New York: Routledge, 1992². P. 150–172;
386. Pfann S., Voss R., Rapuano Y. Surveys and Excavations at Nazareth Village Farm (1997–2002): Final Report // *Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society*. 2007. Vol. 25. P. 19–79;
387. Qedar S. Weights of Antipas and Agrippa II // *INJ*. 1986–1987. Vol. 9. P. 29–35;
388. Rappoport U. How Anti-Roman was the Galilee // *Galilee in the Late Antiquity*. New York, 1992. P. 95–101;
389. Rappoport U. The Galilee between the Hasmonean Revolt and the Roman Conquest // *Jews and Judaism in the Second Temple, Mishna and Talmud Period: Studies in Honor of Shmuel Safrai* / Ed. I. Gafni, A. Oppenheimer, M. Stern. Jerusalem, 1993. P. 16–30;
- 390.** Raynor J. T., Meshorer Y., Hanson R. S. *The Coins of Ancient Meiron*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1988. – 140 p.;
391. Reed J. L. *The Population of Capernaum: The Institute for Antiquity and Christianity, Occasional Papers 24*. Claremont: Inst. for Antiquity and Christianity, 1992;
392. Reed J. L. Population Numbers, Urbanization, and Exonomics: Galilean Archaeology and the Historical Jesus // *Society of Biblical Literature: Seminar Papers* / Ed. E. Lovering, Jr. Atlanta, 1994. Vol. 33. P. 203–219;
393. Reed J. L. Galileans, «Israelite Village Communities», and the Sayings Gospel Q // *Galilee through the Centuries: Confluence of Cultures* / Ed. E. M. Meyers. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 1999. P. 87–108;
394. Reed J. L. *Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-Examination of the Evidence*. Harrisburg (Penn.): Scholars Press, 2000. – 257 p.;
395. Reed J. L. Stone Vessels and Gospel Texts: Purity and Socio-Economics in John 2 // *Zeichen aus Text und Stein. Studien auf dem Weg zu einer Archäologie des Neuen Testaments* / Hrsg. S. Alkier, J. Zangenberg. Tübingen: Francke, 2003. P. 381–401;
396. Reed J. L. Instability in Jesus' Galilee: A Demographic Perspective // *JBL*. 2010. Vol. 129. N 2. P. 343–365;
397. Reed J. L. Mortality, Morbidity, and Economics in Jesus' Galilee // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods* / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1. P. 236–246;

398. Richardson P. First-Century Houses and Q's Setting // *Christology, Controversy and Community: New Testament Essays in Honour of D. R. Catchpole* / Ed. D. G. Horrell, Chr. M. Tuckett. Leiden: Brill, 2000. P. 63–83;
399. Richardson P. What has Cana to do with Capernaum? // *NTS*. 2002. Vol. 48. N 3. P. 314–331 (=idem. *Building Jewish in the Roman East*. Waco: Brill Academic Publishers, 2004. P. 91–107, 351–354);
400. Richardson P. Khirbet Qana (and Other Villages) as a Context for Jesus // Idem. *Building Jewish in the Roman East*. Waco: Brill Academic Publishers, 2004. P. 55–72;
401. Richardson P. Khirbet Qana's Necropolis and Ethnic Questions // *The Archaeology of Difference: Gender, Ethnicity, Class and the «Other» in Antiquity: Studies in Honor of E. M. Meyers* / Ed. D. R. Edwards, C. T. McCollough. Boston, 2007. P. 257–266;
402. Richardson P., Edwards D. R. Jesus and Palestinian Social Protest: Archaeological and Literary Perspectives // *Handbook of Early Christianity: Social Science Approaches* / Ed. A. J. Blasi, J. Duhaime, P.-A. Turcotte. Walnut Creek: AltaMira Press, 2002. P. 247–266;
403. Robinson J. M., Koester H. *Trajectories Through Early Christianity*. Philadelphia: Wipf & Stock, 1971. – 297 p.;
404. Root B. W. *From Antipas to Agrippa II: Galilee in the First-Century CE*: Diss. San Diego, 2009. – 378 p.;
405. Root B. W. *First Century Galilee: A Fresh Examination of the Sources*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. – 232 p.;
406. Rost P. *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III nach den Papierabklatschen und Originalen des britischen Museums*. Leipzig: E. Pfeiffer, 1893. Bd. 1;
407. Rottloff A. *Pre-Roman, Roman and Islamic Glass from Bethsaida* // *Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee*. Kirksville: Truman State University Press, 2009. Vol. 4 204–251;
408. Runesson A. *The Origins of the Synagogue: A Socio-Historical Study*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2001. – 573 p.;
409. Runesson A. *Architecture, Conflict, and Identity Formation: Jews and Christians in Capernaum from the First to the Sixth Century* // *Religion, Ethnicity, and Identity in Fncient Galilee: A Region in Transition* / Ed. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 231–257;
410. Rutgers L. V. *Some Reflections on the Archaeological Finds from the Domestic Quarter on the Acropolis of Sepphoris* // *Religious and Ethnic Communities in Later Roman Palestine* / Ed. H. Lapin. Maryland: University Press of Maryland, 1998. P. 179–193;

411. Rutgers L. V. Incense shovels at Sepphoris? // *Galilee through the centuries: Confluence of cultures* / Ed. E. M. Meyers. Winona Lake (Ind.): Eisenbrauns, 1999. P. 177–198;
412. Safrai Z. Urbanization and Industry in Mishnaic Galilee // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods* / Ed. D. A. Fiensy; J. R. Strange. Minneapolis: Fortress, 2014. Vol. 1: *Life, Culture, and Society*. P. 264–288;
413. Sanders E. P. *Jesus and Judaism*. London: SCM Press, 1985. – 444 p.;
414. Sanders E. P. *Paulus und das palästinische Judentum*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. – 737 S.;
415. Savage C. Supporting Evidence for a First-Century Bethsaida // *Religion, Ethnicity, and Identity in Ancient Galilee: A Region in Transition* / Ed. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 193–206;
416. Savage C. *Biblical Bethsaida: An Archaeological Study of the First Century*. Lanham: Lexington Books, 2011. – 195 p.;
417. Sawicki M. *Crossing Galilee: Architectures of Contact in the Occupied Land of Jesus*. Harrisburg: Trinity, 2000. – 260 p.;
418. Segal A. *Theatres in Roman Palestine and Provincia Arabia*. Leiden: Brill, 1995. – 159 p.;
419. Segal A. *From Function to Monument*. Oxford: Oxbow, 1997. – 184 p.;
420. Segal A. *Theaters* // *OEANE*. 1997b. Vol. 5. P. 199–203;
421. Segal A. *Horvat Susita* // *HA*. Vol. 113 [2001]. P. 14–18;
422. Segal A. *Horbat Susita [A]* // *HA*. 2002. Vol. 114. P. 5–8
423. Segal A. et al. *5th Season of Excavations (Sept.—Oct., 2004) and Summary of All 5 Seasons (2000—2004)*. Haifa, 2004;
424. Schiffman L. H. Was there a Galilean Halakhah? // *The Galilee in Late Antiquity* / Ed. L. I. Levine. New York; Jerusalem: Harvard U.P., 1992. P. 143–156;
425. Schröter J. *Jesus von Nazaret. Jude aus Galiläa - Retter der Welt*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2006. – 383 S.;
426. Schröter J. *Jesus aus Galiläa: Die Herkunft Jesu und ihre Bedeutung für das Verständnis seiner Wirksamkeit* // *Jesus und die Archäologie Galiläas* / Hg. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn: Neukirchen Verlag, 2008. S. 245–270;
427. Schröter J. *Jesus der Galiläer: Die Wechselwirkung zwischen galiläischer Umwelt und Botschaft in der Verkündigung des Nazareners* // *Bauern, Fischer und Propheten: Galiläa zur Zeit Jesu*. Darmstadt: Philipp Von Zabern Verlag, 2012. S. 41–62;

428. Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Bd. 1. Leipzig, 1901³; Bd. 2. Leipzig, 1907⁴. – 265 S.;
429. Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C.—A.D. 135) / Ed. G. Vermes F. Millar, M. Black. Edinburgh: T. & T. Black, 1973. Vol. 1; 1979. Vol. 2. – 619 p.
430. Schwartz J. J. Archeology and the City // Sperber D. The City in Roman Palestine. New York; Oxford: Univ. Press, 1998. P. 149–187;
431. Skupinska-Løvset I. The Temple Area of Bethsaida: Polish Excavations on et-Tell in the Years 1998–2000. Łódź: Łódź University Press, 2006. – 191 p.;
432. Shanin T. Peasantry: Delineation of a Sociological Concept and Field of Study // European Journal of Sociology. 1971. Vol. 12. P. 289–300;
433. Slane K. W. The Fine Wares // Tel Anafa I, i: Final Report on Ten Years of Excavation at a Hellenistic and Roman Settlement in Northern Israel / Ed. S. C. Herbert. Ann Arbor: Kelsey Museum of the University of Michigan, 1994. P. 247–393;
434. Stegemann E. W., Stegemann W. Urchristliche Sozialgeschichte: Die Anfänge im Judentum und die Christusgemeinden in der mediterranen Welt. Stuttgart; Berlin; Köln: W. Kohlhammer, 1995. – 430 S.;
435. Stegemann W. The Jesus Movement: A Social History of its First Century / Trans. O. C. Dean. Minneapolis: Fortress, 1999. – 537 p.;
436. Strange J. F. Six Campaigns at Sepphoris: The University of South Florida Excavations, 1983–1989 // The Galilee in Late Antiquity / Ed. L. I. Levine. N. Y.; Jerusalem: Harvard U.P., 1992a. P. 339–356;
437. Strange J. F. Some Implications of Archaeology for New Testament Studies // What has Archaeology to Do With Faith? / Ed. J. H. Charlesworth, W. P. Weaver. Philadelphia: Trinity Press International, 1992b. P. 23–59;
438. Strange J. F. The Eastern Basilical Building // Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture / Ed. S. R. M. Nagy et al. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. P. 117–121;
439. Strange J. F. First-Century Galilee from Archaeology and from the Texts // SBLSP. 1994. Vol. 130. P. 81–90 (= Archaeology and the Galilee: Texts and Contexts in the Graeco-Roman and Byzantine Periods / Ed. D. Edwards. Atlanta: Trinity Press International, 1997. P. 39–48);
440. Strange J. F., Groh D. E., Longstaff Th. R. W. Sepphoris (Sippori), 1987* // IEJ. 1988. Vol. 38. P. 188–190;
441. Strange J. F., Groh D. E., Longstaff Th. R. W. Zippori, 1991 // Excavations and Surveys in Israel. 1993. Vol. 13. P. 29–31;

442. Strange J. F., Groh D. E, Longstaff Th. R. W. Sepphoris, 1996* // IEJ. 1999a. Vol. 49. P. 122-123;
443. Strange J. F., Groh D. E, Longstaff Th. R. W. Sepphoris, 1998* // IEJ. 1999c. Vol. 49. P. 126-128.
444. Strange J. F., Groh D. E., Longstaff Th. R. W. Excavations At Sepphoris: Volume 1: University of Florida Probes in the Citadel and Villa. Leiden: Brill, 2006. – 373 p.;
445. Strange J. F., Longstaff T. R. W. Sepphoris, 1983 // IEJ. 1984. Vol. 34. P. 52;
446. Strange J. F., Longstaff Th. R. W. Sepphoris (Sippori), 1986 (II)* // IEJ. 1987. Vol. 37. P. 278-280;
447. Strickert F. M. Bethsaida: Home of the Apostles. Collegeville: Liturgical Press, 1998. – 187 p.;
448. Syon D. Gamla, City of Refuge // The First Jewish Revolt: Archaeology, History and Ideology / Ed. A. Berlin, J. A. Oveman. London; New York: Routledge, 2002. P. 134-153;
449. Syon D. Tyre and Gamla: A Study in the Monetary Influence of Southern Phoenicia on Galilee and the Golan in the Hellenistic and Roman Periods: Diss. Jerusalem, 2004. – 409 p.;
450. Syon D. Small Change in Hellenistic-Roman Galilee: The Evidence from Numismatic Site Finds as a Tool for Historical Reconstruction. Jerusalem: Israel Numismatic Society, 2015. – 288 p.;
451. Syon D., Nemlich Sh. Gamla. Qazrin, 2001;
452. Syon D., Yavor Z. Gamla 1997-2000 // Hadashot Arkheologiyot - Excavations and Surveys in Israel. 2002. Vol. 114. P. 2*—5*;
453. Tadmor H. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria: Critical Edition, with Introductions, Translations, and Commentary. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994. - 317 p.;
454. Taylor J. E. Christians and the Holy Places. The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford: Oxford University Press, 1993. – 387 p.;
455. Tessaro T. Hellenistic and Roman Ceramic Cooking Ware from Bethsaida // Bethsaida: A City by the North Shore of the Sea of Galilee / Ed. R. Arav, R. A. Freund. Kirkville: Truman State University Press, 1995. Vol. 1. P. 127–139;
456. Theißen G. Studien zur Soziologie des Urchristentums. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1989. – 399 S.;
457. Theißen G., Merz A. Der historische Jesus: Ein Lehrbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – 572 S.;

458. Thiel W. M. Studien zum hellenistischen Siedlungswesen in Palästina und Transjordanien: historische und archäologische Untersuchungen zur städtebaulichen Entwicklung ausgewählter Siedlungen unter den Ptolemäern und Seleukiden. München: Verl. Dr. Hut, 2007. – 452 S.;
459. Tsafir Y. More Evidence for the Cult of Zeus Akraios at Beth-She'an // *Eretz-Israel*. Jerusalem, 1987. Vol. 19. P. 81 [English summary], 282–283 [Hebrew];
460. Ussishkin D. Megiddo // *OEANE*. Vol. 3. P. 467-468;
461. Vaage L. E. Q: The Ethos and Ethicsofan Itinerant Intelligence: Diss. Claremont Graduate School. Waco, 1987. – 492 p.;
462. Vermes G. *Jesus the Jew: A Historian's Reading of the Gospels*. London: SCM Press, 1973, 1983². – 286 p.;
463. Wachsmann Sh. *The Sea of Galilee Boat: An Extraordinary 2000 Year Old Discovery*. New York: Plenum Press, 1995. – 419 p.;
464. Walid A. Tiberias, Roman Theatre: Preliminary Report // *Hadashot Archaeologiyot*. 2010. Vol. 122. http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=1381&mag_id=117;
465. Wallace-Hadrill A. *Houses and Society in Pompeii and Herculaneum*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – 245 p.;
466. Waterman L. Preliminary Report of the University of Michigan Excavations At Sepphoris, Palestine in 1931. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1937. – 86 p.;
467. Weber T. M. Gadara — Umm Qes: Gadara Decapolitana: Untersuchungen zur Topographie, Geschichte, Architektur und der Bildenden Kunst einer «Polis Hellenis» im Ostjordanland. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. – 397 S.;
468. Weber Th. M. Gadara and the Galilee // *Religion, ethnicity, and identity in ancient Galilee: A region in transition* / Ed. J. Zangenberg. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. P. 449–477;
469. Weippert M. Eine phönizische Inschrift aus Galiläa // *ZDPV*. 1999. Bd. 115. S. 163–187, 191–200;
470. Weiss Z., Netzer E. Zippori, 1990/1991 // *ESI*. 1993. Vol. 12. P. 13–15;
471. Weiss Z. Sepphoris // *NEAEHL*. 1993. Vol. 4. P. 1324–1328;
472. Weiss Z. Buildings for Entertainment // Sperber D. *The City in Roman Palestine*. New York; Oxford: Univ. Press, 1998. 77–91;
473. Weiss Z. Adopting a Novelty: The Jews and the Roman Games in Palestine // *The Roman and Byzantine Near East* / Ed. J. H. Humphrey.; Portsmouth: Cushing-Malloy Inc., 1999. Vol. 2. P. 23–50;
474. Weiss Z. Sepphoris // *NEAEHL*. 2008. Vol. 5. 2029–2035;

475. Weiss Z. Excavations and Surveys: Sepphoris (Sippori), 2008 // IEJ. 2009. Vol. 59. N. 1. P. 101–112;
476. Weiss Z. Notes and News: Excavations and Surveys: Sepphoris (Sippori), 2009 // IEJ. 2010. Vol. 60. N. 1. P. 98–107;
477. Weiss Z., Netzer E. Hellenistic and Roman Sepphoris: the Archaeological Evidence // *Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture* / Ed. R. M. Nagy, C. L. Meyers, E. M. Meyers, Z. Weiss. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. P. 29–37;
478. Wilson J., Tzaferis V. Banias Dig Reveals King's Palace // BAR. 1998. Vol. 24. N 1 (Jan-Feb). P. 54–61;
479. Zangenberg J. Reassessing the Bethsaida Identification // BAR. 2000. Vol. 26. N. 3. P. 10–12;
480. Zangenberg J. Magdala am See Gennesaret Überlegungen zur sogenannten «minisynagoga» und einige andere Beobachtungen zum kulturellen Profil des Ortes in neutestamentlicher Zeit. Waltrop: Spenner, 2001. – 81 S.;
481. Zangenberg J. Das Galiläa des Josephus und das Galiläa der Archäologie: Tendenzen und Probleme der neueren Forschung // *Josephus und das Neue Testament: Wechselseitige Wahrnehmungen. II. Internationales Symposium zum Corpus Judaeo-Hellenisticum, 25.-28. Mai 2006* / Hrsg. Chr. Böttrich. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. P. 265–294;
482. Zangenberg J. «Common Judaism» and the Multidimensional Character of Material Culture // *Redefining First-Century Jewish and Christian Identities*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008. P. 175–193;
483. Zangenberg J. Observations on the Function, Character and Localization of the New Testament Toponym Gennesaret (Mark 6:53; Matthew 14:34) // *Jesus, Paul, and Early Christianity*. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 439–470;
484. Zangenberg J. Jesus–Galiläa–Archäologie: Neue Forschungen zu einer Region im Wandel // *Jesus und die Archäologie Galiläas* / Ed. C. Claußen. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2008. S. 7–38;
485. Zangenberg J. Archaeological News from the Galilee: Tiberias, Magdala and Rural Galilee // *Early Christianity*. 2010. Vol. 1. N 3. P. 471–484.
486. Zangenberg J. Jesus der Galiläer und die Archäologie: Beobachtungen zur Bedeutung der Archäologie für die historische Jesusforschung // *Münchener Theologische Zeitschrift*. 2013. Bd. 64. N. 2. S. 123–156;

487. Zangenberg J., Busch P. Hippos und Gadara — Ein Hauch von Welt am See // Leben am See Gennesaret: Kulturgeschichtliche Entdeckungen in einer biblischen Region / Hrsg. G. Fassbeck. Mainz am Rhein: Von Zabern, 2003. S. 117–129;

488. Zapata Meza M. Neue mexikanische Ausgrabungen in Magdala: Das Magdala Archaeological Project // Bauern, Fischer und Propheten: Galiläa zur Zeit Jesu / Hg. J. K. Zangenberg, J. Schröter. Darmstadt: Philipp Von Zabern Verlag, 2012. S. 85–98;

489. Zeitlin S. The Amhaarez // JQR. 1932. Vol. 23. P. 45–61.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Иллюстрации

Рисунок 1. «Грубая галилейская посуда»

Мицпе-Йаммим и галилейская Беэр-Шева

Рисунок 2. Храм в Мицпе Йаммим

Рисунок 3. Вид с горы Мицпе Йаммим

Рисунок 4. Тройная статуэтка Осириса, Исиды и Гора из зеленого аспида, найденная в Мицпе Йаммим

Рисунок 5. Бронзовая статуэтка Осириса

Рисунок 6. Бронзовая статуэтка быка Аписа

Рисунок 7. Фрагмент статуэтки из галилейской Беэр-Шевы

Рисунок 8. Иродианские светильники I в. по Р.Х. (из Гамлы)

Рисунок 9. Иродианские светильники I в. по Р.Х. (из Гамлы)

Рисунок 10. Волнолом, найденный в 2010 г., с каменными уключинами для швартовки кораблей.

Рисунок 11. Раскопки синагоги I в.

Рисунок 12. Обратная сторона декорированного камня, предположительно основы для стола, на котором лежал свито Торы (копия)

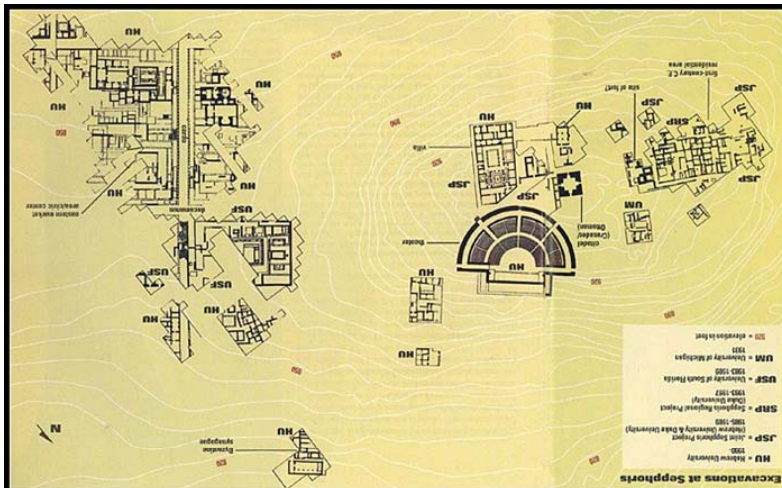

Рисунок 14. План раскопок в Сепфорисе, состояние на 2000 г.

Рисунок 15. Сепфорис: Вид на жилой квартал на западном склоне акрополя.

Рисунок 16. Миквы в жилом квартале Сепфориса

Рисунок 17. Совочек для благовоний, найденный в Сепфорисе

Рисунок 18. Театр Сепфориса

Рисунок 19. Мозаичный пол базилики на восточном склоне.

Рисунок 20. Сепфорис. Декуманус II в. по Р.Х.

Рисунок 21. Сепфорис. Пересечение кардо и декумануса. Часть восточной базилики.

Рисунок 22. Сепфорис: Иродианская кладка стены восточной базилики

Рисунок 23. Иродианская кладка в базилике на восточном склоне.

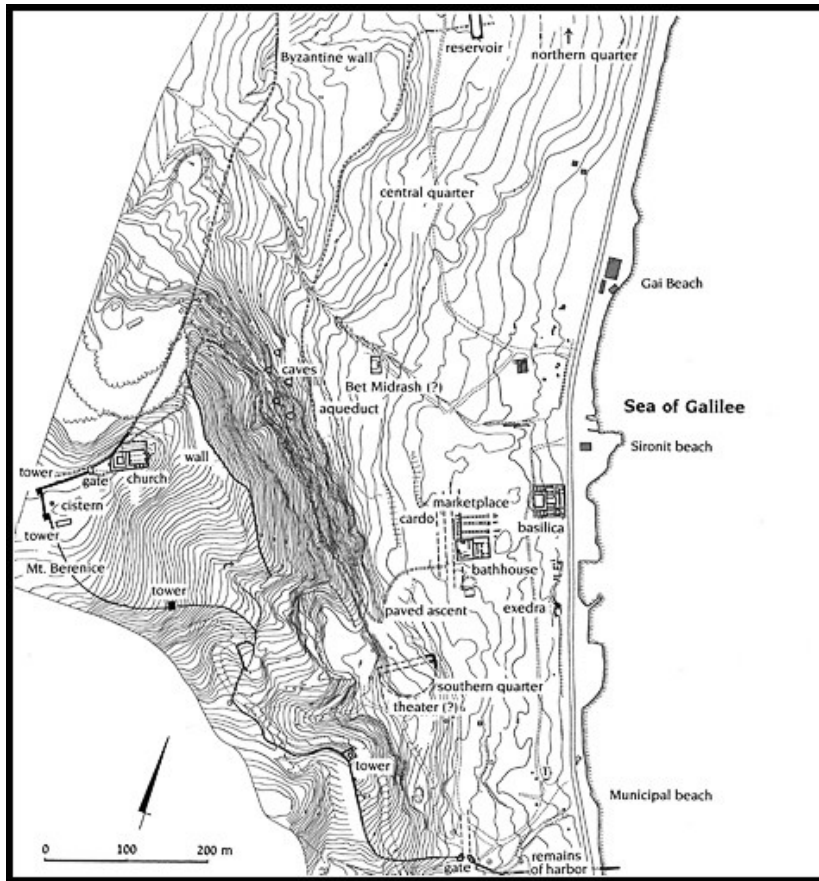

Рисунок 24. План древней Тивериады

Рисунок 25. Южные ворота Тивериады.

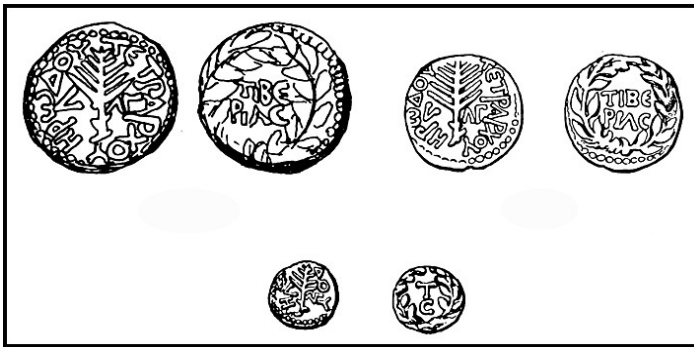

Рисунок 26. Монеты Антипы с надписью «Тивериада»

Рисунок 27. Каменная база восточной башни ворот, вид на север (справа стена византийского периода)

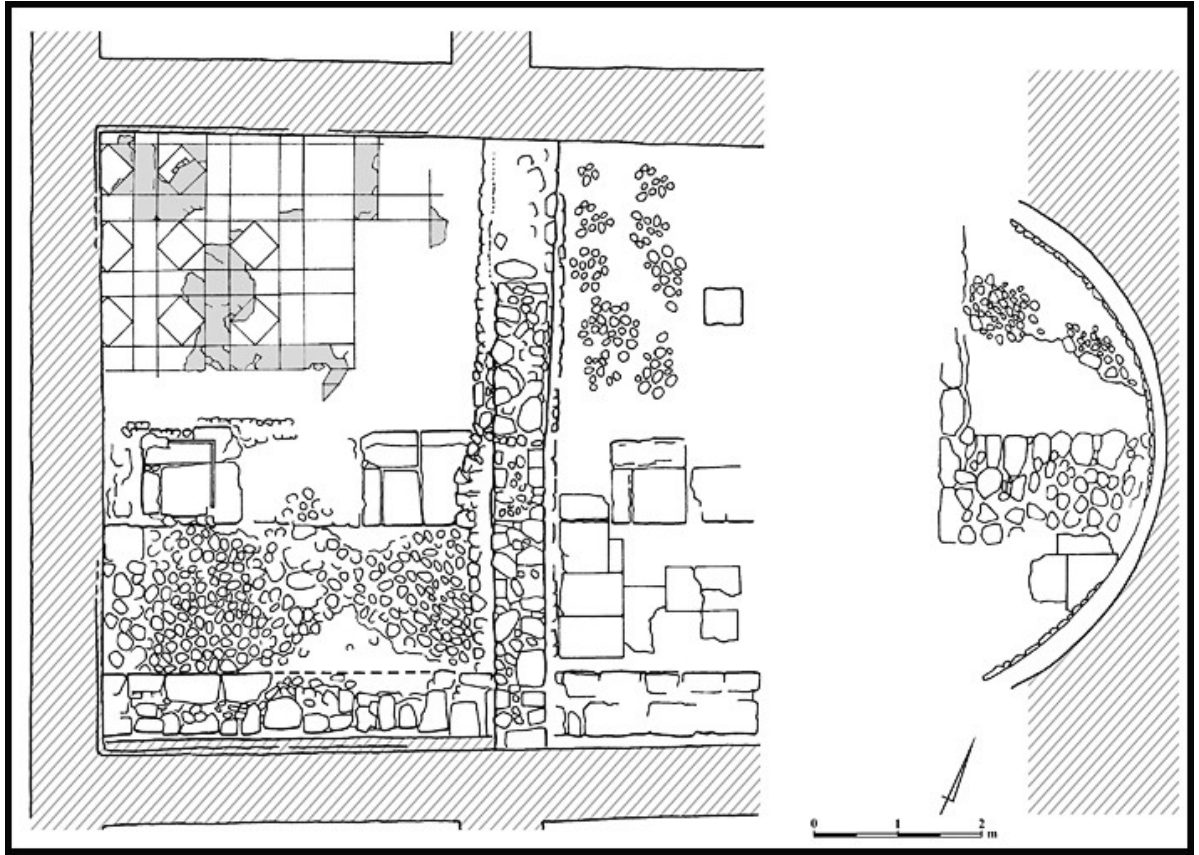

Рисунок 28. План локусов 525 и 526

Рисунок 29. Локусы 525 и 526, где были найдены остатки мозаичного пола иродианского времени

Рисунок 30. Остатки напольной иродианской мозаики

Рисунок 31. Остатки мраморного пола

Рисунок 32. Остатки слоя пожара

Рисунок 33. Фрагмент стены стадиона Тивриады

Рисунок 34. Часть стены стадиона

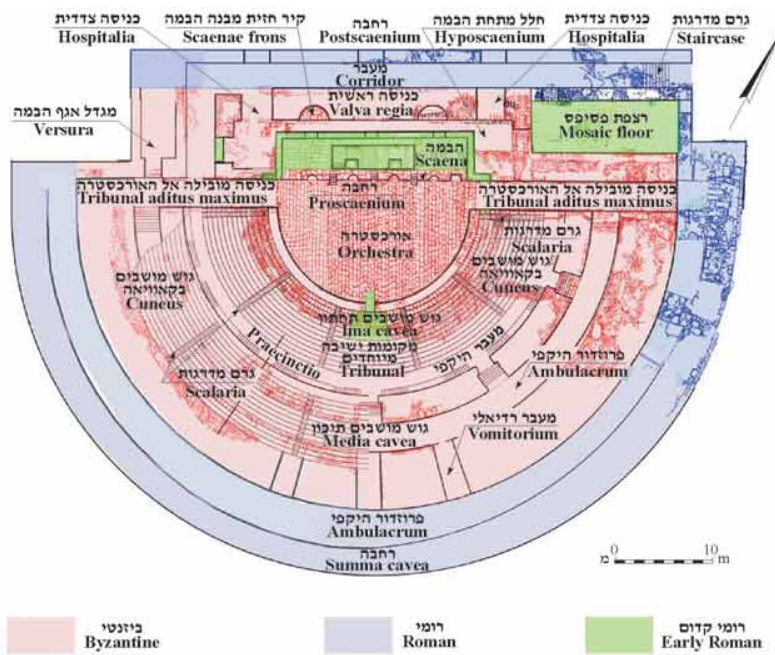

Рисунок 35. План тетра Тивериады с указанием фаз строительства

Рисунок 36. Орхестра и часть сцены. Вид с северо-востока.

Рисунок 37. Вид с г. Береники на место раскопок

Рисунок 38. Фрагмент фрески с белым рисунком

Рисунок 39. Общий вид южного склона холма Йодфата

Рисунок 40. Цветные панели жилой комнаты в «Доме с фресками» (Йодфат)

Рисунок 41. Миква в жилом квартале Йодфата

Рисунок 42. Остатки гончарного горна в Йодфате

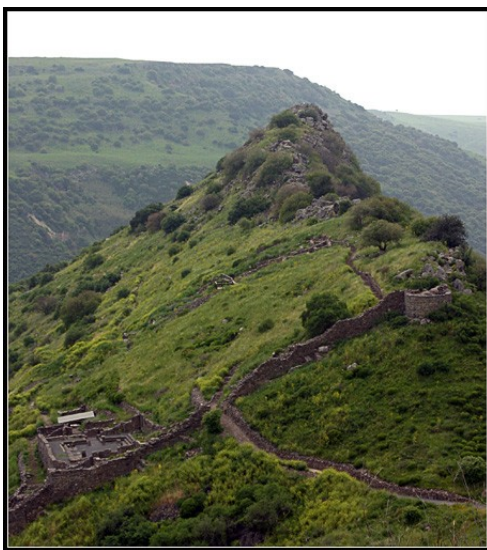

Рисунок 43. Общий вид на Гамлу

Рисунок 44. Синагога I в. с каменными лавками по периметру. Гамла

Рисунок 45. Монеты Ирода Антипы из Гамлы (Музей Голан)

Рисунок 46. Клад из 27 серебряных монет (Гамла)

Рисунок 47. Жерновой камень пресса для производства оливкового масла. Гамла

Рисунок 48. Вид от «Дома Петра» на синагогу. Капернаум

Рисунок 49. Капернаумская синагога византийского времени

Рисунок 50. Нижний базальтовый фундамент синагоги (возможно остатки здания I в.)

Рисунок 51. Октагональная церковь под современной церковью. Капернаум